

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

НАЦИОНАЛИЗМ
В ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКЕ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ТЕЧЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

НАЦИОНАЛИЗМ
В ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКЕ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ТЕЧЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

Работа написана авторским коллективом:

Введение, Главы I и VI	—	А. Ф. ШУЛЬГОВСКИЙ
Глава II	—	Э. С. ДАБАГЯН
Глава III, § 1	—	И. Е. ШОКИНА
Глава III, § 2	—	С. И. СЕМЕНОВ
Глава III, § 3	—	Э. Э. ЛИТАВРИНА
Глава IV, § 1	—	Н. Т. ПОЯРКОВА
Глава IV, § 2	—	А. К. СТЕЦЕНКО
Глава IV, § 3	—	Т. Б. ГОНЧАРОВА, Е. Б. АНИКИНА
Глава V, § 1, 2	—	В. П. АНДРОНОВА
Глава V, § 3	—	И. Ф. ГЛУШКО
Глава VII, § 1	—	Т. В. ГОНЧАРОВА
Глава VII, § 2	—	А. К. СТЕЦЕНКО
Глава VII, § 3	—	С. И. СЕМЕНОВ
Глава VII, § 4	—	С. И. СЕМЕНОВ, И. Е. ШОКИНА
Глава VII, § 5	—	Н. С. КОНСТАНТИНОВА
Глава VIII	—	Н. С. КОНОВАЛОВА
Глава IX	—	В. А. ЦАРЕГОРОДЦЕВ

Научно-вспомогательная работа выполнена

Н. П. КОМИНОВОЙ, Н. С. КОНОВАЛОВОЙ, Т. И. ЮДИНОЙ

Редакционная коллегия

А. Ф. ШУЛЬГОВСКИЙ (отв. редактор),
Е. В. ДЕДУШКИНА, С. И. СЕМЕНОВ

На основе большого фактического материала в книге дан марксистско-ленинский систематизированный анализ основных политических и идеологических течений в современном национализме латиноамериканских стран, показана борьба латиноамериканских коммунистов против националистических теорий, препятствующих созданию широкого антиимпериалистического единства. Особое место уделено критике различного рода националистических левацких, троцкистских теорий.

На XXV съезде КПСС с большой силой прозвучала мысль об углублении мирового революционного процесса, усилении его воздействия на все стороны жизни современного общества. «Мы живем в эпоху коренных социальных перемен, продолжают укрепляться и шириться позиции социализма,— говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС на съезде Л. И. Брежнев.— Победы национально-освободительного движения открывают новые горизонты перед странами, завоевавшими независимость. Нарастает классовая борьба трудящихся против гнета монополий, против эксплуататорских порядков. Приобретает все большие масштабы революционно-демократическое, антиимпериалистическое движение. Все это в целом означает развитие всемирного революционного процесса»¹.

Освободительное движение в Латинской Америке — важное звено мирового революционного процесса. В этом регионе разворачивается упорная, ожесточенная борьба между силами демократии, социального прогресса и силами реакции, контрреволюции. Эта борьба затронула все стороны жизни латиноамериканского общества, она ведется как в области экономической, социальной, так и в политической, идеологической.

Немаловажное значение для понимания этой борьбы, ее направленности, сил, в ней участвующих, имеет анализ идеологии национализма, его разновидностей.

Дело в том, что в условиях обострения политической и идеологической борьбы в Латинской Америке различные социальные классовые силы берут на свое вооружение идеологию национализма. Сам факт обращения к национализму представителей различных социальных и политических течений предопределяет наличие весьма пестрой конгломерации его форм, многообразие и противоречивость идеологических теорий и концепций. Авторский коллектив стремился проанализировать классовую, социальную

сущность этих форм национализма, показать их место и роль в идеологической борьбе, развертывающейся в латиноамериканских странах. Без такого анализа трудно понять своего рода «националистический бум», который за последнее время наблюдается в Латинской Америке, «служебную», если так можно выразиться, роль многих националистических теорий.

Ныне национализм становится главным оружием в руках наиболее экстремистски настроенных кругов латиноамериканской финансово-промышленной олигархии, латифундистов, выступающих в тесном альянсе с империализмом. Апеллируя к национализму, противопоставляя его передовой революционной идеологии, объявленной ими «антинациональной теорией», правоэкстремистские силы стремятся воспрепятствовать росту влияния в странах Латинской Америки идей марксизма-ленинизма, научного социализма, не останавливаясь во имя достижения этих целей перед самыми зверскими методами подавления освободительного, антиимпериалистического движения. Примером этому могут служить действия фашиствующих чилийских контрреволюционеров, под флагом самого разнузданного шовинистического национализма чинящих расправу над прогрессивными силами.

«Опыт революционного движения последних лет,— подчеркивал в своем докладе на XXV съезде Л. И. Брежнев,— наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников,— империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов попать и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности»².

К националистическим лозунгам широко прибегают и представители тех кругов местной буржуазии стран Латинской Америки, которые, стремясь укрепить свои позиции внутри страны и расширить свое деловое сотрудничество со всеми странами мира, вступают в противоречия с империализмом, встают в ряде случаев на путь национализации природных богатств своих стран.

За последнее время все более отчетливо проявляется своеобразная интеграция различных форм и разновидностей буржуазного национализма. Сейчас идеология буржуазного национализма в Латинской Америке все явственнее выступает как своего рода идеологическое прикрытие модернизаторской политики правящих кругов ряда латиноамериканских стран, стремящихся на путях «улучшения» капитализма — нередко с помощью форм государственно-монополистического капитализма — избежать революционного выхода из структурного кризиса латиноамериканского общества, который является не чем иным, как глубочайшим кризисом всей системы зависимого капитализма.

В то же время националистические лозунги зачастую берут на вооружение различные мелкобуржуазные течения. Для мелкобуржуазного национализма, нередко испытывающего влияние

лѣвых экстремистов, троцкистов и неотроцкистов, характерно тяготение к ультралевой, «сверхреволюционной» фразе, приверженность к теории «особой революционности третьего мира», спекуляций на постулатах о «двух сверхдержавах» и т. д. Сторонники подобнаго рода взглядов, выступающие с позиций мелкобуржуазнаго революционаризма, по сути дела смыкаются с буржуазными националистами.

Под влиянием обострения классовой, социальной борьбы, углубления освободительнаго движения в странах Латинской Америки возникают левонационалистические течения, теории, концепции, которые несут на себе отпечаток влияния растущих антикапиталистических настроений в рядах непролетарских слоев населения и даже идей научнаго социализма. Такого рода настроения со все большею очевидностью проявляются в массовых политических движениях националистическаго типа, например в аргентинском перонизме, а также в демохристианских кругах, в среде военных. Понимание специфики и особенностей переориентации тех или иных социальных сил на более левые, антиимпериалистические, патриотические и даже антикапиталистические позиции и роли в этом процессе многообразных «переходных» форм националистической идеологии, например «революционнаго национализма», имеет чрезвычайно актуальное значение для борьбы революционнаго авангарда латиноамериканскаго общества за создание широких антиимпериалистических фронтов и коалиций, для разработки стратегии и тактики борьбы за союзников пролетариата. Поэтому авторский коллектив уделяет в своем исследовании большое внимание диалектике развития идеологии и политике левонационалистических течений, их эволюции в сторону боеваго антиимпериализма, революционнаго демократизма. Необходимость всестороннего исследования этой проблематики объясняется также тем, что такой подход позволяет более глубоко понять место и значение элементов национализма в идеологии освободительнаго, антиимпериалистическаго движения, показать неадекватность, неидентичность этих двух явлений. Иными словами, нет никакого основания, как это нередко делают идеологи национализма, ставить знак равенства между данными двумя понятиями, считать именно национализм своего рода мотором идеологии освободительнаго движения. Опыт национально-освободительнаго движения убедительно свидетельствует о том, что на первый план в его идеологии выдвигаются элементы научной, передоваго революционнаго теории, которые оказывают благотворное влияние на эволюцию взглядов и позиций сил, хотя и выступающих под националистическими лозунгами, но ищущих новых путей в борьбе за освобождение от империалистической зависимости.

В таком плане чрезвычайно большое значение имеет теоретическая и практическая деятельность компартий стран Латинской Америки, их борьба против всех форм проявления буржу-

азного национализма, связанных с ним левацких националистических взглядов и концепций. Одновременно с этой борьбой коммунисты выступают за расширение и укрепление сотрудничества с левонационалистическими течениями, ведут с ними конструктивный, дружеский диалог, стимулируя эволюцию представителей этих течений в сторону революционного демократизма, патриотизма. Коммунисты считают, что в ходе совместной борьбы создаются благоприятные условия для сближения позиций антиимпериалистически настроенных националистов с позициями наиболее последовательных революционных сил. Это сближение, подчеркивают коммунисты, не должно происходить на основе идейных уступок, подлаживания под настроения и взгляды националистов. Принципиально твердая, но гибкая, творческая позиция — вот путь сближения и конструктивного диалога.

Авторский коллектив при написании работы основывался на изучении богатейшего марксистско-ленинского идейного наследия по данной проблематике. Принципиально классовое отношение марксистов к буржуазному национализму как общественному явлению было сформулировано В. И. Лениным: «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два мирозозерцания) в национальном вопросе»³.

Эту свою мысль В. И. Ленин неоднократно высказывал и обосновывал на страницах своих работ, подчеркивая, что марксисты ведут решительную борьбу с национализмом во всех его видах⁴. Вместе с тем В. И. Ленин настойчиво подчеркивал необходимость конкретно-исторического подхода к оценке национализма, к его разнообразным типологическим формам и разновидностям. По его словам, «никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой»⁵. Указывая на коренную противоположность научного социализма и национализма, В. И. Ленин в то же время призывал революционеров отличать сущность националистической идеологии от конкретно-исторического содержания национализма, которое может нести в себе демократические, прогрессивные, патриотические элементы. Определяя позицию марксистов в отношении подобного рода конкретно-исторических типов национализма, В. И. Ленин писал: «В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы *безусловно* поддерживаем...»⁶ Вместе с тем В. И. Ленин требовал от марксистов, чтобы они при любых условиях занимали самостоятельную, классовую позицию. «*Поскольку* буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, — писал В. И. Ленин, — *постольку* мы всегда и во всяком

случае и решительнее всех *за*, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за *своей* буржуазный национализм, мы против»⁷. В. И. Ленин с особой настойчивостью обращал внимание революционеров на то обстоятельство, что «содействовать буржуазному национализму *за* этими, строго ограниченными, в определенные исторические рамки поставленными пределами — значит изменять пролетариату и становиться на сторону буржуазии. Тут есть грань, которая часто бывает очень тонка...»⁸.

Основываясь на богатейшем ленинском идейном наследии, советские исследователи за последнее время создали немало интересных, фундаментальных трудов, в которых дается анализ современного национализма, его разновидностей и форм, особенностей проявления национализма в освободительных, революционных процессах⁹. Эти разновидности и формы рассматриваются не в статике, а в эволюции под воздействием самых различных факторов как внутренней, так и международной жизни. Большое внимание уделяется национализму зависимых, развивающихся стран, в котором в той или иной степени существуют определенные прогрессивные патриотические элементы. В то же время советские исследователи подчеркивают, что по мере обострения классовой, социальной борьбы в этих странах позитивные элементы в национализме начинают ослабевать, а на передний план все отчетливее выступает его реакционная сущность. Это не выражается прямолинейно, однозначно. «Национализм угнетенной нации как по своей социальной природе, так и по идеологической структуре является сложным и противоречивым... у него бездна оттенков в зависимости от того, какой класс, когда и для какой цели его использует. Национализм угнетенных наций видоизменяет свою социально-политическую направленность в зависимости от соотношения классовых и политических сил, каждый раз выступая настолько своеобразно, что сразу установить его сущность нелегко»¹⁰.

В этом плане большое внимание советские ученые уделяют анализу содержания национализма в определенных социальных и исторических условиях, что помогает решать важный методологический вопрос о соотношении сущности национализма с его конкретно-историческим проявлением. «Любая националистическая идеология,— пишут авторы исследования «Современное революционное движение и национализм»,— которая в своей основе имеет абсолютизацию национального момента или только с его точки зрения оценивает все остальные социальные процессы и определяет политические и иные задачи, представляет собой искаженные, извращенные формы отражения социального бытия. В этом отношении она неправильна, ненаучна, консервативна или реакционна и означает переход к национализму»¹¹. В то же время авторы этого исследования, основываясь на ленинских идеях, подчеркивают необходимость проводить различие между

сущностью национализма и его конкретно-историческим содержанием. «Наличие демократических элементов в конкретно-историческом содержании той или иной исторической разновидности национализма определяется не национальным, а классовым моментом, зависит от того, какой класс стоит во главе национального движения, каковы его цели, какие методы предлагаются для решения социальных и национальных вопросов. Чем более прогрессивной является социальная группа или класс, возглавляющие социальное и национально-освободительное движение, тем больше содержится демократических элементов в его идеологических и политических концепциях»¹².

Такая постановка вопроса важна не только с точки зрения методологического подхода к оценке причин и обстоятельств возникновения той или иной разновидности национализма, но и для понимания путей и методов борьбы прогрессивных сил за преодоление националистических взглядов у представителей патриотических, антиимпериалистических течений. Иными словами, как далеко не всегда и не обязательно национальный момент деформируется, перерастая в национализм, так и сами националистические воззрения, раз возникнув, не остаются, так сказать, фатально без изменения, могут преодолеваются, служить мостиком к переходу на боевые антиимпериалистические, патриотические позиции. Опыт освободительного движения в странах Азии, Африки, Латинской Америки дает немало примеров такой эволюции националистических взглядов; это особенно характерно для представителей различных революционно-демократических течений.

Важным компонентом в исследовании национализма является изучение его основных структурных элементов. В структуру национализма входят не только идеология и политика, он зарождается уже на социально-психологическом уровне, в сфере бытового, повседневного сознания. Важным структурным элементом национализма является также и социальная практика, в области которой реализуются его политические и идеологические цели. «Таким образом, национализм есть не только психология, идеология и политика, но и практика, которая вносит определенные изменения в социальную действительность, в свою очередь отражающиеся на различных уровнях сознания»¹³.

Авторский коллектив при написании работы о национализме в Латинской Америке стремился, всемерно учитывая богатейшее ленинское наследие, достижения советской науки, проанализировать особенности и специфику конкретных форм и типов латиноамериканского национализма, показать их эволюцию в тесной связи с революционными освободительными процессами в этом регионе, а также с огромными историческими сдвигами во всем мире. Обращая основное внимание на идеологические, политические уровни проявления национализма, на его социальную практику, авторский коллектив в то же время старался по мере воз-

возможностей ввести элементы анализа социально-психологических аспектов, компонентов национализма, рассмотреть особенности его проявления в повседневной жизни.

Слабая разработка темы национализма в советской латиноамериканистике, отсутствие специальных монографических исследований по отдельным проблемам и аспектам национализма не позволили авторскому коллективу с одинаковой широтой и всесторонностью проанализировать все вопросы, затронутые в книге. Ряд проблем, выдвинутых в виде первичной постановки вопроса, нуждается в дальнейшей углубленной разработке. Иными словами, авторский коллектив рассматривает данную работу как своего рода введение в большую, сложную проблематику, всестороннее и глубокое изучение которой имеет не только чисто научное, академическое значение, но и значение практическое, политическое.

ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ НАЦИОНАЛИЗМА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Латиноамериканский национализм принадлежит по многим весьма существенным признакам и аспектам к национализму развивающихся стран, хотя он и обладает целым рядом особых черт.

В настоящее время происходит определенное сближение политических, идеологических форм и типологий национализма в странах Азии, Африки и Латинской Америки в силу хотя бы того обстоятельства, что во всех этих трех регионах мира обостряется борьба вокруг вопроса о дальнейших путях общественного развития, которая не может не оказать самого непосредственного влияния на национализм. Однако это явление сравнительно недавнего времени. Когда большинство народов стран Азии и Африки только начало освобождаться от оков колониального рабства, вступая на путь независимого политического развития, подавляющее большинство народов стран Латинской Америки уже более 100 лет пользовались политической самостоятельностью. Хотя их развитие в сильнейшей степени было деформированным и заторможенным в результате засилья помещичьего латифундизма, господства иностранного капитала, сам факт обретения ими еще в начале прошлого века государственной самостоятельности имел глубокие исторические последствия. Ко времени завоевания политической независимости странами Азии и Африки в большинстве стран Латинской Америки уже был завершен или близился к завершению процесс образования наций.

В отличие от стран Азии и Африки, где национализм, хотя бы на первых этапах освободительного движения, нередко выступал в форме общенациональной идеологии, нес в себе немало элементов общедемократического содержания, если использовать ленинское определение, то в странах Латинской Америки дело обстояло во многом по-иному. Здесь национализм в его многочисленных формах и разновидностях был самым тесным об-

разом связан с определенными классовыми, социальными интересами, зачастую имел, так сказать, чисто служебные, прикладные функции, обслуживая самым непосредственным образом интересы той или иной социальной, политической группировки.

Положение не менялось от того, что в национализме еще сохранявшихся до сравнительно недавнего времени в Латинской Америке последних колониальных анклавов, например в Британской Вест-Индии, еще содержались элементы общедемократического содержания (хотя и они быстро шли на убыль). Это было скорее редким исключением, чем правилом. В такой североамериканской колонии, как Пуэрто-Рико, далеко зашедшая классовая дифференциация, само влияние обстановки во всей Латинской Америке делали по сути дела невозможным существование «надклассовых», недифференцированных форм национализма.

Ныне национализм и в странах Азии и Африки переживает процесс быстрой дифференциации, своеобразного «расчленения», более четкой классовой, социальной ориентации различных его форм и разновидностей. Здесь, как и в странах Латинской Америки, по мере обострения политической, идеологической борьбы вокруг альтернатив общественного развития возникают новые разновидности национализма, которые нередко самым причудливым образом сочетаются с антикапиталистическими, социалистическими идеями и представлениями¹.

Сам факт существования в странах Латинской Америки чрезвычайно широкого спектра националистических взглядов и представлений — от крайне правых, профашистских, до левых и даже «ультралевых» — достаточно убедительно свидетельствует о том, что в этом регионе существуют благоприятные условия для распространения влияния национализма в различных его проявлениях. Это в первую очередь факторы социально-экономического порядка, связанные в основном с поисками выхода из глубокого кризиса, в котором оказались латиноамериканские страны. Это и политические, идеологические факторы, также отражающие поиски различными социальными, классовыми силами идейного обоснования своих позиций, предложенных ими путей выхода стран Латинской Америки из кризиса. Наконец, это и социально-психологические моменты, порожденные как особенностями сложных этнических процессов, протекающих в ряде стран Латинской Америки, так и довольно благоприятным психологическим климатом для распространения влияния национализма на уровне обыденного, повседневного сознания различных слоев населения.

Уже сказанное дает представление о большой структурной сложности, «многослойности» разновидностей национализма, существующих в странах Латинской Америки, о неоднозначности его содержания, которое зачастую бывает диаметрально противоположным.

Многое в данном случае зависит от того, какие социальные, классовые силы выступают носителями националистических идей, в чьих интересах они их пропагандируют. Иными словами, простая констатация перехода национального в националистическое мало что может дать сама по себе; необходимо точное определение конкретно-исторического содержания той или иной разновидности национализма, учет очень подвижных граней, разделяющих эти два явления. Представляется необходимым дать суммарный анализ исторической эволюции латиноамериканского национализма, проследить, как на тех или иных этапах развития его разновидности менялось соотношение его сущностной стороны с конкретно-историческими формами проявления. Особенно важно одновременно проследить, какие социальные, политические силы выступали как оппонент национализму, какое влияние оказывали они на его эволюцию.

*

В Латинской Америке национализм возник не как некая фатальная, имманентно predeterminedенная сила развития. Потребовалось наличие ряда факторов, условий, чтобы произошла абсолютизация и деформация национального, за гранью которого и начинается собственно национализм.

В течение долгого времени в Латинской Америке в силу особенностей становления и эволюции еще в недрах колониального общества социально-этнических национальных общностей национализм не имел благоприятных условий для существования, хотя отдельные его элементы были и в то время. В значительной степени это объяснялось самими особенностями процесса формирования национальных сообществ.

В Латинской Америке испанская конкиста не привела к созданию той системы «классического» колониального господства, которое было установлено колонизаторами в Азии и Африке. Общими для их политики во всех районах мира были варварские методы подчинения коренного населения, физическое истребление его значительной части. В этом отношении испанские и иные конкистадоры не отставали по своей жестокости от коллег по завоеванию в других частях мира. Однако надо отметить и другой немаловажный аспект проблемы.

В отличие от стран Азии и Африки в Южной Америке колонизаторская политика сопровождалась глубокими этническими процессами.

Оседая в Южной Америке, испанские колонисты не рассматривали свое пребывание здесь как временное. Исключение составляло меньшинство — высшие слои испанского чиновничества, которые выполняли свои функции по назначению королевских властей, а затем отбывали в Испанию. Колонисты не представляли собой «закрытой корпорации» по отношению к коренному

населению, как это было с колонизаторами в Азии и Африке. Интенсивный процесс метисации со все нарастающей силой развивался в Южной Америке, подготавливая еще в годы колониального господства почву для возникновения латиноамериканских наций².

В то же время метисация, ее характерные черты и последствия не могут быть всесторонне осмыслены и поняты вне исследования особенностей социального строя, в рамках которого происходили социально-этнические процессы, которые являлись важными компонентами формирования наций.

Принципы кастового, иерархического строя, возникшего на американском континенте в колониальный период, сами по себе способствовали тому, что этнические процессы вели к усилению кастовости, углублению социального неравенства в колониальном обществе. Иными словами, эти процессы приобретали зачастую драматический, а то и трагический характер. И все же они, несмотря на препятствия, развивались и вглубь и вширь, оказывая огромное влияние на все стороны жизни народов Латинской Америки.

Колониальный период заполнен многочисленными восстаниями, социальными выступлениями различных групп населения. Водораздел в этой борьбе проходил не по линии расовых различий, а по линии противоречий между растущими устремлениями народов Латинской Америки к независимости и колониальным господством испанской империи и других иноземных поработителей.

Война за независимость в начале XIX в. явилась кульминацией обострения этих противоречий. Она стала также ускорителем процесса формирования латиноамериканских наций. «Формирование наций — это не событие, а процесс, и точную «дату» завершения ее трудно определить, — пишут авторы коллективного труда «Нации Латинской Америки». — Вместе с тем революции, «локомотивы истории», являются обычно критическими периодами в процессе образования наций. Таким критическим периодом формирования наций в большинстве прежних испанских и португальских колоний в Америке явилась война за независимость этих колоний (1810—1826), носившая характер буржуазных революций»³.

Характерной чертой этой великой исторической битвы народов Латинской Америки было то, что она развернулась не под националистическими лозунгами.

Война народов Латинской Америки против испанского и иного колониального господства была составной частью освободительных движений и революций во всем мире, кульминацией которых была Великая французская революция. Влияние передовых идей на освободительную революцию в Латинской Америке не было результатом какого-либо заимствования европейской «экзотической» идеологии, как это утверждают националисты,

ревнителю «исключительности» развития латиноамериканских стран, а отражало объективные исторические потребности развития, которые стояли перед латиноамериканским обществом. В конечном счете война за освобождение пришла к победоносному завершению в результате роста национального самосознания народов Латинской Америки, возникновения предпосылок — как экономических, социальных, так и психологических и культурных — для формирования наций стран Латинской Америки.

Выдающийся венесуэльский мыслитель Андрес Бельо, много сделавший для духовного освобождения народов Латинской Америки, полемизируя в самый разгар войны за освобождение с идеологами реакции, которые пытались отыскать причины борьбы народов Латинской Америки за свою свободу в «зловредном» влиянии идей Французской революции, писал: «Нет, не энтузиазм, как некоторые думают, в связи с плохо понятыми и абсолютизированными идеями, был причиной возникновения и развития нашей революции... Война была порождена стремлением, имманентно присущим всякому великому сообществу людей, самому распоряжаться собственной судьбой и не получать указаний и приказов от других. Это стремление в условиях нашей Америки стало непреодолимой потребностью»⁴.

Война за освобождение была поистине всенародной, патриотической войной, она ярко продемонстрировала рост национального самосознания народов Латинской Америки. В армиях Боливара, Сан-Мартина, Сукре сражались белые, метисы, негры, индейцы. В ходе освободительной войны рушились расовые предрассудки, слабела национальная неприязнь и рознь, чему способствовали в определенной степени издаваемые руководителями борьбы за освобождение законодательные акты, уравнивающие в правах всех людей независимо от цвета кожи. Эта война, а затем революционное социальное движение в латиноамериканских странах на протяжении XIX в. ослабили кастовость, иерархичность строя, оставленного в наследство колонией, способствовали процессу сближения различных национальных, этнических групп населения.

Латиноамериканские марксисты высоко оценивают исторический прогрессивный характер войны за независимость, ведут решительную идеологическую борьбу с различными националистическими теориями, сторонники которых пытаются преуменьшить ее значение, выхолостить демократические, прогрессивные традиции этой войны. Выдающийся перуанский мыслитель, создатель Перуанской коммунистической партии Хосе Карлос Мариатеги, в конце 20-х годов дал глубокую марксистскую характеристику войне за независимость: «Идеи Французской революции и североамериканской конституции попали на плодотворную почву, так как там уже существовала, хотя и в зачаточном состоянии, буржуазия, которая в силу своих экономических интересов могла и должна была проникнуться духом европейской

буржуазии. Испанская Америка, безусловно, не добилась бы независимости, если бы у нее не было героического поколения, обладавшего способностью и волей совершить в наших странах настоящую революцию»⁵.

Эта глубокая оценка войны за независимость, ее воздействия на последующее развитие политически независимых стран Латинской Америки дает возможность понять особенности влияния националистической идеологии и политики в тот период, границы и пределы их воздействия.

Передовым людям Латинской Америки был чужд национализм, националистическая ограниченность, они боролись за прогресс и счастье своих народов, руководствуясь благородными идеями свободы, братства, справедливости. Некоторые из них, например аргентинец Эстебан Эчеверриа, разделяли идеи утопического социализма, мечтали об обществе свободного труда и социальной справедливости.

Свою борьбу лучшие люди Латинской Америки не отделяли от борьбы народов за свободу в других частях мира, в частности Европы. Чувства интернационального братства вдохновляли мексиканских патриотов во главе с великим государственным деятелем Бенито Хуаресом на борьбу (конец 50-х—60-е годы XIX в.) с внутренней контрреволюцией, с иностранными захватчиками. Симпатии к освободительному движению народов во всем мире, глубокая убежденность в победе были характерны и для выдающегося аргентинского мыслителя и политического деятеля Доминго Фаустино Сармиенто. Полемизируя со сторонниками фаталистической точки зрения о невозможности успешной борьбы с диктаторскими режимами, он писал в 1845 г.: «Разве мы можем сделать вывод, что если борьба тяжела, значит она безнадежна, абсурдна? Разве, если зло торжествует, мы должны покорно уступать ему дорогу? Разве цивилизация и свобода сегодня слабы в мире только из-за того, что Италия стонет под гнетом различного рода деспотизма, а Польша бродит по Земле, выпрашивая немного хлеба и хоть чуточку свободы?»⁶

Именно эти представители латиноамериканской демократии были созидателями тех глубоко прогрессивных национальных традиций, которые входят органической частью в сокровищницу идейных, духовных ценностей латиноамериканских наций. Эти традиции берут на вооружение в своей борьбе марксисты-ленинцы стран Латинской Америки, защищая их от наскоков идеологов национализма.

Прогрессивным силам Латинской Америки приходилось бороться с реакцией, пытавшейся воспрепятствовать поступательному развитию стран Латинской Америки, отгородить их от влияния передовых идей под флагом защиты латиноамериканской «самобытности», «традиционных ценностей». Именно этим объясняется тот факт, что национализм в странах Латинской Америки первоначально стал идеологией клерикально-помещичьих сил,

орудием крайней реакции. Иными словами, этот национализм был добуржуазным по своему характеру и генетически был связан с различными разновидностями «традиционалистского» национализма, который возник как своего рода идеологическая реакция на освободительное, революционное движение во всем мире. Этот традиционалистский бунт реакции породил своеобразное проявление форм добуржуазного национализма в Латинской Америке в виде стремления к «колониальной реставрации» или «региональному изоляционизму», как характеризует этот процесс аргентинский марксист-исследователь Оскар Аревало⁷.

Эта тенденция нашла выражение, например, в попытках создания теократического государства в Эквадоре мракобесом и диктатором Гарсиа Морено. В Аргентине тенденция к «региональному изоляционизму» с особой ясностью проявилась при диктаторе Росасе, который выступил ярким противником передовых традиций войны за независимость, стремился создать массовую опору для своей ультранационалистической демагогической политики, разжигая антииностранные настроения, ксенофобию среди отсталых слоев населения. И этого каудильо, реакционера и демагога пытаются сделать национальным героем аргентинские националисты, противопоставив его руководителям войны за освобождение, просветителю Сармиенто, деятельность которых, по их утверждению, основывалась на «экзотических» иностранных идеях.

«Что можно сказать о тех, — говорил руководитель аргентинских коммунистов Викторιο Кодовилья, — кто имеет «смелость» утверждать, будто от этих национальных героев «отдает иностранщиной» и будто их патриотизм может быть поставлен под сомнение, так как в своих действиях они руководствовались идеями, авторами которых являлись мыслители других стран? Кажется, такие люди имеются? Но кто эти люди? Это те, кто хотел бы вычеркнуть из аргентинской истории светлую фигуру Сармиенто и заменить ее темной личностью варвара Росаса. Это те, кто превозносят традиции испанского клерикально-феодального колониализма и хотели бы построить (и в определенной степени добиваются этого) политическую, социальную и культурную жизнь страны по рецептам варварской испанской фаланги»⁸.

Особое место в латиноамериканском национализме занимали националистические взгляды нарождающейся крупной буржуазии, прежде всего торгово-предпринимательской, выступавшей в альянсе с латифундистской олигархией, несмотря на известные противоречия с ней. Именно это обстоятельство в немалой степени предопределило своеобразие националистических взглядов данного течения в странах Латинской Америки. В Мексике, например, его идеолог, видный государственный деятель Лукас Аламан, сторонник укрепления централизованного государства, развития национальной промышленности, ее защиты с помощью государственных протекционистских мер, прибегал в то же время

к аргументам добуржуазного национализма, к традициям колонии, ратуя за восстановление институтов колониальной эпохи⁹.

Элементы такого национализма имелись в системе политических взглядов видного чилийского государственного деятеля прошлого столетия Диего Порталеса, который был сторонником авторитарных форм правления, видя в них наиболее эффективные средства национальной консолидации. Для Порталеса, как и для Аламана, был характерен антидемократизм, неверие в созидательные силы народа. Их национализм имел во многом великодержавные, шовинистические черты. Характеризуя взгляды Порталеса, один из руководителей чилийских коммунистов Орландо Мильяс писал: «Как буржуазный политический деятель Порталес был ярким националистом. Это выражалось, например, в том, что, утверждая национальный чилийский характер, он в весьма неелстных выражениях отзывался о соседних странах... Такие взгляды были чужды предшествующим государственным деятелям Чили и особенно О'Хиггинсу. Взгляды Порталеса отражают экспансионистские тенденции нарождавшейся чилийской буржуазии, которая, быстро развиваясь, с презрением относилась к анархической феодальной олигархии других стран»¹⁰. В то же время, как подчеркивает Орландо Мильяс, Порталес выступал в защиту национальных интересов, сопротивляясь агрессивным поползновениям иностранных держав¹¹. В дальнейшем ультра националисты из лагеря чилийской реакции стремились сделать Порталеса своим знаменем. Однако политические взгляды правых националистов, их политическая практика, как об этом свидетельствует антинациональная политика фашиствующей военной хунты, лишней раз говорят о том, что господствующие классы полностью утратили то национальное, что было в политике их наиболее дальновидных представителей в прошлом.

В исторической битве за социальную справедливость, свободу народов латиноамериканская демократия не смогла добиться решающей победы, хотя и нанесла чувствительные удары по позициям реакционных сил, стремившихся к реставрации традиционных порядков. В Латинской Америке не удалось решить аграрный вопрос, наделить крестьянские массы землей. Это сыграло во многом решающую роль в том, что попытки демократических сил латиноамериканских стран перевести их на путь независимого буржуазно-демократического развития терпели неудачу.

После многочисленных социальных потрясений, народных восстаний положение в странах Латинской Америки примерно с конца 60-х годов XIX в. начинает постепенно стабилизироваться на консервативной, во многом термидорианской основе. На первые роли во многих странах выдвигалась так называемая просвещенная олигархия, представлявшая собой своеобразный экономический, политический, социально-психологический симбиоз,

альянс латифундистов с торгово-предпринимательской, банковской буржуазией, тесно связанной с мировым капиталистическим рынком. Идеологи «просвещенной олигархии» широковетчательно заявляли о своем стремлении привести страны Латинской Америки к материальному прогрессу, процветанию. Но средства для достижения такого прогресса они видели в отказе от «бесмысленных» мечтаний людей типа Хуареса, Сармиенто, в установлении диктаторской власти, которая наведет «порядок», что обеспечит стране приток необходимого иностранного капитала. И все это прикрывалось рассуждениями о неспособности индейских масс, метисского населения, да и вообще простого народа к демократии, социальному прогрессу.

Так постепенно национальное, что так ярко было выражено у латиноамериканских демократов, превращалось в националистическое, самым причудливым образом сочеталось с космополитизмом «просвещенной олигархии». Традиционалистский добуржуазный национализм все больше в этих условиях становился в подчиненное положение по отношению к национализму буржуазному.

С конца XIX в. правящая олигархическая верхушка ряда латиноамериканских стран (Мексики, Перу) обращается к националистическим лозунгам «латинизма», взяв курс на расширение сотрудничества с романскими, латинскими, странами Европы. Идеологи олигархии обратились к латинизму, помимо всего прочего, в силу того, что они черпали свое вдохновение из самых реакционных расистских теорий романских стран об элите, призванной управлять «черными», о расово неполноценных «цветных» народах.

Некоторые олигархические круги использовали латинизм также в целях оправдания союза со странами Европы как своего рода противовеса усилившейся экспансии Соединенных Штатов.

Эта империалистическая экспансия, которая приобрела большой размах к концу XIX — началу XX в., велась в области экономики и политики, сфере идеологии и культуры. Она породила ответную реакцию народов Латинской Америки, которая проявлялась в самых различных формах.

Великий кубинский патриот, революционный демократ Хосе Марти был одним из первых в Латинской Америке, кто понял опасность империалистической, экспансионистской политики Соединенных Штатов, решительно выступил против агрессивных планов североамериканской плутократии. В работах Хосе Марти с большой силой звучали идеи солидарности народов Латинской Америки в борьбе за свою свободу и независимость. Он глубоко верил, что народы латиноамериканских стран, объединенные освободительными идеями, способны противостоять империализму. Хосе Марти написал поистине пророческие слова: «Бастионы идей надежнее каменных бастионов. Идею нельзя развеять, как тучу. Справедливая идея, вовремя воссиявшая перед лицом ми-

ра, останавливает эскадру броненосцев, как трубный глас архангела»¹².

Неутомимый исследователь идейного наследия Марти, известный историк Эмилио Роиг де Леучсенринг справедливо отмечал: «И в учении своем, и в своей напряженной тяжелой работе Марти был провозвестником современной антиимпериалистической борьбы»¹³.

Одновременно с передовыми революционно-демократическими идеями в странах Латинской Америки возникали в ту эпоху различные формы и разновидности националистических идеологий. Как противовес североамериканской экспансии родилось националистическое течение паниспанизм, сторонники которого, апологизируя испанские традиции, выступали за объединение всех испаноязычных народов. Наиболее реакционные течения в паниспанизме, представлявшие интересы клерикально-помещичьих кругов, видели в нем средство сохранить свои привилегии, отвлечь внимание народных масс от борьбы за демократию, социальный прогресс путем демагогического выдвигания «антиимпериалистических» лозунгов. В. И. Ленин, характеризуя взгляды марксистов в отношении подобного рода «антиимпериализма» реакции, писал: «*Не* всякую борьбу против империализма мы вправе поддержать... восстания реакционных классов против империализма и капитализма мы *не* поддержим»¹⁴.

Иной, чем у реакционных паниспанистов, сторонников латинизма, была позиция плеяды известных писателей, публицистов, мыслителей, которые включились в то время в активную антиимпериалистическую борьбу. У них обращение к Испании было своеобразным идеологическим прикрытием борьбы против империалистической экспансии в Латинской Америке, утверждением права на независимое культурное, духовное развитие.

Такие представители этого поколения антиимпериалистов, как аргентинский писатель и публицист Мануэль Угарте, уругвайский писатель Хосе Энрике Родо, венесуэльский писатель Руфино Бланко Фомбона и другие, считали, что лучшие испанские народные, культурные и духовные традиции должны войти составной частью в создаваемую в латиноамериканских странах передовую национальную культуру, стать надежным барьером на пути империалистической экспансии.

Мануэль Угарте, один из наиболее ярких представителей этой когорты мыслителей, страстно призывал латиноамериканские народы объединиться перед лицом империалистической угрозы, откатиться от фаталистических воззрений о неизбежности стать протекторатом Соединенных Штатов, не смиряться с «доктриной Монро»¹⁵. Он говорил, что народы Испанской Америки могут обойтись без опеки империалистических держав, способны стать хозяевами своей судьбы¹⁶.

В несколько ином плане вел критику империализма Хосе Энрике Родо, который в своей широко известной книге «Ариэль»

выступил резким критиком культурной экспансии империализма, сторонником создания персидской национальной культуры, подчеркивая неприемлемость для Латинской Америки образа жизни, торгашеской морали североамериканской плутократии¹⁷ Критика империализма велась Родо с этических позиций, в плане противопоставления «идеалистической» латиноамериканской культуры «материалистической» культуре янки, «гуманистической» цивилизации — «машинной» цивилизации. Естественно, такая постановка вопроса носила на себе печать влияния национализма, о ее метафизичности говорил Х. К. Мариатеги¹⁸ Однако пафос борьбы Родо за передовую культуру, мечта о цельном человеке являются достоянием всех прогрессивных сил стран Латинской Америки в борьбе против империализма, за социальный прогресс.

То же можно сказать и о других представителях этого поколения борцов против империализма. В их взглядах, бесспорно, нетрудно увидеть немало уязвимо, противоречивого с точки зрения сегодняшнего дня; империализм они понимали нередко как чисто военную экспансию империалистических держав, как «естественное» стремление сильного господствовать над слабым. Иными словами, на их воззрение оказывал сильное влияние национализм. Однако этот национализм был иным, чем у идеологов реакционных националистических течений. Его конкретно-историческое содержание несло в себе бесспорные прогрессивные, демократические элементы.

*

Новая обстановка, сложившаяся в странах Латинской Америки после первой мировой войны и в результате воздействия на них победы Великой Октябрьской социалистической революции, углубила процесс дифференциации и размежевания в области националистической идеологии и политики.

Октябрьская революция оказала глубокое, всеобъемлющее влияние на латиноамериканские страны, на антиимпериалистическое, освободительное движение. Последнее становилось все более массовым, все более рос и укреплялся в нем авторитет молодых коммунистических партий. Творчески применяя марксистско-ленинскую теорию к латиноамериканской действительности, они стремились расширить фронт участников антиимпериалистической борьбы, сочетать в своей деятельности интернациональное, всеобщее, с национально-особенным, специфическим. Большое внимание обращали марксисты-ленинцы латиноамериканских стран на разработку политики в отношении различных политических, идеологических течений, выступавших под националистическими лозунгами.

Коммунисты видели неоднозначность политических, идейных позиций этих сил. Под флагом национализма выступали пред-

ставители тех кругов латиноамериканской интеллигенции, чьи позиции характеризовались патриотизмом и антиимпериализмом. Деятельность некоторых из них (например, Мануэля Угарте) развертывалась еще на ранних этапах освободительного движения. Другие же, например Хосе Васконселос, несколько позднее активно включились в антиимпериалистическую борьбу. Победа Октября придала их борьбе большой моральный стимул, содействовала преодолению фаталистических настроений относительно возможности успешной борьбы с империализмом. В миролюбивой, интернационалистской политике Советского Союза видели они исключительно важный фактор, помогавший в их борьбе. Мануэль Угарте ярко выразил эти настроения, когда во время своего пребывания в Советском Союзе (осень 1927 г.) заявил, что антиимпериалистическое движение Латинской Америки видит в Стране Советов надежного и верного союзника и друга¹⁹.

В 1925 г. представители антиимпериалистически, патриотически настроенной интеллигенции по инициативе выдающегося аргентинского ученого Х. Инхеньероса объединились в Латиноамериканский союз, выдвинувший программу борьбы против империалистической агрессии, в защиту природных национальных богатств.

Для многих сторонников Латиноамериканского союза было характерно то, что они стремились обосновать свои националистические взгляды, обращаясь к социализму, видя в нем будущее человечества. Хосе Карлос Мариатеги, отмечая эту тенденцию, писал: «Революционная и даже реформистская мысль не может быть либеральной по содержанию, она должна быть социалистической. Социализм в нашей жизни проявился не случайно и не по прихоти моды, как думают поверхностные умы, а вследствие исторической необходимости... Невозможно быть действительным националистом и революционером, не будучи социалистом»²⁰. Не случайно поэтому, например, Хосе Васконселос, развивая свою теорию «космической расы», которая исходила из того, что процесс метисации в Латинской Америке всех рас и национальностей приведет к созданию новой «интегральной расы», связывал этот процесс с победой социализма²¹. В своей известной работе «Космическая раса» Васконселос противопоставил политику Советского Союза, который оказывал помощь борьбе угнетенных стран, политике империалистических держав²². Взгляды Васконселоса разделялись многими руководителями Латиноамериканского союза, стали как бы его идеологической платформой.

Социалистическое кредо антиимпериалистических настроений интеллигенции было далеко от научного понимания социализма, они подходили к его оценке с морально-этических, абстрактно-гуманистических, а то и с религиозных позиций. Больше того, они, как это делал Васконселос и его сторонники, вписывали свое понимание социализма в общую схему националистических

взглядов об особой миссии Латинской Америки, призванной создать «новую цивилизацию», прийти на смену «дряхлающей Европе». Так, председатель Латиноамериканского союза Альфредо Паласиос, известный аргентинский общественный и политический деятель, в своем «Послании к университетской и рабочей молодежи США» (1927) связывал свое понимание социализма с тезисом об особой миссии Латинской Америки в создании «общечеловеческой расы», «новой цивилизации»²³. Бесспорно, такой подход к оценке места и роли Латинской Америки в мировом освободительном движении был проникнут духом национализма, тая в себе немало неясностей и противоречий, хотя в тот период патриотическая, антиимпериалистическая направленность этих взглядов все же выступала на первый план.

Впоследствии негативное, деформирующее влияние национализма на взгляды некоторых представителей этого течения взяло верх, предопределило их отход от патриотических, демократических позиций. Так случилось с Васконселосом. Другие же, отойдя от активной антиимпериалистической деятельности, сохранили верность своим патриотическим идеалам. Некоторые же пошли вперед, в ходе своей идейной эволюции сблизилась с позициями научного социализма.

Сотрудничество коммунистов с представителями этого националистического течения базировалось на ленинских идеях о необходимости расширения освободительного фронта борьбы против империализма. По инициативе коммунистов в 1925 г. была создана Антиимпериалистическая лига Америки с филиалами в ряде латиноамериканских стран (Аргентине, Кубе, Мексике и др.), которая объединила в своих рядах представителей различных политических, идеологических течений, выступавших с антиимпериалистическими позициями.

Именно в русле ленинских идей укрепления сотрудничества коммунистов с непролетарскими, националистическими течениями в освободительном движении разворачивалась деятельность антиимпериалистических лиг. В таком духе сотрудничества неизменно выступал орган Антиимпериалистической лиги Америки журнал «Эль Либертадор», провозгласивший себя продолжателем лучших патриотических традиций латиноамериканских народов²⁴.

Пример творческого подхода к сотрудничеству с представителями непролетарских течений в освободительном движении показывали такие выдающиеся деятели латиноамериканского коммунистического, революционного движения, как Хулио Антонио Мелья, основатель Коммунистической партии Кубы, Хосе Карлос Мариатеги, организатор Перуанской коммунистической партии.

В то же время коммунисты критиковали с принципиальных позиций националистические концепции, показывали негативное влияние этих идей на освободительное движение. Хосе Карлос Мариатеги неоднократно выступал с аргументированной крити-

кой взглядов Хосе Васконселоса, Альфредо Паласиоса, показывал несостоятельность их попыток доказать «особый», «провиденциальный» путь развития Латинской Америки, якобы выдвигающий ее в бесспорные лидеры мирового освободительного, антиимпериалистического движения. В единении освободительного движения Латинской Америки с другими потоками мирового революционного движения видели латиноамериканские революционеры залог успеха антиимпериалистической борьбы на континенте.

В плане конструктивного диалога и сотрудничества с представителями националистических течений в освободительном движении следует рассматривать позицию марксистов-ленинцев в отношении концепции индеанизма, получившей наиболее широкое распространение в 20-е годы в Перу. Коммунисты положительно оценивали революционно-демократическую направленность взглядов индеанистов, специально отмечали, что на них немалое влияние оказала победа Октябрьской социалистической революции, активное участие в ней народных масс. В то же время они выступали против националистических иллюзий идеологов индеанизма о возможности чуть ли не восстановить в модернизированном виде империю инков, совершить революцию исключительно руками крестьянских индейских масс, без участия пролетариата. Хосе Карлос Мариатеги отмечал, что главный источник ошибок индеанизма заключался в абсолютизации специфических, национальных перуанских условий, в неумении связать историю Перу с мировым историческим развитием²⁵.

Если в отношении непролетарских, националистических течений в освободительном движении позиция коммунистов была проникнута духом сотрудничества и конструктивного диалога, то иным было их отношение к националистам из лагеря помещичье-латифундистской реакции. В 20-е годы «реакционеры-националисты», как называли их латиноамериканские марксисты, активизировали свою деятельность, попытались в условиях подъема освободительного движения, обострения классово-социальной борьбы выступить под флагом хранителей «национальных ценностей» и даже антиимпериалистов. Но именно эти притязания на «духовное лидерство» нации обнаружили с еще большей очевидностью все идейное бесплодие этих идеологов национализма, антинародную, антинациональную сущность их взглядов. Проповедуя идеи паниспанизма, латинизма, они отрицали какую-либо конструктивную роль народных масс в истории латиноамериканских государств. В странах с преобладанием индейского населения идеологи национализма, полностью игнорируя вклад индейцев в национальную жизнь, под истинно национальным понимали только те «ценности», которые были связаны с колониальным периодом, испанским завоеванием, т. е. традиционализмом. На таких позициях, например, стояли сторонники «перуанидад» («перуанской сущности»), выступавшие

под лозунгом защиты целостности национального духа, борьбы с «экзотическими» идеями. Но, как заметил Хосе Карлос Мариатеги, «противники экзотической идеологии отвергают импорт только тех идей, которые противоречат их консервативным интересам; импорт же тех идей, которые соответствуют их интересам, откуда бы они ни происходили, не кажется им предосудительным. Иными словами, речь идет о реакционной позиции, обряженной в националистическое одеяние»²⁶. Стремясь придать «динамичность» своим взглядам, «модернизировать» их, идеологи перуанидад и других подобных националистических течений начали смыкаться с фашистскими идеями, рекламировать политику Муссолини. Именно в 20-е годы стала вырисовываться тенденция к интеграции различных добуржуазных форм национализма с наиболее правозстремистскими, контрреволюционными разновидностями буржуазного национализма, полностью выжившаяся позднее, в 30-е годы.

Революционеры-марксисты стран Латинской Америки, разоблачая ультраправый традиционалистский национализм, убедительно показывали его антинациональный мистификаторский характер, беспомощность и бесплодность в интерпретации национальной действительности.

Не менее решительной и бескомпромиссной критике латиноамериканские коммунисты подвергали и «антиимпериализм» националистов из лагеря олигархии. В 20-е годы идеологи олигархии Аргентины, Колумбии и ряда других латиноамериканских стран не раз поднимали шумные демагогические кампании, обличая политику империализма. Они выдвигали, как это делали аргентинские националисты, даже лозунги национализации отдельных отраслей экономики. Но этот «антиимпериализм» был по сути дела не чем иным, как проявлением экономических и политических противоречий олигархии с империализмом, который, стремясь расширить свою социальную базу в латиноамериканских странах, заигрывал с местной буржуазией, поддерживал ее амбициозные планы потеснить с командных позиций представителей традиционных олигархических кругов. Реакцией сторонников экстремистско-правого национализма на эту политику империализма и явились антиимпериалистические декламации идеологов национализма.

Журнал «Эль Либертадор» писал о подобного рода «бунте на коленях» олигархии против империализма: «Мы знаем, что этот дутый антиимпериализм скоропреходящ. Крики криками, а все определяется в конечном счете капиталом янки, который держит под своим контролем не только правительство, но и консервативную оппозицию»²⁷.

Национализм крайне правых традиционалистских сил не мог по причине антинародности, «элитарности» представлять главную опасность для освободительного, антиимпериалистического движения. Эта опасность возникла со стороны националистиче-

ского политического движения, которое получило название апризма*.

В последующих разделах работы будут подробно проанализированы националистические концепции апризма. Здесь же мы ограничимся только несколькими штрихами, чтобы определить место апризма в идеологии и политике латиноамериканского национализма.

Почти с самого момента зарождения апризма в нем причудливым, парадоксальным образом сочетались «сверхреволюционные» призывы к борьбе с империализмом, окрашенные в цвет революционной расовой мистики, с самым заурядным буржуазным национализмом, робкими и бескрылыми буржуазно-реформистскими рецептами переустройства латиноамериканского общества. В своей эволюции апризм все больше и больше переходил на буржуазно-националистические, реформистские позиции, которые характеризовались открытым антисоветизмом и антикоммунизмом.

В то же время именно от раннего, так сказать, нерасчлененного апризма генетически ведут свое происхождение различные разновидности и типологические формы буржуазного и мелкобуржуазного национализма. К ним можно отнести идеологические и политические программные установки национал-реформистских националистических партий. От апризма берут свое начало различные разновидности идеологии континентального национализма, индеанизма. Наконец, адепты апризма претендуют на приоритет в открытии «закономерностей» чисто латиноамериканских форм и методов антиимпериалистической борьбы, которые они окрестили «конструктивным антиимпериализмом».

Идеологи апризма, отрывая антиимпериалистическое движение от классово-социальной борьбы, давали этому движению чисто националистическую интерпретацию, изолировали его от других потоков мирового революционного процесса. Одновременно для доказательства «автохтонности» латиноамериканского освободительного движения они ссылались на этнический состав населения Латинской Америки, делая отсюда явно расистские выводы. Вскрывая суть националистической интерпретации антиимпериалистического движения, Хулио Антонио Мелья пронизательно замечал: «Апристы говорят, что большинство населения Америки составляют индейцы или метисы, что поэтому в интересах правды мы должны называться индоамериканцами... Они ищут расовую основу для антиимпериалистического движения... Апристы игнорируют тот факт, что проникновение империализма кладет конец расовой проблеме в ее классической форме, превращая индейцев, метисов, белых и негров в рабочих, иначе говоря, подводя под эту проблему экономическую, а не расовую основу»²⁸.

Подробнее см. гл. вторую.

Коммунисты в борьбе против националистического изоляционизма априорно всемерно подчеркивали, что невозможно успешно бороться против империалистического господства, противопоставляя антиимпериалистическое движение в Латинской Америке революционным, освободительным процессам в мире. Мировой экономический кризис (1929—1933), поразивший не только страны развитого капитализма, но и страны колониальные, полуколониальные и зависимые, с драматической убедительностью показал справедливость и принципиальность такой позиции коммунистов.

Этот кризис, потрясший до основания капиталистическую систему во всех ее звеньях, во всех регионах мира, наложил глубокий отпечаток и на развитие латиноамериканских стран. В них резко обострились классовые, социальные противоречия, углубились освободительные антиимпериалистические процессы. В глазах широких слоев населения капитализм как система оказался дискредитированным, а интерес к Советскому Союзу рос лавинообразно. Слово «социализм» стало в то время одним из самых популярных слов в Латинской Америке. Об этих настроениях ярко сказал выдающийся чилийский революционер-марксист Элиас Лаферте: «Слово «социализм» слышалось повсюду, идеи социализма овладевали умами многих людей, жаждавших найти новые пути развития страны»²⁹.

Огромное значение в пропаганде передовых идей в странах Латинской Америки сыграла политика коммунистических партий, которые, творчески применяя решение VII конгресса Коминтерна о политике Народного фронта, боролись за создание широких антиимпериалистических и антифашистских фронтов и коалиций. Выступая за объединение всех демократических, патриотических сил, латиноамериканские коммунисты отстаивали передовые, прогрессивные духовные ценности, традиции стран Латинской Америки, решительно боролись против всяческих форм сектантства и догматизма. Широкий размах, например, получило сотрудничество коммунистов с католиками, различными непролетарскими политическими националистическими течениями, стоящими на позициях антиимпериализма³⁰.

Все эти факторы оказывали глубокое влияние на различные разновидности политических и идеологических течений национализма. В рядах непролетарских течений в антиимпериалистическом движении, испытавших в той или иной степени влияние национализма, происходили своего рода переоценка ценностей, радикализация настроений. Представители этих течений переходили на все более последовательные патриотические позиции, связывали свои антиимпериалистические устремления с необходимостью решительной борьбы с засильем иностранного капитала в экономике латиноамериканских стран. Такие воззрения были характерны, например, для аргентинской организации Силы радикальной ориентации молодой Аргентины (ФОРХА), созданной

в 1935 г. Выдвинув лозунг освобождения от колониальной зависимости, форхисты выступали против засилья империализма в стране, за национализацию собственности иностранных компаний³¹.

В Колумбии идеи антиимпериализма и патриотизма отстаивал известный политический деятель Хорхе Элисер Гайтан, создавший радикальную антиимпериалистическую группировку в рядах Либеральной партии. Он говорил, что национализм представляет борьбу зависимых народов за свою свободу, против империалистического угнетения³².

Но особенно ярко проявилась эволюция левонационалистических течений в сторону боевого антиимпериализма, революционного демократизма в Мексике в годы президентства выдающегося государственного деятеля, патриота и антиимпериалиста генерала Ласара Карденаса (1934—1940). Его сторонники противопоставляли идеям шовинистического буржуазного национализма об «исключительности» пути развития Мексики, который был характерен для прежних режимов, идеи революционного демократизма и антиимпериализма. Хотя нередко эти идеи были окрашены в националистические тона, они отражали стремление широких народных масс страны к глубоким социальным переменам.

Идеологи мексиканской революционной демократии признавали влияние на них опыта Великой Октябрьской социалистической революции, решительно критиковали буржуазные, националистические взгляды о «классовой гармонии», «национальном единстве». «Мексика как никакая другая страна в мире,— писал один из видных представителей мексиканских революционно-демократических кругов Альберто Бремаунтс,— не могла избежать влияния, которое оказывали на народные массы триумф и созидательная деятельность русской революции. Социалистические идеи благодаря этому фактору приобрели еще больший престиж и влияние, увеличивая число своих приверженцев среди интеллигенции и трудящихся»³³.

Глубокие антиимпериалистические социальные преобразования — национализация нефтяной промышленности, аграрная реформа, создание сильного государственного сектора, перестройка народного образования,— которые были осуществлены в Мексике в 30-е годы, убедительно говорят о том, каких успехов могут достичь прогрессивные силы, если сумеют освободиться от тлетворного влияния буржуазного национализма, осознать место своей страны в общей борьбе прогрессивных сил всего мира за демократию и социальный прогресс³⁴. Другое дело, что революционно-демократическим силам Мексики не удалось по ряду многих субъективных и объективных причин, внешних и внутренних факторов довести преобразования до конца, построить в стране «демократию трудящихся», за которую они боролись.

Но 30-е годы были также периодом распространения в странах Латинской Америки различных правозэкстремистских, националистических концепций и политических движений. Отличительной чертой идеологии и политики правых экстремистов из лагеря националистов было то, что они выступали с притязаниями на создание контрреволюционной альтернативы выхода из глубокого социально-экономического кризиса, в котором оказались латиноамериканские страны. Они обрушивались с нападениями на «либеральное государство», выступали за создание авторитарно-диктаторских режимов. Хулио Meinviелья, представитель самого черносотенного аргентинского национализма, писал, что «национализм является той реакцией против демолиберализма, который подрывал энергию народов в течение более 100 лет. Национализм решительно выступает против него с целью предотвратить подчинение народов коммунистическому злу»³⁵.

Реакционные идеологи национализма не скрывали своего преклонения перед фашизмом, превозносили франкистский мятеж в Испании, видели в фалангистском движении свой идеал. Демагогически выступая против панамериканизма, играя на антиамериканских настроениях, националисты этого типа стремились создать массовую базу своей политики в лице различного рода политических движений, таких, как бразильский интегрализм, мексиканский синаркизм. Активно используя социальную демагогию, они выступали под флагом защиты интересов народа, борьбы против американского империализма, против капитала. Но все их «антикапиталистические» филиппики были только дымовой завесой, созданной с целью ввести в заблуждение народные массы, более эффективно защищать интересы эксплуататорских классов. «Маскируясь под революционеров,— пишет советский ученый Б. И. Коваль,— интегралисты до хрипоты призывали покончить с «рабской зависимостью людей от капитала», хотя на деле Плинио Салгадо и другие лидеры бразильских фашистов защищали именно капитализм»³⁶.

К такой же социальной демагогии, одновременно защищая эксплуататорский строй, прибегали мексиканские синаркисты, подвергавшие яростным нападениям революционно-демократическую политику правительства генерала Ласаро Карденаса³⁷.

Крайне правые националистические течения в Латинской Америке пользовались всемерной поддержкой фашистских держав, прежде всего нацистской Германии, которая видела в них свою «пятую колонну». Именно с их помощью гитлеровская Германия, широко прибегая к антиимпериалистической демагогии, пропагандировала свою политику в Латинской Америке. На подрывную работу, на создание «пятой колонны» нацисты выделили огромные суммы, активно использовали свою агентуру из числа немецких переселенцев³⁸. Однако добиться осуществления своих целей с помощью ультранационалистических правых

группировок фашистам не удалось. Бесспорно, решающую роль сыграли демократические, антиимпериалистические силы государств Латинской Америки, которые давали решительный отпор вылазкам фашистов. Борьба прогрессивных сил против фашизма, фашиствующих националистов — яркая страница в истории освободительного движения латиноамериканских стран.

Пропаганда фашиствующих националистов в Латинской Америке находила отклик, встречала поддержку прежде всего у разорявшихся мелкобуржуазных слоев населения, которым импортировали призывы к «национальному возрождению» латиноамериканских стран, к борьбе против империализма, к ликвидации «ростовщического капитала» и т. д. «Фашисты,— говорил товарищ Г Димитров на VII конгрессе Коминтерна,— перетряхивают всю историю каждого народа, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом, а все, что было унижительного и оскорбительного для национальных чувств народа, использовать как оружие против врагов фашизма»³⁹.

В то же время в самих господствующих классах стран Латинской Америки, в лагере буржуазных националистов не существовало единства взглядов по многим важным политическим проблемам.

Представители влиятельных буржуазно-националистических группировок ряда латиноамериканских государств, придерживаясь антикоммунистических, антидемократических взглядов, все же стремились достичь своих целей без использования столь экстремистских форм, к которым призывали фашисты. Наиболее характерной политической фигурой в этом плане был президент Бразилии Жетулио Варгас, который наряду с открыто репрессивными мерами против демократических сил проводил политику определенного ограничения интересов иностранного капитала, осуществил ряд реформ в социальной области.

В определенной степени такая деятельность Варгаса стала прообразом политики, которая после второй мировой войны была характерна для лидеров массовых движений националистического типа.

В конце 30-х годов и начале 40-х в националистическом движении стран Латинской Америки появился новый феномен, который условно можно назвать военным национализмом. В вооруженных силах ряда латиноамериканских стран возникли течения, представители которых выступали под националистическими, а то и антиимпериалистическими лозунгами. В Боливии военные-националисты взяли верх в годы президентства полковника Хермана Буша (1937—1939), стали инициаторами ряда антиимпериалистических акций, ограничения привилегий местной олигархии.

В Аргентине военные-националисты, идеологом которых был генерал Мануэль Савио, выступали за экономическую самостоя-

тельность страны, за упрочение государственного сектора, развитие национальной тяжелой промышленности⁴⁰.

Определенные течения среди военных-националистов в борьбе за упрочение национальной независимости, ограничение позиций иностранного капитала рассчитывали, используя межимпериалистические противоречия, получить помощь от фашистских держав. Нельзя отрицать, что некоторые из военных действительно испытывали профашистские симпатии, хотели бы насадить фашистские порядки в Латинской Америке. На этом, в частности, активно играла империалистическая пропаганда США и Англии, пытаясь представить всех военных-националистов агентурой фашизма в латиноамериканских странах. Прикрываясь антифашистскими лозунгами, империализм вел ожесточенную кампанию против патриотического боливийского правительства, возглавляемого майором Гуальберто Вильяроэлем, руководителем военной группировки, свергнувшей в 1943 г. олигархический режим* Также искажалась империалистической пропагандой позиция аргентинских военных-антиимпериалистов. Собственно говоря, такую же позицию занимали империалистические круги в отношении военных-националистов и в других регионах⁴¹.

Попытки империалистической пропаганды объявить проявлением «ультранационализма» любое стремление стран Латинской Америки к укреплению своей экономической самостоятельности особенно усилились в годы второй мировой войны. Именно в тот период и в первые послевоенные годы буржуазия латиноамериканских стран с особой настойчивостью заявляла о своей приверженности к идеям «экономического национализма», выступала за усиление протекционистской политики. В противовес этим лозунгам идеологи правящих кругов США, выдвинув теорию «взаимозависимости», выступали за отказ Латинской Америки от «экономического национализма», всячески превозносили «свободное предпринимательство» и «свободную конкуренцию».

В наиболее концентрированном виде эта позиция была изложена заместителем государственного секретаря США У. Клейтоном на международной конференции по вопросам войны и мира, проходившей в Мехико (с 15 февраля по 8 марта 1945 г.). В своем выступлении Клейтон заявил, что наступила эпоха «взаимозависимости» стран американского континента и поэтому политика «экономического национализма» представляет собой анахронизм. Он призвал устранить таможенные барьеры, отказаться от государственного вмешательства в экономику⁴².

В условиях разгорающейся «холодной войны», когда империализм для удержания Латинской Америки в сфере своего

---

* В 1946 г. в результате выступлений олигархии и обманутых ею некоторых слоев населения правительство Вильяроэля было свергнуто, а сам он зверски убит. Империалистическая и олигархическая печать пыталась изобразить этот контрреволюционный переворот как «антифашистское восстание».

влияния инспирировал в ряде государств империалистические государственные перевороты, политика «экономического национализма» во многих странах пошла на спад, не получила развития.

Правда, были и исключения. В Аргентине к власти в 1946 г. пришли сторонники Перона, начавшего свою политическую карьеру в рядах военных-националистов. Перонистам удалось привлечь на свою сторону большинство избирателей лозунгами социальной справедливости (хустисиализма), «экономического национализма». Со стороны буржуазных националистов была предпринята попытка создать массовое перонистское движение националистического типа, которое стало бы опорой для политики местной буржуазии, стремящейся ограничить засилье иностранного капитала.

Перонистские идеологи разработали целую систему методов идеологического воздействия на народные массы, активно используя националистические мифы, играя на антиимпериалистических настроениях широких слоев населения. В то же время определенные реформы, предпринятые Пероном в рамках политики «экономического национализма», вызвали сопротивление со стороны наиболее реакционной части буржуазно-помещичьей олигархии и американского империализма.

Аргентинские коммунисты с первых же дней прихода к власти перонистского националистического правительства заняли в отношении него принципиальную классовую позицию. Критикуя его антидемократические тенденции, показывая ограниченность его буржуазно-националистической политики, они в то же время взяли курс на тесное сотрудничество с перонистскими массами. «Если не оказать решительную поддержку рабочим и народным слоям, выступающим за Перона,— говорил в своем выступлении на XI съезде Компартии (август 1946) руководитель аргентинских коммунистов Викторио Кодовилья,— если не объединиться с ними и не предупредить маневры реакционных элементов, готовящих государственный переворот, то можно ожидать самых неприятных сюрпризов, может случиться, что в этой все обостряющейся борьбе за власть, за раскол массового движения, поддерживающего Перона, победят реакционные фашистские силы, прямо или косвенно поддерживаемые помещичьей олигархией и империалистическими монополиями»⁴³. Курс на расширение сотрудничества с перонистскими массами, позиции конструктивного, принципиального подхода к политике Перона были характерны для деятельности аргентинских коммунистов и на всех последующих этапах истории страны.

В конце 1950 г. в Бразилии на президентских выборах победил Жетулио Варгас, который пришел к власти под лозунгами борьбы за экономическую самостоятельность, за возвращение стране природных богатств. Созданная им трабальистская партия мыслилась как массовое националистическое движение, спо-

собное обеспечить успех политике «экономического национализма».

Несмотря на эскалацию в ряде стран Латинской Америки в конце 40-х — начале 50-х годов агрессивности империализма США, освободительное, антиимпериалистическое движение приобретало все более радикальный, глубокий характер. Эти сдвиги в Латинской Америке происходили под влиянием исторической победы демократических сил над фашизмом, решающей роли в ней Советского Союза. В Гватемале антидиктаторское движение, которое привело к свержению в 1944 г. тирана Убико, постепенно перерастало в революционный, антиимпериалистический процесс, который приобрел особенную глубину и размах в годы президентства (1951—1954) полковника Хакобо Арбенса, патриота и убежденного антиимпериалиста. В Боливии в результате народного восстания в апреле 1952 г. к власти пришло правительство партии Националистическое революционное движение (НРД), которое приступило к проведению широких социальных, антиолигархических преобразований.

Для освободительного движения как Гватемалы, так и Боливии в тот период было характерно немалое влияние революционно-демократических течений, которые, хотя нередко и выступали под националистическими лозунгами, в сущности переходили на позиции патриотизма, боевого антиимпериализма.

На фоне этих политических, социальных сдвигов особенно ясно был виден антинародный характер национализма правых экстремистских сил, захвативших власть в ряде латиноамериканских стран. В Колумбии лидер крайне правой фракции Консервативной партии Лауреано Гомес выступал за перестройку страны на клерикально-фалангистских началах. Истинная цена его «антиимпериалистических» деклараций была видна, например, во время его полемики с Гайтаном в парламенте в первые послевоенные годы. Гайтан выступал за национализацию нефтяной промышленности. «Аргументы» Гомеса сводились к тому, что колумбийцы не смогли бы рационально управлять национализированной отраслью экономики. В Венесуэле диктатор Перес Хименес широко открыл двери страны иностранному капиталу, щедро раздавая концессии империалистическим компаниям. В то же время идеологи диктаторского режима не скупались на националистическую демагогию, выдвинули программу так называемого нового национального идеала, которая, по их утверждению, должна была продолжить дело по возвеличиванию Латинской Америки, начатое Боливаром и другими руководителями войны за освобождение⁴⁴.

Если подобного рода режимы процветали под защитой империализма, пользовались всяческим покровительством со стороны правящих кругов США, то правительства, бросавшие вызов засилью иностранного капитала, подвергались ожесточенным нападкам. В 1954 г. в результате государственного переворота был

свергнут Жетулио Варгас, годом позже — президент Перон. Вследствие открытой вооруженной интервенции летом 1954 г. пало патриотическое, прогрессивное правительство Арбенса в Гватемале. В Боливии в результате прямого вмешательства правящих кругов США, а также изменения в расстановке сил внутри страны ключевые посты заняли национал-реформисты, которые априскскими лозунгами «конструктивного» антиимпериализма пытались оправдать свою политику уступок иностранному капиталу.

Однако своеобразная пауза в разворачивании освободительных, антиимпериалистических процессов в Латинской Америке была недолгой. Со второй половины 50-х годов в Латинской Америке вновь происходит подъем освободительного движения. В ряде латиноамериканских государств (Перу, Венесуэле) были свергнуты проимпериалистические военно-политические диктатуры, в других странах происходила определенная демократизация внутренней жизни.

Победа кубинской революции была кульминацией этой растущей антиимпериалистической волны. Она ознаменовала собой новый этап в борьбе народов Латинской Америки за освобождение от империалистического гнета, за укрепление национального суверенитета, за экономическую самостоятельность, демократию, мир, за глубокие революционные социальные преобразования.

Освободительные процессы, начавшиеся в Латинской Америке, приобретали различные формы, были чрезвычайно многообразны.

Во многих латиноамериканских странах вновь на первый план выдвинулись националистические идеи, которые охватили своим влиянием довольно широкие массы и активно использовались идеологами буржуазного национализма, чтобы перевести освободительное движение в чисто националистическое русло, ограничив его буржуазными рамками. Свою роль сыграло здесь то обстоятельство, что открытая вражда империалистических кругов США и их латиноамериканских союзников к правительствам, выступавшим под националистическими лозунгами, породила убежденность у различных слоев населения, что именно национализм является тем магическим средством, с помощью которого можно решать все острые проблемы, добиться экономической самостоятельности. Сама обстановка патриотического подъема в странах Латинской Америки, порожденного свержением диктаторских режимов, создавала особо благоприятную социально-психологическую атмосферу для воздействия пропагандируемых буржуазными националистами лозунгов «национального единства», «социальной гармонии» во имя борьбы за освобождение. Недостаточно четкая постановка в тот период прогрессивными силами, в том числе отдельными компартиями, вопроса об идеологических, политических принципах создания широких антиимпериалистических, освободительных фронтов и

коалиций также способствовала распространению националистических идей.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов в странах Латинской Америки временно пользовалась довольно большой популярностью националистическая теория «национального капитализма». Ее пропагандисты стремились убедить трудящиеся массы отказаться от боевых выступлений в защиту своих социальных, классовых требований во имя борьбы за «прогрессивный национальный капитализм», который, по их утверждению, будет свободен от пороков капитализма экономически развитых стран. По словам известного бразильского социолога Хелио Жагуарибе, «идеалы национализма объединяют, с одной стороны, наиболее динамичный сектор буржуазии, выступающий за промышленную революцию, а с другой — пролетариат, чья потребительская способность будет увеличиваться по мере индустриализации»⁴⁵.

В силу указанных причин теория «национального капитализма» разделялась даже теми политическими течениями, которые в общем-то отнюдь не представляли интересы буржуазии. Так было, например, в Бразилии, где одно время в антиимпериалистическом, освободительном движении теория «национального капитализма» рассматривалась как своего рода официальная идеология всех националистических течений, якобы способная в последующем радикализировать цели и задачи движения. Влиятельный бразильский еженедельник националистического направления «О Семанарио» в одной из своих статей заявил, что национальная буржуазия должна принять активное участие в борьбе за осуществление «революции социальных реформ», ибо в противном случае она «потеряет единственный остающийся у нее шанс влиять на судьбы нации и может оказаться отброшенной от руководства другими, более радикально настроенными силами»⁴⁶.

Однако при столкновении с реальной действительностью иллюзии относительно возможностей национальной буржуазии возглавить «революцию социальных реформ» исчезли. Углубление антиимпериалистических освободительных процессов в Бразилии и других странах Латинской Америки также заставили пересмотреть свои взгляды относительно «национального капитализма» тех, кто выступал за осуществление глубоких социальных преобразований. Все эти факторы предопределили дискредитацию этой теории среди различных течений в освободительном движении, переход бывших ее сторонников на боевые антиимпериалистические позиции. В освободительном движении Бразилии, хотя внешне развивавшемся под националистическими лозунгами, на деле преодолевалось влияние идей буржуазного национализма, осуществлялся переход влиятельных политических течений, например трабальзма, на патриотические, революционно-демократические позиции. Не менее важные сдвиги проис-

ходили в перонистском националистическом движении, в котором происходил поворот влево, усиливались боевые, антиимпериалистические настроения, перехлестывавшие узкие рамки идеологии буржуазного национализма⁴⁷.

Большую роль в разъяснении буржуазно-националистической сущности «национального капитализма», опасности этой концепции для освободительного движения сыграли коммунистические партии, которые преодолели влияние правооппортунистическогошибок в своих рядах, дали подлинно научное марксистско-ленинское толкование диалектики развития освободительных антиимпериалистических процессов в странах Латинской Америки. Так, в общей резолюции XVIII съезда Компартии Уругвая говорилось, что буржуазный национализм «ограничивает и обуславливает революционный процесс существованием капиталистического этапа развития, подчиняя цели революции задачам, совместимым с существованием капитализма. В то же время мировоззрение пролетариата — марксизм-ленинизм рассматривает революцию как составную часть мировой социалистической революции, способствует переходу освободившихся народов на некапиталистический путь развития, облегчая переход революции национального освобождения к социалистическому этапу»⁴⁸.

Если пропагандисты теории «национального капитализма» выступали, так сказать, с открытым забралом, то сторонники развития (десарольизма) * избрали другой путь для утверждения своих националистических взглядов о путях преодоления отсталости стран Латинской Америки. Идеологи десарольизма во главе с аргентинским экономистом и социологом Раулем Пребишем выступили с декларациями о необходимости разработать «чисто латиноамериканскую», «автохтонную» программу решения коренных социально-экономических проблем Латинской Америки⁴⁹.

Главная цель создания такой «автохтонной» платформы, как подчеркивали теоретики десарольизма, должна состоять в ликвидации неравноправного периферийного положения Латинской Америки в системе мировых экономических отношений. Для достижения этой цели они предлагали ограничить засилье иностранного капитала в ключевых отраслях экономики, провести аграрные преобразования, изменить несправедливое распределение национального дохода.

Хотя в своих основных посылах теория развития не выходила за рамки буржуазно-националистической системы взглядов с их призывами к «национальному единству», «классовой гармонии», стремление ее сторонников затронуть действительно жгучие социально-экономические проблемы не могло не импониро-

---

* Нередко эту теорию называют «доктриной ЭКЛА», поскольку многие ее создатели работали в Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА).

вать представителям различных социальных сил. Для многих сама «недифференцированность» идеологии десарольизма, ее частое манипулирование понятием «богатых» и «бедных» наций казались своего рода доказательством ее надклассовости, истинной националистичности.

Десарольисты выступали в своем большинстве активными пропагандистами интеграционных процессов, видели в теории «континентального национализма» ключ к решению латиноамериканских проблем. Континентальный национализм в его буржуазно-националистическом варианте становится с начала 60-х годов той идеологией, которая была призвана на основе «чистого латиноамериканизма» обосновать интеграционные процессы, приглушить классовые социальные конфликты.

Однако довольно скоро обнаружилось, что объединить широкие слои населения, различные политические силы под знаменем той или иной разновидности националистической идеологии не удастся, что внешне монолитные националистические теории обнаруживают свою крайнюю противоречивость, наполняются временами диаметрально противоположным смыслом в зависимости от того, какие политические течения их интерпретируют. Причины такого положения были самыми разными.

Попытки правящих кругов США создать единый фронт с латиноамериканскими националистами на основе программы «Союза ради прогресса» оказались недолговечными и неэффективными. Реформы по модернизации отсталых структур латиноамериканского общества, осуществляемые сверху по программе «Союза», не только не привели к затуханию классовых, социальных противоречий, но, наоборот, в конечном счете чрезвычайно их обострили. Правозэкстремистским силам как в США, так и в Латинской Америке эта политика казалась слишком «левой», угрожающей-де «свободному предпринимательству», самим принципам частной собственности.

Особенно ожесточенным нападкам подвергались сторонники десарольизма, в котором правые видели опасный социальный, «ультранационалистический» эксперимент. В середине 60-х годов в качестве альтернативы десарольизму начинают усиленно пропагандироваться крайне правые националистические концепции, ратующие за быструю капиталистическую модернизацию стран Латинской Америки за счет усиления эксплуатации трудящихся масс, интенсивного привлечения иностранного капитала.

Эта политика, пронизанная идеями великодержавного, шовинистического национализма, стала проводиться в жизнь в Бразилии после свержения (1964) правительства Гуларта и установления военного авторитарно-диктаторского режима. Такую же политику воинствующего национализма пытался проводить в жизнь военный режим в Аргентине, установленный летом 1966 г.

Левые прогрессивные силы видели ограниченность десарольистских концепций, предлагаемых ими рецептов по преобразова-

нию латиноамериканского общества. Многие течения, ставшие в оппозицию к десарольизму, выступали под националистическими лозунгами, как это делали христианские синдикалисты, объединенные в рядах Латиноамериканского профцентра трудящихся. В своих принципиальных посылах представители этих течений отходили от буржуазного национализма, проявляли явно антикапиталистические настроения. Христианские синдикалисты, выступая с позиций континентального национализма, трактовали его в антикапиталистическом духе, видели в интеграции орудие борьбы трудящихся за свое социальное освобождение⁵⁰.

Таким образом, к середине 60-х годов явственно обнаружился глубокий, прогрессирующий кризис различных разновидностей и форм буржуазного национализма. Политические социальные течения все более широкого спектра настойчиво искали выхода из порочного круга влияния буржуазно-националистических идей, стремились выработать такую идеологию, которая была бы адекватна их боевым антиимпериалистическим устремлениям. В то же время различные буржуазно-олигархические группировки лихорадочно стремились упрочить свои позиции на путях модернизации идеологии национализма, интеграции его различных разновидностей.

С особой силой эти противоречивые тенденции в теории и практике латиноамериканского национализма проявились со второй половины 60-х годов. Именно в этот период чрезвычайно обострилась борьба, как идеологическая так и политическая, в ходе которой решался вопрос о путях дальнейшего развития латиноамериканских стран. В этот период все более явственно происходит переплетение различных форм буржуазного национализма, который во всех его оттенках и разновидностях выступает как прикрытие политики капиталистического развития за счет ограбления трудящихся масс, путем активного использования складывающейся в ряде стран (Бразилии, Аргентине) политической системы зависимого государственно-монополистического капитализма.

В условиях обострения социальной борьбы, углубления освободительного движения эти формы буржуазного национализма приобретают особенно агрессивный, шовинистический, контрреволюционный и даже фашистский характер, как об этом свидетельствуют трагические события в Чили. Для национализма наиболее правых сил характерно отрицание институтов «представительной демократии», стремление заменить их авторитарными корпоративистскими формами правления.

В то же время часть правящих классов ряда латиноамериканских государств, выступая под националистическими лозунгами, стремится возродить политику «экономического национализма» как в пределах той или иной страны, так и в рамках различного рода интеграционных объединений, например Андского пакта. В этих условиях выдвижение вновь на первый план

Лозунгов континентального национализма говорит о наличии достаточно острых противоречий между иностранными монополиями и теми или иными группировками господствующих классов ряда латиноамериканских стран. Иными словами, сейчас имеет место попытка вновь объединить широкие слои населения под националистическими лозунгами, придав им своего рода бóльшую весомость с помощью осуществления политики национализации отдельных отраслей экономики, ограничения господства иностранного капитала. На Совещании коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна (1975) со всей определенностью подчеркивалось, что латиноамериканские коммунисты будут поддерживать те правительства, которые выступают в защиту природных богатств, стремятся ограничить деятельность межнациональных компаний. Одновременно на Совещании отмечалось: «Правда, не всегда меры по защите национальной экономики сопровождаются проведением подлинно антиимпериалистической политики. В некоторых случаях речь идет о буржуазном национализме, который не стремится к экономическим и социальным преобразованиям и мешает осуществляющим эти преобразования правительствам занимать прогрессивные позиции по отношению к главным вопросам современности. Можно добиться перехода националистов на антиимпериалистические и революционные позиции по мере того, как будут решительно вступать в борьбу народные силы и будут обостряться противоречия между националистическими правительствами и империализмом»⁵¹.

Идеологические, политические процессы, происходящие в рядах различных националистических течений, подтверждают этот глубокий анализ, данный коллективной мыслью коммунистов Латинской Америки.

Обострение борьбы вокруг альтернатив общественного развития стран Латинской Америки, развертывающейся в условиях успехов мирового социализма во главе с Советским Союзом, изменения в соотношении сил в самих латиноамериканских странах приводят к возникновению таких политических, идеологических течений, которые выдвигают националистические лозунги не с целью оправдания контрреволюционной, консервативной политики, как было в прошлом, а для утверждения антиимпериалистических и даже антикапиталистических позиций. Пожалуй, наиболее характерным для современной Латинской Америки является взятый на вооружение различными политическими силами лозунг «революционного национализма». Сразу стоит отметить, что под прикрытием этого лозунга нередко протаскивается явная идеологическая антикоммунистическая контрабанда, мало чем отличающаяся от буржуазного национализма самого худшего толка. Ведь именно к «революционному национализму» апеллируют ныне различные левацкие группировки, экстремисты, троцкисты, которые под флагом «особой революционности стран

третьего мира», куда они включают и Латинскую Америку, стремятся изолировать освободительное движение в этом регионе от других потоков мирового революционного движения, мировой социалистической системы. Однако если эти авантюристические группировки используют «революционный национализм» в своих антикоммунистических целях, то представители других политических сил обращаются к нему в поисках выхода из глубокого кризиса зависимого капитализма не путем его модернизации, а путем разработки антикапиталистической модели развития. Для сторонников «революционного национализма» характерно растущее осознание того, что именно капитализм является главной причиной слабого экономического и социального развития стран Латинской Америки. Они подходят к пониманию механики империалистического господства, видя в нем проявление эксплуататорской сущности капитализма в наиболее концентрированном виде. Отсюда и усиление антикапиталистических настроений у сторонников «революционного национализма». О росте влияния этих идей в латиноамериканском регионе свидетельствует тот факт, что их разделяют представители религиозных кругов, влиятельные течения в армии, в массовых политических движениях националистического типа.

Рост антикапиталистических настроений сторонников «революционного национализма» все чаще проявляется в выдвижении различных социалистических теорий и концепций. Сейчас все чаще в Латинской Америке пропагандируются теории «национального», «гуманистического» и даже «христианского» социализма. О социализме говорят перуанские военные, молодые боливийские офицеры, свою приверженность к социалистическим идеям провозглашают левые течения в католическом и протестантском движениях, интенсивно распространяются концепции «национального социализма» в перонистском движении, где эти идеи разделяют довольно многочисленные слои рабочего класса, среди колумбийских анапистов и т. д.

Следует заметить, что в подобного рода представлениях о социализме немало туманного, противоречивого, далекого от идей научного социализма*

Сторонники этих взглядов нередко недооценивают успехи реального социализма в Советском Союзе и других социалистических странах, стремятся создать совершенно «оригинальную», «латиноамериканскую» модель социалистической теории, а то и такую теорию, которая была бы моделью социализма для «третьего мира». В значительной степени своеобразие, противоречивость этих концепций социализма объясняются воздействием на

---

* В данном случае мы не говорим об откровенной спекуляции на идеях социализма различного рода правых, реформистских сил, которые пытаются выхолостить из «социалистической теории» в их интерпретации всякое классовое содержание,

них националистической идеологии, пусть и в облики «революционного национализма», которому при всем его разрыве с буржуазным национализмом свойственны черты абсолютизации национальной специфики, выдвижения на первый план, например, идей «особой революционности третьего мира»⁵². Однако при всех условиях нельзя не видеть в этих концепциях проявления стихийного антикапитализма, определенного влияния идей научного социализма.

Собственно говоря, именно через национализм различные непролетарские течения приходят нередко к восприятию социалистических идей⁵³.

Известно, что В. И. Ленин предупреждал об опасности огульного отрицательного отношения к непролетарским теориям социального прогресса⁵⁴. С ленинских позиций подходят к оценке «национального социализма» коммунистические партии стран Латинской Америки. Критикуя теоретические слабости этой концепции, коммунисты в то же время видят позитивное начало во все более определенном повороте непролетарских слоев населения в сторону социализма, в прогрессирующей тенденции разрыва с капитализмом как системой. Эта конструктивная творческая позиция определяет отношение коммунистов к конкретным проявлениям рассматриваемых идеологических течений.

Для понимания возможных масштабов и глубины эволюции последователей теории «национального социализма» в сторону сознательного боевого антикапитализма необходимо иметь в виду, что в Латинской Америке имеются серьезные материальные, социальные и духовные предпосылки для расширения и углубления влияния идей научного социализма на различные слои населения. Эти предпосылки — наличие многочисленного рабочего класса, его революционного политического авангарда — коммунистических партий, глубина и острота классовых, социальных противоречий и антагонизмов — в сочетании с возрастающим воздействием мировой социалистической системы на революционные процессы в Латинской Америке создают все более благоприятные условия для подрыва еще весьма сильного влияния буржуазного национализма на различные слои населения, для усиления роли передовой революционной идеологии в освободительном движении.

В этом регионе, как и во всем мире, борьба идет не между национализмом и «экзотическими», «интернационалистическими» теориями, что пытаются утверждать буржуазные идеологи, а между силами реакции и прогресса, силами социализма и капитализма, адепты которого активно прибегают к помощи национализма. Анализ всех форм и разновидностей национализма в Латинской Америке полностью подтверждает этот вывод о растущем воздействии основного противоречия современности на латиноамериканские страны.

НАЦИОНАЛ-РЕФОРМИСТСКИЕ ПАРТИИ И ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

К политическим партиям националистического типа, действующим в Латинской Америке на протяжении нескольких десятилетий, относятся массовые мелкобуржуазные реформистские организации, которые их идеологи именуют национально-революционными или народными партиями. В марксистской литературе эти партии принято классифицировать как национал-реформистские.

К их числу принадлежат: Народная (апристская) партия (Перу), партия Демократическое действие (Венесуэла), партия Националистическое революционное движение (Боливия), партия Национальное освобождение (Коста-Рика), Доминиканская революционная партия и ряд других. При определенных различиях в политике этих партий, объясняющихся своеобразием национальных условий, они имеют много общего в теоретических и программных установках, что позволяет рассматривать их как единое идеологическое и политическое течение в общественно-политической жизни Латинской Америки.

Характерной чертой как идеологии, так и политической практики всех без исключения национал-реформистских партий является национализм. Национал-реформистские лидеры, апеллируя к национальным чувствам членов руководимых ими партий, преднамеренно гипертрофируют и искусственно противопоставляют национально особенное латиноамериканских стран своеобразию других наций.

Для того чтобы понять, почему основой этого идеологического и политического течения служит национализм, достаточно обратиться к историческим условиям, в которых оно зародилось. Национал-реформизм, отражавший психологию и настроение мелкобуржуазных слоев, возник на рубеже 20—30-х годов как альтернатива интернациональному учению — марксизму-лени-

низму. Это в решающей степени предопределило его националистический характер.

Анализ теории и практики национал-реформизма позволяет сделать вывод, что это идеологическое и политическое течение представляет собой разновидность буржуазного национализма в условиях современной Латинской Америки.

1. АПРИЗМ: ИСТОКИ И КОРНИ НАЦИОНАЛИЗМА

Идейные истоки и корни латиноамериканского национал-реформизма восходят к апризму — своеобразному философско-политическому учению, одним из создателей которого является политический и общественный деятель Перу В. Р. Айа де ла Торре, основавший в 1924 г. Американский народно-революционный альянс — АПРА (Alianza Popular Revolucionaria Americana — APRA).

Апризм возник как реакция верхушечных слоев мелкой буржуазии на распространение в 20—30-х годах в латиноамериканском обществе идей марксизма-ленинизма, носителями которых были молодые коммунистические партии.

В этих условиях часть мелкобуржуазной интеллигенции выступила с претензией на создание «оригинального» социологического учения, стремившегося истолковать процессы классовой борьбы в Латинской Америке прежде всего под углом зрения их «самобытности». «Апризм родился,— подчеркивал Айа де ла Торре,— на основе абсолютно конкретной национальной экономической действительности»¹. По определению Айа де ла Торре, «апризм представляет собой законченную доктрину и метод реальных действий, или, говоря другими словами, всеобъемлющую экономико-политическую и социальную программу достижения экономической независимости Латинской Америки»².

Отвергая марксизм-ленинизм как чужеродную для Латинской Америки идеологию, апристы претендовали на выработку «особой», латиноамериканской модели революционного пути, утверждая, что привнесение идеологий извне неприемлемо для латиноамериканских стран.

В стремлении фальсифицировать марксизм, в игнорировании присущего ему подлинного синтеза национального и интернационального со всей очевидностью проявляется националистический характер апристской идеологии. «Апризм,— говорил Айа де ла Торре,— это национализм в его наиболее подлинном, творческом и конструктивном проявлении»³.

Айа де ла Торре, пытаясь обосновать необходимость создания специфического латиноамериканского учения, ссылаясь на гегелевский закон отрицания отрицания, который вошел в марксистскую философию как неотъемлемая составная часть. В его трактовке этот закон в применении к латиноамериканской дей-

ствительности сводился к следующей триаде: «тезис — капитализм, антитезис — коммунизм, синтез — апризм»⁴.

Вульгаризаторски толкуя марксизм, апристы стараются представить его не как цельное мировоззрение, а как схему, которая применима исключительно к определенному, вполне обусловленному «пространству — времени», т. е. к европейской действительности. Аяа де ла Торре писал: «Марксизм является отрицанием учения Гегеля в силу диалектической преемственности. Ныне отрицанию подвергается и марксизм, опять-таки по причинам исторической динамики... Любое историческое явление неотделимо от времени и пространства, в котором оно происходит, причем есть европейское время и пространство и американское время и пространство»⁵.

Аяа де ла Торре и его идейные последователи утверждали, что только апризм, как единственное учение, учитывающее национальные особенности, способен открыть народам Латинской Америки путь к социальному и национальному освобождению.

Специфику стран континента апристы усматривали прежде всего в расово-национальном моменте: «Индейцы,— заявлял Аяа де ла Торре,— составляют этническую и социально-экономическую базу Америки»⁶. Для более адекватного выражения понятия Латинская Америка апристы широко оперировали термином «Индо-Америка». По их мнению, преобладание в Андских странах индейского элемента с его глубокими историческими корнями и традициями, восходящими к «инкскому социализму», настоятельно требует особого учета этой специфики. Идеологи апризма провозгласили, что метисация населения в Латинской Америке привела к образованию «новой расы», являющейся прообразом человечества, и выдвинули явно националистический лозунг: «Латинская Америка — индейцам». «Новая революция нашей Америки,— подчеркивал Аяа де ла Торре,— будет по своей основе и по своей сущности революцией индейской»⁷.

Другой важнейшей индивидуальной чертой Латинской Америки апристы считали ее особое положение в мировой капиталистической системе. Оно характеризовалось прежде всего недостаточной развитостью капиталистических отношений и отсутствием сколько-нибудь значительных антагонистических классовых противоречий. Идеологи апризма рассматривали «Индо-Америку» как единое, недифференцированное целое, игнорируя национальные особенности отдельных стран. «На экономической карте мира,— писал Аяа де ла Торре,— Латинская Америка является единым колониальным районом»⁸.

В изображении апристских теоретиков социально-классовая структура всех без исключения латиноамериканских стран выглядела весьма элементарной. С одной стороны, агентура империализма в лице буржуазно-помещичьей олигархии, а с другой — угнетенные «трудовые классы». Исходя из подобной социально-классовой композиции латиноамериканского общества,

идеологи апризма пришли к выводу, что в отличие от высокообразованного общества основное противоречие латиноамериканского общества — это не носящее классового характера противоречие между двумя социальными группами, находящимися на противоположных полюсах (т. е. народом и реакцией).

Апристы заявляли в 30-е годы, что в Латинской Америке, находящейся в условиях «колониальной зависимости», пролетариат еще только формируется, его классовое сознание находится в стадии становления и развития. «Ребенок живет, ребенок чувствует боль, ребенок протестует против боли, тем не менее ребенок не способен руководить самим собой»⁹ — так Айа де ла Торре характеризовал уровень развития пролетариата, его классового сознания. «Все это, — резюмировал Айа де ла Торре, — не позволяет индустриальному пролетариату осуществлять руководство судьбами нации»¹⁰. Поэтому, делали апристы вывод, необходимо осуществление национальной революции, в рамках которой Латинская Америка завершила бы цикл капиталистического развития, с тем чтобы со временем созрели предпосылки для социалистической революции.

Своей основной задачей после прихода к власти апристы провозглашали создание так называемого антиимпериалистического государства. «Капиталистический этап развития, — писал Айа де ла Торре, — должен осуществляться в наших странах под эгидой антиимпериалистического государства»¹¹. Оно было призвано стать эффективным орудием построения новой социальной организации общества в интересах народных масс. Это государство, используя госкапитализм, должно воспрепятствовать развитию Латинской Америки по «классическому» капиталистическому пути. Его функции включали бы установление контроля государства над производством и национальными богатствами, а также национализацию земли и промышленности.

Что касается роли и места иностранного капитала, то, по мнению Айа де ла Торре, «антиимпериалистическое государство должно контролировать иностранные инвестиции, выдвигая свои условия»¹². Таким образом, считают идеологи апризма, задача антиимпериалистического государства в этом вопросе должна быть сведена в основном к ограничению «отрицательных» сторон деятельности иностранного капитала и укреплению способности защищаться от «нежелательных» иностранных капиталовложений*.

Националистическая сущность апризма особенно явно обнаруживается при анализе его трактовки роли классов и партий в освободительном движении. Вопрос о том, какого рода партия должна возглавлять борьбу трудящихся Латинской Америки за

---

* Подробнее о взглядах национал-реформистов на роль и место империализма в Латинской Америке см. ниже.

социальное и национальное освобождение, был одним из главных в острой идейной полемике между коммунистами и апристами, которая началась в середине 20-х годов и не прекращается по настоящее время.

В отличие от коммунистов, выступающих за необходимость создания пролетарской партии, апристы ратовали за так называемую многоклассовую партию, ссылаясь при этом на специфику социальной и классовой структуры латиноамериканских стран. Так, один из руководителей апристской партии А. Вильянуэва писал, что «демократические революционные партии представляют собой союз различных классов (средних слоев, рабочих и крестьян), которые борются за свободу, национальный суверенитет и социальную справедливость. Такой союз исторически необходим»¹³.

С момента зарождения апристского движения его лидеры провозглашали свою партию единственной партией, выражающей стремления и чаяния широких масс трудящихся. «Мы являемся политической организацией, где представлены интересы трех классов, которые сегодня — парии в нашей стране. Мы являемся партией единого фронта, партией, созданной для разрешения проблем этих трех классов, объединенных общностью интересов», — так декларировал Айа де ла Торре в 1931 г.¹⁴

Таким образом, теория исключительности и особого пути явилась не чем иным, как некоторой модификацией буржуазного и мелкобуржуазного реформизма, соединенного с отдельными положениями марксизма, притом изложенным в урезанном, деформированном виде. Апристские концепции отражали неуверенность средних слоев, и в особенности мелкой буржуазии, в своем будущем в условиях ускоренного капиталистического развития, обострения социально-классовых противоречий, растущего влияния идей марксизма-ленинизма в странах Латинской Америки.

Это в решающей степени предопределило антикоммунизм апризма. «Коммунизм в Перу противоречит логике, — прямо заявлял Айа де ла Торре еще в начале 30-х годов, — это опухоль, киста, которую надо удалить без остатка»¹⁵. Основное обвинение, выдвинутое апристами против коммунистов, состояло в том, что они «догматизируют марксизм» и не учитывают специфики латиноамериканских стран.

В действительности же еще первое поколение латиноамериканских коммунистов сумело найти правильное применение общих, универсальных принципов научного коммунизма к условиям своих стран. С этих позиций коммунисты начали борьбу с националистической апристской идеологией. Они с самого начала рассматривали апризм как одно из проявлений буржуазного национализма в Латинской Америке. В то время как сами апристы пытались выдать свое учение за «латиноамериканизированный марксизм», якобы учитывающий «специфику и само-

бытность Индо-Америки», коммунисты определяли его как «латиноамериканизированный национализм».

Большая заслуга в раскрытии подлинной сущности апризма принадлежит в первую очередь таким видным деятелям международного и латиноамериканского революционного движения, как Хосе Карлос Мариатеги и Хулио Антонио Мелья.

Полемизируя с Айа де ла Торре и его последователями, утверждавшими, что марксистский социализм — это сугубо европейский феномен, Х. К. Мариатеги писал: «Социализм, хотя он и родился в Европе, так же как и капитализм, не является специфическим и исключительно европейским продуктом. Он представляет собой всемирное движение, которого не избежать ни одной из стран, вращающихся в орбите западной цивилизации»¹⁶. Мариатеги особо подчеркивал творческий характер марксизма. «В каждой стране, среди каждого народа,— писал Мариатеги,— марксизм проявляется в определенных условиях, в определенной среде, с учетом всех особенностей»¹⁷.

Коммунисты первыми в Латинской Америке приступили к научной разработке проблемы зависимости своих стран от империализма, показали его деформирующее влияние на экономическое и политическое развитие.

Латиноамериканские коммунисты в полемике с апристами обращали внимание на то, что последние по существу игнорировали факт утверждения капиталистических отношений в Латинской Америке, возникновения на этой основе новых слоев и классов, формирования на континенте сложной социально-классовой структуры.

Выступая против раздувания латиноамериканской исключительности, Х. А. Мелья писал в середине 20-х годов: «Законы социального развития, когда капитализм порождает пролетариат, полностью подтверждаются на латиноамериканском континенте. Здесь не только формируется пролетариат, но так же, как и в Европе, между антагонистическими классами ведется борьба, имеющая историческое значение»¹⁸.

В отличие от апристов, Х. К. Мариатеги и Х. А. Мелья особенно настойчиво подчеркивали неразрывную связь освободительной борьбы в Латинской Америке с мировыми революционными процессами.

Надклассовым лозунгам антиимпериалистической борьбы, выдвинутым апристами, коммунисты Латинской Америки противопоставили марксистский подход к проблемам революционного движения. Х. К. Мариатеги указывал, что антиимпериалистическую борьбу нельзя рассматривать как самостоятельную, изолированную форму борьбы, и особо подчеркивал, что она неразрывно связана с борьбой социальной, классовой, что классовый фактор по мере политического и экономического развития Латинской Америки будет играть все более определяющую роль¹⁹.

Исходя из этого марксисты-ленинцы с особой остротой ставили вопрос о необходимости неустанной борьбы за укрепление позиций наиболее последовательных классовых сил в освободительном антиимпериалистическом движении.

После того как в начале 1928 г. Айа де ла Торре и его сторонники заявили о своем намерении превратить АПРА в «многоклассовую» политическую партию, которую они предполагали именовать Националистическая партия освобождения Перу²⁰, Х. К. Мариатеги и другие перуанские марксисты-ленинцы порвали с апристами, поставив вопрос о создании пролетарской партии. В деятельности революционных партий они видели решающую силу и неперемное условие для успешного развертывания антиимпериалистического освободительного движения. «Подлинное национальное освобождение, — подчеркивал Х. А. Мелья, — сумеет завоевать только рабочий класс, и этого он добьется путем осуществления пролетарской революции»²¹.

В качестве примера воинствующего национализма апристских теорий Х. А. Мелья приводил их лозунг: «Освобождение латиноамериканцев должно быть делом самих латиноамериканцев»²². Х. А. Мелья подчеркивал, что этот насквозь националистический по своему содержанию лозунг ставит своей целью изолировать Латинскую Америку от мирового революционного движения, противопоставить освободительную борьбу народов региона борьбе рабочего класса развитых капиталистических стран.

Как подлинный интернационалист, чуждый национальной ограниченности, Х. А. Мелья заявлял, что лозунг «Освобождение пролетариата — дело рук самого пролетариата» — единственно приемлемый для тех, кто хочет достичь действительного освобождения латиноамериканских стран²³.

Исторический опыт Латинской Америки подтвердил непреходящее значение вклада первого поколения марксистов-ленинцев в борьбу с чуждой пролетариату националистической идеологией апризма.

2. ТЕОРИЯ «ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Лидеры национал-реформистских партий латиноамериканских государств взяли апризм на свое идейное вооружение, слегка модифицировав его применительно к условиям соответствующих стран.

Вслед за апристами и другие идеологи национал-реформизма выдвигают и рьяно отстаивают тезис о неприемлемости марксизма-ленинизма в условиях «оригинальной» латиноамериканской действительности, о необходимости национальной модели революции. Так, один из боливийских теоретиков «национальной исключительности» Рене Савалета Меркадо писал, что «универ-

сальные идеологии являются инородным телом для страны, они отвлекают боливийцев от решения национальных проблем»²⁴.

Национал-реформисты утверждают, что в силу сложившихся исторических условий Латинская Америка на пути к социальному освобождению должна пройти особый этап развития — этап общенациональной революции. В их партийных программах этот особый «национально-революционный» этап именуется «национальной, демократической, антиимпериалистической и антифеодальной революцией», которая предусматривает ликвидацию зависимости от «иностранных экономических интересов» посредством диверсификации экономики и индустриализации; уничтожение латифундизма путем осуществления аграрной реформы; установление системы представительной демократии, проведение независимой внешней политики и т. п.

При определении характера революции национал-реформисты на первый план выдвигают именно национальный момент. Так, один из идеологов боливийской национальной революции Г. Бедрегаль в 1952 г., после прихода к власти в Боливии партии Националистическое революционное движение — НРД, особо подчеркивал, что «величайшей исторической задачей нынешнего момента... является революция не пролетарская, а национальная»²⁵.

Под революцией идеологи национал-реформизма в сущности подразумевают сумму реформ, направленных на частичную модернизацию социально-экономической и политической системы, постепенное улучшение деятельности общественного механизма.

Ратуя на словах, особенно в первые годы своей деятельности, за установление социализма, они утверждали, что в своей эволюции на пути к социализму латиноамериканские страны должны пройти полный цикл капиталистического развития. Официоз боливийской партии Националистическое революционное движение газета «Ла Насьон» в период, когда партия была у власти, подчеркивала: «Мы не выступаем ни за уничтожение капитализма как социальной системы, ни за ликвидацию частной собственности. Наоборот, мы поощряем самое широкое, свободное и быстрое развитие капитализма, которое раньше на своем пути встречало множество препятствий»²⁶. В таком же духе высказывался и один из руководящих деятелей НРД А. Канелос²⁷. Лидер партии Демократическое действие (Венесуэла) Р Бетанкур писал: «Наша страна не может перескочить капиталистический этап развития своей экономики. То, что мы планировали, сводилось не к тому, чтобы социализировать собственность, а к тому, чтобы дать ей полный простор для развития»²⁸.

Вслед за Аяа де ла Торре Бетанкур отстаивает тезис об «особой роли антиимпериалистического государства». «В Венесуэле, — утверждал он, — скачок от колониального к современному в экономической структуре общества должен быть запла-

нирован и регулируем правительством, отчетливо осознающим передовые идеи современности и действующим в интересах тех классовых сил, которые призваны внести решающий вклад в эту революцию и оказывать ей наибольшую поддержку: средних слоев, интеллигенции, профессионально-технических работников, рабочих, ремесленников, крестьян и предпринимателей с передовым сознанием»²⁹.

Национал-реформисты рассматривают «антиимпериалистическое государство» переходного периода как некую надклассовую силу, выступающую якобы в общенациональных интересах. «Большинское государство,— писал Г. Бедрегаль,— не является пролетарским государством, но оно, строго говоря, не является и буржуазным государством в собственном смысле этого слова. Оно осуществляет политику независимо от влияния какого-либо одного класса, политической группы и партии — в интересах всех классов... Революция намерена создать такой тип государства, который соответствует нашей национальной специфике»³⁰.

Идея о надклассовом характере государства четко выражена и в программе партии Национальное освобождение (Коста-Рика), где говорится, что одной из основных задач государства является достижение социального равновесия и справедливого распределения богатств между различными классами и группами³¹.

Перед странами Латинской Америки, заявляют национал-реформисты, стоят задачи экономического развития, которые носят общенациональный характер. Поэтому важнейшей функцией «антиимпериалистического государства» на «национально-революционном» этапе, по их утверждению, должно явиться объединение усилий большинства нации, всех классов, заинтересованных в осуществлении такой революции.

Согласно определению партийных документов венесуэльских национал-реформистов, для полуколониального общества характерно наличие двух основных социальных групп: реакции и народа. Реакция — «денежная аристократия, меньшинство, которое осуществляет господство», — включает крупную торговую, банковскую и промышленную буржуазию и латифундистов. Их интересы тесно связаны с монополистическим капиталом. В понятие «народ» включаются «социальные группы, которые не пользуются привилегией власти и плодами богатств», — это рабочие, крестьяне и средние слои, в состав которых входят мелкие коммерсанты и предприниматели, инженерно-технический персонал, служащие, прогрессивная интеллигенция³².

Исходя из этого, идеологи национал-реформизма не только полагали возможным сплотить в борьбе за интересы «национального развития» рабочий класс и буржуазию, но и считали это объединение необходимой предпосылкой и обязательным условием прогресса страны. В одном из программных документов партии Демократическое действие отмечалось, что во имя индустри-

стриализации и гармонического развития экономики необходимо взаимодействие трех основных факторов: «импульса государства, частной инициативы предпринимателей и сознательного духа трудящихся». При этом особо подчеркивалось, что «отсутствие одного из указанных компонентов помешает выиграть в короткое время битву за производство»³³.

Венесуэльские национал-реформисты в период после второй мировой войны уже не могли не признавать наличия в стране острых классовых противоречий. Но заявляли, что классовые конфликты могут быть смягчены и урегулированы с помощью посреднической миссии государства. Лучшая форма разрешения конфликтов, говорил Р. Бетанкур, «это коллективные соглашения, гарантирующие социальный мир на длительный срок... И этой формуле должны следовать трудящиеся и предприниматели, объединенные интересами венесуэльского духа»³⁴.

В условиях Боливии, по мнению идеологов НРД, классовая борьба пролетариата должна уступить место общим усилиям по развитию экономики: «пролетариат должен отодвинуть свои переходящие требования перед лицом жизненно важных потребностей национальной революции». В противном случае, утверждали они, рабочий класс окажется в роли «антинациональной силы»³⁵.

Так ссылаясь на специфические национально особенные условия латиноамериканских стран национал-реформисты маскируют свою приверженность идее социального мира и классовой гармонии. Более того, они пытаются убедить трудящихся, в частности рабочий класс, что в условиях экономически слабо развитых стран забастовочная борьба ни в коей мере не отвечает интересам эксплуатируемых. Страны Латинской Америки, по их утверждению, «не могут позволить себе роскошь парализовать свое и без того маломощное производство даже на день и даже на час»³⁶.

Лидеры национал-реформизма, спекулируя на национальных чувствах, пытаются внушить пролетариату мысль о том, что он должен пожертвовать своими классовыми интересами во имя «национальных».

Таким образом, в интерпретации национал-реформистов вырисовывается простая схема политических и классовых взаимоотношений в рамках общенационального государства; так как «антиимпериалистическое государство» не является органом классового господства, то национал-реформистская партия, стоящая во главе такого государства, должна проводить политику союзов с «прогрессивной» социал-реформистской буржуазией. Рабочий класс в свою очередь заинтересован в укреплении такого «национального государства», поскольку оно как надклассовое выражает также и его интересы. Наконец, по их утверждению, установление политических свобод, демократии, всеобщего избирательного права, контроля над иностранным капиталом и

т. д. автоматически приводит к ликвидации почвы для классовой борьбы.

Однако в действительности попытка претворить в жизнь идею «национального надклассового антиимпериалистического государства» в Боливии и Венесуэле в период пребывания в этих странах у власти национал-реформистских партий привела не к затуханию классовых конфликтов, а к их обострению. Да и для самих партий этот опыт имел далеко идущие последствия, о которых будет сказано ниже.

Исходя из тождества целей эксплуататоров и эксплуатируемых, идеологи национал-реформизма считали возможным совместить их интересы в рамках единой, так называемой многоклассовой, или народной, партии.

Вслед за априорными лозунг многоклассовой партии был принят на вооружение лидерами национал-реформизма Боливии, Венесуэлы, Коста-Рики и других стран. В их интерпретации многоклассовая партия наиболее адекватно отражает социально-классовую и политическую специфику латиноамериканских стран и поэтому только под руководством такой партии возможно осуществление «национальной революции».

Например, особо подчеркивая многоклассовый характер боливийского Националистического революционного движения, его лидер В. Пас Эстенсоро говорил: «Мы не являемся партией одного класса подобно Коммунистической партии... Мы поликлассовая партия потому, что мы представляем собой партию национальной революции. Мы — партия рабочих, крестьян и среднего класса... С точки зрения исторической перспективы эти классы имеют общие интересы. Поэтому мы объединились и действуем совместно»³⁷. В аналогичном духе высказываются и лидеры венесуэльского национал-реформизма³⁸.

По мнению идеологов национал-реформизма, пролетариату нет надобности создавать самостоятельную партию, его место — в многоклассовой партии, руководство которой призван осуществить «средний класс» или, говоря иными словами, мелкая буржуазия.

В первой партийной программе венесуэльского национал-реформизма (1939) прямо указывалось, что ввиду отсталости экономики и малочисленности рабочего класса «в уже начавшейся социальной борьбе за демократическую и антиимпериалистическую трансформацию общества последние (средние слои.— Авт.) осуществляют более последовательные действия, чем в высокоиндустриальных странах... Это дает основание считать, что эти социальные слои призваны сыграть важнейшую роль в борьбе за национальное освобождение»³⁹.

Для идеологов национал-реформизма, как правило, характерен вульгаризаторский подход ко многим социальным, политическим явлениям; нередко в целях фальсификации позиции своих оппонентов они подменяют предмет спора. Так, в полемике по

вопросу о характере политической партии, которая призвана осуществить руководство революционными процессами на континенте, они всячески стремились в искаженном свете представить точку зрения латиноамериканских коммунистов. Национал-реформистские лидеры пытались изобразить дело таким образом, что якобы коммунисты, ратуя за создание классовых партий, выступают за то, чтобы они состояли исключительно из представителей пролетарских слоев. А раз последние не составляют подавляющего большинства латиноамериканских наций, то и речи не может быть о создании такого рода партий в странах континента.

В действительности же коммунисты всегда считали и считают, что в партии рабочего класса наряду с пролетариатом непременно должны входить и крестьяне и представители городских средних слоев, составляющие, как известно, большинство самодеятельного населения латиноамериканских стран.

На деле суть полемики сводилась к следующему. В то время как коммунисты полагали, что пролетариат, даже несмотря на свою относительную малочисленность, должен осуществлять авангардную роль в классовой партии, объединяя вокруг себя все трудовые слои населения, лидеры национал-реформистских партий, манипулируя данными о соотношении тех или иных социально-классовых групп, по существу выступали за то, чтобы доминирующую роль в так называемых многоклассовых партиях играли буржуазные и мелкобуржуазные элементы.

Несостоятельность национал-реформистской аргументации причин, по которым в Латинской Америке якобы исторически не оправдано существование партий рабочего класса, с еще большей очевидностью выявилась после второй мировой войны. Национал-реформисты уже не могли игнорировать количественных и качественных перемен, которые произошли в социально-классовой структуре большинства стран континента. Однако, признавая возросшую роль пролетариата в экономической и политической жизни стран Латинской Америки, национал-реформистские идеологи по-прежнему заявляют, что рабочий класс не может выступить как самостоятельная политическая сила, что он еще не готов к выполнению своей исторической миссии и поэтому главенствующую роль в революционном процессе они отводят «национально-революционному фронту», включающему помимо пролетариата крестьянство и средние слои и действующему в рамках многоклассовой партии. В программе партии Демократическое действие, в частности, утверждается: «В Латинской Америке не существует мощного индустриального трудящегося класса, уже созревшего для решения этой задачи и способного с успехом и вполне самостоятельно противостоять капиталистическому классу... Поэтому миссия, которую К. Маркс возлагал на трудящиеся массы, должна быть осуществлена у нас различными классами... И это является причиной существо-

вания союза классов в рамках партии Демократическое действие»⁴⁰.

Национал-реформистская теория революции своим острием направлена против интернационального учения марксизма-ленинизма. Это выражается прежде всего в том, что национал-реформистские идеологи противопоставляют национальную революцию революции социалистической. Это логически приводит их к антикоммунизму. Идеологи национал-реформизма объявляют коммунистов «антинациональной силой», не имеющей корней в национальной действительности латиноамериканских стран. «Коммунистическая политическая философия, — неоднократно утверждал Р. Бетанкур, — не соотнобразуется с демократической структурой венесуэльского государства»⁴¹. В еще более воинственном духе высказывается В. Пас Эстенсоро. Объявляя коммунистов врагами нации, он прямо заявил в своем выступлении на VI съезде НРД (1953): «Необходимо развивать национальную революцию и довести ее до конца, как единственное средство борьбы против коммунизма»⁴².

Анализ национал-реформистской теории «латиноамериканской революции» позволяет со всей определенностью сделать вывод о ее ярко выраженном националистическом характере. Эта теория, искусственно отрывая антиимпериалистическую борьбу от борьбы классовой и социальной, отождествляет ее с понятием «общенациональная революция», в которой якобы почти в равной мере участвуют все или почти все классы и группы, вступающие между собой в некий «общенациональный альянс»⁴³. Термин «общенациональная революция», который условно используют и марксисты, служит национал-реформистам для того, чтобы «затушевать, заслонять изучение классовой борьбы в ходе той или иной революции»⁴⁴.

Именно это обстоятельство в первую очередь выражает националистическую сущность концепции «латиноамериканской революции», которую лидеры национал-реформистских партий рассматривают как специфическое, обособленное явление, не связанное с мировым историческим процессом.

3. «КОНСТРУКТИВНЫЙ АНТИИМПЕРИАЛИЗМ» — СИНТЕЗ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В идеологии национал-реформизма особое место занимает концепция «конструктивного антиимпериализма», обосновывающая роль и место империализма в развивающихся странах.

В теоретических документах национал-реформистских партий отмечалось, что иностранный, в частности североамериканский, капитал установил контроль над экономикой латиноамериканских стран, деформировал их развитие и превратил эти страны в зависимые в экономическом и политическом отношении.

В то же время лидеры национал-реформизма заявляли, что нельзя упускать из виду и другую — «позитивную» сторону империализма. В основе этих взглядов лежит выдвинутый Айа де ла Торре еще в конце 20-х годов тезис о том, что при известных условиях империализм в «Индо-Америке» может сыграть прогрессивную роль. Выступая в роли ниспровергателя марксистско-ленинского учения об империализме, Айа де ла Торре утверждал, что если для высокоразвитых капиталистических стран империализм является «высшей или последней стадией капитализма», то для экономически слабо развитых стран Латинской Америки «империализм — первый или низший этап капитализма». Империализм, писал Айа де ла Торре, проникая в латиноамериканские страны, стимулирует экономическое развитие, способствует подрыву отсталой экономической структуры и, следовательно, играет в этих странах ту же роль, что и европейский капитализм в период крушения феодализма и становления нового способа производства⁴⁵.

Исходя из концепции «исторического пространства — времени», Айа де ла Торре пытается следующим образом аргументировать свою точку зрения: «Ленин определил империализм, как последнюю стадию капитализма. Мы говорим в ответ: да, империализм является последней, высшей стадией в промышленно развитых странах, в которых историческое «пространство — время» достигло полной зрелости. Но подобно тому, как полный стакан воды переполняется последней каплей, которая выливается из него первой, так и для нашего латиноамериканского «пространства — времени» империализм представляет первую стадию капитализма, ибо у нас не может быть той же исторической схемы, что у Европы»⁴⁶.

Вслед за Айа де ла Торре это повторяют и другие национал-реформистские лидеры. Так, один из идеологов партии Демократическое действие Х. Гонсалес Наварро утверждал, что «в слабо развитых феодальных странах империализм (экономически) явился первым этапом капитализма»⁴⁷.

Тезис об особой роли империализма в развивающихся странах включен в программные документы всех национал-реформистских партий. В одном из важнейших документов партии Демократическое действие говорится: «Мы считаем, что в Венесуэле так же, как и во всех странах с отсталой экономикой, иностранный предпринимательский капитал может стимулировать экономическое развитие»⁴⁸.

Теорию о «благотворной» роли иностранного капитала в экономическом развитии страны широко пропагандировали и лидеры боливийского национал-реформизма. «Все члены партии должны ясно отдавать себе отчет в том, — заявлял В. Пас Эстенсоро, — что мы нуждаемся в привлечении и содействии иностранного капитала для развития нашей экономики»⁴⁹.

Основываясь на подобной оценке империализма, национал-

реформисты выдвинули тезис об «антиимпериализме особого рода», о так называемом конструктивном антиимпериализме. По определению Айа де ла Торре, «конструктивный антиимпериализм означает продвижение вперед, используя иностранный капитал»⁵⁰. «Наш путь,— декларировал Айа де ла Торре,— является более реалистичным, более определенным, более революционным и более конструктивным»⁵¹.

Оговорки идеологов национал-реформизма об «антиимпериализме особого рода» преследуют двоякую цель. С одной стороны, они подчеркивают своеобразие, исключительный, националистический по своей сути характер их антиимпериализма. С другой — в этой формуле содержится вполне определенный полемический заряд, направленный своим острием против марксистов-ленинцев. При этом национал-реформисты не останавливаются перед искажением взглядов своих оппонентов. Так, в одном из программных документов партии Демократическое действие говорится: «Наш антиимпериализм далек от стереотипа, в соответствии с которым все аспекты национальной проблематики объясняются одним только присутствием иностранного капитала»⁵².

Коммунисты Латинской Америки отнюдь не склонны объяснять все экономические и социальные проблемы континента одним только «присутствием иностранного капитала». Более того, они признают, что действительно в известной мере иностранный капитал способствует развитию местных производительных сил, однако, в отличие от национал-реформистов, не считают, что такое развитие автоматически ведет к ослаблению зависимости от империализма и к достижению полной экономической и политической самостоятельности.

Опираясь на теоретические положения об особой роли иностранного капитала и «антиимпериализме особого рода», лидеры национал-реформистских партий стали утверждать, что «ответственные демократические и националистические правительства» могут сотрудничать с империализмом в решении проблем национального развития.

Тезис о «конструктивной» роли империализма был включен в партийную программу венесуэльского национал-реформизма, одобренную в 1953 г. В ней прямо указывалось на необходимость поощрять такого рода иностранные инвестиции, «которые вносят свой вклад в экономическое развитие нации, и препятствовать доступу тех, которые не выполняют этого условия»⁵³.

Исходя из этих принципиальных положений, националистические правительства Боливии, Венесуэлы всемерно содействовали привлечению иностранного капитала. Они стремились внушить общественному мнению, что важнейшей задачей «ответственных антиимпериалистических» правительств является создание благоприятных условий для деятельности иностранных монополий. Президент Боливии В. Пас Эстенсоро утверждал,

что в условиях, когда большинство развивающихся стран, так же как и Боливия, остро нуждается в капиталах, надо особо заинтересовать иностранных вкладчиков. Им нужно создать максимум благоприятных возможностей. В противном случае последние могут найти более выгодные сферы приложения капитала. «Если мы докажем,— говорил он, обращаясь к членам партии Националистическое революционное движение,— что в нашей стране имеется стабильное революционное законодательство, если мы докажем, что у нас имеется единство во мнениях относительно национальных проблем, эти капиталы придут в нашу страну... Иностранные инвесторы будут питать доверие к Боливии»⁵⁴.

Примечательно, что, отстаивая тезис о «конструктивном» антиимпериализме, национал-реформисты заявляли о том, что якобы заимствуют опыт Советского государства, его методы освобождения от империализма и, в частности, концессионную политику, проводившуюся в первые годы после Октябрьской революции. Однако на деле они искажали его суть.

Действительно, при разработке теоретических и практических проблем концессионной политики В. И. Ленин исходил из возможности привлечения иностранного капитала в интересах развития той или иной страны. Но главное «в ленинской постановке вопроса о концессиях заключалось в том, что они ни в коей мере не должны наносить ущерб интересам рабоче-крестьянской власти, подрывать политику этой власти, направленную на строительство социализма. Предлагаемая же идеологами национал-реформизма «конструктивная» политика в отношении иностранного капитала по сути дела служит оправданию отказа от ориентации общественного прогресса в сторону социализма, стимулированию капиталистического развития»⁵⁵.

Что же касается, например, Боливии, то там политика «конструктивного антиимпериализма» в период пребывания у власти партии НРД привела к ослаблению государственного сектора, усилению стихии свободного предпринимательства, к переходу целых отраслей экономики под контроль империалистических монополий.

В дополнение и развитие концепции об особой роли империализма в экономически слабо развитых странах латиноамериканские национал-реформисты выдвинули геополитическую теорию о взаимозависимости и взаимозаинтересованности Соединенных Штатов и Латинской Америки. «Партия Демократическое действие считает,— говорится в ее программных документах,— что Венесуэла и Латинская Америка в целом имеют экономическую и геополитическую взаимодополняемость с самой мощной державой континента — Соединенными Штатами, а это предопределяет систему связей такого рода, при которой Соединенные Штаты нуждаются в Латинской Америке, а Латинская Америка в свою очередь — в Соединенных Штатах»⁵⁶. Отвечая своим

оппонентам, не без основания усматривавшим в этой концепции реальную опасность для стран континента остаться в кабальной зависимости от империализма, Р Бетанкур утверждал, что «геополитическая взаимозависимость является не чем иным, как формой кооперации, не имеющей ничего общего с зависимостью»⁵⁷.

Исходя из концепции взаимозависимости и взаимодополняемости, национал-реформистские партии включили в свои программные документы тезис о том, что и в «Америке возможны нормальные и не вассально унижительные отношения между слабыми и сильными государствами». Для этого, по их мнению, нужно лишь, чтобы «у руководства последними находились правительства, которые не стремятся заменить свободное сотрудничество колониальным подчинением»⁵⁸.

Таким образом, становится очевидным, что национал-реформистские идеологи полагали возможным рассматривать империализм как чисто политическое явление в отрыве от его экономической сути, при этом они утверждали, что достаточно США отказаться от военной интервенции, как наступит эра гармоничных отношений между Латинской Америкой и Соединенными Штатами. Подобная оценка империализма служила теоретической предпосылкой их соглашательской политики.

В начале 60-х годов это наиболее отчетливо выразилось в позиции национал-реформистов в отношении неоколониалистских планов североамериканского империализма. «Новый курс» правительства Дж. Кеннеди в отношении Латинской Америки нашел горячих приверженцев в лице национал-реформистских лидеров, которые усмотрели в нем конкретное воплощение концепций о возможности установления добрососедских отношений с США на основе помощи, оказываемой США латиноамериканским странам в деле осуществления программы умеренных реформ сверху. Спустя несколько дней после того, как Кеннеди представил конгрессу США послание, в котором были изложены основные принципы его программы, Р Бетанкур в специальном письме на имя североамериканского президента выразил свое полное одобрение этих планов⁵⁹. Высокая оценка программы «Союза ради прогресса» была дана и президентом Боливии В. Пас Эстенсоро, который характеризовал план Кеннеди как свидетельство «новой ориентации политики Соединенных Штатов Америки, ставящей своей целью повышение жизненного уровня латиноамериканских народов»⁶⁰. Не менее лестно отзывался о программе Кеннеди и лидер Доминиканской революционной партии Хуан Бош. ««Союз ради прогресса», — заявил он, — это воплощение идей, за которые мы, руководители демократии, боролись в течение многих лет»⁶¹.

Провозглашая политику «новых рубежей», идеологи североамериканского империализма рассчитывали при ее претворении в жизнь в первую очередь опереться на национал-реформистские

партии стран континента, которые, по их мнению, должны были взять инициативу осуществления так называемой мирной революции в свои руки, возглавить движение народных масс за реформы ⁶².

Вдохновители политики «Союза ради прогресса» ставили одной из главных задач расширение социальной базы империализма в Латинской Америке за счет средней, а также определенных слоев мелкой буржуазии. Подобную тенденцию в политике империализма отмечал еще Х. К. Мариатеги. «Финансовый капитал,— писал он,— будет чувствовать себя более устойчивым, если власть окажется в руках наиболее многочисленного социального класса, который, удовлетворяя некоторые неотложные требования масс и препятствуя развитию их классового самосознания, будет в состоянии лучше, чем старый и ненавистный класс феодалов, защищать интересы капитализма, быть его стражем и исполнителем его воли. Создание мелкой собственности, экспроприация латифундий, ликвидация феодальных привилегий не приходят в непосредственное противоречие с интересами империализма» ⁶³.

Воплощение в жизнь идей «конструктивного антиимпериализма» практически отождествило взгляды идеологов национал-реформизма и империализма на коренные проблемы Латинской Америки. Разрядить при помощи частичных реформ революционный потенциал народных масс, увести их с пути революционных преобразований на путь буржуазного реформизма — таков план империализма, поддержанный и одобренный лидерами латиноамериканского национал-реформизма.

Идейная эволюция национал-реформизма в вопросе об империализме привела его лидеров в конце концов к выдвиганию реакционной теории множественности империализма. После второй мировой войны апристский лозунг борьбы с империализмом был заменен другим лозунгом, который призывал «бороться против красного, черного и желтого империализма» ⁶⁴.

«Теоретик» боливийской «национальной революции» Г. Бедрегалъ недвусмысленно ставил знак равенства между США и СССР ⁶⁵, заявляя при этом, что подлинный антиимпериализм в настоящее время должен сводиться к тому, чтобы использовать «чудовищный диалог империализмов, которые оспаривают единоличную гегемонию над миром (так он именует противоречие между социализмом и капитализмом.— Авт.), в интересах национального развития» ⁶⁶.

По мнению Г. Бедрегалъ, Националистическое революционное движение, которое в период своего пребывания у власти сумело использовать иностранный капитал и противоречия в мире в интересах национального развития, на практике продемонстрировало образец подлинного антиимпериализма ⁶⁷.

На основе посылок подобного рода латиноамериканский, в частности венесуэльский, национал-реформизм сконструировал

одну из своих внешнеполитических доктрин «об угрозе Латинской Америке со стороны советского империализма», заимствованную из идейного арсенала североамериканского империализма.

С каждым годом становилось все более очевидным, что лозунг борьбы против «двух империализмов» своим острием направлен в первую очередь против Советского Союза. Из уст руководящих деятелей многих национал-реформистских партий все чаще стали раздаваться заявления о том, что «Соединенные Штаты являются признанным лидером всех народов мира»⁶⁸.

Именно этим можно объяснить тот факт, что внешнеполитическая ориентация Венесуэлы в период пребывания у власти партии Демократическое действие (1959—1968) носила открыто проимпериалистический характер. В эти годы наметилось полное единство взглядов Венесуэлы и США в отношении революционной Кубы, борьбу с которой правительства обеих стран вели под предлогом защиты от «советской угрозы», якобы нависшей над континентом. В период Карибского кризиса правительства Дж. Кеннеди и Р. Бетанкура обвинили СССР в намерении «установить свое господство в Западном полушарии». В выступлении по радио и телевидению 27 октября 1962 г., в самый разгар Карибского кризиса, Р. Бетанкур допустил грубые клеветнические выпады по адресу внешней политики СССР и полностью солидаризировался с позицией правящих кругов США⁶⁹.

Характеризуя позицию партии Демократическое действие в этот период, известный североамериканский специалист по национал-реформистским партиям Р. Александер писал: «Ее симпатии совершенно откровенно были на стороне Запада в его борьбе с коммунистическим блоком»⁷⁰.

Высказывание Р. Александера можно отнести и к другим партиям указанного идеологического и политического направления в странах Латинской Америки. Все эти факторы, а также обстановка «холодной войны» предопределили резкое усиление антикоммунизма национал-реформистских лидеров. С начала 50-х годов дополнительным «теоретическим» обоснованием их традиционного антикоммунизма стал тезис о том, что латиноамериканские коммунистические партии — это агентура «советского империализма», с которой надо бороться всеми силами и средствами. «Ни вчера, ни сегодня, ни завтра,— писал Р. Бетанкур в 1951 г.,— не было и не может быть союза между такой партией, как Демократическое действие, с идеологией и корнями истинно венесуэльскими, и сектой, находящейся на службе русской дипломатической стратегии»⁷¹.

Подобные же взгляды проповедовались и другими национал-реформистскими лидерами.

Так идейная эволюция привела вождей латиноамериканского национал-реформизма от «конструктивного антиимпериализма»

в один лагерь с империализмом. Встав на путь ярого антикоммунизма, они осуществляли политику, отвечающую интересам североамериканских империалистов.

На рубеже 60—70-х годов теоретики латиноамериканского национал-реформизма, как и многие идеологи других стран «третьего мира», включили в свой идейный багаж концепцию так называемых бедных и богатых наций, представляющую одну из разновидностей новейшего буржуазного национализма. Эта концепция является как бы усовершенствованной, модернизированной теорией «двух империализмов», так как при анализе основных проблем современности она игнорирует классовый подход, ставит знак равенства между капиталистическими и социалистическими государствами путем зачисления их в разряд «богатых наций» и противопоставляет им все развивающиеся страны. Так, один из видных деятелей латиноамериканского национал-реформизма Х. Фигерес в своей работе, которая и называется «Бедность наций», пытается представить дело таким образом, что основное противоречие в настоящее время — это противоречие между всеми «богатыми» нациями и всеми «бедными» нациями⁷².

В последние годы, особенно в связи с подъемом антиимпериалистической борьбы народов «третьего мира», концепция «бедных и богатых» наций получает все большее распространение в руководящих кругах национал-реформистских партий. Это, в частности, находит свое выражение в том, что некоторые лидеры стремятся представить защиту национальных интересов своих стран как борьбу «бедных» наций с «богатыми». Именно такой оттенок пытались придать осуществленной в середине 70-х годов в Венесуэле национализации железорудной и особенно нефтяной промышленности некоторые идеологи партии Демократическое действие. Весьма примечательно, что они отнюдь не склонны трактовать, например, национализацию нефтяной промышленности, ранее находившейся в руках транснациональных корпораций, как акцию антиимпериалистического характера; согласно их утверждениям, она вполне вписывается в контекст националистической политики, проводимой партией. По их мнению, значение национализации во многом определяется тем, что в новых условиях нефть может быть использована как эффективное средство защиты специфических интересов развивающихся стран в борьбе с «экономическим тоталитаризмом великих индустриальных держав». Выражая подобную точку зрения, один из лидеров партии, президент Венесуэлы К. А. Перес, в речи на церемонии подписания декрета о передаче под контроль государства нефтяной промышленности в августе 1975 г. говорил: «Нефть является инструментом в руках стран третьего мира, членов ОПЕК, и они используют его для того, чтобы вынудить индустриальные нации к диалогу и пониманию, которое сделает возможным установление нового экономического порядка»⁷³.

4. КРИЗИС «НАДКЛАССОВОЙ» НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Борьба течений в рядах национал-реформистских партий, постоянные внутрипартийные кризисы, не раз сопровождавшиеся расколами и отпочкованием самостоятельных групп и партий,— одна из специфических черт этого движения на современном этапе.

Причины данного явления коренятся главным образом в неоднородности классового и социального состава партий, в несостоятельности надклассовой националистической идеологии, которая была призвана сementировать в рамках одной партии интересы различных классовых сил.

Внутрипартийная борьба объективно отражает наличие в партиях различных, порой прямо противоположных тенденций. Она, как правило, ведется между теми, кто неизменно придерживается апристских концепций, и теми, кто склоняется к тому, чтобы избавиться от многих устаревших тезисов национал-реформистских партий, отказаться от традиционного антикоммунизма, преодолеть однобокую геополитическую ориентацию.

Первый серьезный кризис в венесуэльской партии Демократическое действие произошел в конце 1959 — начале 1960 г., когда группа радикально настроенных молодежных лидеров обвинила возглавляемое Р. Бетанкуром правое крыло партийного руководства в том, что оно игнорирует решения партии о необходимости осуществления программы социально-экономических реформ и склоняется к соглашательству с империализмом и силами внутренней реакции.

В результате резко обострившейся борьбы по основным вопросам правительственной политики в социально-экономической и политической областях значительная группа радикально настроенной молодежи (около 10 тыс. человек) во главе с политическими секретарями партии Демократическое действие Доминго Альберто Ранхелем и Симоном Саесом Меридой в апреле 1960 г. вышла из партии и конституировалась в самостоятельную политическую организацию Левое революционное движение — МИР (El Movimiento de Izquierda Revolucionaria — MIR)⁷⁴. Уход группы Д. А. Ранхеля и С. С. Мериды существенно ослабил влияние национал-реформизма среди молодежи, особенно студентов.

Организационное размежевание с национал-реформизмом не привело, однако, лидеров партии МИР к разрыву с идеологией национализма. Они лишь совершили переход от одной разновидности национализма к другой. Ссылаясь на необходимость учета конкретно-исторических условий латиноамериканских стран, они объявили о своей приверженности идеям и лозунгам так называемого «национального социализма». Подвергая при этом «ортодоксальных» марксистов нападкам за то, что они яко-

бы игнорируют национальную и континентальную специфику, теоретики новой партии фактически вновь вытащили на свет апристские лозунги 20—30-х годов. В то же время отсутствие у партии Левое революционное движение массовой базы, связей с профсоюзными и крестьянскими организациями привело к победе в ней ультралевых, сектантских тенденций. Это проявилось главным образом в том, что лидеры МИР, выступив инициаторами развертывания вооруженной борьбы, стремились искусственно ускорить созревание революционной ситуации. Действуя без учета конкретно-исторической обстановки, они пытались перенести на венесуэльскую почву формы и методы борьбы, которые привели к успеху в другой стране, при ином соотношении социальных и классовых сил.

В конечном итоге это предопределило поддержку многими лидерами МИР концепции «континентального национализма». «Венесуэльская революция,— заявлял генеральный секретарь молодежной организации партии Х. Эскалона,— носит континентальный характер, поэтому мы, революционеры, должны способствовать распространению войны на весь американский континент»⁷⁵.

Сходные процессы в это время происходили и в перуанской Народной партии. Отказ от революционных лозунгов, осуществление на практике политики «классового мира», проамериканская и антикубинская деятельность правых лидеров во главе с Аяа де ла Торре послужили причиной серьезного недовольства в рядах партии, особенно среди радикально настроенных студенческих и молодежных групп. Обострение внутрипартийной борьбы по принципиальным вопросам, которые затрагивали самые основы национал-реформистской идеологии, привело к резкой поляризации и размежеванию сил. Левое крыло в конечном итоге оформилось в самостоятельную политическую организацию, которая поначалу именовалась Восставшая АПРА, а затем стала называться Революционным движением левых (МИР). В июне 1965 г. под руководством партии МИР в ряде районов Перу возникли очаги партизанского движения. Позднее и в этой партии возобладали ультралевые, сектантские тенденции⁷⁶.

Исходным пунктом концепции «восставших апристов» явился тезис о «социальной, экономической и культурной двойственности» в Андских странах и, в частности, в Перу. По их мнению, основное противоречие современного Перу — это конфликт «крестьянской Сьерры» и «городской Косты»* — двух миров, которые рассматриваются в статике как отделенные друг от друга непреодолимой, глухой стеной. Радикальное решение этой проблемы «восставшие апристы» видят в развертывании борьбы индейских крестьян на основе партизанского очага против гос-

---

* Так называется в Перу район Тихоокеанского побережья.

подства «городов», в победе «сельской андской зоны» над «городской зоной»⁷⁷. «Восставшие апристы» апеллировали к индейскому, крестьянскому элементу как решающему фактору революционных процессов в современном Перу, постоянно противопоставляя индейцев-крестьян городским жителям, в том числе и рабочим.

Сторонники этих концепций, с одной стороны, как бы возрождают старые апристские лозунги, взывавшие к «автохтонным традициям», а с другой — оказываются в роли приверженцев «новомодной» теории так называемых внутренних колоний, согласно которой индейские страны Латинской Америки рассматриваются как неотъемлемая составная часть «третьего мира». Несомненно, что и в том и в другом случае они разделяют националистические взгляды.

Острая внутривнутрипартийная борьба, перманентные кризисы, сопровождающиеся расколами, сотрясали боливийскую партию Националистическое революционное движение (НРД) в период ее пребывания у власти (1952—1964). Даже партийные руководители были вынуждены признать, что основные причины кризисов в партии коренятся в ее многоклассовом характере. В. Пас Эстенсоро отмечал: «Классовая партия по сравнению с нашей имеет одно огромное преимущество: идеологическую однородность и единство действий. Наша партия является неоднородной, и это создает свои трудности, хотя классы, которые она объединяет, имеют общие интересы»⁷⁸. Тем не менее В. Пас Эстенсоро, вопреки фактам, уверял, что противоречия в многоклассовой партии обнаружатся лишь в отдаленном будущем⁷⁹. Однако практика боливийского национал-реформизма продемонстрировала несостоятельность этого тезиса. Надклассовость идеологии на деле обернулась разобщенностью между теми классами и социальными группами, которые составляли массовую базу партии Националистическое революционное движение. С особой силой это проявилось в начале 60-х годов, когда начали сказываться последствия так называемого плана стабилизации экономики, приведшие к ухудшению положения трудящихся масс и в первую очередь рабочего класса, усилилась забастовочная борьба пролетариата.

В период острых внутривнутрипартийных разногласий группировка В. Пас Эстенсоро, контролировавшая крестьянские организации, постоянно натравливала крестьян на рабочих, внушая крестьянам, что забастовочная борьба рабочих подрывает национальную экономику. Лидеры НРД заявляли, например, что каждый день забастовки уносит немалые средства, которые можно было бы использовать на нужды аграрной реформы, что стачечная борьба рабочих — это один из видов «грабежа городом деревни». В ответ на забастовки, организованные Боливийским рабочим центром (БРЦ), руководство НРД во главе с В. Пас Эстенсоро, используя государственный и партийный аппарат, спровоциро-

вало походы крестьян в города и шахтерские поселки с целью подавить выступления рабочего класса⁸⁰.

Подобная тактика объективно была направлена на подрыв единства трудящихся города и деревни, в равной мере заинтересованных в углублении и расширении революционных преобразований. В конечном итоге она способствовала ослаблению общедемократического движения. Этим воспользовались силы реакции, которые совершили государственный переворот в ноябре 1964 г. Так трагически завершился период 12-летнего правления в Боливии партии Националистическое революционное движение.

В Венесуэле по мере того, как в период пребывания у власти партии Демократическое действие (1959—1968) обнаруживались противоречия между реальной политикой партии и ее основными программными установками, в рядах национал-реформизма происходили серьезные сдвиги. Они послужили первопричиной острого внутрипартийного кризиса 1967 г., который завершился расколом партии. Левое крыло партии Демократическое действие конституировалось в самостоятельную политическую партию — Избирательное движение народа (ИДН).

Руководители ИДН заявляли, что в результате десятилетнего правления партии Демократическое действие в Венесуэле усилились позиции североамериканского империализма и тесно связанной с ним местной финансовой олигархии, а надклассовое государство явилось не чем иным, как формой господства могущественных капиталистических группировок. Сама партия превратилась в защитника и выразителя интересов этих сил, которые служат тормозом на пути осуществления коренных преобразований в стране⁸¹.

Партия Избирательное движение народа выступила за глубокие структурные реформы и подлинную демократическую альтернативу господству в стране двух крупнейших реформистских партий — Демократическое действие и Социал-христианская партия (КОПЕЙ). Для этого лидеры ИДН считали необходимым объединение всех сил, стремящихся к социальному и национальному освобождению⁸². Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что руководство новой партии не только отвергло антикоммунизм, но и пошло на союз с КПВ, образовав совместно с коммунистами антиимпериалистическую коалицию — Фронт народного единства — «Новая сила».

Это свидетельствует о том, что многие из тех, кто в течение длительного времени связывал свою судьбу с национал-реформизмом, постепенно освобождаются от его влияния, переходят на леворадикальные позиции.

Было бы неверным, однако, утверждать, что аналогичные изменения происходят во всех национал-реформистских партиях. По мере углубления революционных, антиимпериалистических процессов на континенте в конце 60-х — начале 70-х годов неко-

торые группировки внутри ряда национал-реформистских партий заняли открыто контрреволюционные позиции, встали на путь заговоров, направленных против прогрессивных, революционно-демократических режимов. Это в первую очередь относится к руководству Народной партии Перу и Националистического революционного движения Боливии.

В октябре 1968 г. в Перу в результате военного переворота был свергнут буржуазно-реформистский режим Ф. Белаунде Терри и к власти пришло Революционное правительство вооруженных сил, которое взяло курс на осуществление в стране кардинальных преобразований, направленных против иностранного империализма и местной олигархии. Как подчеркивают перуанские коммунисты, совершающиеся в стране «изменения затрагивают социально-экономическую структуру, т. е. имеют революционное содержание»⁸³.

В этих условиях правое руководство апристской партии заняло откровенно негативную позицию в отношении военного правительства, ведет против него систематическую враждебную кампанию, ратует за возврат к прежним формам правления, за создание смешанной экономики с участием иностранного капитала⁸⁴.

В резолюции X съезда Народной партии (1970) говорилось, что партия «по-прежнему осуждает неконституционные режимы, независимо от того, какой идеологической направленности они придерживаются»⁸⁵.

• Негативная позиция апристов по отношению к военному правительству свидетельствует об их вульгаризаторском подходе к вопросу о роли вооруженных сил в жизни латиноамериканских стран. Неизменно рассматривая армию как институт, призванный стоять в стороне от политики⁸⁶, они по существу ставят знак равенства между военными диктатурами, стоящими на страже интересов привилегированного меньшинства, и военным правительством, которое опирается не только на поддержку армии, но и располагает широкой и прочной массовой базой в лице трудящихся города и деревни.

Лидеры партии утверждают, что задача преодоления экономической отсталости страны может быть успешно решена лишь при условии поддержки ее не только рабочим классом, но и предпринимателями⁸⁷. Эта точка зрения апристов основана на их пресловутой концепции «классовой гармонии» и «классового сотрудничества».

Апристы ведут борьбу с правительством вооруженных сил под флагом национализма, широко используя антикоммунистические лозунги. Так, они утверждают, что проводимая военными экономическая политика — не что иное, как «замаскированное движение к коммунизму»⁸⁸, и что они «следуют директивам международного коммунизма»⁸⁹.

Аргументация апристов служит завесой, призванной при-

крыть истинные намерения руководства партии, а именно способствовать расколу в правительстве и в рядах вооруженных сил и объединению под своими знаменами всех, кто в той же или иной степени выражает недовольство деятельностью правительства.

Национал-реформистские лидеры, ратуя на словах за активность масс в ходе революционных преобразований, в действительности делают все, чтобы не допустить участия членов своей партии в этих процессах. Подобная тактика перуанских национал-реформистов обрекает их партию на самоизоляцию, приводит к тому, что она как политический организм оказывается вне рамок складывающейся в стране новой социально-политической системы. Это способствует развенчанию национал-реформистских идей как в Перу, так и в других странах Латинской Америки.

К тяжелым последствиям для судеб национал-реформизма в Латинской Америке может привести позиция правого крыла руководства Националистического революционного движения Боливии. В августе 1971 г. в Боливии при самом активном участии лидеров НРД был совершен государственный переворот, ставивший своей целью предотвратить углубление революционных процессов, которые развернулись в стране в период пребывания у власти демократического, патриотического правительства Х. Х. Торреса.

Два обстоятельства, связанные с участием руководства НРД в свержении правительства Х. Х. Торреса, наглядно свидетельствуют о том, что национал-реформистские лидеры идут на крайние меры ради достижения своих узкокорыстных целей. Первое — НРД пошла на союз с военными в лице заговорщической группировки У Бансера, хотя неоднократно заявляла о том, что армия должна быть вне политики и ее место в казармах, а не в правительственных кабинетах. Второе — НРД объединилась с Боливийской социалистической фалангой (БСФ) — партией, традиционно считавшейся ее заклятым врагом.

Какие же мотивы побудили В. Пас Эстенсоро и его ближайшее окружение пойти на подобный шаг? Ответ на этот вопрос может дать анализ Декларации о единстве, подписанной в сентябре 1971 г., вскоре после переворота, В. Пас Эстенсоро и Э. Силесом Суасо. Формально Декларация о единстве ставила своей целью покончить с внутрипартийной борьбой в НРД, фактически же явилась политическим манифестом, призванным дать теоретическое обоснование необходимости свержения левонационалистического правительства Х. Х. Торреса. Лидеры НРД обвиняли правительство Торреса в неспособности покончить «с социально-политическим кризисом в стране», в «недальновидности», «детской левизне», «реформизме» и — самое главное — в отходе от «революционного национализма»⁹⁰. Поэтому Декларация приветствовала создание «единого национального фронта» для

борьбы за «революционный национализм — особую переходную стадию развития боливийского общества»⁹¹. Такой союз — «Националистический народный фронт» был сформирован на основе соглашения, достигнутого между НРД и Боливийской социалистической фалангой⁹². Прикрываясь националистическими лозунгами, руководство партии НРД пыталось убедить рядовых членов партии в том, что переворот обеспечивает необходимые условия, чтобы вернуться к этапу «национальной революции», насильственно прерванному в 1964 г. В. Пас Эстенсоро прямо заявил, что «национально-революционный этап должен быть завершен в настоящее время» (т. е. после свержения Х. Х. Торреса)⁹³.

Однако позиция группы В. Пас Эстенсоро вызвала новые разногласия внутри партии. Многие видные в прошлом руководители НРД характеризуют объединение В. Пас Эстенсоро со своими бывшими политическими противниками как предательство идеалов «боливийской национальной революции»⁹⁴. По мнению Г. Бедрегалья, выход из создавшейся ситуации — в объединении всех левых, подлинно патриотических сил вокруг демократической антиимпериалистической программы. Что касается НРД, то «для нее нет иного выбора, как примкнуть к лагерю левых сил»⁹⁵.

В то время как правое крыло НРД выступило за союз с откровенно реакционными силами, левое склонялось к тому, чтобы оказать сопротивление режиму У Бансера, квалифицируя его политику как антинародную и антинациональную. Вследствие этого создалась парадоксальная ситуация. Хотя партия НРД является одной из правящих, многие ее члены вынуждены эмигрировать. А те, кто, находясь в стране, выражает свое несогласие с политикой правительства, подвергаются репрессиям⁹⁶.

Так оборачивается для рядовых членов партии компромисс, на который пошли за их спиной правые лидеры. Их эволюция от «революционной» фразеологии к открытой контрреволюции — еще одно свидетельство того, что проповедуемый ими национализм не имеет ничего общего с интересами трудящихся масс.

Обострение классовых, социальных противоречий и антагонизмов, углубление антиимпериалистических, освободительных процессов на континенте подвергают идеологию и политику национал-реформизма все более суровым испытаниям. Теперь даже для многих видных деятелей латиноамериканского национал-реформизма становится очевидным, что некоторые его теоретические основы не выдержали проверки временем, нуждаются в пересмотре.

Примечательна в этом отношении реалистическая позиция правительства Коста-Рики, которое с 1970 по 1974 г. возглавлял старейший деятель латиноамериканского национал-реформизма Х. Фигерес. Для политики его правительства было характерно

стремление отказаться от традиционного антикоммунизма, преодолеть однобокую геополитическую ориентацию, расширить и углубить контакты со странами социализма. Так, в программном документе партии Национальное освобождение (1969) отсутствует упоминание о «конструктивном антиимпериализме», о «двух империализмах» и т. п., прямо говорится о поддержке принципа мирного сосуществования стран с различными социальными системами⁹⁷. Лидеры коста-риканской партии не склонны фетишизировать систему буржуазной «представительной демократии». Осуждая диктаторские режимы и военные перевороты, они в то же время допускают возможность захвата власти неконституционными методами, если закрыт «демократический путь осуществления позитивных социальных сдвигов»⁹⁸. Такая постановка вопроса дает возможность (в отличие, например, от «доктрины Бетанкура», в основу которой был положен принцип непризнания правительств, пришедших к власти в результате государственных переворотов) признавать прогрессивные военные режимы. Аналогичную позицию занимает и преемник Х. Фигереса на посту президента, один из руководителей партии Национальное освобождение Д. Одубер, возглавляющий правительство Коста-Рики с 1975 г.

Примечательно, что «доктрина Бетанкура» была отвергнута самой партией Демократическое действие после ее победы на выборах 1973 г. Острые «доктрины Бетанкура» было направлено против революционной Кубы, которая, с одной стороны, обвинялась в насаждении «коммунистической диктатуры, несовместимой со спецификой латиноамериканской действительности», а с другой — отождествлялась с режимами типа Трухильо, Стресснера и Дювалье. Венесуэльское правительство, с марта 1974 г. возглавляемое К. А. Пересом, не только выступило против применения этой доктрины, но оказалось в числе тех латиноамериканских стран, которые вошли в ОАГ с предложением об отмене экономических и политических санкций против Кубы⁹⁹, навязанных этой организацией при самом активном участии правительства Бетанкура. Более того, Венесуэла, не дожидаясь формального решения ОАГ, в одностороннем порядке пошла на восстановление дипломатических отношений с Кубой (декабрь 1975 г.)¹⁰⁰. Все это несомненно демонстрирует намерение лидеров партии Демократическое действие отмежеваться от наиболее непопулярных акций своих предшественников.

Немаловажным свидетельством определенных сдвигов в политике венесуэльских национал-реформистов служит постепенный отход от принципов «панамериканской солидарности», которых они активно придерживались ранее, и переход на позиции «континентального национализма» в его буржуазно-реформистском истолковании. Устами государственных деятелей Венесуэла стала заявлять, что главную свою задачу она видит в совместной с другими латиноамериканскими странами борьбе за эконо-

мическую самостоятельность. По мнению лидеров партии, особую роль в этом призвана сыграть нефть, которую Венесуэла готова предоставить в распоряжение народов континента. «Венесуэла,— говорил К. А. Перес,— в настоящее время имеет возможность с помощью нефти оказать странам Латинской Америки эффективное содействие в деле достижения независимого развития... Венесуэльская нефть должна стать инструментом латиноамериканской интеграции...»¹⁰¹ Попыткой реализации на практике принципов «континентального национализма» явилась совместная с Мексикой инициатива Венесуэлы по созданию новой (без участия США) региональной организации — Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС).

Существенную эволюцию на протяжении последнего десятилетия претерпели теоретические взгляды Г. Бедрегалья. В первую очередь это относится к его оценкам роли империализма и иностранного капитала в экономическом развитии стран «третьего мира». В своей капитальной работе «Боливия: империализм и революция» Г. Бедрегаль признает, что империализм является первопричиной отсталости Боливии: «Отношения зависимости, посредством которых колониальные страны подчинены интересам высокоразвитых капиталистических стран, являются решающим фактором отсталости этих периферийных стран»¹⁰². Характеризуя роль иностранного капитала, Г. Бедрегаль отмечает, что он лишь способствует углублению пропасти, которая «отделяет высокоразвитые капиталистические страны от громадного большинства полуколониальных и зависимых наций»¹⁰³.

Г. Бедрегаль отвергает теорию взаимозависимости и взаимодополняемости и заявляет, что в Америке невозможно «установление равноправных политических отношений между странами, которые неравноправны в экономическом отношении», т. е. между тем, кто эксплуатирует, и теми, кого эксплуатируют¹⁰⁴. Если в своих ранних работах Г. Бедрегаль утверждал, что Боливия должна пройти полный цикл капиталистического развития, то основной вывод в цитируемой монографии сводится к тому, что «путь капиталистического развития неприемлем для слаборазвитых стран»¹⁰⁵.

Еще дальше пошел виднейший в прошлом деятель национал-реформизма, Х. Бош, который после вооруженного вмешательства США во внутренние дела Доминиканской Республики пересмотрел свои взгляды. В 1969 г. Х. Бош опубликовал тезисы «Диктатура при поддержке народа», где отвергает основные положения национал-реформизма, как не соответствующие современной действительности Латинской Америки. Особенно резко Х. Бош критикует систему буржуазной «представительной демократии», которая, по его мнению, полностью дискредитировала себя и не отвечает коренным интересам широких народных масс. Ей он противопоставляет новую форму политического устройства — «диктатуру при поддержке народа»¹⁰⁶.

В своих последних работах Бош призывает к осуществлению коренной перестройки латиноамериканского общества, которая обеспечивала бы достижение подлинной национальной независимости, суверенитета и соответствовала бы коренным интересам народных масс. Необходимой предпосылкой претворения в жизнь этой задачи Х. Бош считает активное участие в ее осуществлении всех без исключения левых, подлинно демократических сил, в том числе и коммунистов.

Переход на революционно-демократические позиции многих видных деятелей национал-реформизма, отпочкование революционно-демократических группировок и превращение их в самостоятельные политические организации создают благоприятные предпосылки для высвобождения трудящихся из-под влияния мелкобуржуазной, реформистской, националистической идеологии и открывают перспективы для борьбы за действительное национальное освобождение, подлинную демократию и социализм.

Борьба течений в рядах национал-реформистских партий, постоянные внутривнутрипартийные кризисы, вычленение самостоятельных течений — все это безусловно приводит к сужению сферы воздействия националистической идеологии.

Однако влияние, оказываемое национал-реформизмом на широкие слои трудящихся масс, особенно на мелкобуржуазные слои, которые сами по себе служат питательной средой воспроизводства националистических настроений, по-прежнему значительно. Национал-реформизм и по сей день продолжает оставаться одним из главных источников распространения националистической идеологии на латиноамериканском континенте.

МАССОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ТИПА

После второй мировой войны в результате целого комплекса причин и обстоятельств в ряде стран Латинской Америки приобрели большой размах и влияние массовые националистические движения. Советские исследователи Б. И. Коваль и А. А. Караваев пишут по этому поводу следующее: «В силу того, что развитие капитализма в Латинской Америке происходило и происходит в условиях господства латифундизма и империалистической зависимости, на определенных этапах на первый план перед латиноамериканским обществом выдвигались такие задачи, в решении которых были заинтересованы все социальные классы и группы, противостоявшие олигархии и империализму. Одна из центральных проблем заключалась в том, чтобы покончить с монополиями на государственную власть традиционных олигархических группировок. А наряду с этим стала приобретать самое первостепенное значение борьба за освобождение от империалистической зависимости, в защиту национальной экономики, культуры и государственного суверенитета. Этот вопрос превратился в стержень, вокруг которого объединялись различные демократические и антиимпериалистические силы»¹.

Возникновение массовых движений националистического типа и детерминируется временным совпадением интересов различных классов и социальных групп в борьбе против иностранных монополий, местной олигархии. Многоклассовость, так сказать, гетерогенность социального состава этих движений — от рабочего класса, полупролетарских, мелкобуржуазных слоев населения до различных групп местной буржуазии — объясняет тот факт, что в политической, социологической литературе они характеризуются как «популистские», т. е. «народные». Исследователи-марксисты, используя этот термин, в то же время остро полемизируют с буржуазными и мелкобуржуазными истолкователями этого явления, всемерно подчеркивая необходимость

анализа популистского феномена с классовых позиций, не в статике, а в динамике.

Советские исследователи Б. И. Коваль и А. А. Караваев вполне справедливо отмечают: «В буржуазной идеологии существует разветвленная концепция популизма, в ее основе лежит отказ от признания роли классов и классовой борьбы, сугубо психологические объяснения массовых движений, переоценка роли так называемых «харизматических лидеров», увлечение формально-структуралистскими определениями. Такой подход не соответствует действительности. Массовое националистическое движение ни в малейшей степени не отрицает определяющей роли классов и классовой борьбы»².

Сами объективные причины, которые способствовали возникновению массовых националистических движений, предопределили довольно устойчивое влияние на них идеологии буржуазного национализма, ее воздействие на массовую базу популизма. Идеологи и пропагандисты буржуазного национализма небезуспешно использовали низкий уровень классового самосознания трудящихся масс, особенности их социальной психологии, чтобы подвести «теоретическую» базу под такие лозунги и призывы популизма, как апология «провиденциальной, харизматической» личности, вождя, превознесение надклассового национального единства и т. д. Нельзя отрицать, что с помощью разработанной системы воздействия на массы националистам удавалось в течение длительного времени держать под своим контролем эти движения. Однако под влиянием обострения классовой, социальной борьбы в самих странах Латинской Америки, огромных изменений в мире развивался процесс размежевания различных сил, происходило постепенное освобождение трудящихся из-под влияния идеологии буржуазного национализма. С особой очевидностью сложные, противоречивые процессы, происходящие в массовых националистических движениях, проявляются в Аргентине, Бразилии, Колумбии.

1. ПЕРОНИЗМ И ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

Одно из наиболее массовых политических движений националистического типа в Латинской Америке — аргентинский перонизм. Это многоклассовое движение объединяет в своих рядах пролетариат, различные группы местной буржуазии, мелкую буржуазию города и деревни. Создатель и идеолог движения Хуан Доминго Перон (1896—1974) на протяжении трех десятилетий находился в центре политической борьбы в Аргентине, сумел создать массовое националистическое движение, которое прошло сложный и противоречивый путь — от вождистского массового движения к более широкому народному антиимпериалистическому союзу, объединяющему буржуазные и мелкобур-

жуазные партии, рабочие профсоюзы, молодежные и женские организации.

Устойчивое влияние перонизма на массы трудящихся было обусловлено кризисом общественно-политической структуры аргентинского общества, развивавшегося по зависимому капиталистическому пути. Аргентинская буржуазия, испытывая давление помещичьей олигархии и империализма, апеллировала к антиимпериализму и антиолигархизму народных слоев, чтобы завоевать свое место под солнцем. Перонизм наиболее полно выразил идеологию и политику националистических групп аргентинской буржуазии, стремившихся путем осуществления политики так называемого экономического национализма ускорить индустриализацию страны, укрепить позицию национального капитала и добиться «социального перемирия».

В главных постулатах перонистской доктрины «экономическая независимость», «политический суверенитет», «социальная справедливость» были эклектически объединены стремления аргентинской буржуазии к независимому капиталистическому развитию, социально-утопические идеи мелкой буржуазии и национальные и социальные чаяния рабочего класса.

В борьбе за власть буржуазно-националистическая группировка во главе с Пероном привлекла на свою сторону профсоюзы, создала политический блок, куда входили перонистская Рабочая партия, вооруженные силы и католическая церковная верхушка.

После прихода к власти в феврале 1946 г. президент Перон осуществил реформу, результатом которой было создание патерналистской системы, подчинившей единой перонистской партии и хустисиалистскому * режиму профсоюзы и другие общественные организации.

Принципы взаимоотношений государства и классов, вождя и масс были сформулированы Пероном в Хустисиалистской конституции, программе перонистской партии, в уставах массовых организаций, а также в 20 «заповедях перонистов», торжественно провозглашенных 17 октября 1950 г., в пятую годовщину перонистского движения. Перонистская доктрина гласила, что «вождь, руководящие кадры и организованная масса» являются тремя опорами хустисиалистского режима³ Они образовали своего рода пирамиду, основанием которой служили Всеобщая конфедерация труда, Всеобщая экономическая конфедерация предпринимателей и конфедерации средних слоев. Перонистская партия была призвана связывать массовые организации с президентом, который являлся одновременно главой государства и лидером движения, венчая таким образом всю юридическую и политическую надстройку патерналистского режима.

От испанского *justicia* — справедливость.

Руководство перонизма отводило важную роль рабочим профсоюзам в системе государства. Оно стремилось не только нейтрализовать влияние революционной пролетарской идеологии, но и сделать рабочий класс эффективным инструментом буржуазно-националистической политики. Всеобщая конфедерация труда была коллективным членом перонистской партии. Но профсоюзные лидеры представляли, по меткому выражению левого перониста Л. Бельони, «не рабочий класс перед правительством, а, наоборот, правительство перед рабочим классом»⁴.

Философское обоснование националистической доктрины, названной хустисиалистской, дал президент Перон на II аргентинском философском конгрессе в г. Мендосе в 1949 г. «Перед лицом кризиса буржуазной философии и моральных ценностей капиталистического общества» он предлагал новую философию — «простую, практичную, народную, глубоко гуманную и христианскую»⁵.

Основные идеи хустисиалистской философии были изложены в книге Перона «Политическое руководство», а методам ее пропаганды были посвящены такие произведения, как «Народ хочет знать, в чем дело», «Перонистская доктрина», «Учебник перониста» и др.⁶

Непосредственными идеологическими источниками этой доктрины были националистические течения 30-х годов: католический национализм и радикальный мелкобуржуазный национализм организации «Форха», возникшие в результате кризиса господствующих буржуазных течений как консервативных, так и либеральных. Перонизм эклектически унаследовал от клерикального национализма теории «двух Аргентин» — креольской и космополитической, идеализацию патриархального прошлого в лице пастухов-гаучо и вождя-каудильо, от националистов-радикалов — антиолигархический и антиимпериалистический лозунг «Аргентина колониальная должна стать Аргентиной свободной!». Соединив различные националистические течения, идеологи перонизма стремились приспособить их к условиям развития капитализма в Аргентине после второй мировой войны.

Перонистские теоретики широко использовали такие основные положения национал-реформизма, как тезисы о надклассовом характере государства, социальной гармонии, классовом сотрудничестве, заявляли о приоритете национализма перед классовой борьбой в развитии аргентинского общества. Перонисты на словах отвергали как капитализм из-за «злоупотреблений индивидуализма в ущерб обществу», так и социализм, который, по их утверждениям, означал «порабощение личности коллективом». В противовес они выдвинули концепцию «единого национального общества», в котором якобы совпадают интересы личности и общества. «Мы избираем позицию маятника по его центру и вертикали, колеблющегося между индивидуализмом и социализацией», — заявлял Перон⁷.

Опираясь на эту позицию, лидеры перонизма обосновали теорию так называемого «третьего пути» развития, не капиталистического и не социалистического, а «национального».

Определяя содержание хустисиализма, Перон заявлял: «Как политическая доктрина хустисиализм уравнивает право индивидуума с правом общества... Как социальная доктрина хустисиализм устанавливает социальную справедливость, которая дает личности право на общественную деятельность... Как экономическая доктрина хустисиализм создает социальную экономику, ставя капитализм на службу благосостоянию общества...»⁸

На практике эти тезисы означали такие принципы организации «единого национального общества», как государственный патернализм во имя классового мира и государственное регулирование экономики. Скрытая цель «социального перемирия» заключалась в стремлении воспрепятствовать независимым действиям рабочего класса.

На международной арене правительство Перона стремилось использовать межимпериалистические противоречия для создания националистического блока латиноамериканских государств в противовес межамериканской системе.

Некоторые реформы, проведенные в первый период правления президента Перона (1946—1951): «аргентинизация» за выкуп некоторых отраслей экономики, прежде всего железнодорожного транспорта и банков, умеренная аграрная реформа (колонизация пустующих государственных и помещичьих земель), контроль над внешней торговлей, стимулирование индустриализации и прочие шли в русле политики «экономического национализма», пользовались поддержкой местной буржуазии.

Частичные реформы, проведенные в первый период президентства Перона в условиях благоприятной внешней и внутренней конъюнктуры, в известной мере способствовали социальному и экономическому развитию Аргентины. Но опыт первого перонистского режима показал ограниченность буржуазного национал-реформизма.

Идеологи перонизма пропагандировали идеи «национального сотрудничества», «единства нации», подчинения «частных интересов интересам нации», противопоставляя их классовой борьбе. «Нужно поддерживать и стимулировать дух профсоюзных организаций, сотрудничающих с перонистским государством в деле справедливости и повышения престижа нации, ставя это выше идеологической и политической борьбы»⁹, — гласила «Доктрина перонизма».

Националистическое государство объявлялось «важнейшей составной частью всеобъемлющего понятия нации».

Классово недифференцированный народ отождествлялся с националистическим государством. В то же время противопоставление: «хустисиалисты — антихустисиалисты», «народ — антипарод» раскалывало общество по националистическому призна-

ку, чтобы затушевать его деление на классы: «Хустисиализм в своей сущности является народным. Любая политическая группировка антинародна и поэтому не принадлежит к хустисиализму»¹⁰, — провозглашал Перон.

Нельзя отрицать эффективности воздействия на массы националистических идей хустисиалистской доктрины. Прежде всего это объяснялось довольно умелым использованием перонистскими пропагандистами особенностей социальной психологии, обычного сознания трудящихся масс, идущих за перонистским движением. Известно, что значительную часть нового пополнения рабочего класса составляли выходцы из сельских отсталых районов, где еще сильны были докапиталистические пережитки. Устойчивость традиционных патриархальных форм жизни, переходные, еще классово неформировавшиеся черты сознания нового пополнения пролетариата, его привычка к каудильистско-авторитарным методам в политике — все это превращало данные отряды трудящихся в резерв массового вождистского движения.

Идеологи хустисиализма внушали свои догмы трудящимся с целью отвлечь их от классовой борьбы, привлечь к сотрудничеству с националистическим государством, воспитать в духе исключительности «аргентинского образа жизни», которому якобы чужды идеи коммунизма. Характеризуя методы идеологического воздействия апологетов хустисиализма, аргентинский историк-коммунист Л. Пасо писал, что они «подчиняли социальное освобождение национальному, выдвигали лозунг примирения труда и капитала во имя «национального освобождения» и утопическую «третью позицию» между социализмом и империализмом»¹¹.

Все это порождало сложные, крайне противоречивые политические процессы. С одной стороны, многомиллионные национальные ассамблеи, созываемые перонистским руководством во время выборов, создавали видимость монолитности перонистского движения, с другой — в сознании широких народных слоев постепенно вызревали представления о роли профсоюзов в делах государства, о национальной и социальной роли рабочего класса Аргентины.

Парадоксальным образом антиимпериалистическая и антиолигархическая риторика буржуазных националистов объективно и субъективно в какой-то степени способствовали пробуждению социального самосознания трудящихся масс. В конкретно-исторических условиях Аргентины в силу указанных выше причин националистические воззрения, которых придерживались перонистские трудящиеся массы, все больше наполнялись демократическим антиимпериалистическим содержанием, что создавало предпосылки для ослабления влияния на массы буржуазного национализма. «Национализм, овладевший широкими слоями рабочего класса, — как справедливо подчеркивает видный аргентинский коммунист-ученый Х. Фучс, — отличается от буржуазной идеологии, приобретает новые черты, освобождаясь от

антинародного и антикоммунистического содержания, которое ему старается привить руководство, и, несмотря на неточные и путаные представления, его ненависть к олигархии и империализму остается живым чувством»¹².

Перонизм никогда не был какой-то единой националистической идеологией. Каждая из поддерживавших его социально-политических сил занимала позиции в соответствии со своими классовыми интересами, вкладывала свое содержание в перонистские лозунги «создания экономически независимой, политически суверенной и социально справедливой родины».

Причиной падения первого перонистского правительства было усиление классовой борьбы в построенном на националистической основе государстве, открытые столкновения между опорами перонизма: профсоюзами, католической церковью и армией.

После свержения правительства Перона в 1955 г. и ликвидации всей политической надстройки режима, запрещения перонистской партии, в рядах массового националистического движения усилилась дифференциация различных социальных сил.

В послеперонистский период воссоздание движения в новых условиях было возможным лишь на массовой основе профсоюзов, что привело к усилению идейно-политической роли рабочего класса в развитии перонизма. Как отмечает известный аргентинский теоретик-марксист Э. Агости, в 60-х годах пролетарские слои, идущие за перонизмом, уже не были рабочими первых послевоенных лет, слепо следовавшими за каудильо, и даже середины 50-х годов, когда они подчинялись авторитарным методам руководства. Теперь это был пролетариат, обогащенный опытом социальной борьбы и все более осознающий свои классовые интересы в антиимпериалистической борьбе¹³.

Значительно радикализировались многочисленные непролетарские мелкобуржуазные средние слои. Именно под давлением профсоюзного крыла перонистское движение стало выступать как активная национальная сила, участвующая во всех формах борьбы масс; оно развивалось в направлении слияния с более широким антиимпериалистическим движением.

Произошла перегруппировка в буржуазных и мелкобуржуазных кругах перонизма, что нашло отражение в неперонистском течении. Неоперонизм, поддерживаемый буржуазными неперонистскими партиями — Народный союз, Народные провинциальные движения и др., — сближался с другими буржуазными националистическими течениями.

В профсоюзных организациях под влиянием классовой борьбы развивались левые течения. Поскольку профсоюзная бюрократия продолжала контролировать перонистское Профсоюзное объединение «62» (образовано в 1957 г.), а через него и Всеобщую конфедерацию труда, левые лидеры, выдвинувшиеся в ходе забастовочной борьбы, создали «ВКТ аргентинцев» (1968), выступившую против соглашательской ВКТ. После запрещения «ВКТ

аргентинцев», в 1970 г., была организована группировка «Боевые профсоюзы», объединившая часть региональных отделений ВКТ в г. Кордове и в других промышленных центрах. Левое течение в профсоюзах выступало против буржуазно-реформистской концепции «социальной гармонии», интеграции профсоюзов в господствующую систему, отстаивало необходимость проведения профсоюзами классовой политики.

Наиболее радикально настроенным был молодежный сектор перонизма. После народного восстания 1969 г. в г. Кордове, в котором наряду с рабочими приняли участие и студенты, были созданы десятки военно-политических подпольных групп, поддерживавших вооруженную борьбу против военного режима. В них вошла преимущественно перонистская молодежь. Крупнейшими среди них были группы «Перонистские вооруженные силы» и «Монтонерос», которые насчитывали несколько сотен членов.

Эволюция массовой базы перонизма в первой половине 60-х годов и на рубеже 60-х и 70-х годов привела к образованию широкого левонационалистического течения за счет радикализирующихся средних слоев, прежде всего интеллигенции и студенчества, а также определенных католических и военных кругов. В рядах перонизма они представляют собой пестрый конгломерат: «Народное национальное течение перонизма», «Революционное христианское течение», «Священники в защиту третьего мира». Преодолевая глубокий раскол на перонистов и антиперонистов, навязанный политикой господствующих классов, средние слои стали поддерживать социальную борьбу рабочего класса. «Кордобасо» — народное восстание 1969 г. в Кордове показало, что сдвиг влево в рабочем классе и мелкобуржуазных молодежных кругах создал условия для единства действий рабочего и студенческого движений.

Дифференциация в рядах перонизма сопровождается острой идеологической дискуссией, появлением различных течений: хустисиализма, неперонистских буржуазных тенденций и революционного перонизма.

Во время предвыборной кампании 1973 г. в рядах перонистского движения острый характер приняла идеологическая дискуссия о путях антиимпериалистического движения и социально-экономических преобразованиях в стране. Эта дискуссия в значительной степени разворачивалась вокруг тезиса о «национальном социализме» как следующем этапе развития перонизма.

Перон, будучи реалистически мыслящим политиком, не мог не видеть больших сдвигов в социальной базе перонизма: он признавал, что хустисиализм 70-х годов является по преимуществу движением социальным и что народные массы Аргентины оказывают огромное влияние на политику и идеологию движения.

В 1967—1968 гг. были опубликованы две книги Перона «Латинская Америка, сейчас или никогда» и «Час народов». В них уже излагались идеи о «национальном социализме»¹⁴.

Идеолог хустисиализма претендовал на создание синтеза националистической доктрины, соединившей его основные догмы с новыми идеями, появившимися в перонистском движении.

Ориентация на «национальный социализм» объективно означала признание кризиса буржуазных националистических концепций и уступку революционным течениям.

Перон выдвинул лозунг «национального социализма» с целью нейтрализовать усиливающееся влияние коммунистов на перонистские массы. В своих послылках лидер перонизма исходил из отождествления национализма с социализмом: «Социализм, который считался противоположным национализму из-за своей интернационалистической позиции, стал схожим с ним понятием; тот, кто сегодня является националистом, может быть и социалистом, и наоборот»¹⁵.

В то же время он противопоставлял «национальный социализм» «интернациональному и догматическому социализму». «Существуют только две политические доктрины — христианская и марксистская, — писал он, — несмотря на то, что мир развивается к социализму, есть два пути его построения: христианский социализм и интернациональный, догматический социализм»¹⁶. При этом идеолог хустисиализма не раскрывал социально-экономическое содержание термина «национального, или христианского социализма», предоставляя это делать различным течениям по своему усмотрению.

Перон доказывал, что «национальный социализм» — это синоним хустисиализма, таким образом, «национальный социализм» Перона отождествляется с прошлым хустисиалистского режима. Перон утверждал, что на основных догмах хустисиализма базируются все идеологические течения «третьего мира». «20 лет назад, — писал Перон, — хустисиализм заложил основы эволюции к новой структуре, геополитической и исторической интеграции, которые стали содержанием его доктрины»¹⁷.

Тезисы Перона о «национальном социализме» являлись продолжением и развитием хустисиалистской позиции — «ни с капитализмом и ни с социализмом». В этом он усматривал генеральное направление развития «третьего мира». «Третий мир» растет и стремится к интеграции в ближайшем будущем, — заявлял Перон, предлагая выработать единую стратегию развития для всех континентов¹⁸, беря на вооружение и националистическую теорию «бедных и богатых наций». На основе слов Перона о том, что «в двухтысячном году Латинская Америка интегрируется или снова попадет в рабство», один из теоретиков «третьего мира» Х. Х. Греко предложил латиноамериканским странам совместную стратегию оборонительного союза под тремя хустисиалистскими лозунгами: «экономическая независимость», «по-

литический суверенитет и социальная справедливость», и «особый путь третьего мира»¹⁹

Тезисы об исторической и геополитической интеграции латиноамериканских стран широко использовались перонистской пропагандой для расширения влияния хустисиализма в Латинской Америке. Журнал «Политика интернациональ», вокруг которого группируются теоретики буржуазного национализма, выдвинул эту доктрину в качестве модели некапиталистического пути и мирной революции во всех странах «третьего мира».

Однако подход к идее «национального социализма» показал далеко зашедшее размежевание правых и левых течений.

Правые перонисты, смыкающиеся с клерикальными националистами — сторонниками коммунитарных теорий, под видом «национального социализма» стремятся навязать концепцию «абсолютного, национального государства». Они призывают к «духовной революции». «Хустисиалистская доктрина и вся массовая база движения выражает стремление к постепенному установлению нового социализма, христианского и национального, мудро возвращающего нас к евангелическим источникам во имя подлинно гуманной социальной революции», — писал один из лидеров хустисиализма Рауль Матера²⁰. Он подчеркивал самобытность национального и христианского социализма, противостоящего «другим его разновидностям — интернациональным, гуманным или утопическим».

Национал-реформистскую интерпретацию «национального социализма» дают представители неоперонизма и профсоюзной бюрократии. Так, по мнению лидера неоперонизма Хорхе Паладино, социализм должен вести к «реальному перераспределению богатств». Представитель буржуазных кругов перонизма финансист Хорхе Антонио связывает «национальный социализм» прежде всего с поддержкой национального капитала государством, стимулирующим социальный прогресс²¹. Правая перонистская профсоюзная бюрократия, подтверждая свою верность догмам хустисиализма, заявила в программе ВКТ в 1970 г., что «национальный социализм находит свое выражение в подлинно аргентинской модели развития, которая включает не только материальные, но и духовные и культурные ценности, определяющие лицо нации»²².

Иными словами, теория и практика правых хустисиалистских лидеров направлена на то, чтобы, прикрываясь лозунгом «национального социализма», затормозить развитие революционного освободительного движения, идеологически дезориентировать трудящихся.

В то же время в перонистском движении определилось и иное отношение к данному лозунгу.

Политизация профсоюзов, сближение рабочего и студенческого движения привели к усилению позиций леворадикальных националистических течений, которые выступают против интерпре-

литический суверенитет и социальная справедливость», и «особый путь третьего мира»¹⁹

Тезисы об исторической и геополитической интеграции латиноамериканских стран широко использовались перонистской пропагандой для расширения влияния хустисиализма в Латинской Америке. Журнал «Политика интернациональ», вокруг которого группируются теоретики буржуазного национализма, выдвинул эту доктрину в качестве модели некапиталистического пути и мирной революции во всех странах «третьего мира».

Однако подход к идее «национального социализма» показал далеко зашедшее размежевание правых и левых течений.

Правые перонисты, смыкающиеся с клерикальными националистами — сторонниками коммунитарных теорий, под видом «национального социализма» стремятся навязать концепцию «абсолютного, национального государства». Они призывают к «духовной революции». «Хустисиалистская доктрина и вся массовая база движения выражает стремление к постепенному установлению нового социализма, христианского и национального, мудро возвращающего нас к евангелическим источникам во имя подлинно гуманной социальной революции», — писал один из лидеров хустисиализма Рауль Матера²⁰. Он подчеркивал самобытность национального и христианского социализма, противостоящего «другим его разновидностям — интернациональным, гуманным или утопическим».

Национал-реформистскую интерпретацию «национального социализма» дают представители неоперонизма и профсоюзной бюрократии. Так, по мнению лидера неоперонизма Хорхе Паладино, социализм должен вести к «реальному перераспределению богатств». Представитель буржуазных кругов перонизма финансист Хорхе Антонио связывает «национальный социализм» прежде всего с поддержкой национального капитала государством, стимулирующим социальный прогресс²¹. Правая перонистская профсоюзная бюрократия, подтверждая свою верность догмам хустисиализма, заявила в программе ВКТ в 1970 г., что «национальный социализм находит свое выражение в подлинно аргентинской модели развития, которая включает не только материальные, но и духовные и культурные ценности, определяющие лицо нации»²².

Иными словами, теория и практика правых хустисиалистских лидеров направлена на то, чтобы, прикрываясь лозунгом «национального социализма», затормозить развитие революционного освободительного движения, идеологически дезориентировать трудящихся.

В то же время в перонистском движении определилось и иное отношение к данному лозунгу.

Политизация профсоюзов, сближение рабочего и студенческого движения привели к усилению позиций леворадикальных националистических течений, которые выступают против интерпре-

талии хустисиализма в духе классовой гармонии. Представители этих течений восприняли лозунг «национального социализма» как знамя «национальной и социальной революции».

Левое течение профсоюзов «Боевые профсоюзы» в 1972 г. выдвинуло свою программу. Она включила такие радикальные реформы, как национализация ключевых отраслей в экономике, централизованное планирование, рабочий контроль над производством, экспроприация латифундий, утверждение национального суверенитета и независимой внешней политики. Представители леворадикального течения в перонизме отмежевываются от правого национализма, который они клеймят как фашизм, критикуют буржуазных национал-реформистов за ограниченность и колебания.

Но подчас ненаучный подход к проблеме национализма приводит их к неправильным выводам относительно его классовой природы. Ссылаясь на ленинский тезис о различии между национализмом угнетенных наций и национализмом буржуазии метрополии, они делают вывод о существовании «революционного национализма» в противовес интернационализму и провозглашают себя его сторонниками. Этот тезис стал общепризнанным среди всех мелкобуржуазных националистических течений, превратился в своего рода девиз националистической печати: «национализм 1970 г. должен быть революционным или он не национализм»²³.

Представления о «национальном социализме» революционно настроенных христианских кругов, части священнослужителей и трудящихся-католиков изложены в книге Роландо Конкатти «Священники третьего мира выступают за перонизм». «Национальный социализм», по его мнению, возник как идеология «третьего мира», выражающая его антикапиталистическую ориентацию и противоречия с империализмом²⁴. Сторонники этой точки зрения понимают под национальным движением к социализму некое абстрактное «примирение и развитие всего подлинно народного и национального»²⁵.

Идеологи «народного национального течения» определяют «национальный социализм» как особую форму проявления научного социализма в Аргентине²⁶. Национальный аспект, по их мнению, означает «глубокое уважение исторических и культурных особенностей нации», утверждение принципов «национального единства» как народной общности и исторических судеб, глубоко укоренившихся в освободительном процессе в Латинской Америке²⁷. Бесспорно, все это говорит о процессах радикализации настроений в перонистском движении, о стремлении идеологов левого течения в перонизме преодолеть влияние буржуазного национализма, нащупать пути подхода к интерпретации национальной действительности с революционных, антиимпериалистических позиций. На это обстоятельство обращают самое серьезное внимание аргентинские коммунисты.

Выступая на XIV съезде Коммунистической партии Аргентины (август 1973), ее Генеральный секретарь Херонимо Арнедо Альварес подчеркнул, что дискуссия и обмен мнениями с левыми перонистами должны развертываться в дружественной, братской обстановке, «как это подобает делать борцам за общее дело социального и национального освобождения аргентинского народа»²⁸. Необходимость диалога коммунисты ставят в прямую связь с борьбой за единство всех патриотических, прогрессивных сил, учитывая продолжающийся сдвиг влево перонизма. «Мы не можем не видеть, — пишет член руководства Компартии Аргентины Атос Фава, — что перонисты (а это в своем большинстве рабочие и представители трудящихся масс) преобладают в крупных пролетарских центрах. У них все больше развивается классовое сознание, растет боевой дух, профсоюзная дисциплина. Они выступают против империализма и олигархии, являются друзьями социалистических стран. Разумеется, все это в их сознании перемешано с буржуазно-националистическими идеями, которые распространяются средствами массовой информации»²⁹.

Перонисты, создавшие Хустисиалистский фронт освобождения, на выборах 1973 г. одержали убедительную победу. Более 80% аргентинцев голосовали за программные цели социальных, антиимпериалистических преобразований. Однако вскоре после прихода к власти перонистов с большей очевидностью обнаружилась слабость и противоречивость провозглашенной ими политики. В немалой степени такой поворот событий объяснялся обострившейся борьбой между различными течениями в перонизме, углублением его кризиса. Особенно эта борьба усилилась после смерти в июне 1974 г. Перона, являвшегося единственным связующим звеном между прошлым и настоящим перонизма. В рядах перонистского движения произошла дальнейшая поляризация сил, что выразилось в открытом противоборстве, конфронтации его правого и левого крыла. Правые буржуазно-националистические лидеры перонизма, пользуясь тем, что они захватили ключевые позиции в рабочем, профсоюзном движении, стремились воспрепятствовать углублению борьбы рабочего класса, завести пролетариат в тупики «классового сотрудничества», «национального единства», развязали антикоммунистическую кампанию. Однако им не удалось затормозить борьбу рабочего класса, процесс усиления левых тенденций в перонизме. Борьба аргентинского пролетариата, трудящихся масс приобретала все более широкий размах, характеризовалась выдвижением антиолигархических, антиимпериалистических требований.

В условиях резкого обострения классовых, социальных противоречий в стране перонистский режим, который все больше склонялся вправо, обнаруживал все более явные признаки глубокого кризиса, неспособность предложить какой-либо конструктивный выход из него.

Приход к власти военных 24 марта 1976 г. резко изменил

ситуацию в стране. Устранение от власти правых перонистов — результат дискредитации их политики буржуазного национализма, направленного на торможение борьбы трудящихся масс, на соглашательство с внутренней реакцией и империализмом. Аргентинские коммунисты, остро критикуя антинародную политику правых перонистов, подчеркивая закономерный их крах, одновременно выступают за укрепление сотрудничества с левыми перонистами как необходимое условие создания широкого патриотического, антиимпериалистического фронта.

2. МАССОВОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БРАЗИЛИИ

В 50-х — начале 60-х годов в Бразилии широкий размах приобрело движение, именовавшее себя националистическим, а свою идеологию и политику — национализмом. Его руководители и теоретики вкладывали при этом в понятие «национализм» различное содержание: одни говорили о «независимом национальном капитализме», другие — о «народном национализме», третьи — о «социалистическом национализме». Это широкое и противоречивое движение нельзя свести к узким рамкам собственно национализма, хотя буржуазный национализм наложил заметный отпечаток на его идеологию, программу, политическую линию, формы и методы борьбы и организацию.

Специфика этого движения обуславливается особенностями положения, места, которое занимала и занимает Бразилия (и подобные ей страны) в капиталистическом мире, особенностями системы производственных отношений и тем, что политическая система в стране базируется на зачаточных основах буржуазной демократии, имитации ее отдельных внешних признаков, слабости партийной структуры. Этим объясняется большое влияние «надпартийного» вождизма с его мнимо надклассовыми претензиями на представительство всей нации, с использованием обостренного, ущемленного национального чувства. «Общенациональный вождь» выступает в роли «всенародного мессии».

Массовая база популизма — преимущественно городское население. Движение опиралось на городские «низы», маргинальные слои, значительную часть рабочего класса. Весьма крупную роль играет в этом движении та часть городских средних слоев, которая работает по найму и занята преимущественно в государственном аппарате, областных и муниципальных органах. Они-то и выполняют функцию «посредника» между «вождем» и массами.

В 30-е годы оформляется наметившаяся еще ранее классовая дифференциация популизма. Во главе его становится Жетулио Варгас. Выражая в конечном счете интересы бразильской буржуазии, Ж. Варгас пытался как бы стать над классами, предста-

вить себя в качестве общенационального вождя и даже «националистического пророка» всей Латинской Америки. Варгас находился в центре политической жизни Бразилии до 1954 г., когда жизнь его оборвалась при загадочных обстоятельствах в результате заговора местной олигархии и империализма США. Он не без основания может считаться одним из создателей крупнейших буржуазных и мелкобуржуазных партий Бразилии 40—60-х годов, таких, как Трabalьистская, Социал-демократическая и даже выступавший против Ж. Варгаса Национально-демократический союз. Главной опорой политики Ж. Варгаса стала созданная им в 1946 г. Трabalьистская партия, которая была замыслена как своего рода корпоративистское объединение, призванное способствовать установлению «гармонии труда и капитала». Он ловко лавировал между противоречивыми интересами аграрной олигархии, обуржуазившихся помещиков юга, крепнувшей бразильской буржуазии, мелкой буржуазии и огромных масс трудящихся, которых ему порой удавалось увлечь за собой социальной демагогией и некоторыми реформами. В идеологическом арсенале Ж. Варгаса далеко не последнее место занимал национализм.

В последние годы жизни Ж. Варгаса и после его смерти популистское движение оформляется как важнейшее направление в националистическом движении Бразилии. Его «мозговым трестом» становится Высший институт бразильских исследований при министерстве образования и культуры, а социально-экономической программой — так называемая идеология развития (десарольизм), связанная с деятельностью Экономической комиссии ООН для Латинской Америки.

Чтобы понять причины этой эволюции популистского национализма, необходимо хотя бы в общих чертах рассмотреть определившие ее сдвиги в расстановке классовых сил в Бразилии за последние десятилетия.

В результате роста промышленности в годы второй мировой войны и послевоенное время увеличилась численность пролетариата, пополнившего свои ряды за счет крестьянства и мелкобуржуазных слоев города, усилились и позиции местной буржуазии. Быстро росли многочисленные городские средние слои. Вовлечение в капиталистическое производство новых слоев шло гораздо быстрее перемен в их сознании. Как отмечает бразильский социолог О. Ианни, в течение длительного времени во взаимоотношениях между новыми рабочими, с одной стороны, и хозяином и мастером — с другой, проявляются элементы патернализма, соответствующие низкому уровню гражданской культуры и политического сознания³⁰. Поэтому патернализм и проповедь классового сотрудничества стали составной частью политики и идеологии правительства Варгаса. Другой его частью стал национализм, который оправдывал призрачную гармонию интересов труда и капитала под эгидой «национального вождя».

Теоретики популистского движения затратили немало усилий на идеологическую обработку трудящихся в духе «национального единства», основанного на мнимом сотрудничестве классов. «Порядок, установленный на новых принципах во имя нации, несовместим с классовой борьбой», — заявлял Ж. Варгас.

Он обращал особое внимание на разработку националистической концепции, которая объединила бы все классы и слои бразильского общества в классово недифференцированном понятии «народ». Он писал: «В будущем бразильское общество не будет делиться на богатых и бедных, влиятельных и бесправных. Это будет народ, объединенный взаимопониманием и стремлением к всеобщему благу»³¹.

Национализм Варгаса, в частности, проявлялся в отрицании им универсальных закономерностей общественного развития, в стремлении изобрести «третий путь» развития, якобы свойственный только Бразилии. Политика Варгаса предполагала проведение частичных реформ с целью укрепления капитализма.

Но идеолог популизма не мог не считаться с подъемом антиимпериалистических настроений в стране, с требованиями масс покончить с засильем иностранных монополий, требованиями, которые формулировала действовавшая в подполье Коммунистическая партия.

В начале 50-х годов, особенно под влиянием революций в Гватемале и Боливии, эти требования приобрели особое звучание. Кроме того, как дальновидный буржуазный политик Варгас понимал, что без создания сильной экономической базы невозможно развитие страны. Поэтому он поддерживал создание государственных компаний «Петробраз» и «Электробраз» и всячески содействовал укреплению государственного сектора в экономике. В поддержку создания государственного сектора выступил организованный рабочий класс во главе с коммунистами. Этот курс получил поддержку и со стороны части местной буржуазии, так как он способствовал укреплению ее позиций на бразильском рынке. Но крупная проимпериалистическая буржуазия враждебно встретила эти акции. Иностранный империализм и олигархические круги Бразилии, интересы которых они ущемляли, постарались убрать Ж. Варгаса с политической сцены, устроив заговор.

Жетулио Варгас, с именем которого связан важный период в истории Бразилии, вошел в историю как противоречивая фигура. В его политике присутствовали реакционные и диктаторские тенденции, направленные против независимого рабочего движения, склонность к сделкам с иностранным империализмом и местной олигархией. Именно за это коммунисты и другие прогрессивные силы Бразилии критиковали Варгаса и его националистическую идеологию. Они справедливо указывали на иллюзорность варгасовских усилий обеспечить «единство нации» путем сплочения вокруг фигуры «национального вождя» и поло-

винчатых реформ, не затрагивавших основ отжившего строя. Они справедливо считали утопичной мысль создать независимую национальную экономику без серьезных социально-экономических преобразований, без союза с ведущими силами социального прогресса. Подобные иллюзии отражали классовую ограниченность Ж. Варгаса как политического деятеля бразильской буржуазии. В то же время коммунисты подчеркивают и положительные моменты в деятельности правительства Ж. Варгаса, связанные с противодействием хищнической политике отдельных иностранных монополий, намерением осуществить аграрную реформу, созданием основ государственного сектора экономики и попытками разработать самостоятельный внешнеполитический курс.

Именно эти положительные моменты патриотического толка выдвинулись на передний план в популистском движении после гибели Варгаса, когда демократические и патриотические гражданские и военные силы, опираясь на выступления масс, изолировали заговорщиков и сорвали планы установления проимпериалистического режима. В 1955 г. по инициативе бывших сторонников Варгаса из представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий был создан Национальный парламентский фронт (НПФ). Хотя он не был официальным блоком политических партий, но объединял многих депутатов национального конгресса³², а также ассамблей штатов. Эти депутаты принадлежали ко всем ведущим буржуазным партиям.

Особую активность в этом Фронте проявляли представители Трabalьистской и Социалистической партий. Из 57 депутатов национального конгресса, примкнувших к Фронту, 23 принадлежали к Трabalьистской партии, а 5 — к Социалистической³³. В политическом манифесте НПФ были сформулированы основные принципы, требовавшие активизировать деятельность правительства в защиту национального экономического и политического суверенитета, следуя заветам Варгаса.

Это движение привлекло в свои ряды широкие слои населения. По всей стране создавались комитеты так называемого националистического движения. В сентябре 1960 г. была созвана их первая национальная конференция, носившая антиимпериалистический характер. Однако, несмотря на большой размах движения и активное участие в нем народных масс, последние не смогли завоевать в нем решающей роли.

С самого начала националистическое движение развивалось под руководством буржуазных и мелкобуржуазных группировок, которые хотя и имели непримиримые противоречия с империализмом, но больше всего боялись развертывания массового антиимпериалистического революционного движения и поэтому предпочитали политические компромиссы с империалистами, зачастую на антикоммунистической основе. Это движение опиралось не столько на сознание самих масс, сколько на приверженность их к памяти «национального вождя» Варгаса, т. е. в значитель-

ной мере на наследие националистического популистского движения предшествующего периода. В то же время динамика этого движения свидетельствовала о довольно быстром росте демократического и национального сознания народных масс, укреплении их организаций, что подстегивало иностранные и местные монополии на организацию военных заговоров, чтобы силой оружия прервать этот процесс и навязать проимпериалистический режим.

Выше уже упоминалось о Высшем институте бразильских исследований. В этом институте действовали отделы философии, истории, политики, социологии и экономики. Он не только издавал множество трудов по этим проблемам, активно формируя общественное мнение, но и устраивал для распространения своих взглядов циклы лекций и публичных диспутов. Институт внес ценный вклад в укрепление и распространение демократических и антиимпериалистических идей в массах, в укрепление национального самосознания, создал интересные исследования по истории, экономике, культуре Бразилии, содействовал ее сближению с другими латиноамериканскими странами и молодыми африканскими государствами.

Институт, впрочем, как и все движение в целом, был весьма неоднородным. В нем сотрудничали и буржуазные либералы, и мелкобуржуазные реформаторы, и люди с революционно-демократическими и даже пролетарско-революционными убеждениями. Здесь встречались и буржуазные националисты, и настоящие патриоты-интернационалисты. Это не мешало всем им называть себя националистами и причислять к националистическому движению.

Правое, буржуазное крыло в институте представлял социолог Э. Жагуарибе. В противовес марксистско-ленинской теории нации Жагуарибе выдвинул идеалистическую концепцию, определив нацию как некий комплекс национальных ценностей и национального сознания³⁴. Отсюда Жагуарибе выводил и свое представление о национализме как общенациональной надклассовой политике и идеологии, которая должна обеспечить стране особый «бразильский путь развития». Этот путь в сущности рассматривался им как путь независимого капиталистического развития, которое должно было претворить в жизнь мечты об ослаблении зависимости от гнета иностранного империализма, об индустриализации, укреплении позиций национальной буржуазии на внутреннем рынке. В социальной области предполагалось провести ряд реформ (особенно — аграрную реформу), чтобы модернизировать отсталую социальную структуру.

Идеологи буржуазии призывали рабочий класс пойти на жертвы во имя достижения «общей цели» — индустриализации и преодоления слаборазвитости. Предполагалось, что такая политика может получить поддержку со стороны США и особенно — Западной Европы и Японии на сугубо политической основе, а именно, на основе антикоммунизма. Странники этого направления

всячески старались избегать конфронтации с империализмом, клялись в верности панамериканизму, но предлагали «дополнить» его политическую сущность «экономическим аспектом»: практически они уговаривали империализм США помочь бразильской буржуазии в преодолении слаборазвитости страны и добровольно уступить ей часть «жизненного пространства». Деятели этого направления идеализировали империалистический курс «Союза ради прогресса» и связывали с ним несбыточные надежды.

Другое течение, также не свободное от иллюзий относительно «Союза ради прогресса», делало упор преимущественно на концепции так называемого экономического национализма. Оно изображало государство как орган классового сотрудничества во имя достижения общенациональных целей. С. Фуртадо, например, рассматривал «национальное государство» как «центр принятия решений и орудие мобилизации населения на решение задачи развития»³⁵. Отсюда он выводил необходимость выработки «национальной стратегии». Для Латинской Америки он считал необходимым «восстановление национального государства как основного центра принятия решения» в качестве предварительного условия создания многонационального сообщества, т. е. интеграции «национальных хозяйств». В противном случае, утверждал он, интеграция пойдет на пользу иностранным крупным предприятиям³⁶. Как видно, в указанной концепции уже появляются известные ноты протеста против безраздельного хозяйничанья иностранных монополий.

Кое-кто при этом считал «экономический национализм» альтернативой капитализму. Так, примыкавший к этому течению бразильский историк А. Граса писал: «Капитализм и экономический национализм представляют собой две великие системы, которые всегда находятся в борьбе друг с другом как в области принципов, так и по своей теории и своей основе»³⁷.

Известный бразильский социолог А. Виейра Пинто утверждал, что на данном этапе главное противоречие — это противоречие между Бразилией как нацией и развитыми странами³⁸. Экономически слаборазвитую страну он изображал как некое «цельное единство», сплоченное указанным противоречием. В свою очередь, по его мнению, наличие этого противоречия требовало разработки особой общенациональной надклассовой идеологии и политики, а именно «идеологии национального развития»³⁹. Такую идеологию А. Виейра Пинто объявлял национализмом. Он считал, что в Бразилии ввиду «единства нации», сплоченной главным противоречием, нет классов, интересы которых были бы противоположны этому национализму, а есть только «внутренние агенты иностранной державы»⁴⁰. А. Виейра Пинто указывал на важные аспекты этой «идеологии и политики национального развития», такие, как защита национального суверенитета в области внешней политики, утверждение монополии государства

в основных областях экономической жизни, защита подлинно национальной промышленности, проведение аграрной реформы, улучшение условий жизни народных масс и расширение их участия в политическом процессе, содействие развитию культуры на национальной основе и народному просвещению.

Нетрудно заметить, что «экономический национализм» С. Фуртадо и «национальная идеология» А. Виейра Пинто не могут, строго говоря, рассматриваться как националистическая идеология. Национализм в их теоретических построениях появляется тогда, когда они выражают надежду, будто Бразилии удастся обойти законы классовой борьбы и найти такой «национальный путь развития», который бы удовлетворял в равной мере все классы «бразильской нации».

Миф о «единой, сплоченной бразильской нации» разбился о жестокую действительность, когда политические деятели попытались взять его на вооружение. Так, вслед за Варгасом был свергнут президент Ж. Куадрос, потребовавший «подчинения иностранных капиталов интересам развития Бразилии и ее национальной безопасности»⁴¹. Местная и иностранная финансовая олигархия понимала «национальную безопасность» как безопасность собственных классовых привилегий.

В 1961 г., после смещения Ж. Куадроса реакционной военной верхушкой, президентский пост, несмотря на ее сопротивление, занял вице-президент страны Жоао Гуларт, который возглавил массовое движение под лозунгом продолжения курса, намеченного еще Варгасом. Но в отличие от Варгаса, Ж. Гуларт все больше и больше опирался не на популистское движение в целом, а на Трabalьистскую партию и собственно «националистическое движение». Трabalьисты пытались укрепить свои позиции на самостоятельном пути экономического развития, осуществить умеренную аграрную реформу, проводить независимую внешнюю политику и т. д. Успех этой программы зависел от способности лидеров Трabalьистской партии мобилизовать на ее поддержку народные массы.

Гуларт выступал в качестве политического наследника Варгаса. Еще будучи министром труда в его правительстве, он установил связи с профсоюзными лидерами, добился популярности среди широких слоев народа. Придя к власти, он попытался восстановить существовавший при Варгасе механизм взаимоотношений между правительством и профсоюзами и массовыми организациями. В социальной политике Ж. Гуларта получили дальнейшую разработку выдвинутые Варгасом концепции «классового сотрудничества во имя экономической независимости».

«Трудящиеся, не чувствующие себя париями в обществе, уже не могут быть силой, враждебной обществу», — писал Ж. Гуларт. Он подчеркивал, что рабочий класс должен стать «ядром нации, способствующим ее сплочению и оказывающим сопротивление всякой попытке ее раскола извне или изнутри»⁴².

Ж. Гуларт и другие идеологи трабальизма стремились усовершенствовать методы идеологической интеграции трудящихся в националистическом движении, расширить каналы политического влияния буржуазного правительства на профсоюзы. Правительство Гуларта усовершенствовало социальное законодательство для регулирования отношений между трудом и капиталом в духе реформизма: «проблема труда прежде всего означает методы сотрудничества главных производительных сил — труда и капитала»⁴³. Одним из них остается государственный патернализм: «историческая миссия достижения экономической независимости не может и не должна возлагаться только на трудящихся, которые, хотя и выполняют важную роль в этом деле, являются экономически слабыми и нуждаются в поддержке и защите государства», — заявлял Гуларт⁴⁴.

В октябре 1961 г. на основе Националистической лиги была создана довольно широкая коалиция — Фронт национального освобождения (ФНО). Его возглавляли представители левого крыла трабальизма — Л. Бризола (губернатор штата Риу-Гранди-ду-Сул) и М. Боржес (губернатор штата Гойяс). Политическим центром этого движения оставался Национальный парламентский фронт.

Чтобы привлечь на свою сторону широкие массы, Фронт национального освобождения объявлялся беспартийным движением всех националистических течений. Лидеры ФНО делали ставку на трабальистские профсоюзы как связующее звено между правительством и рабочим классом.

В декларации съезда ФНО была провозглашена решающая роль пролетариата «как наиболее социальной и последовательной революционной силы» в националистическом движении. Перед ФНО выдвигались задачи достижения «единства народа, осознания им нынешних исторических задач борьбы против империализма и латифундизма, готовности вести ее на всех фронтах против врагов Бразилии, разрешения проблемы неравномерного регионального развития, защиты и расширения демократии, распространения националистической идеологии среди военнослужащих, поднятия престижа и усиления движения рабочих и крестьян»⁴⁵.

Эти лозунги свидетельствовали о все большем размахе массового движения, побуждавшего лидеров ФНО и правительство Гуларта идти влево. В дальнейшем, в ходе борьбы за проведение структурных реформ, ФНО был преобразован во Фронт народной мобилизации, который представлял собой объединение всех социально-политических сил, поддержавших программу антиимпериалистических и антилатифундистских преобразований. В рядах Фронта сотрудничали Всеобщее руководство трудящихся (единый профцентр), Национальный парламентский фронт, руководство крестьянских лиг во главе с Ф. Жулиао, женская лига, крупнейшие профсоюзные федерации, студенческие объединения

и другие демократические организации. Активную поддержку Фронту оказали коммунисты.

Фронт народной мобилизации в декабре 1963 г. выступил за проведение радикальных реформ и реорганизацию правительства на демократических началах. Это указывало на изменение в соотношении сил внутри Фронта.

Создание Всеобщей конфедерации труда (1962) способствовало укреплению профсоюзной организации трудящихся, координации действий профсоюзов в национальном масштабе, усилило их влияние на политику правительства Гуларта. Нуждаясь в поддержке рабочего класса в условиях возрастающей враждебности со стороны империализма и внутренней реакции, Гуларт шел на уступки трудящимся, но в то же время стремился ввести рабочее движение в рамки движения за реформы.

В отличие от националистического популистского движения 50-х годов в 60-е годы речь шла уже о складывании действительно антиимпериалистического, подлинно демократического фронта. Его классовой базой был крепнущий союз рабочих, студенчества, мелкобуржуазной интеллигенции, привлекавший крестьян, сельскохозяйственных рабочих, часть военных. Мобилизуемые им массы оказывали нажим на правительство с тем, чтобы оно переходило от словесных заявлений к практическому осуществлению программы Фронта.

Бразильская коммунистическая партия поддерживала это движение и призывала массы активно включиться в него.

Но руководители Фронта начали понимать, что единство бразильской нации, на которое они рассчитывали, не выдержало испытания на практике. Не решаясь отказаться от своей концепции «национального единства», они тем не менее вынуждены были внести в нее определенные коррективы. Лидер Национального парламентского фронта Сержио Магальяэс писал, что «борьба идет между силами нации и антинции, против антинациональных интересов»⁴⁶. С. Магальяэс считал борьбу за коренные реформы инструментом политической мобилизации народа против монополий, латифундий и финансовой олигархии. Возглавлявшийся им Национальный парламентский фронт в своем манифесте в апреле 1963 г. заявлял, что «наступил час организации народа на борьбу за немедленные насущные реформы. Для этого надо создать самое мощное движение общественного мнения в истории страны, ибо только оно способно повести Бразилию по пути процветания, сделать ее независимым и прогрессивным государством»⁴⁷. По мнению Магальяэса, независимое экономическое развитие Бразилии благоприятствовало «всем классам, всем слоям общества и секторам экономики, кроме латифундистов и монополий»⁴⁸. Согласно аргументации Магальяэса, главная цель рабочих и предпринимателей совпадает. Это борьба с экономической отсталостью, за индустриализацию страны. Поэтому они должны сотрудничать во имя национальных интересов.

В начале 60-х годов империализм сделал все, чтобы обострить последствия развертывавшегося в стране экономического кризиса. Местная буржуазия вначале солидаризировалась с политикой правительства Гуларта, так как она нуждалась в поддержке государства перед лицом наступления олигархии и империалистических монополий. Ее интересам отвечала политика «экономического национализма», связанная с борьбой за «независимое капиталистическое развитие» страны, с переориентацией на западноевропейский капитал, который, по мнению бразильских националистов, после потери колоний якобы утратил свой империалистический характер⁴⁹. Буржуазные круги надеялись также на то, что проповедь «национального единства» заразит рабочее движение идеями буржуазного национализма, сделает пролетариат «податливей», собьет накал стачечной борьбы.

Однако развертывание экономического кризиса и перемены в международной обстановке, с одной стороны, обострение классовой борьбы в Бразилии — с другой, повлекли за собой перегруппировку социально-политических сил. Монополии постарались взвалить последствия экономического кризиса на трудящихся и немонополистический сектор. Рабочие, организованные в профсоюзы, ответили обострением стачечной борьбы, которая росла и ширилась. Надежды на «классовый мир» рухнули. Западногерманские монополии нашли общий язык с североамериканскими и прибегли к политике бойкота экономических усилий бразильского государства. Правительство Гуларта не приняло энергичных мер, которые противодействовали бы натиску монополий на экономику Бразилии, ограничиваясь словесными угрозами в их адрес. Монополии справедливо расценили это как проявление слабости правительства Гуларта и усилили нажим. Программа «экономического развития» была сорвана.

Империализм США в ответ на победу народной революции на Кубе выдвинул демагогическую патерналистскую программу «Союз ради прогресса». Эта программа привлекла на сторону реакции довольно широкие круги местной буржуазии и даже часть средних слоев, которые испугались перспективы социалистической революции в Бразилии и бросились в объятия самых оголтелых контрреволюционных сил.

Перегруппировка социально-политических сил в рядах националистического движения оказала влияние на представителей мелкобуржуазных кругов тралальзма. Некоторые из них пошли дальше концепции «экономического национализма», требовали отстранения колеблющейся буржуазии от власти и осуществления непосредственно социалистической революции.

Их идеологом выступал Франклин де Оливейра, чья книга «Революция и контрреволюция в Бразилии» оказала большое влияние на идейно-политическую борьбу в рядах «националистического движения». На путях капиталистического развития, подчеркивал Ф. де Оливейра, уже было невозможно решить слож-

нейшие проблемы страны. «Мистификация реформистов состоит в том, что они не предлагают решения главных противоречий капитализма, коренящихся в самой системе производства», — справедливо отмечал он в своей книге⁵⁰. По мнению Ф. де Оливейры, в латиноамериканских странах со средним уровнем капиталистического развития на первый план выдвигались классовые противоречия и поэтому «сегодня социальные революции могут быть только социалистическими»⁵¹. Но при этом Ф. де Оливейра ошибочно полагал, что на современном этапе освободительной борьбы бразильский пролетариат настроен реформистски и что только крестьянские массы заинтересованы в коренной ломке социальной структуры.

На этом этапе активизировались ультралевые элементы. Они выступали против союза с монополистическими кругами местной буржуазии и не считали бразильский пролетариат революционной силой в условиях Бразилии. Ультралевые делали ставку на отсталые слои сельскохозяйственного населения беднейших штатов, на обездоленных «маргиналов» в промышленных центрах. Согласно их мнению, в Бразилии с ее пережитками феодализма и социальными антагонизмами капитализма не было сформировавшейся нации, ее настоящее рождение должна была дать «социалистическая революция»⁵².

В концепции Ф. де Оливейры и в практике Бризолы, лидера ультралевого мелкобуржуазного крыла трабализма, который руководствовался этой концепцией, речь шла не о пролетарском, а о мелкобуржуазном понимании социализма как некой бразильской модели социализма, противостоящей реальному социализму. Подобные концепции толкали ультралевых на всевозможные авантюристические акции, которые поддерживались политически незрелыми бедствующими городскими низами. Такими акциями мелкобуржуазные «ультра» старались скомпрометировать промышленный пролетариат, помешать ему в выполнении его руководящей роли. Все это резко ослабило правительство, на которое развернула наступление реакция, помешало образованию единого фронта против заговорщиков и способствовало переходу не только буржуазии и средних слоев, но и части рабочих в стан противников правительства.

В момент обострения политического кризиса в стране левые экстремисты спровоцировали раскол в рядах авангарда рабочего класса — Бразильской коммунистической партии. Распространяя антисоветскую клевету, они провозгласили создание своей карманной партии в Бразилии. Они призвали к осуществлению вооруженной революции против правительства Гуларта, смыкаясь по существу с империалистическими заговорщиками. Национализм ультралевых мелкобуржуазных экстремистов объективно помогал империализму и местной реакции готовить почву для реакционного государственного переворота.

Фактически в начале 1964 г. «националистическое движение»

оказалось на грани распада. Буржуазные круги трабальизма во главе с Ж. Гулартом хотели избежать поляризации политических сил в связи с экономическим кризисом и неизбежного обострения классово-борьбы. Подвергаясь нападкам справа и слева, правительство Гуларта следовало тактике уступок и тем, и другим ради сохранения мнимого национального единства.

«Националистическое движение», как отмечает прогрессивный бразильский публицист Р. Фако, могло выстоять и не превратиться в шовинистическое движение на службе господствующих классов, лишь углубляя преобразования для более интенсивного экономического развития и социального прогресса Бразилии⁵³. В то же время непременным условием этих преобразований была поддержка со стороны широких масс трудящихся, средних слоев и немонополистической буржуазии. Однако эти условия не были соблюдены. О социальных преобразованиях много говорилось, но декреты правительства оставались на бумаге. Массы не ощутили непосредственных результатов, которые облегчали бы их тяжелое материальное положение. Поэтому они не готовы были решительно защищать правительство от атак справа, ибо не считали его «своим». Словесный радикализм пугал средние слои и правительство теряло их поддержку, тем более, что в условиях экономического кризиса и саботажа монополий им приходилось сталкиваться с серьезными трудностями.

Разрыв между радикальными лозунгами и пассивностью правительства в сфере социальной практики, политическая изоляция руководителей национализма от широких масс позволили противникам антиимпериалистического курса совершить реакционный военный переворот. К власти в апреле 1964 г. пришли представители военщины, прямо или косвенно связанные с империалистическими и местными монополиями.

Выборы в отдельных штатах страны в 1965—1966 гг. и парламентские выборы в 1974 г. показали, что трабальисты продолжали пользоваться значительным влиянием среди избирателей. На выборах 1966 г. трабальисты выдвинули программу, рассчитанную на поддержку со стороны широких социально-политических сил. Она включала программу «экономического национализма», требования восстановить политические и социальные права, право на забастовку, профсоюзные свободы, проведения университетской реформы, независимой внешней политики.

В 1967 г. бывшие президенты Ж. Гуларт и Ж. Кубичек при участии бывшего губернатора Гуанабары К. Ласерды создали на националистической основе организацию Широкий фронт. Это была действительно широкая коалиция из участников бывшего «националистического движения», а также либералов и даже части националистически настроенных правых кругов. Он был заключен с целью «мирным» парламентским путем вернуть страну к положению, существовавшему до апрельского переворота 1964 г.

Однако время для возрождения националистического популистского движения в Бразилии в том виде, в каком оно было на заре своего существования, прошло и надо было смотреть не назад, а вперед, учитывать новое соотношение классовых и политических сил, новый опыт, накопленный массами. Действительную демократическую и антиимпериалистическую альтернативу в современных условиях разработала Бразильская коммунистическая партия, которая борется за сплочение всех антифашистов, всех патриотов и демократов Бразилии, чтобы ликвидировать диктаторский режим и повести страну по пути восстановления демократии, укрепления национального суверенитета и достижения социального прогресса. На это нацелены решения декабрьского пленума (1975) ЦК Бразильской коммунистической партии. При этом коммунисты учитывают и прогрессивные традиции прошлого, в том числе и традиции «националистического движения».

3. ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДНОГО АЛЬЯНСА В КОЛУМБИИ

Истоки современного популизма в Колумбии следует искать в националистических массовых движениях 20-х годов XX в.

Нынешние руководители массовой организации — Национального народного альянса (АНАПО) — провозглашают себя продолжателями и защитниками идей «воинствующего национализма» (*el nacionalismo militante*), выдвинутых в 20—30-е годы выдающимся политическим деятелем, страстным борцом против империализма Хорхе Элисером Гайтаном (1903—1948). Поэтому рассмотрение идеологии АНАПО необходимо начать с анализа взглядов Х. Э. Гайтана.

В 20-е годы XX в. в связи с расширяющимся проникновением в Колумбию иностранного, в первую очередь американского, капитала там усиливаются антиолигархические, антиимпериалистические настроения. Они получают широкое распространение среди мелкобуржуазных слоев, интеллигенции, студенчества, постепенно захватывая передовые отряды рабочего класса.

В стачечном движении 1924—1928 гг. рабочий класс Колумбии выдвигает антиимпериалистические лозунги.

С аналогичных позиций выступают руководители созданной в 1926 г. Революционно-социалистической партии, прогрессивно настроенные представители левого крыла либералов.

Характерной чертой их выступлений является связь социалистических идей с решением задач национального освобождения. Так, известный социалист, в прошлом представитель левого крыла либералов Армадо Солано писал в 1928 г.: «Колумбийский социализм проникнут горячим национализмом, он выступает в

защиту национальных богатств против угрозы со стороны иностранных монополий»⁵⁴.

Наиболее законченное выражение «революционный национализм» нашел в работах и выступлениях Х. Э. Гайтана. Эволюция его взглядов отразила в себе путь, пройденный колумбийской революционной демократией в 20—40-е годы XX в. В оценке социально-экономических проблем страны Гайтану свойственна мелкобуржуазная ограниченность, обусловленная во многом конкретными условиями Колумбии того времени: процесс складывания классов капиталистического общества еще не завершился, социальные противоречия не были явно выражены. Эту ограниченность мелкобуржуазных демократов отмечал В. И. Ленин, который писал, что им «свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы»⁵⁵.

В мировоззрении этого политического деятеля в зародыше содержится идея о «самобытности колумбийского социализма», особенностью которого является его связь с прогрессивными течениями либерализма, отказ от насильственных действий, мирный, конституционный путь развития страны.

Однако на протяжении всей своей политической жизни Х. Э. Гайтан выступал как непримиримый борец против империализма и реакционной олигархии.

Его концепция национализма и его антиимпериализм свидетельствуют о том, что в этих вопросах он ближе всего подошел к научному социализму. Антиимпериалистические выступления Гайтана были серьезным вкладом в антиимпериалистическое движение не только в Колумбии, но и во всей Латинской Америке.

Еще в 1931 г. в ответ на обвинение в «национализме» Гайтан ответил: «Никогда я не откажусь от национализма! Сегодня и всегда мы будем защищать его, ибо знаем, что существует реальная угроза латиноамериканским нациям со стороны империалистов»⁵⁶.

В выступлениях Гайтан различал реакционный национализм капиталистических колониальных держав и национализм стран, борющихся за свою независимость.

В первой группе стран, писал Гайтан, «националистические силы направлены на разобщение и порабощение стран слабых, еще не достигших высокого уровня развития. В наших странах, странах слабых, наоборот, национализм неизбежно приобретает оборонительный характер»⁵⁷.

Национализму Гайтана не свойственны идеи шовинизма и расизма, столь ясно выраженные в выступлениях представителя колумбийского реакционного национализма Лауреано Гомеса. Национализм Гайтана не ставит целью противопоставить колумбийский народ другим народам, доказать какое-либо превосходство. В его выступлениях ясно выражена идея континентальной

солидарности латиноамериканских народов в борьбе за демократию и социализм.

«Мы провозглашаем солидарность со всеми левыми силами латиноамериканского континента, которые борются за установление подлинной демократии, освобождение от власти плутократии, сотрудничающей с зарубежным империализмом, и от олигархии, которая внутри наших стран сосредоточила в своих руках всю экономическую власть, что создает основу для ее политического влияния и обогащения»⁵⁸. Еще в начале 30-х годов, в разгар мирового экономического кризиса, Гайтан выступал за экономическое сотрудничество латиноамериканских стран на основе «гармонического развития экономики государств континента».

Он был одним из инициаторов идеи созыва экономической конференции государств региона, которая должна была бы разработать меры по расширению торговли и отмене таможенных ограничений между латиноамериканскими странами⁵⁹.

В своих антиимпериалистических выступлениях Х. Э. Гайтан проводил четкую грань между трудящимися империалистических стран и эксплуататорскими классами, заявляя, что он «является не врагом американского народа, а противником империализма как системы, у которой немало непримиримых противников среди самого великого американского народа»⁶⁰. Он считал возможным установление дружественных отношений между США и латиноамериканскими странами, в основе которых должна быть совместная «защита демократии и республиканских принципов». Он считал, что эта дружба должна также основываться на взаимовыгодных торговых отношениях и невмешательстве во внутренние дела.

Наивысший подъем антиимпериалистическое движение в Колумбии переживало в 1946—1948 гг. В 1946 г., во время избирательной кампании, Гайтан выступает с общедемократической антиимпериалистической программой. Особенно резко он осуждает вмешательство американских монополий в экономику Колумбии, призывает к установлению более тесных отношений с Советским Союзом⁶¹.

В 1946 г. Х. Э. Гайтан внес в конгресс законопроект о национализации нефтяной промышленности. Интересно отметить, что главным его противником при обсуждении в конгрессе этого проекта был Лауреано Гомес, убеждавший депутатов в несвоевременности этой меры⁶².

В 1947 г., после неудачи на выборах, лидер левых либералов выдвигает программу реформ, известную под названием «План Гайтана», представляющий собой законченное выражение социально-экономической платформы «гайтанизма». В ней чувствуется сильное влияние идей мелкобуржуазного уравнилельного социализма. «Политическая демократия неэффективна, если нет демократии экономической, которая должна основываться на

справедливом распределении богатств между колумбийцами», записано в плане⁶³.

Наиболее важными новыми моментами этой программы является ее антиимпериалистическая направленность. Она требует ограничения деятельности иностранных монополий и включения в конституцию Колумбии специальных статей об охране природных богатств страны⁶⁴.

План предусматривал также контроль со стороны государства над деятельностью иностранных банков и финансовых организаций, над экспортом и импортом, национализацию Банка республики.

В области аграрной реформы был провозглашен принцип: «Землю тем, кто ее обрабатывает!» Особое внимание уделялось защите интересов мелких собственников и сельскохозяйственных рабочих, хотя задача ликвидации латифундий не выдвигалась.

Последние годы жизни и деятельности Гайтана проходили в обстановке «холодной войны», разгула антикоммунизма и антисоветизма в Колумбии, преследований и политических убийств. В эти годы в выступлениях Гайтана появляется новая тема — защита мира. Этому посвящена одна из его последних речей, произнесенная в период подготовки IX Межамериканской конференции в Боготе.

Его антиолигархические, антиимпериалистические выступления находили широкую поддержку среди рабочего класса, крестьянства и городских средних слоев.

Гайтан самым энергичным образом выступал против военных пактов и агрессивных планов упомянутой конфискации, направленных против независимости латиноамериканских народов⁶⁵. Выступления Гайтана против антикоммунистической истерии, призывы к борьбе за укрепление национальной независимости сделали его признанным вождем широкого массового оппозиционного движения. С 1947 г. он стал лидером Либеральной партии, в 1948 г. его выдвинули кандидатом в президенты. Убийство Гайтана 9 апреля 1948 г., организованное колумбийской реакцией, привело к стихийному восстанию городского населения в Боготе — «боготасо», которое было жестоко подавлено.

В «гайтанизме» и массовых движениях 20-х годов выявились некоторые характерные черты колумбийского популизма, которые свойственны ему до настоящего времени. Это:

— нонконформизм. Гайтан выступал с резкой критикой существующей двухпартийной системы, против колумбийской олигархии, в руках которой такая система была мощным средством сохранения политического господства в стране;

— каудильлизм. В практической деятельности Гайтан не выходил за рамки традиционных каудильистских методов, хотя он и опирался на массовые организации. Социальная база движения была аморфной и организационно не оформленной. Его

сторонники объединялись и создавали блоки на время избирательных кампаний;

— буржуазный демократизм. В своих программах Гайтан выдвигал задачи буржуазно-демократических преобразований, считая, что их осуществление приведет к построению в Колумбии социализма;

— «революционный национализм». Колумбийский популизм развивался в 20—40-е годы XX в. в условиях, когда еще окончательно не сложилась национальная буржуазия и не существовало сильных буржуазно-националистических течений. Колумбийский популизм в это время не испытывал сколько-нибудь значительного влияния буржуазного национализма. Выдвинутый колумбийской национальной либеральной буржуазией в лице президента Альфонсо Лопеса (1934—1938) лозунг «Колумбия для колумбийцев», содержащий призыв к укреплению экономической и политической независимости на базе примирения классовых интересов внутри колумбийской нации, не получил широкой массовой поддержки;

— отсутствие антикоммунистической направленности. Это тем более важно, что на последнем этапе, в 1946—1948 гг., деятельность Гайтана протекала в условиях «холодной войны».

Глубокая характеристика «гайтанизма» дана прогрессивным колумбийским историком А. Кимбайя: «...Гайтан разоблачал антидемократический характер двухпартийной системы и засилье олигархии в своей собственной партии (имеется в виду Либеральная партия.— Э. Л.), не ставя задачи создать новую партию, независимую от либерализма, и использовал те же методы руководства»⁶⁶.

Что же касается массовой базы «гайтанизма», то важное место в ней занимал городской пролетариат (рабочие крупных и мелких предприятий) и в известной степени маргинальные слои. По имеющимся данным, в период выборов 1946 г. Гайтан получил абсолютное большинство голосов в Боготе (57,6%) и ряде крупных промышленных центров страны (в Барранкилье — 71,5%, Картахене — 65,8%, Санта Марте — 57,5%)⁶⁷.

50-е годы XX в. представляют особый этап в развитии колумбийского популизма. В период нахождения у власти реакционных режимов 1950—1957 гг. жестокие репрессии нанесли серьезный удар массовому оппозиционному движению. В ответ на политику террора со стороны наиболее реакционной части господствующих классов крестьянские массы стали образовывать в горах партизанские отряды.

Длительная гражданская война (1948—1957) привела к серьезным изменениям в социальной структуре страны. В результате бегства сельского населения в города в период виоленсии (по-испански «произвол», «насилие») в 50-е годы наблюдался быстрый рост численности городских маргинальных слоев. Уси-

лились пауперизация крестьянства, разорение городской мелкой буржуазии, неизмеримо возросли бедствия всех трудящихся.

Эти слои явились главной опорой популистских течений в последующее время. В 1954—1957 гг. их пытался использовать в своих целях «надпартийный» режим Рохаса Пинильи, пришедший к власти под лозунгом «умиротворения».

Режим Пинильи стремился поставить под свой контроль массовое движение, сочетая репрессии с социальной демагогией. Была сделана попытка заложить в стране основы «корпоративного общества». С этой целью были созданы правительственные профсоюзы, входившие в Национальную конфедерацию трудящихся Колумбии, существовавшие ранее профцентры были распущены.

Создание Национального секретариата социальной помощи (СЕНДАС) во главе с дочерью Рохаса Пинильи Марией Эухенией Рохас ставило целью привлечение трудящихся на сторону правительства путем оказания помощи беднейшему населению, перемещенным лицам, беженцам и пострадавшим от гражданской войны⁶⁸.

К 1955 г. были сделаны важные шаги по созданию третьей партии⁶⁹ как противовеса двум традиционным партиям — консерваторам и либералам. Первым этапом на этом пути была организация Движения национального действия — МАН (Movimiento de Accion Nacional), куда должны были входить профсоюзы и другие массовые организации. Правда, сами руководители заявляли, что МАН — не партия, а «стихийное выражение народной симпатии правительству Рохаса»⁷⁰. Играя на симпатиях масс к Гайтану, режим провозгласил МАН преемницей его идей⁷¹. В МАН участвовали консерваторы, либералы, социалисты.

Идеологии Р. Пинильи был свойствен ярый антикоммунизм. В 1954 г. Компартия Колумбии была объявлена вне закона. В то же время были созданы все условия для деятельности Социалистической партии, которая сотрудничала с режимом.

В 1957 г. в результате всеобщей забастовки и вооруженного восстания диктаторский режим Пинильи был свергнут.

С 1958 г. в Колумбии была установлена так называемая паритетная республика, к власти пришел Национальный фронт, основанный на блоке двух традиционных партий — Либеральной и Консервативной. В стране стала действовать паритетная система, согласно которой независимо от исхода выборов пост президента должен был поочередно занимать либерал или консерватор. На паритетных началах формировался конгресс, департаментские и муниципальные органы. Таким образом, для других политических группировок были закрыты все возможности участия в политической жизни.

Политика Национального фронта, сочетавшая проведение умеренных форм с реакционными акциями, способствовала на-

гнетанию пессимизма и разочарования среди широких слоев колумбийского общества. Национальный фронт уже с первых лет своей деятельности показал полную неспособность к решению насущных социально-экономических проблем страны. Это вызвало неконформистские настроения в массах, стремление найти выход вне рамок существующей системы.

Широкое, политически неоформленное массовое движение протеста явилось основой для возникновения новой политической организации и деятельности «каудильо», которым стал свергнутый диктатор генерал Рохас Пинилья, вернувшийся в Колумбию в 1959 г.

В 1960 г. группа консерваторов создала блок, не порывая при этом организационно с Консервативной партией. В 1962 г. к ним присоединились некоторые либералы, недовольные политикой своего руководства. Так возник Национальный народный альянс (*Alianza Nacional Popular*) — АНАПО.

До оформления в 1971 г. в самостоятельную партию АНАПО действовал как межпартийный блок в рамках паритетной системы. Анаписты впервые выступили на выборах 1962 г., выдвинув кандидатов по двум спискам: один от Консервативной, другой от Либеральной партий.

В последующие годы Национальный народный альянс приобрел значительное влияние среди широких масс населения, настроенных оппозиционно к существующему режиму.

О социальной базе АНАПО можно судить на основании данных об его электорате. На выборах 1962 г. АНАПО получил всего 3,7% от общего числа голосов, в то время как либералы получили 54,6%, а консерваторы — 41,7%⁷². В последующее время — с 1964 по 1970 г. — рост числа голосов, поданных за АНАПО, происходил за счет прогрессирующего падения влияния Национального фронта. В 1970 г. процент голосов, поданных за консерваторов, снизился до 27, за либералов голосовало 37%, количество голосовавших за АНАПО составило 35,6%⁷³.

Важно отметить, что наибольшее количество голосов в 1970 г. Рохас Пинилья получил в департаментах Кундинамарка, Антиокия, Валье и Бояка⁷⁴, т. е. в районах с самой высокой степенью урбанизации. В Боготе за него голосовало абсолютное большинство избирателей — 56,6%⁷⁵.

Социологические данные о голосовании групп населения с различным уровнем доходов позволяют сделать некоторые заключения о социальной базе АНАПО.

Данные по пригородам Боготы показывают, что за Рохаса голосовали: в группе с высокими доходами — 8%, в группе со средними доходами — 19,5, в группе с низкими доходами — 62,7, в маргинальной группе — 83,9%⁷⁶.

Таким образом, можно утверждать, что среди городского населения АНАПО имеет наибольшую поддержку со стороны беднейших слоев.

Определяя социальный характер своего движения, сами лидеры АНАПО указывают на его неоднородность. Как заявлял один из его бывших руководителей Гильермо Эрнандес Родригес, «АНАПО объединяет в свои ряды все более широкие массы, принадлежащие к различным социальным группам и классам, но его основной базой является рабочий класс». В том же выступлении он подчеркивает, что партия действует «в интересах беднейших и средних классов»⁷⁷.

Выделение рабочего класса из общей массы своих сторонников — новое явление в документах АНАПО, которое отмечается только с 1970 г. Возможно, что в начале 70-х годов рабочая прослойка АНАПО увеличилась за счет вовлечения в производительную деятельность представителей маргинальных слоев в результате проведения двумя последними правительствами Национального фронта курса на решение проблем этой части населения.

Программа АНАПО в 1962—1969 гг. была крайне расплывчатая и неоформленна. Отчасти благодаря этому она могла собирать вокруг движения самые разнородные группы недовольных: каждый находил в ней «что-то для себя», ибо ее путанные положения допускали самые различные толкования.

Более или менее разработанный вид программа приняла только в 1969 г. Она была одобрена 50-тысячным собранием сторонников АНАПО в Вилья-дель-Лейва и получила название «Десять заповедей»⁷⁸. Вторая программа была принята в 1971 г. при оформлении АНАПО в политическую партию⁷⁹. Анализируя и сопоставляя эти две программы, мы можем судить об организационной структуре партии, ее политической и идеологической платформе.

Программные документы АНАПО объявляют его партией всех колумбийцев без различия политического кредо и классовой принадлежности⁸⁰. Организационная структура отражает своеобразие массовой социальной базы партии и некоторые специфические черты ее идеологии.

Эта структура в некоторых чертах повторяет организацию традиционных партий. Также, как и они, АНАПО не имеет первичных организаций и индивидуального членства. Принадлежность к партии определяется голосованием на выборах.

Руководящие посты в движении, особенно на местах, как правило, занимают консерваторы, среди которых немало латифундистов.

Своеобразной чертой организационной структуры АНАПО является семейно-иерархический принцип руководства. Он сохранился в неприкосновенности и после оформления АНАПО в партию.

Во главе партии вплоть до своей смерти в 1974 г. стоял Рохас Пинилья, имевший титул «главы нации». Дочь Рохаса Мария Эухения Рохас де Морено Диас является «национальным руко-

водителем партии». Национальное руководство состоит из Национального исполкома, Секретариата и Парламентской фракции. В департаментах и муниципальных округах руководство осуществляют соответствующие комитеты. Рохас Пинилья и его дочь назначали Национальный исполком и Секретариат, а также руководителей комитетов в департаментах; они лично руководили избирательной кампанией.

Мария Эухения Рохас выдвинулась на политическую арену еще в 1965 г. Впоследствии она неоднократно объявляла себя последовательницей Евы Перон. В 1964 г. Мария Эухения Рохас была избрана сенатором, в 1964—1970 гг. возглавляла предвыборную кампанию своего отца, а в 1974 г. была выдвинута кандидатом в президенты от АНАПО.

Стремление к гегемонии свойственно не только национальным лидерам АНАПО, оно проявляется и в департаментах и в муниципальных органах, где, как правило, руководство находится в руках консерваторов-латифундистов. Примером такого департаментского каудильо может служить один из руководителей АНАПО в департаменте Атлантико, Саул Чаррис де ла Ос, который прославился своими выступлениями в защиту латифундизма и расправами с крестьянами⁸¹.

Каудильистский характер партии признают сами ее руководители. Однако они считают, что «харизматическое лидерство» является в Колумбии единственно возможной формой политического руководства, и ссылаются при этом на пример традиционных партий⁸².

По словам сенатора от АНАПО Гильермо Эрнандеса Родригеса, Рохас Пинилья является для колумбийского народа «могущественной фигурой, облаченной в тогу харизматической личности (*poderoso don charismatico*), которая внушает народу энтузиазм и доверие»⁸³.

Таким образом, в организационной структуре партии нашла отражение одна из черт ее идеологии — каудильизм, который, как и все движения подобного рода, объясняется низким уровнем политического самосознания масс на определенном историческом этапе и их слабой организованностью.

На рубеже 60—70-х годов разработка социальных и экономических принципов программы АНАПО происходила в условиях радикализации народных масс, подъема рабочего и антиимпериалистического движения в самой Колумбии и на всем латиноамериканском континенте.

Огромное воздействие на трудящихся оказывали успехи мировой социалистической системы, все более притягательными становились лозунги социализма. В Колумбии усиливается борьба между традиционными партиями и АНАПО за влияние на народные массы.

Наиболее дальновидные и динамичные политики из Либеральной партии выступают с призывами построить в стране «игуали-

тарное общество», иначе говоря, общество, основанное на «равных возможностях для всех граждан», «социализировать либерализм» и т. д.

Обостряющаяся политическая борьба, активизация левых сил, рост популярности Коммунистической партии заставили лидеров АНАПО пересмотреть, как уже указывалось выше, некоторые положения своей программы 1969 г., четче сформулировать ее конечные цели и социально-экономические требования с тем, чтобы сделать их более привлекательными для народа. Так, в программе 1969 г. говорилось, что АНАПО «является националистическим революционно-христианским движением и его конечная цель — единство колумбийцев и величие родины»⁸⁴. В программе 1971 г. появилась новая формулировка конечной цели: «построение социализма колумбийского типа»⁸⁵.

Определенное место в заявлениях АНАПО занимает критика капитализма, точнее некоторых его особенно вопиющих сторон. «Мы не можем предложить Колумбии выход из существующего положения в виде развития по капиталистическому пути, — говорил в своем выступлении в сенате при оформлении АНАПО в конституционную партию сенатор Гильермо Эрнандес Родригес. — ...Этот мучительный, изживший себя путь мы должны отбросить»⁸⁶. Признавая, что главной причиной отсталости является существующая социально-экономическая и политическая система и эксплуатация богатств страны иностранными монополиями, лидеры АНАПО заявляют, что «замена отжившей структуры другой, более прогрессивной, должна совершиться в результате глубокой революции, которая будет носить мирный характер». Далее подчеркивается, что только такая революция «даст возможность избежать жертв и лишений, которые неизбежны при рождении нового общества»⁸⁷. Под углом зрения завоевания полной независимости в программе 1971 г. рассматриваются все социально-экономические проблемы, и в этом она представляет, безусловно, шаг вперед по сравнению с «Десятью заповедями».

В программе 1969 г. социально-экономическая часть носила весьма расплывчатый характер. В ней не ставился вопрос об изменении характера собственности, о национализации ведущих отраслей экономики⁸⁸. В социальной области государство должно было обеспечить бесплатное обучение, бесплатное медицинское обслуживание, решить жилищную проблему путем предоставления долгосрочных беспроцентных ссуд на приобретение жилищ рабочими, крестьянами и представителями средних слоев⁸⁹. Необходимо отметить, что преобразования, включенные в программу 1969 г., касались только сферы потребления, не затрагивая сферу производства. Многие из этих положений носили явно утопический характер. Однако в осуществлении этой программы наиболее забытые и обездоленные слои населения видели путь к улучшению условий жизни в самое ближайшее время.

Именно в силу своей неформальности эта программа привлекла на свою сторону во время выборов 1970 г. наиболее отсталую часть населения, не отдававшую себе отчета в реальности поставленных целей.

В программе 1971 г. социально-экономические требования сформулированы уже более определенно: 1) разрушить в деревне существующую систему латифундия — минифундия; 2) дать рабочим право участвовать во всех сферах деятельности предприятий, где они работают; 3) вернуть стране природные богатства, захваченные империалистами; 4) осуществлять планирование национальной экономики в целях ее быстрого и гармоничного развития⁹⁰.

Конкретный анализ предлагаемых АНАПО преобразований показывает, что путь, избранный этим движением, означает создание смешанной экономики, основанной на сосуществовании частного и государственного сектора, на общественной и частной собственности. При этом государственная собственность объявляется «социалистическим укладом», который с помощью планирования может гармонично взаимодействовать с частным сектором. Если на мировой арене, говорит Г. Э. Родригес, возможно мирное сосуществование социалистической и капиталистической систем, то естественно, что в экономике Колумбии могут сосуществовать социалистический и частный секторы⁹¹. При этом указывается, что гармоничное сотрудничество возможно не только с частными национальными, но и с частными иностранными предприятиями⁹².

Большое внимание в программе 1971 г. уделяется национализации, проблеме расширения государственного сектора и «социализации экономики». В документах АНАПО различаются два вида национализации: немедленная, которой подлежат природные богатства, недра страны, а также Банк республики, импорт, фармацевтическая промышленность, и постепенная национализация — в отношении нефтяной промышленности и всей банковской системы страны⁹³. По мнению идеологов АНАПО, эти меры приведут к тому, что общественный сектор станет главным в экономике и будет осуществлять руководящую роль по отношению к частному сектору. «В концепции Рохаса Пинильи большое значение придается сочетанию социализма с капитализмом, которые в экономике страны существуют бок о бок, как сиамские близнецы»⁹⁴.

Государство своей экономической политикой, в том числе кредитами, должно поощрять развитие частного сектора, чтобы обеспечить потребности внутреннего рынка, а затем и экспорта. Провозглашается создание смешанных компаний с участием иностранного капитала и колумбийского государства⁹⁵.

Противоречивый и двойственный характер программы АНАПО особенно ярко отражается в требовании национализации импорта, которым заменен последовательно-демократический

принцип национализации внешней торговли. Здесь ярко проявляется мелкобуржуазный характер той «социалистической модели», которую предлагает АНАПО.

Программа исходит из того, что национализация импорта позволит ограничить произвол торговых компаний, установить справедливые цены, прекратить инфляцию и обеспечить трудящимся «справедливую заработную плату»⁹⁶. В этом разделе особенно явственно ощущается субъективистский подход к таким экономическим категориям, как «стоимость», «цена производства», «заработная плата». Авторы программы выводят противоречия современного общества не из сферы производства, а из сферы обращения. В программу включаются понятия о «справедливой цене», «справедливой заработной плате», которые должны устанавливаться новым государством⁹⁷.

Экономическая часть программы АНАПО содержит много весьма уязвимых положений. Действие объективных законов капиталистической экономики часто игнорируется. Такие явления, как неэквивалентный обмен, инфляция, рассматриваются лишь как результат деятельности иностранных и местных торговых монополий, которая может быть пресечена благодаря вмешательству государства в интересах всего народа. Абсолютизируется планирование. По мнению авторов программ, оно может покончить со стихией рыночных отношений в условиях «смешанной экономики», без национализации основных средств производства.

Особенно резкой критике со стороны левых сил подвергалась аграрная часть программы 1969 г., которая не содержала никаких конструктивных моментов и выдвигала на первый план колонизацию пустующих государственных земель, помощь крестьянским хозяйствам в приобретении техники, дешевый кредит, содействие кооперативам. По отношению к крупной земельной собственности программа ограничивалась лишь критикой системы латифундия — минифундия⁹⁸.

Программа 1971 г. в некотором отношении представляет собой шаг вперед в аграрном вопросе. На первый план в ней выдвигается принцип: «Землю тем, кто ее обрабатывает!» По этому вопросу даже делается ссылка на то, что этот принцип был осуществлен еще ленинским декретом в России в 1917 г. Однако изучение конкретных требований, выдвигаемых в аграрном разделе программы, показывает, что содержание этого лозунга совсем иное.

Решить аграрную проблему программа предлагает с помощью следующих мероприятий: 1) экспроприации пустующих и необрабатываемых земель; 2) образования там, где это позволяют условия, сельскохозяйственных кооперативов или «асентамиенто»^{*}; 3) развития сельскохозяйственного производства. Прав-

* Асентамиенто — передача земли группе крестьян, которые затем принимают решения о кооперативном и индивидуальном использовании полученной земли.

да, при определении задач социальной аграрной реформы ставится цель разрушения латифундизма, но затем дается разъяснение, что под латифундиями понимаются только земли, не выполняющие своей социальной функции, т. е. необрабатываемые или недостаточно эффективно обрабатываемые⁹⁹. Крупная земельная собственность капиталистов и помещиков, которые ведут интенсивное хозяйство, не подлежит экспроприации. «Кооперативы и «асентамиентос» должны создаваться только на необрабатываемых землях, которые фактически и станут объектом аграрной реформы»¹⁰⁰. По мнению идеологов АНАПО, в сельском хозяйстве как и в промышленности, в течение многих десятилетий должны сосуществовать частный капитализм и общественный сектор (кооперативы).

Большое политическое влияние консерваторов-латифундистов, составляющих правое крыло АНАПО, несомненно сказывается на аграрной программе, которая выглядит весьма умеренной на фоне других социально-экономических требований АНАПО и особенно трудно сочетается с лозунгами социализма.

Если вникнуть в существо выдвигаемых программой требований, то они не идут дальше реформистских аграрных преобразований, осуществлявшихся Национальным фронтом. Наиболее важным отличием является отказ от насаждения в деревне распыленной крестьянской собственности, что выдвигалось в качестве одной из задач реформы 1961 г. «Распыление и парцелляция земли — анахронизм, который не соответствует нашей эпохе»¹⁰¹, — говорил Г. Э. Родригес. Его выступление содержит много примеров, подтверждающих тезис о непродуктивности мелких крестьянских хозяйств по сравнению с кооперативами¹⁰².

Программные документы АНАПО определяют идеологию движения как националистическую. «АНАПО, — говорится в программе 1971 г., — является партией националистической, революционной и народной... Националистической она является потому, что вся ее программа пронизана духом патриотизма, защиты колумбийской экономики. Она является революционной, потому что для освобождения страны от ига иностранных империалистов необходима революционная политика, которая разрушит оковы старых структур, препятствующих свободному и интенсивному развитию страны»¹⁰³.

В связи с употреблением термина «национализм» пресса традиционных партий и их лидеры часто пытаются представить АНАПО как «реакционно-националистическое» движение.

Отвечая противникам своей партии в сенате, Г. Э. Родригес указывал на ошибочность такой трактовки программы АНАПО. В его выступлении содержится определение реакционного и революционного национализма, близкое к тому, которое давал Гайтан в своих выступлениях 30—40-х годов. Не случайно Г. Э. Родригес подчеркивает созвучность взглядов Гайтана программным положениям АНАПО и приводит его высказывания. «Примером

национализма империалистической державы,— говорит Г. Э. Родригес,— является фашизм в Германии, выдвигавший расистские и националистические лозунги с целью оправдания своих захватов... Национализм наших стран служит не агрессивным целям, а защите от развитых империалистических стран. Он является антиподом национализму империалистических держав, он является национализмом, защищающим свою собственную экономику»¹⁰⁴.

В этом же выступлении проводится мысль, что вообще в «Латинской Америке национализм приобретает оборонительный характер и служит делу защиты народов, подвергающихся экономической эксплуатации»¹⁰⁵ При этом цитируются высказывания В. И. Ленина по национальному вопросу и уделяется особое внимание характеристике национальных движений, направленных в защиту национального суверенитета угнетенных народов. Г. Э. Родригес определял национализм АНАПО, как «национализм эксплуатируемых стран, как составную часть борьбы за социализм и экономическое освобождение»¹⁰⁶.

Ошибочность позиции идеологов АНАПО в том, что колумбийская нация, по их представлениям, выступает как нечто монолитное, не имеющее никаких внутренних противоречий классового характера. При этом игнорируется наличие внутри каждой нации эксплуататоров и эксплуатируемых, отношения внутри нации представлены ими как полная социальная гармония. «Мы все, вся колумбийская нация являемся жертвами слаборазвитости»,— заявлял Родригес¹⁰⁷.

В документах последних лет, в частности в выступлениях лидера АНАПО Марии Эухении Рохас де Морено в предвыборных кампаниях 1974 и 1975 гг., появляется новый термин — «народный национализм», который, как говорится в тезисах, принятых руководством партии в 1974 г., «является путем к социализму. В нем находят отражение справедливые цели... повседневной борьбы... Это путь освобождения всего народа, всей нации. Он не только ставит своей задачей создание националистического государства, но представляет собой стратегию, которая позволит народу взять власть»¹⁰⁸ Таким образом, в концепции «народного национализма» находят отражение идеи об интеграции трудящихся в единую колумбийскую нацию, о создании на этой базе бесклассового общества «полного социального участия». Лидеры АНАПО считают, что выработанная ими модель развития — специфический колумбийский вариант социализма, который не копирует никакие иные образцы. Отправным моментом создания этой теоретической модели, по их словам, было изучение внутренних процессов, протекающих в стране, с учетом изменений, происходящих в мире¹⁰⁹. В тезисах 1974 г. особо подчеркивается мысль о том, что АНАПО не может рассматриваться как движение одноклассовое или однопартийное, «его цель — объединение всего народа для достижения ближайших и конечных целей дви-

жения, консолидации сил и построения общества, поставленного на службу человеку»¹¹⁰.

В последние годы в выступлениях лидеров движения очень большое внимание уделяется проблемам мобилизации масс. В связи с этим несколько иначе формулируются задачи движения, особый упор делается на то, что его цель — защита интересов наиболее угнетенных и обездоленных, всячески подчеркивается антиолигархическая направленность борьбы.

В программе, с которой АНАПО выступал на выборах 1974 г., движение определяется как «союз всех эксплуатируемых и угнетенных против объединенной в Национальный фронт ненасытной олигархии, как либеральной, так и консервативной»¹¹¹. В связи с этим несколько иначе осмысливается вопрос о роли народных масс в истории. Если в документах 60-х годов особо подчеркивалась роль личности, «харизматического лидера», то теперь в прессе и выступлениях всячески превозносится решающая роль народных масс в колумбийской истории, которая противопоставляется «изменнической и предательской позиции олигархии и буржуазии по отношению к народным движениям. Всегда народные массы защищали интересы общества, мужественно отстаивали все передовое, в то время как олигархия осуществляла свое гнусное дело, предавая страну иностранным державам»¹¹².

Главный аспект национализма АНАПО перенесен во взаимоотношения между странами «третьего мира» и развитыми империалистическими странами. «Наш национализм,— говорится в программе 1971 г.,— это национализм тех народов, которые вышли на мировую арену в неблагоприятных условиях, народов, не являющихся хозяевами в своих собственных странах, не имеющих возможности найти пути к процветанию. Они должны встать, чтобы защититься от иностранных империалистов»¹¹³.

В своей концепции «третьего мира» АНАПО исходит из противопоставления развивающихся стран развитым индустриальным странам без различия их социальных систем. Идеологи АНАПО ссылаются на то, что Латинская Америка, и в частности Колумбия, занимает промежуточное положение между «капитализмом и социализмом развитых индустриальных держав, с одной стороны, и развивающимися странами, жертвами империалистического грабежа, выступающими под знаменами социализма, с другой»¹¹⁴.

В речах Марии Эухении Рохас в 1974—1975 гг. империализм, угнетатель и эксплуататор колумбийского народа и других народов Латинской Америки, предстает как некая единая абстрактная сила, объединяющая все развитые капиталистические страны (иногда подразумеваются и вообще все промышленно развитые страны). В подходе к проблемам антиимпериалистической борьбы и солидарности стран континента в борьбе против империализма ясно чувствуется влияние теории о «бедных и богатых нациях»¹¹⁵.

В программных документах АНАПО не содержится четкой постановки вопроса об освобождении страны от диктата американского империализма. В программе нет требования о полной национализации собственности монополий США в Колумбии. Важно также отметить, что сама зависимость от монополий рассматривается только в экономическом аспекте, при этом не учитываются политические факторы и последствия их действия для Колумбии. На эти слабые стороны программы АНАПО указывала КПК: «Самым большим недостатком платформы АНАПО,— говорилось в послании Исполкома Компартии руководству АНАПО 24 сентября 1973 г.,— является полное отсутствие требования освобождения нашей страны от зависимости от американского империализма. Эксплуатация и угнетение страны американским империализмом представляют собой главный вопрос экономической и политической жизни Колумбии»¹¹⁶.

Для выяснения характера политической программы АНАПО необходимо обратить внимание на его взаимоотношения с традиционными партиями. Определяя свою партию как поликлассовую, идеологи АНАПО подчеркивают коренное различие, существующее между ею и традиционными партиями, которые тоже объявляют себя поликлассовыми. «В то время как идеология традиционных партий отражает интересы верхов общества, олигархической элиты, наша научная доктрина питается идеями, идущими снизу, от элементов, составляющих основу социальной пирамиды»¹¹⁷,— говорится в программе 1971 г.

Таким образом, национализм АНАПО, несмотря на свойственную ему ограниченность, с известными оговорками можно характеризовать как позитивное явление.

Глубокий научный анализ идеологии АНАПО дала Коммунистическая партия Колумбии. «Под современным анализом,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПК тов. Хильберто Виейра,— можно понимать смутный, но глубокий протест широких слоев населения против монополистического развития капитализма, зависящего от крупных североамериканских монополий»¹¹⁸.

Компартия Колумбии указывает на необходимость дифференцированного подхода к различным течениям в АНАПО — правому, левому и центристскому. В документах КПК проводится четкая грань между народными массами и руководством партии, в котором большую роль играют консервативные элементы.

КПК приветствовала превращение АНАПО в массовую политическую партию и дала объективную оценку политической платформы этой партии, отметив ее положительные стороны. «Тот факт, что широкое массовое движение, каким является АНАПО, преобразованный ныне в политическую партию, свидетельствует о продвижении ее к исторической социалистической перспективе и представляет собой важное событие, требующее идеологической работы от марксистов-ленинцев»¹¹⁹.

XI съезд КПК определил АНАПО как «антиолигархическую партию, стоящую на националистических позициях, при последовательном развитии которых она может перейти на твердые антиимпериалистические позиции... может подвести широкие массы к разгрому традиционных партий, если упрочится как независимая партия»¹²⁰.

КПК критически оценивает слабые стороны платформы АНАПО, ее иерархическую структуру, антикоммунистические выступления ее правого крыла, ведет борьбу «как против пресловутого третьего пути, так и против псевдосоциалистического реформизма и демагогии, которую называют популистской»¹²¹.

Выдвижение в 1971 г. новой программы, ориентированной на построение «социализма колумбийского типа», привело к размежеванию сил внутри АНАПО между сторонниками умеренных буржуазных реформ и сторонниками левонационалистической ориентации. В АНАПО укрепилось левое течение. В 1972 г. из рядов АНАПО вышло несколько групп, среди которых было 17 конгрессменов.

Вышедшие из АНАПО создали политическую организацию Широкое колумбийское движение (МАК), которая установила тесную связь с массами. В сентябре 1973 г. МАК приняла участие в создании Национального союза оппозиций (НСО), объединившего все политические течения, протестовавшие против «паритетной системы». Этот блок демократических сил выступил на выборах 1974 г. с единой программой. В резолюции, принятой на съезде НСО в сентябре 1973 г., говорилось, что в современных условиях «единственно правильной политикой является объединение всех народных сил для проведения антиимпериалистической революции как первого этапа борьбы за социализм»¹²².

Как подчеркивал XII съезд КПК, «избирательная кампания 1974 г. была значительным успехом левых сил в деле агитации и пропаганды демократических и революционных требований»¹²³.

В период избирательной кампании по выборам президента в 1974 г. и на муниципальных выборах 1976 г. курс блока левых сил был направлен на поддержание единства действий с низовыми организациями АНАПО и его рядовыми членами. Во время муниципальных выборов 1976 г. НСО и КПК добились единства действий с организациями АНАПО в департаментах Антиокия, Северный Сантандер, Толима и других, где они выступали под общими лозунгами борьбы против осадного положения в стране, защиты жизненного уровня трудящихся, защиты природных богатств страны, за единство оппозиционных сил, за демократическое правительство нового типа¹²⁴.

Как указывает газета колумбийских коммунистов «Вос пролетариата», выборы 1974—1976 гг. свидетельствуют о дальнейшем углублении раскола в АНАПО между консервативным руководством и широкими массами трудящихся¹²⁵.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ НА АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

1. НАЦИОНАЛИЗМ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПУЭРТО-РИКО

Пуэрториканская нация сравнительно молода. Процесс ее оформления начался лишь во второй половине XIX в. В условиях сохранения в Пуэрто-Рико испанского колониального режима (до 1898 г.) формирование нации шло значительно более медленным и деформированным путем, чем у большинства латиноамериканских народов.

В либеральной среде пуэрториканского общества уже в 60-х годах XIX в. наметились два основных политических течения, водоразделом для которых был вопрос о будущем политическом статусе острова. Одно из них — автономизм. Его сторонники требовали реформ, значительно расширяющих политические и экономические права Пуэрто-Рико, при сохранении господства Испании. Другое течение — сепаратизм — объединило защитников идеи независимости острова.

Преобладающее влияние и распространение во второй половине XIX в. получили взгляды сторонников автономии. Позитивистская философия, реформистские политические позиции этого течения наиболее полно были выражены в программе Либеральной партии, созданной в 60-х годах и реорганизованной в 1887 г. в Автономистскую партию. Ведущими идеологами и руководителями партии были Рамон Балдориоти де Кастро, Рафаэль Мариа де Лабра и позднее — Луис Муньос Ривера и Хосе Селсо Барбоса. Л. М. Ривера, обосновывая политическое кредо автономистов, писал в 1890 г.: «Не будем упорствовать в том, чтобы ввязываться в бесполезные битвы и следовать мечтам, которые невозможно осуществить. Не будем тратить наши силы на фантазии»¹.

Конкретные требования автономистов сводились к следующему: отмена рабства, свобода внешней торговли для Пуэрто-Рико и изменение таможенной политики, демократизация политического режима, гарантирование политических прав, создание на острове — при сохранении испанского губернатора — своего правительства и национального конгресса, избираемого пуэрториканцами.

Правительство метрополии не только не пошло ни на какие уступки, но начало преследовать наиболее радикально настроенных автономистов. В частности, должен был покинуть страну Рамон Эметерио Бетансес. Он считал, что в борьбе против испанского колониализма эффект могут дать только революционные методы и целью борьбы должно быть полное отделение Пуэрто-Рико от Испании². Бетансес отошел от автономизма и явился основателем сепаратистского течения, выражавшего идеи революционного национализма, идеи необходимости борьбы за установление в Пуэрто-Рико суверенного, демократического общества революционными методами.

Деятельность пуэрториканских революционеров была особенно трудной, потому что происходила в стране, где в течение 350 лет слова «независимость» и «республика» были под запретом. И все-таки уже к весне 1868 г. в ряде пуэрториканских городов действовали тайные революционные хунты, были собраны денежные средства и Бетансес смог закупить в США большую партию оружия и корабль. Подготовка восстания была в самом разгаре, когда испанские власти на острове арестовали одного из руководителей революционной хунты в городе Камэй. Революционное руководство решило ускорить начало выступления, и 23 сентября в городе Ларесе началось восстание. Патриоты захватили там власть, создали Временное революционное правительство, которое провозгласило независимую Республику Пуэрто-Рико, отменило рабство, призвало всех пуэрториканцев взяться за оружие и встать на защиту независимости, приняло ряд других декретов. Однако уже через несколько дней испанским войскам удалось разгромить восставших и подавить революционные выступления в других городах.

Главная причина поражения революционеров состояла в том, что выступление не носило характера массового народного движения. Широкие слои крестьянства не были привлечены к восстанию, и революционеры даже не ставили вопроса о земле, об уничтожении феодальных форм эксплуатации. Незначительное число рабов на острове (по сравнению с Кубой, например), обусловило отсутствие массовой базы борьбы против рабства. Пуэрториканская буржуазия была слишком малочисленна и слаба для того, чтобы стать серьезной революционной силой.

Характерно, что наметившаяся во время восстания 1868 г. тенденция отрыва патриотической борьбы от широкого социального движения, опора на узкий круг заговорщиков в дальнейшем

закрепилась и почти столетие была своего рода традицией в национально-освободительном движении в Пуэрто-Рико.

Неудача восстания, последовавшие затем массовые репрессии на длительное время затормозили развитие революционного движения за независимость страны. Начиная с 70-х годов XIX в. в идеологии и политике почти безраздельно господствовал автономизм. Его популярность особенно выросла после предоставления в 1897 г. Испанией автономии Пуэрто-Рико. Из лидеров автономистов было составлено первое пуэрториканское правительство во главе с Луисом Муньосом Риверой. Ему приписывались все заслуги получения островом автономии. Пресса возводила его в ранг национального героя. Очевидно, что одна из причин такой популярности заключалась в устойчивой персоналистской традиции, свойственной политической жизни латиноамериканских стран, в том числе и Пуэрто-Рико.

Надо признать, что автономизм сыграл в этот период определенную положительную роль в общественном прогрессе страны. И если автономисты не выступали как сознательная антиколониальная сила, то объективно они были выразителями антиколониальных настроений пуэрториканских патриотов.

В то же время следует отметить, что крайнее преувеличение значения эффективности автономистского движения оказывало немалое отрицательное влияние не только на разработку революционной идеологии и дальнейший ход национально-освободительной борьбы, но и на судьбу всей страны, способствовало распространению и укреплению идеи исключительности реформистского пути для Пуэрто-Рико.

Пожалуй, негативные черты, свойственные автономизму, впервые ярко проявились после 1898 г., когда в ходе испано-американской войны 1898 г. войска США оккупировали Пуэрто-Рико, а затем Парижским мирным договором, которым закончилась эта война, юридически был закреплен переход острова от Испании к США. Лидеры автономистов оказались беспомощны при решении Испанией и США вопроса о судьбе Пуэрто-Рико. Они не только примирились с тем, что их игнорировали как членов национального правительства, но и сами приветствовали аннексию острова Соединенными Штатами Америки. В то же время после 1898 г. установление господства США в Пуэрто-Рико послужило катализатором процесса поляризации, перегруппировки политических сил и эволюции идеологии национализма. Часть автономистов, прежде всего представителей крупной торговой и земельной буржуазии, уже в 1898 г. выделилась в особую — Республиканскую партию, которая решительно высказалась за превращение Пуэрто-Рико в штат США. В 1903 г. партия стала частью Республиканской партии США³.

Таким образом, крупная пуэрториканская буржуазия пошла на сговор с молодым североамериканским империализмом. Это значительно сузило социальную платформу автономистов. Соз-

данная Муњьосом Риверой на базе Автономистской партии Федеральная партия (1898 г.) опиралась в основном на мелкую буржуазию, служащих, интеллигенцию, представителей крестьянства и ремесленников⁴. Программа партии по-прежнему сводилась к борьбе за автономию, в частности за наделение Пуэрто-Рико правами штата США без права участия в выборах президента и конгресса США, за получение островом права избирать местное правительство. Цели федералистов были сформулированы нечетко, половинчато и в основном, т. е. в одобрении аннексии острова Соединенными Штатами, они практически смыкались с республиканцами. Период после 1898 г. и первые годы XX в. были началом очевидного идейного и политического банкротства автономистов.

Сепаратистское движение начиная с 70-х годов XIX в. переживало кризис, выражавшийся прежде всего в отсутствии в стране оформленного политического течения. Но идеи независимости продолжали жить. Главными их выразителями были Р. Эметерио Бетансес, Эухенио Мария де Остос и Хосе де Диего Мартинес.

Еще задолго до начала испано-американской войны Бетансес предупреждал своих соотечественников о планах США в отношении Кубы и Пуэрто-Рико. В 1872 г. они писал: «На фальшивые интерпретации доктрины Монро мы должны всегда отвечать: «Да, Америка для американцев, но Антилы — для антильцев. В этом наше спасение»⁵. В разгар восторгов по поводу прибытия североамериканских войск в Пуэрто-Рико, которые многие пуэрториканцы восприняли как освободителей не только от Испании, но и от колониализма вообще, Бетансес с горечью и в то же время с большой дальновидностью повторял: «Я не хочу видеть Пуэрто-Рико ни колонией Испании, ни колонией США»⁶.

Одним из единомышленников Бетансеса был Эухенио Мария де Остос, который много сделал для пропаганды идеи необходимости революционной борьбы за независимость Пуэрто-Рико в различных странах Латинской Америки и США, где он провел большую часть своей жизни.

После смерти Остоса (1903) знамя независимости принял Хосе де Диего Мартинес. Если Бетансес застал только сам момент оккупации Пуэрто-Рико, а Остос — лишь самые первые годы господства США на острове, то у Хосе де Диего 20 лет наиболее зрелой и деятельной жизни прошли в этой обстановке (он умер в 1918 г.). Хотя ни в Парижском договоре, ни в последующих документах статус острова длительное время не был определен, очень скоро вся практика деятельности североамериканских властей показала, что Пуэрто-Рико не только остался колонией, но лишился той автономии, которой добился от Испании. Пуэрториканцы, постепенно сознавая истинный смысл происходившего, начали проявлять недовольство и разочарование политикой США. Это выразилось, в частности, в том, что на базе Федеральной партии в 1904 г. была создана новая партия — Пуэртори-

канский союз, опиравшаяся в основном на мелкую буржуазию, интеллигенцию.

Одной из наиболее ярких и прогрессивных мыслящих фигур партии стал Хосе де Диего. При его непосредственном активном участии впервые в программу политической партии на острове было включено требование независимости Пуэрто-Рико, хотя и в качестве туманной, далекой перспективы.

К требованию независимости Х. де Диего пришел не сразу. В начале 90-х годов он участвовал в патриотической борьбе в Пуэрто-Рико на стороне автономистов. Вскоре, после превращения страны в колонию США, Хосе де Диего приходит к выводу о необходимости добиваться независимости острова при сохранении протектората США⁷.

Однако уже в 1913 г. Хосе де Диего выдвигает требование полного суверенитета Пуэрто-Рико. Поскольку руководство Пуэрториканского союза не поддержало его в этом вопросе, он вышел из партии. Несколько последних лет своей жизни Хосе де Диего посвятил критике автономистов и их позиции в освободительном движении. «Республиканцы борются против независимости открыто,— писал он в 1915 г.,— а другие хотят погубить ее, утверждая, что любят независимость и просто не настало еще ее время; но момент пришел и настал час для того, чтобы народ узнал друзей и врагов независимости»⁸.

В отличие от Бетансеса и Остоса Хосе де Диего не выступал за революционные методы борьбы. При нем впервые в Пуэрто-Рико сепаратизм перестал быть синонимом революционной борьбы. Но большая его заслуга заключается в том, что, когда движение за независимость переживало кризис, он принял эстафету в антиколониальной борьбе и передал ее следующему поколению патриотов.

Во главе освободительного движения, получившего в 20-е годы название националистического, стала Националистическая партия, образованная в 1922 г. на основе радикального крыла Пуэрториканского союза, которое, выразив несогласие с позицией руководства, вышло из партии и создало новую политическую организацию. Националистическая партия провозгласила своей целью борьбу за свободную, суверенную и независимую республику Пуэрто-Рико.

Основной базой левонационалистического движения стала городская мелкая буржуазия, представители служащих, интеллигенции, студенчества. Опора на мелкую буржуазию обусловила характер и результаты движения.

В 1930 г. на очередном съезде Националистической партии председателем ее был избран Педро Альбису Кампос, молодой адвокат. В эту партию он вступил в 1924 г., отдав без колебаний свой талант и энергию организатора политической борьбе за освобождение страны от колониального гнета. Очень скоро он вошел в партийное руководство и с этого времени национали-

стическое движение неразрывно связано с его именем. Избрание П. Альбису Кампоса председателем партии придало съезду и всему движению боевой, решительный характер. Так впервые за всю политическую историю Пуэрто-Рико в стране появилась партия, основным лозунгом которой стало требование немедленной и полной независимости.

Альбису Кампос как руководитель националистического движения развернул широкую пропаганду борьбы за независимость Пуэрто-Рико. В различных провинциях острова создавались националистические хунты. Никогда еще лозунг независимости не имел такой популярности и поддержки в стране. Все политические партии Пуэрто-Рико стали включать требование независимости в том или другом виде в свои программы. Альбису Кампос и его соратники не уставали разъяснять и подчеркивать, как губительно воздействует империализм США на развитие пуэрториканской нации, какую опасность представляет он для всей Латинской Америки. «Пуэрто-Рико и другие антильские страны,— говорил лидер националистов,— это арена борьбы между империализмом янки и ибероамериканизмом... Наше плачевное положение под властью США — это положение, которое США стремятся навязать всем народам Латинской Америки. Наши проблемы — это проблемы всего континента. Задача континента состоит в том, чтобы изгнать янки со всех позиций, которые они занимают в Карибских странах»⁹.

Основными формами борьбы за независимость Альбису Кампос и его единомышленники считали пропаганду протеста против захвата острова США и укрепление антильской и латиноамериканской солидарности. По инициативе Альбису Кампоса в Доминиканской Республике, Гаити, на Кубе были созданы хунты в поддержку борьбы пуэрториканских патриотов против колониального господства США. Он много внимания уделял критике аннексионистской политики США с точки зрения международного права, убедительно аргументировал вывод о том, что условие, представленное США Испании как ультиматум при перемирии — передача Пуэрто-Рико США, — неправомерно, хотя оно и зафиксировано в ст. 3. Парижского договора. «Этот договор,— говорил он,— не имеет силы в том, что касается Пуэрто-Рико. Испания не могла уступить Пуэрто-Рико, потому что Пуэрто-Рико превратился в суверенную нацию в соответствии с Хартией автономии... и США обязаны были уважать независимость Пуэрто-Рико. Парижский договор не был разработан полномочными представителями Пуэрто-Рико и никогда не был представлен на ратификацию нашему парламенту»¹⁰.

Первоначально националисты придерживались только легальных средств, основываясь на формуле Хосе де Диего «против режима внутри режима». Тактика националистов изменилась к середине 30-х годов, когда они начали переходить к индивидуальному террору.

Причин для такого изменения было несколько. Во-первых, на выборах 1932 г. националисты потерпели поражение. Во-вторых, используемые ими формы борьбы не давали быстрого и ощутимого эффекта. Хотя уже с середины 20-х годов в конгресс США поступали проекты расширения пуэрториканского самоуправления, а затем и предоставления острову независимости, все они были отвергнуты и конгрессом, и правительством США. Потеряв надежду, националисты на очередном партийном съезде в 1935 г. приняли резолюцию, которая уже походила на ультиматум. Если правительство США, говорилось в ней, не рассмотрит в ближайшее время вопрос о предоставлении Пуэрто-Рико суверенитета, националисты возьмутся за оружие. При этом они вовсе не имели в виду подготовку народного вооруженного восстания. И даже отряды «солдат республики», которые националисты позднее начали создавать из патриотической молодежи, имели основной задачей самооборону. Альбису Кампос никогда не ставил вопроса о необходимости террора. Но в обстановке политического кризиса в стране, накала антиимпериалистических настроений призывы к оружию, к борьбе против империализма США, к самопожертвованию в этой борьбе воспринимались многими патриотами, прежде всего студентами, как призывы к немедленному индивидуальному действию.

Несомненно, что одной из причин перехода к террору были жесточайшие репрессии, которые мощный карательный аппарат США на острове обрушил на националистическое движение, на его руководство. Террор был своего рода жестом отчаяния, к которому националисты прибегли, не видя других средств борьбы.

Понятно, что индивидуальный террор не мог противостоять той систематической кампании по разрушению националистического движения, изоляции его руководителей, которую вели США. Со второй половины 30-х годов движение пошло на убыль и к началу 40-х годов Националистическая партия как массовая организация практически перестала существовать.

Причины поражения националистов коренились прежде всего в узкой социальной базе, на которую опиралось движение, и в том, что оно не имело прочных связей с трудящимися массами. Руководство националистов пропагандировало свою идеологию в среде мелкой буржуазии и не ставило по сути дела задачи расширения этих связей. Опора на мелкую буржуазию предопределила и увлечение такой формой борьбы, как террор.

Сужению массовой опоры национализма способствовали и те экономические изменения, которые произошли в 30-е годы в Пуэрто-Рико. Встревоженное разворачиванием патриотического движения на острове, правительство президента Ф. Рузвельта пошло на некоторые экономические меры, призванные, не затрагивая сути колониального режима в Пуэрто-Рико, несколько смягчить наиболее вопиющие его последствия. В результате этих мер в Пуэрто-Рико незначительно, но все-таки уменьшилось число без-

работных, выросла сумма пособий, выдаваемых беднейшим семьям. Цель, которую преследовало североамериканское правительство, частично была достигнута — недовольство политикой США среди городских слоев, в частности служащих, несколько ослабло.

Националистическая партия была разрушена. Педро Альбису Кампоса на долгие годы изолировали от пуэрториканских патриотов: около 23 лет своей жизни он почти непрерывно провёл в тюрьме.

И все-таки влияние идей националистов, воздействие самой личности их лидера необычайно велики в Пуэрто-Рико до сегодняшнего дня. Их лозунги, героизм и принесенные ими жертвы не только не забыты нынешними поколениями пуэрториканцев, но и служат призывом к дальнейшей борьбе.

Сила морального авторитета националистов объясняется прежде всего тем, что их движение было первым широким антиимпериалистическим выступлением за независимость острова. В стране, где много лет на политической сцене господствовал реформизм, где политические деятели заставляли народ поверить в то, что никакого другого пути решения судьбы Пуэрто-Рико, кроме постепенного длительного пути завоевания ограниченной автономии, нет и быть не может, в такой стране впервые нашлись люди, страстно выступившие против реформистской рутины. Именно Альбису Кампос остро и вдохновенно ставил вопрос о необходимости быть непримиримым, способным к самопожертвованию тогда, когда речь идет о спасении нации. Его жизнь, полная самоотдачи, давала ему право писать: «Пуэрто-Рико представляет собой картину крушения высших человеческих ценностей: чести, патриотизма, самопожертвования. Империализм янки привел нас в моральном плане к презрению самих себя; в материальном смысле собственники превратили нас в рабов, а из рабов — в нищих, приговоренных к смерти. Поэтому единственно возможным решением является национализм, так как он возрождает в каждом из нас сознание свободного человека, для которого человеческое достоинство — бесценно»¹¹.

К концу 30-х годов, т. е. ко времени развертывания националистического движения, в социально-экономической жизни Пуэрто-Рико произошли заметные сдвиги, определившие и серьезные политические изменения.

Большинство населения острова по-прежнему составляло крестьянство. Процесс обезземеливания пуэрториканских крестьян привел к тому, что выросла группа крестьян-арендаторов и сельскохозяйственных рабочих. С проникновением североамериканского капитала на остров стала заметно расширяться сфера обслуживания. Значительно увеличилась группа средних слоев, в том числе интеллигенции, особенно в связи с открытием в Пуэрто-Рико в начале XX в. нескольких высших учебных заведений. В результате кризиса 1929 г. экономическое положение этих

слов населения заметно ухудшилось. Именно на них — на крестьянство и средние слои — и стала опираться новая политическая организация, Народно-демократическая партия (*Partido democrático popular*, сокращенно РРД — ПРД), созданная в 1938 г. В условиях, когда левонационалистическое течение понесло жестокий урон и было фактически обезглавлено, в ПРД идеологически и организационно возродилось правореформистское течение пуэрториканского национализма. Лидером ПРД стал Луис Муньос Марин, сын Муньоса Риверы. Преемственность была не только родственной, но и идейной. ПРД дала новую жизнь пуэрториканскому автономизму.

Хотя на первых порах Народно-демократическая партия и поддерживала лозунг независимости (это объяснялось тем, что к концу 30-х годов было еще очень ошутимо влияние Альбису Кампоса и националистов), то уже в первой программе ПРД, принятой в 1940 г., требование независимости отсутствовало. В политическом разделе программы говорилось о том, что партия будет энергично поддерживать лозунг утверждения Пуэрто-Рико как одного из свободлюбивых народов Америки. При этом проблемы политического статуса острова не затрагивались. Л. Муньос Марин позднее отмечал: «То, что надо сделать для спасения Пуэрто-Рико, надо делать при любом политическом статусе»¹². Когда же Народно-демократическая партия победила дважды на выборах в законодательное собрание острова, укрепила свое влияние в массах, ее лидеры уже открыто отказались от требования независимости.

В 1946 г. было принято решение о несовместимости пребывания в партии с участием в Конгрессе за независимость, созданном патриотическими силами Пуэрто-Рико в 1943 г. Это привело к расколу ПРД: сторонники независимости вышли из партии и образовали в 1946 г. новую политическую организацию — Партию сторонников независимости Пуэрто-Рико (ПИП), опиравшуюся на представителей городской мелкой буржуазии, творческой интеллигенции, студенчества. Основной ее целью было установление независимой демократической республики мирными легальными средствами. Идейными своими корнями ПИП уходила, несомненно, в теоретические концепции Х. де Диго. И хотя во второй половине 40-х — начале 50-х годов она не играла решающей роли в политической жизни острова, тем не менее значение ее создания и деятельности достаточно велико, так как именно она обеспечила в эти годы преемственность в сепаратистском движении.

Что касается ПРД, то она в короткий срок превратилась в самую массовую и популярную политическую партию на острове. Один из факторов, способствовавших этому, состоял в активном заигрывании со сторонниками независимости, в первоначальной поддержке их требований. Другим важным обстоятельством стало гибкое использование политической конъюнк-

туры и перенесение центра тяжести с политических проблем на экономические. Если в первой партийной программе о политических целях говорилось скупо и нечетко, то социально-экономические задачи были разработаны очень широко и детально с целью убедить массы в том, что руководство ППД намерено вести борьбу за улучшение экономического положения населения, прежде всего — мелкой буржуазии, крестьянства, служащих. В обстановке роста экономических трудностей, неудач движения за независимость руководству партии удалось завоевать симпатии широких масс призывами к тому, чтобы на время отказаться от немедленного решения политической судьбы острова и сосредоточиться на борьбе за подъем жизненного уровня в стране.

В 40-е годы в Пуэрто-Рико был проведен ряд намеченных ППД экономических мероприятий. Они не вызывали возражения со стороны правительства США, так как не задевали коренных интересов североамериканского империализма в Пуэрто-Рико, а, напротив, укрепляли его позиции. В этой связи правительство США решилось, наконец, предоставить острову ограниченное самоуправление. Пуэрто-Рико получило право избирать губернатора и в 1952 г. получило конституцию и политический статус «свободно присоединившегося к США государства». Хотя предоставленная автономия была очень урезанной, а условия жизни трудящихся по-прежнему тяжелыми, руководству ППД удалось возродить среди широких масс иллюзии и надежды на то, что именно реформистский путь может привести страну к экономическому процветанию.

Победа Кубинской революции в 1959 г. оказала большое влияние на развитие общественных процессов во всей Латинской Америке, в том числе и в Пуэрто-Рико. На самом острове социально-экономические и политические сдвиги привели к серьезным изменениям в судьбах пуэрториканского национализма.

К концу 50-х годов на острове начал проходить угар иллюзий и самообмана, возникших после проведения реформ и принятия Конституции 1952 г. Становилось все более очевидным, что «индустриализация» в Пуэрто-Рико, которой так много внимания уделяет североамериканская пропаганда, — не что иное, как форма расширения промышленного комплекса США, что вся промышленная лихорадка 50-х годов на острове вызвана лишь крайне выгодными условиями для частных североамериканских инвестиций и почти не связана с нуждами и интересами пуэрториканского хозяйства. Выяснилось, что основные социальные проблемы в Пуэрто-Рико так и остались нерешенными. К тому же сама жизнь ежедневно приносила пуэрториканцам доказательства сохранения их полного политического бесправия и после принятия Конституции 1952 г.

В такой обстановке в начале 60-х годов в стране происходит активизация политической борьбы и поляризация политических сил. Эта поляризация отразилась и на националистическом ла-

гере. На еще более правые позиции начинает вставать руководство Народно-демократической партии, что определяет его отношение к будущему политическому статусу Пуэрто-Рико. Муньос Марин заявлял (сентябрь 1959 г.): «Я не упоминаю о статусе независимости потому, что наша позиция корнями своими уходит в основную концепцию вечного союза на базе неизменного общего гражданства. Внутри этого самого союза Пуэрто-Рико превращается в классический штат»¹³. Это и ряд других высказываний лидеров ППД¹⁴ были откровенным признанием того, что конечная цель реформистов смыкается в главном с целью самой реакционной политической силы на острове — Республиканской партии. Различие оставалось лишь в сроках превращения Пуэрто-Рико в штат США.

Политическая эволюция, проделанная ППД к началу 60-х годов, недовольство результатами ее социально-экономической политики определили кризис и раскол в Народно-демократической партии. От ППД отошла часть радикально настроенных патриотов. Другие же ее члены, в основном высокооплачиваемые служащие, начали требовать быстрее превращения Пуэрто-Рико в штат США.

Впервые за 20 лет, в течение которых Муньос Марин возглавлял местную власть на острове, в 1968 г. ППД потерпела поражение на выборах губернатора Пуэрто-Рико. И хотя уже в 1972 г. губернатором острова вновь избран кандидат ППД, последователь и приверженец идей Л. Муньоса Марина — Эрнандес Колон, нельзя считать, что национал-реформизм обладает прежней силой. Победа ППД на упомянутых выборах говорит скорее о том, что большая часть населения острова отвергла путь превращения Пуэрто-Рико в штат США*, но еще не осознала полностью необходимости борьбы за независимость. При таком положении лозунг сохранения на неопределенное время формы «свободного присоединения» многим представляется наиболее удобным и безопасным.

Хотя надежды на серьезные перемены в социально-экономической и политической жизни на острове не связываются теперь только с ППД, однако в условиях, когда североамериканская пропаганда на острове настойчиво угрожает трудностями, снижением жизненного уровня в случае приобретения независимости, политически менее сознательная часть населения продолжает традиционно идти за ППД. Тем не менее очевидно, что позиции национал-реформизма в стране значительно подорваны. И одной из причин, несомненно, стал рост сепаратистского движения в начале 60-х годов, который был в определенной степени подготовлен и деятельностью Пуэрториканской коммунистиче-

---

* С этим лозунгом выступают наиболее правые буржуазные партии Пуэрто-Рико.

ской партии, и всем антиимпериалистическим движением, и движением за независимость на острове в предшествующий период.

Активизация патриотических сил выразилась, в частности, в создании в 1959 г. Движения за независимость Пуэрто-Рико (МПИ). По своей социальной базе и первоначальной программе новая политическая организация напоминала Националистическую партию 20-х годов. Ее сторонники сплотились вокруг патриотических лозунгов. Символом борьбы стало имя Альбису Кампоса. В одном из первых заявлений движения говорилось, что МПИ — это организация не одного класса, а всех общественных групп, стремящихся к уничтожению колониализма. В то же время очень скоро наметились и серьезные отличия МПИ от националистического движения 20—30-х годов. Они заключались в более четком представлении о перспективах борьбы, социально-экономических требованиях.

Уже в первом программном документе — Политических тезисах МПИ, принятых в 1962 г., было записано, что главная проблема Пуэрто-Рико — это самоуправление, но оно невозможно без независимости. Однако достижение независимости, подчеркивалось далее, это не конец, а лишь начало в борьбе за национальное освобождение.

В 1968 г. национальная ассамблея МПИ приняла новый программный документ — «Доктрину новой борьбы за независимость». Этот документ представляет большой интерес, так как показывает, какой серьезный качественный сдвиг произошел в идеологии МПИ за годы существования движения. Прежде всего в «Доктрине» впервые четко и остро ставился вопрос о расширении целей движения и его социальной базы. «Если что-то тормозило антиимпериалистическую борьбу в Пуэрто-Рико, то это разрыв, который исторически, по разным причинам, сохранялся между движением за независимость и рабочим движением»¹⁵. Так впервые был назван и определен основной исток слабости пуэрториканского национально-освободительного движения. Действительно, на острове на протяжении 100 лет патриотическая борьба и борьба трудящихся за свои социально-экономические права развивались почти не соприкасаясь. Это ослабило и то и другое направление борьбы, но особенно большой ущерб был нанесен движению за независимость.

Не случайно и очень своевременно в «Доктрине» был поставлен вопрос и о рабочем классе. Дело в том, что ко второй половине 60-х годов в связи с изменениями в структуре хозяйства острова существенно изменилась и социальная структура пуэрториканского общества. Доля сельского хозяйства в национальном доходе составляла в 1962 г. 12,6%, а промышленности — 23,1%, в то время как в 1940 г. соотношение было 31,6% — сельское хозяйство и 12% — промышленность. В сельском хозяйстве в 1962 г. было занято около 24% самодеятельного населения, а в промышленности и строительстве — около 25% (по

сравнению с 1955 г., когда в сельском хозяйстве было занято около 30%, а в промышленности — около 19%)¹⁶. Таким образом, процесс пролетаризации населения привел к тому, что пролетариат стал в стране значительной социальной силой, и без учета его позиции и требований широкое освободительное движение в Пуэрто-Рико было невозможно. В «Доктрине» впервые шла речь о задаче соединения патриотической и классовой, прежде всего пролетарской, борьбы. «Необходимо,— указывалось в документе,— признание того, что в этот час мировой истории борьба за независимость образует часть национально-освободительной революции народов против империализма и поэтому — и это неумолимо — она связана с великой борьбой народов за социализм»¹⁷.

«Доктрина» намечала также три этапа в развитии МПИ. Первый, во время которого движение существует как широкая группировка единого фронта; второй — превращение МПИ в патриотический авангард и, наконец, третий этап, характеризующийся началом эволюции МПИ в направлении революционного авангарда. В «Доктрине», кроме того, объявлялось, что МПИ принимает марксистско-ленинскую теорию как руководство для деятельности и программы МПИ при превращении его в революционный авангард.

В «Доктрине» более конкретно говорилось и о перспективах борьбы. Независимость не решит всех проблем, подчеркивалось в документе, она лишь создаст условия для их решения. Капиталистическая система — отсталая, несправедливая, безнравственная. Республика Пуэрто-Рико в своем развитии пойдет некапиталистическим путем. «Было бы утопичным описывать конкретные формы, которые примет промышленная и торговая структура страны,— записано в «Доктрине»,— но фактом остается то, что при переходе от независимости к полному национальному освобождению производство и присвоение будут иметь общественный характер, а это означает, что социализм — это будущее Пуэрто-Рико»¹⁸.

В программе 1968 г. были сформулированы и задачи повседневной борьбы: повышение уровня жизни, протест против обязательной службы пуэрториканской молодежи в армии США, против передачи полезных ископаемых Пуэрто-Рико североамериканским монополиям, против подавления национальной культуры, против репрессий в стране.

Основные направления в развитии МПИ были организационно и идеологически закреплены в ноябре 1971 г., когда состоялась восьмая Национальная ассамблея, утвердившая реорганизацию МПИ в Пуэрториканскую социалистическую партию (ПСП).

В Общей декларации ПСП говорилось, что кризис, в котором находилось движение за независимость после поражения националистов, остался позади. Ключом к его преодолению послужи-

ло решение двух основных проблем. Первая — определение методом классового анализа социальной базы современного этапа движения за независимость, и вторая — выяснение правильной стратегии завоевания независимости. Вся логика социально-экономического развития, практика политической борьбы, подчеркивалось далее в Декларации, доказывает, что рабочий класс — главная сила в борьбе за независимость. Основная стратегическая линия, подтверждалось в Декларации, состоит в том, чтобы способствовать углублению кризиса колониального режима США в Пуэрто-Рико ¹⁹.

В резолюциях Национальной ассамблеи разъяснялось, что МПИ реорганизовано в Пуэрториканскую социалистическую партию для того, чтобы продолжить свое развитие в качестве авангарда рабочего класса, всех трудящихся и народа Пуэрто-Рико в борьбе за независимость, национальное освобождение и социализм. Основная цель партии — замена системы колониального капитализма, существующего в Пуэрто-Рико, социалистической республикой трудящихся. Были провозглашены и основные права пуэрториканского народа, за которые борется ПСП: право на независимость и полный суверенитет; на полное восстановление всего имущества и владений, отчужденных иностранными предпринимателями; право трудящихся на прогрессивное обобществление всех средств производства, независимо от того, будут они принадлежать иностранным или пуэрториканским собственникам; право на строительство социалистического общества, где в конечном счете не будет ни эксплуатируемых, ни эксплуататоров; право трудящихся и всего народа Пуэрто-Рико на все формы борьбы за достижение своих целей, включая революционное насилие, которое будет ответом на насилие и репрессии со стороны существующей системы. При создании ПСП еще раз было подтверждено, что партия основывает свою программу, организацию на принципах марксизма-ленинизма, творчески развитых в условиях Пуэрто-Рико.

Таким образом, конец 60-х — начало 70-х годов характеризуется кризисом национал-реформизма, переходом левого чисто националистического движения на позиции классового движения. Патриотическая, антиимпериалистическая борьба становится борьбой и против капиталистической системы. Эта эволюция была вызвана жизнью, и она несомненно будет способствовать дальнейшему развитию и успехам национально-освободительной борьбы в Пуэрто-Рико.

2. НАЦИОНАЛИЗМ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ НЕГРИТЮДА НА ФРАНЦУЗСКИХ АНТИЛАХ И ГАИТИ

Своеобразную модель расово-националистической идеологии «третьего мира» представляет собой негритюд — один из вариантов концепции «культурной самобытности черной расы». Теория негритюда претендует объединить под своим знаменем все негритянское население Африки к югу от Сахары, негров Антильских островов, а также Северной и Южной Америки.

Подобные масштабы сами по себе показывают, что понятие «негритюд» весьма сложно, противоречиво и многогранно. Несмотря на претензии идеологов негритюда представить его как некую универсалистскую концепцию, эта идеология имеет не только региональную окраску (африканскую, антильскую), но она и национально дифференцирована.

Прежде чем приступить к анализу антильского негритюда, целесообразно раскрыть само понятие «негритюд», которое включает в себя весьма широкий диапазон культурно-психологических, философских и социально-политических идей. Нужно сказать, что в литературе не существует единого, раз и навсегда данного определения негритюда, ибо тот или иной идеолог вкладывал в термин «негритюд» самое различное содержание, которое в свою очередь претерпевало изменения на том или ином этапе исторического процесса.

Обратимся к писателям, и прежде всего к духовным отцам негритюда — мартиниканскому поэту и политическому деятелю Эмэ Сезэру и африканскому поэту, президенту Сенегала Леопольду Сенгору. Так, у Сезэра, например, термин «негритюд» употребляется в многообразных вариантах: это и осознание своей принадлежности к «черной расе», и ликвидация психологического «комплекса неполноценности» негра в его эволюции от смирения к бунту; это и страстный призыв к восстанию, и требование всеобщей справедливости для того, чтобы утолить «жажду всемирную и голод всемирный»; это и идея «новой судьбы черной расы» с лейтмотивом мессианской роли негров в истории²⁰.

В трактовке Сенгора негритюд выступает то в качестве «эффективного инструмента освобождения» колониальных народов, то как «ансамбль культурных ценностей черного мира», то как воспевание «причудливо загадочной и неповторимо своеобразной» души «черного человека». Причем последняя включает целый комплекс морально-психологических качеств «черной расы», которой присущи, по мнению Сенгора, врожденное чувство коллективизма и солидарности, стихийный гуманизм, особый дар ритма и интуиции, повышенная эмоциональность и космическая близость к природе²¹. Негритюд Сенгора подразумевает при этом неизменное состояние социального бытия негра, где «чер-

ная душа» является как бы вечной категорией, своего рода константой (иначе — таким же стереотипом, как, скажем, «славянская душа» или «французский склад ума»).

Нельзя обойти молчанием и весьма своеобразную интерпретацию негритюда Ж.-П. Сартром, который придал этой концепции гораздо более универсальный смысл, включив негритюд в перспективу мировой истории. «Негритюд,— писал Сартр в своем знаменитом эссе «Черный Орфей» (1948), — возник как слабое звено в диалектической цепи: теоретическое и практическое утверждение превосходства белой расы — это тезис; позиция негритюда в качестве антитезиса является моментом в законе отрицания отрицания. Однако этого отрицания само по себе еще недостаточно, и черные... знают, что его цель — подготовить синтез или реализацию человечества в безрасовое общество. Таким образом, негритюд... оказывается переходной ступенью, а не результатом, средством, а не конечной целью»²².

Несмотря на изрядную долю релятивизма, подчеркивающего относительный, преходящий характер негритюда, существенным моментом всего сартровского построения является возведение — или сведение — негритюда до оппозиции всему «белому миру».

В творчестве современного теоретика деколонизации, мартиниканца по происхождению, врача-психиатра по профессии Франца Фанона негритюд определен как защитная реакция «черных народов» на колониальное и расовое угнетение, что получило адекватное название «антирасистской формы расизма». «Концепция негритюда,— писал Фанон,— была эмоциональной, если не логической, антитезой тому оскорблению, которое белый человек наносил человечности»²³.

И, наконец, в современном контексте термин «негритюд» все чаще начинает фигурировать в значении политического лозунга «власть черным», который рискует превратиться в опасную догму, став не чем иным, как вывернутым наизнанку расизмом.

Этот экскурс в терминологию позволяет судить о сложности и многоликости негритюда как идеологии различных политических течений, способных выступить как в прогрессивной, так и в реакционной форме.

Из удивительного многообразия различных проявлений идеологии негритюда рассмотрим подробно антильскую ее разновидность, главным образом на примере франкоязычных стран Вест-Индии — Гаити, Гваделупы и Мартиники, где негритюд получил наибольшее распространение.

Несмотря на тесное генеалогическое родство (африканское происхождение), общность исторических судеб (рабство, колонизация, расизм), близкий этнический состав населения (значительную часть которого составляют негры), общность культурно-психологических элементов, заимствованных из одного источника (Африка — Европа), — одним словом, все то, что выражает понятие «антильская самобытность», — каждая страна Вест-Инд-

ского региона имеет при этом и свои собственные национальные черты, собственную историческую судьбу.

Конкретно-историческая ситуация на Мартинике и Гваделупе, с одной стороны, и на Гаити — с другой, отнюдь не тождественны. Как известно, Мартиника и Гваделупа до сих пор продолжают оставаться по положению французских колоний, прикрытых так называемым статусом заморских департаментов, тогда как Гаити стала первой независимой негритянской республикой еще в начале XIX столетия (с 1804 г.).

Специфика и трудности освободительного движения на французских Антилах состоят в сложном переплетении классовых и расовых противоречий, в неразрывной связи борьбы за национальное и социальное освобождение мартиниканского и гваделупского народов, страдающих от двойного гнета — местных помещиков и французского империализма. В этой ситуации, когда колониальное угнетение внешне принимает порой расовую форму, когда социальные проблемы нередко окрашиваются в расовые тона, принципиально важное значение имеет правильный, научный подход к идеологии негритюда.

В антильской действительности широко представлены различные течения как правого, так и ультралевого негритюда, которые следует рассматривать в зависимости от конкретно-исторической ситуации и с учетом тех или иных социально-политических сил, которые берут на вооружение эту специфическую идеологию. В этом смысле негритюд проделал весьма значительную эволюцию, пройдя несколько основных этапов в своем развитии.

Контурсы идеологии негритюда начали вырисовываться в 20—30-х годах XX в. Возникнув как движение культурного возрождения «черных народов», доктрина негритюда была выработана первым поколением антильской и африканской интеллигенции, сгруппировавшейся вокруг журнала «Черный студент», основанного в 1934 г. в Париже. Основателями и духовными отцами негритюда по праву считаются уже упоминавшиеся мартиниканец Эмэ Сезэр, сенегалец Леопольд Сенгор, а также гвианец Леон Дамас.

Однако первый камень в этом здании был заложен журналом мартиниканских студентов, обучавшихся во Франции, «Лежитим дефанс» («Законная защита»), единственный номер которого вышел в 1932 г. «Анализируя наше собственное положение антильцев, воспитанных в духе почитания буржуазных ценностей, привыкших думать, что Мартиника — это Франция, — мы вынесли этой догме беспощадный приговор»²⁴, — писал один из руководителей группы, председатель Ассоциации мартиниканских студентов Этьен Леро.

«Лежитим дефанс» не был просто литературным журналом, его единственный номер прозвучал как страстный манифест протеста против политики культурной ассимиляции, против коло-

ниального и расового угнетения антильцев. Это было первое осознанное требование признать в антильском негре человека, равного белому.

Сам факт, что негритюд возник в Париже, в самом центре «белой» метрополии, отнюдь не случаен.

«Ассоциируя понятие белизны кожи с понятием богатства и могущества,— писал Фанон,— оно (рабство.— Авт.) внушило черному расовый предрассудок, сделало его негрофобом»²⁵. «В колониальном обществе,— продолжает свою мысль Фанон,— человек богат, потому что он — белый, а белый—потому что богатый»²⁶. Убедившись, как важно быть «белым» в социальном смысле, антильский негр с ужасом реагировал на черный цвет своей кожи, который как бы автоматически ставил его на последнюю ступень социальной лестницы.

Колониализм не довольствовался экономическим и политическим порабощением «черных» народов, он опустошал «мозг и душу колоний», насаждая среди колонизованных свою собственную культуру, язык, традиции и стиль жизни. Указывая на этот насильственный процесс культурной ассимиляции, современный революционный поэт Гаити, коммунист Рене Дестр заявляет: «Колониальная система создала все возможное, чтобы сделать из нас, антильцев, англосаксов или латинян с черной кожей... Во мне старались создать ужасное мнение о себе самом... Все это делалось для того, чтобы я идеализировал цвет кожи, историю и культуру моих белых хозяев!»²⁷ О том же образно писал мартиниканец Э. Сезэр: «Таково положение антильца, этого «незаконнорожденного сына» Европы и Африки, разрывающегося между своим отцом, который не признает его, и своей матерью, от которой он сам отрекся... По-видимому,— продолжает Сезэр,— есть вещи более ужасные, чем крупные колониальные боины или зверские репрессии: это — миф о посредственности, медленно, но уверенно разъедающий душу народа»²⁸.

Глубокий, обобщающий анализ психологических последствий колонизации был дан Францем Фаноном. Исследуя психологию колонизаторов и колонизируемых, белых и черных в своей работе «Черная кожа, белые маски» (1952), Фанон пришел к выводу, что в системе колониализма оба — угнетатель и угнетенный — психически изуродованы ею: «Негр — раб своей неполноценности, белый — раб своего превосходства»²⁹. И в этом смысле негритюд возник как осознанное стремление представителей «черной» интеллигенции уничтожить мифы и стереотипы, созданные вокруг негра, преодолеть этот рабский «комплекс неполноценности».

Фанон видел и сравнивал только две возможности «самоопределения негра» в колониальном обществе: либо ассимиляция, усвоение чужого языка и культуры, либо противопоставление угнетению своего защитного, «антирасистского расизма — негритюда»³⁰.

Способствуя эволюции антильца от рабской покорности судьбе к бунту против белого угнетателя, негритюд отнюдь не сводился к расовым чувствам, ибо в колониальном контексте рост расового самосознания был определенным средством на пути становления национального сознания.

Как это часто бывает в истории идей, негритюд нашел свое выражение прежде всего в сфере литературного творчества антильских писателей. Первыми активными его проповедниками были Ж. Прис-Марс и эндиженистское* литературное течение на Гаити, Э. Сезэр — на Мартинике, Э. Лежитимус — на Гваделупе, Г. Лэминг — на Барбадосе, Клод Мак-Кэй и Маркус Гарви — на Ямайке.

В эту эпоху идея культурного возрождения «черной расы» пробудила и творческие силы негритянской интеллигенции Северной Америки, где идеи негритюда вдохновляли движение «гарлемского ренессанса» под руководством известного ученого-коммуниста Уильяма Дюбуа.

Эндиженисты на Гаити подняли знамя негритюда в условиях оккупации страны Соединенными Штатами. За 20 лет американской оккупации острова (1915—1934), когда гаитянский народ испытал все унижения и зверства расизма, социальные противоречия зачастую воспринимались как противоречия расовые. В этой ситуации негритюд становился средством укрепления солидарности против угнетателей, движением за национальное возрождение Гаити, за развитие ее самобытной культуры.

По словам гаитянского прогрессивного публициста Реми Бастьена, это движение было «местным проявлением отрицания во всем мире европейского расизма, отражением поисков новых ценностей, а также началом антиколониальной борьбы, вдохновляемой революцией в России»³¹

Большую роль в пробуждении расового и национального самосознания гаитян в эту эпоху сыграл журнал «Ревю эндижен», созданный в 1926 г. и объединивший в своих рядах цвет гаитянской интеллигенции — Ж. Румэна (одного из основателей Компартии Гаити), Ж. Бриера, Э. Румэра, Л. Лало и др. Психологический «шок» от североамериканской оккупации способствовал быстрому повороту гаитянских поэтов к самобытному, национальному, социально заостренному искусству. И не случайно гаитянская поэзия тех лет глубоко проникнута «африканскими мотивами». Взывая к африканским истокам гаитянина — потомка мятежных рабов и наследника древнего величия Африки — эндиженисты укрепляли в нем мужество и веру в себя, призывая к протесту и неповиновению.

Безусловно, гаитянский негритюд был вызван тогда требованием времени, необходимостью выстоять. Как пишет гваде-

---

* Эндиженизм — литературное течение, основанное на национальных культурных и духовных ценностях и традициях.

лупский коммунист, член Политбюро ГКП Анри Бангу, «защитный гаитянский национализм очень быстро обрел в прославленном прошлом черной эпопеи необходимый источник вдохновения для движения сопротивления чужеземному игу»³².

Однако, несмотря на то, что в целом негритюд эндиженистов был поэзией борьбы и национального возрождения, это движение оказалось отнюдь не однородным. Если у одних поэтов тема негра получала революционное осмысление, то у других она легко переходила в экзотизм, подчеркивая в негре дикарское, темное, чувственное начало, первобытную силу.

И в этом смысле поэмы Ж. Румэна, Ж. Бриера, Э. Румэра были проникнуты качественно иным «негризмом», их творчество, вбирая богатство негритянских ритмов и созвучий, шло к глубоким социальным обобщениям. Отправляясь от «чувства негра», напоминая ему о пережитых страданиях в своей поэме «Черное дерево» (1939), Ж. Румэн восклицает:

Африка! Я стал твоей памятью,
Африка! Ты во мне, как заноза,
засевшая в ране...³³

И далее, пробуждая достоинство негра, ненависть к угнетателям, поэт постепенно открывает перед ним пути, роднящие тружеников всех рас и наций, ведя его к широкому революционному интернационализму:

И все-таки,—
Я желаю быть только вашей расы,
Рабочие и пахари всего мира!³⁴

Мы уже говорили о значительной роли мартиниканца Э. Сезэра в создании и дальнейшем развитии идеологии негритюда на Французских Антилах. Негритюд Сезэра-поэта трудно отделить от его политической деятельности. Сам оригинальный талант Сезэра убеждал мир в способности черных народов быть творцами своей судьбы и истории. В поэме «Дневник возвращения на родину» (1939) Сезэр раскрывает перед нами глубокую драму антильского негра — негра, который остается на родине, и негра, который покидает свой дом и уезжает в «белую» метрополию. На одном полюсе оказывается «нищий духом и телом черный» отец, живущий «на дне своей собственной темницы», этого «подлинного ада Данте», на другом — черный сын, проникший в самые сокровенные глубины знания, ставший администратором, адвокатом, чиновником «белой» метрополии. Испытывая отчаяние и жалость к простому антильцу, покорному и равнодушному к своей судьбе, и задыхаясь от презрения к тем интеллигентам, которые стыдятся своей расы и своего «безнадежно черного лица», нелепо гордясь при этом своей «французской кровью», Сезэр с горечью пишет:

«И вот они те, которых никак не утешает мысль, что они похожи не на бога, а на черта. Те, которые считают, что негр — это человек второго сорта. Те, которые ожидают лучшего и верят в возможность подняться выше. Те, которые сами себе признаются в поражении и живут на дне своей собственной темницы. Те, кто, облачившись в гордое лжепревращение, говорят европейцам: «Видите, я так же, как и вы, умею лебезить, так же, как и вы, умею выражать свое почтение, и в общем-то я ничем не отличаюсь от вас. Так не обращайтесь же внимания на мою черную кожу: меня просто опалило солнцем»»³⁵.

Драмой антильца является как раз та пропасть отчуждения, которую увеличили между ним и Черной Африкой сначала изгнание, а затем рабство и ассимиляция. Предпочитая соединить в себе все добродетели и пороки «своей расы», чем быть «хорошим негром», послушным своему «белому хозяину», Сезэр призывает антильца очиститься от этого отчуждения и разорвать цепи, которые удерживают его в духовном рабстве.

В негритюде Сезэра поочередно звучат голоса обвинения и призыва. Выступая против традиционных ценностей буржуазной цивилизации, Сезэр с неистовой силой обрушивается на ее главный остов — «разум». Разум, который уничтожил «черные цивилизации» прошлого и изобрел «кнут, суд Линча и гильотину», поэт предаёт анафеме, называя его «канибализмом и безумием»³⁶.

Как остроумно заметил его биограф Л. Ляно, вооружившись всеми подлинными и мифологическими чертами своей расы, «Сезэр бьет Запад по голове»³⁷. Разуму, который отвернулся от человека и превратился в слепое безумие, Сезэр-негр противопоставляет «гуманные ценности черной расы», «тех, кто не изобрел ни пороха, ни компаса, тех, кто никогда не укрощал ни силу пара, ни электричество, тех, кто не покорял ни морей, ни неба, но тех — без кого земля не была бы землей...»³⁸.

Поэт говорит, что он чувствует себя одновременно Христом, спасителем, символом своей гонимой расы, вобравшей в себя всю скорбь мира. Но вот под воздействием глубокой внутренней революции он превращается в трибуна, вождя, «комиссара по крови», готового возглавить борьбу колонизованных «черных» народов за свое освобождение. При этом революция, о которой грезит поэт, не ограничивается рамками Антиль или даже одной «черной расы». Ибо, по замыслу Сезэра, «гуманные ценности черной расы» должны послужить делу освобождения всего человечества.

Значение «Дневника возвращения на родину» трудно переоценить. Поэма Сезэра явилась знаменем не одного поколения прогрессивной негритянской интеллигенции колониальных стран. Негритюд Сезэра, вплетаясь в контекст деколонизации, становится поэтическим синонимом свободы, моральной и политической основой бунта колониальных народов против угнетателей.

И с этой точки зрения, как отмечает А. Бангу, негритюд Сезэра «сливается с негритюдом Ж. Бриера, и в особенности Ж. Румэна»³⁹.

Однако негритюд Сезэра в дальнейшем пройдет весьма сложный и противоречивый путь идейно-политической эволюции.

Подводя итог первому этапу развития антильского негритюда, необходимо сказать, что в целом, являясь своеобразной формой протеста против колониального и расового угнетения, идеология негритюда имела прогрессивное звучание, хотя уже в этот период можно было разглядеть еще очень смутные и неясные очертания его будущих извращенных форм.

Основные направления в идеологии негритюда находят весьма четкое выражение на втором этапе развития, который охватывает 40—50-е годы. Отличительной чертой этого периода является трансформация негритюда из культурного движения, каким он оставался преимущественно до второй мировой войны, в собственно идеологию.

Характерно, что на данном этапе среди сторонников негритюда произошло размежевание по двум основным направлениям. С одной стороны, наследуя демократические элементы в негритюде, ведущие к революционному осмыслению и решению «темы негра», прогрессивное крыло «черной» интеллигенции встало на позиции научного социализма, на путь слияния с массовым антиимпериалистическим движением. С другой стороны, среди приверженцев консервативного направления в негритюде возникла опасная тенденция к абсолютизации и изоляции негритянской проблемы, к безусловному культу «черной культуры» в пику «западной модели» развития.

Острая идеологическая борьба между прогрессивным и консервативным крылом «черной» интеллигенции получила свое отражение в работе двух всемирных конгрессов негритянской деятельности культуры *, которые были организованы группой идеологов «Презанс африкэн», созданной в 1947 г.

Говоря о целях II негритянского конгресса, основатель «Презанс африкэн», сенегалец А. Диоп откровенно заявлял: «Не в состоянии ассимилироваться с англичанами, французами, бельгийцами, португальцами и в угоду гипертрофированным амбициям Запада отказаться от некоторых оригинальных черт нашего творческого гения, мы приложим все усилия, чтобы создать этому гению такие выразительные средства, которые соответствовали бы его собственному призванию в контексте XX столетия...»⁴⁰

Прогрессивный лагерь на конгрессах был представлен гаитянскими коммунистами Р. Дестром и Ж. С. Алексисом, мартиниканским коммунистом Р. Менилем и рядом других передовых общественных деятелей, которые, выступая за реальное сочетание самобытного и всеобщего, видели в негритянской куль-

---

Состоявшихся поочередно в Париже и Риме в 1956 и 1959 гг.

турах мощную силу в борьбе за национальное и социальное освобождение «черных» народов.

В свою очередь представители консервативного крыла рекламировали «черную культуру» как вечную и застывшую категорию, как некий «всемирный дух негро-африканской цивилизации». Отсюда исходила опасность своего рода апологии мнимых психофизиологических особенностей «черной расы» в качестве основы «черной культуры» и антипода «белой европейской цивилизации».

Указывая на эту опасную тенденцию, мартиниканец Р. Мениль решительно подчеркивал, что в извращенном сознании подобных идеологов негритуа «борьба ведется отныне не между пролетариатом и буржуазией, а между черными и белыми, не между двумя классами, а между двумя культурами»⁴¹.

Более того, среди отдельных участников обоих конгрессов раздавались голоса, предлагавшие «создать новый блок, некую разновидность бунда». Этот бунд выявит якобы общую «негро-африканскую» цивилизацию, которая в какой-то степени будет «противостоять советскому, американскому и европейскому блокам»⁴².

Однако наметившаяся антикоммунистическая ориентация, в которой впоследствии найдут свое выражение самые ультраправые, реакционные течения в негритуаде, не превратилась в магистральное направление и получила справедливую критику со стороны прогрессивных сил. «Мы никогда не станем сторонниками узкой обособленности, которая разделит мир на расы и антагонистические категории»⁴³, — заявил Ж. С. Алексис на I съезде негритянских писателей.

Рассматривая эволюцию негритуада от культурного движения к философской теории, нельзя обойти молчанием и тот факт, что в период 40—50-х годов идеология негритуада испытала на себе заметное влияние французского экзистенциализма и сюрреализма.

Как известно, модернистские течения в Европе, возникшие в первые десятилетия XX в., появились как анархистский протест западной интеллигенции против традиционных ценностей буржуазного общества, и прежде всего — против жестокого подавления внутренней свободы личности в капиталистическом мире.

Влияние французского сюрреализма на собственно антильский негритуад отнюдь не ограничивается проблемой стиля или просто литературной модой. Их тесное генетическое родство позволяет установить глубокую внутреннюю связь, при которой становится возможным отождествление ситуации отчуждения белого и черного человека в окружающей его дегуманизированной среде. И в этом смысле идеализированная особая близость негра к природному, инстинктивному, естественному началу и сюрреалистский поиск внутреннего раскрепощения личности —

вот тот срез сознания, где прослеживаются точки соприкосновения «черной» и «белой» экзистенции.

Обращение сюрреалистов к мистике черного цвета, культу тьмы и стихийных, жизненных сил мыслилось ими как обращение в поисках спасения ко всему индейско-негритянскому миру. «Я думаю, что культ дьявола более здоров, чем культ бога. Культ бога гниет, культ сатаны блистает»⁴⁴, — откровенно заявлял вождь французских сюрреалистов А. Бретон. В свою очередь антильские поэты негритюда обращались к сюрреализму как средству «идеальной эмансипации черной личности» в той ситуации, когда условия для реальной эмансипации якобы еще не созрели. Антильские и французские сюрреалисты как бы органически дополняли друг друга: одни мыслили себя реальным воплощением того, что искали другие.

Мессианская тема сюрреализма получила свое подлинное завершение в сартровском «Черном Орфее», который, по выражению Ф. Фанона, «составил своего рода эпоху в интеллектуализации черной экзистенции»⁴⁵. Пером Сартра негр наделен чертами мессии не только как олицетворение некой космической близости к непостижимой тайне бытия, но и главным образом как «великий страдалец и мученик», распинаемый за все человечество.

Характерно, что тема «черного мессианства» явственно звучит уже у Э. Сезера:

Как существуют люди-гиены, люди-пантеры,
Я стану человеком-евреем, человеком-кафром,
Индусом Калькутты, негром Гарлема...
Человеком-голодом, человеком-пыткой⁴⁶.

Сартр сообщает этой теме более универсальный смысл, венчая выстроенный Сезером ряд аналогий символическим образом негра-Христа. «Абсурдной суеде белого человека, — пишет Сартр, — негр противопоставляет сосредоточенную подлинность своего страдания, и потому, что он имел страшную привилегию испить всю чашу со дна, черный народ — народ избранный»⁴⁷.

Подобная универсализация негритюда разрывала и без того непрочную связь последнего с конкретно-исторической и национальной почвой, отчего идеология негритюда как бы утрачивала свой первоначальный смысл. И с этой точки зрения речь шла не столько об антильском негритюде, сколько об идеологии негритюда в целом.

Возвращаясь к собственно антильскому негритюду, необходимо прежде всего подчеркнуть, что послевоенная ситуация 40-х — середины 50-х годов отнюдь не способствовала росту национального самосознания антильцев. Оно было в значительной степени парализовано политикой ассимиляции, превратившей антильские колонии Франции в заморские департаменты (1946). Напротив, можно сказать, что в первое послевоенное десятилетие

тие мобилизация антильцев шла в сторону поисков лишь гражданского равенства. Однако это не было банальной ошибкой. Как указывает А. Бангу, «национальное самосознание гваделупцев» в этот период «объективно было химерой»⁴⁸.

Этот «наивный поиск равенства», получивший, однако, одобрение широких антильских масс, Э. Сезэр объясняет тем, что «первым коллективным стремлением людей, в течение веков признанных лишь формальными гражданами государства, было не отбрасывать мнимую форму гражданства, а превратить ее в подлинное гражданское равенство»⁴⁹.

Однако по мере обострения социальных противоречий, углубления фактического неравенства подобные иллюзии антильцев уже с середины 50-х годов уступили место глубокому чувству разочарования политической ассимиляции. Как отмечал еще в 1955 г. французский исследователь колониальных и расовых проблем М. Лейри, «департаментализация привела к такому парадоксальному результату, что антилец стал считать себя мартиниканцем или гваделупцем в гораздо большей степени, чем в ту эпоху, когда не была еще осуществлена полная политическая интеграция с метрополией»⁵⁰.

Более того, мощная волна африканской деколонизации, политическая эмансипация английской части Антильских островов наряду с резким обострением классовых противоречий на самих Французских Антилах способствовали бурному взрыву антильского мелкобуржуазного национализма, поднявшего знамя негритюда в обстановке 60-х годов.

Характерно, что в новой исторической ситуации, в эпоху мощного размаха национально-освободительной борьбы колониальных народов, идеология негритюда перестает быть предметом чисто философских споров и переходит из области теории в область политической практики.

В Африке негритюд облачается в одежды концепции «культурной самобытности черной расы», отвергающей «западный путь» развития и сам принцип европейского «способа быть». В США, в обстановке глубокого кризиса партии «Черные пантеры», начавшегося в середине 60-х годов, идеи негритюда вдохновляют политическое движение «Власть черным», объявившее себя «революционным авангардом» негритянской освободительной борьбы.

Что касается, наконец, собственно Французских Антил, то в условиях небывалого взрыва антильского национализма периода 60-х — начала 70-х годов идеология негритюда инспирирует деятельность ряда ультралевых националистических течений и группировок, окрашенных в расовые тона.

Выдвигая лозунг борьбы за немедленное национальное освобождение и апеллируя к «революционной расовой мистике», эти экстремистские группировки стараются внушить черным антильцам ненависть и неприязнь ко всем белым вообще.

Левацкие теоретики Мартиники и Гваделупы пытаются при этом взять на вооружение некоторые концепции Фанона, интерпретируя их на свой собственный лад и раздувая пропаганду «черного расизма». Поднимая на щит известные слабости Ф. Фанона и сознательно замалчивая его сильные стороны, антильские ультралевые порой до неузнаваемости искажают его взгляды. В действительности же, считая, что негритюд возник как закономерная фаза в духовном развитии негритянской интеллигенции, Фанон убедительно писал: «Антирасистский расизм и защита собственной жизни достаточны, чтобы вступить в борьбу, но они не могут питать освободительную войну»⁵¹. В конце 40-х годов 23-летний студент Фанон испытал на себе известное влияние идеологии негритюда, четко разграничив при этом в своем сознании понятия «защитного» и «черного расизма». «Для нас тот, кто обожает негров, столь же ненормален, как и тот, кто испытывает к ним отвращение...»⁵² — недвусмысленно заявлял он, подчеркивая необходимость покончить с «культом негра», преодолеть расовый уровень мышления.

И не удивительно, что именно сильные стороны мировоззрения Фанона игнорируются антильскими экстремистами, выступающими под флагом ультралевого негритюда. «Наша левацкая мелкая буржуазия, — отмечают мартиниканские коммунисты, — заимствует у Фанона лишь то, что необходимо для поддержания тезиса, согласно которому якобы весь мартиниканский народ (рабочие и буржуазия) должны подняться на освободительную борьбу против всего французского народа (рабочих, буржуазии и государственного аппарата)»⁵³.

Стремясь придать социальной борьбе антильских трудящихся расовый, «антибелый» характер, левацкие теоретики Мартиники и Гваделупы пытаются подменить классовую структуру антильского общества дифференциацией по расовому признаку. Призывая не подражать «белой Европе», они решительно отказываются от завоеваний европейской революционной мысли и хотят «делать историю с нуля». Выдвигая концепцию «глобального народа» как претензию на новую теорию деколонизации, ультралевые сторонники негритюда откровенно заявляют о том, что марксистская теория классовой борьбы не применима к колониальной ситуации, ибо, на их взгляд, «классовая борьба тормозит освободительное движение... отдавая предпочтение классу в ущерб всей нации»⁵⁴.

Для теоретиков «глобального народа» колонизованный антилец — это в равной степени «негр-коммерсант и негр — безземельный крестьянин, негр — владелец торгового судна и докер, интеллигент, ассимилированный в систему колониализма, и безработный»⁵⁵. Точно такой же знак равенства ставится между правящим расистским классом и пролетариатом метрополии, которые одинаково обвиняются в том, что оба живут за счет колониальной эксплуатации»⁵⁶

Проповедуя расовое единство как некую «священную и нерушимую связь», антильские сторонники негритюда призывают мартиникацкий и гваделупский рабочий класс отказаться от своих классовых интересов во имя спасения так называемой антильской черной души.

Подобные сепаратистские теории современных идеологов негритюда идеально соответствуют империалистической политике раскола трудящихся при помощи расизма.

«Но империалистический враг, его союзники и сообщники бывают разных цветов кожи,— указывает американский марксист, Национальный председатель Компартии США Генри Уинстон.— Его штаб расквартирован и в Токио, и в Вашингтоне, и в Париже, и в Лиссабоне, и в Претории. Предатели народа в Судане, в Конго, в Гане, во Вьетнаме, в Гватемале, в Боливии, в Бразилии, в Парагвае, в Пакистане, на Филиппинах или в Гайане имеют кожу всех цветов. Самих угнетателей никогда не разделяет цвет кожи»⁵⁷

Не удивительно, что попытки приверженцев негритюда под тем или иным предлогом избежать классовой борьбы в конечном счете приводят даже отдельных прогрессивных представителей антильской интеллигенции на путь антикоммунизма. И в этом смысле весьма показательна эволюция духовного отца негритюда Э. Сезэра, который, впрочем, никогда не скрывал своего страстного желания быть «творцом мифов» в политике. Начиная с 1934 г. Сезэр сотрудничал с Л. Сенгором и Л. Дамасом, вырабатывая совместную концепцию негритюда. Позже, перейдя на позиции научного социализма, с 1945 по 1956 г., он являлся Генеральным секретарем ЦК Мартиниканской коммунистической партии (до 1957 г. входившей на правах федерации во Французскую компартию), и в этот период в его идеологии мистические элементы негритюда были смягчены.

После выхода из Компартии (1956) и создания своей мелкобуржуазной Мартиниканской прогрессивной партии (МПП) Сезэр становится открытым поборником доктрины негритюда в ее реакционном виде. В его письме к Морису Торезу (1958) содержится изложение основных политических аспектов идеологии негритюда, пронизанное пропагандой «национализма цветных» и резкими антикоммунистическими выпадами. И не случайно, что в ходе подобной эволюции уже к началу 70-х годов Э. Сезэр фактически оказался в одном лагере с ультралевыми, став лидером консолидации левацких националистических группировок в антило-гвианском масштабе. Так негритюд, эволюционируя вместе со своим создателем, привел Сезэра на платформу, где одновременно смешиваются элементы ультралевизны и правого оппортунизма.

Стратегия и тактика антиколониальной борьбы, построенная на мифе «расовой солидарности»,— идеологический абсурд: отвлекая массы от подлинной борьбы и исповедуя голую абстракт-

ную схему, антильские сторонники негритюда противопоставляют «белый» и «черный» миры как два непримиримых лагеря.

«Под предлогом сохранения особой черной культуры,— заявляет мартиниканский коммунист Р. Мениль,— теоретики негритюда хотели бы обойти молчанием тот факт, что расовая общность оказывается непрочной перед реальностью добровольного присоединения к делу мировой солидарности белых и черных пролетариев, поднимающихся против общего врага современного человека — капитализма и его высшей формы — империализма»⁵⁸.

Недаром «стратегия по признаку цвета кожи» обнаруживает свою полную несостоятельность при первом же столкновении с социальной реальностью, и наглядным примером такой реальности может служить современная Гаити.

Антильским вариантом практического негритюда, возведенного в ранг государственной политики, является режим диктатуры «черных» диктаторов Дювалье на Гаити. В теории и практике Франсуа Дювалье пресловутая идея «власть черным» поистине достигла своего апогея.

Придя к власти в 1957 г. и провозгласив себя «духовным вождем гаитянской революции», Ф. Дювалье демонстративно заявил, что все проблемы негров могут быть разрешены только с помощью теории негритюда. В работе «Классовые проблемы на протяжении гаитянской истории» Ф. Дювалье обстоятельно изложил свою собственную теорию негритюда, ставшую идеологической основой дювальеристской тирании⁵⁹.

С точки зрения Дювалье, движущей силой классовой борьбы на Гаити является расовый фактор. В силу этого, характеризуя классовую дифференциацию общества по расовому признаку, Дювалье делит гаитянское население на три основных категории — «мулатскую буржуазию», «средний класс» и «народ». Две последние категории, по мнению Дювалье, так тесно связаны, что в сущности на Гаити существуют лишь два класса — «класс мулатов», с одной стороны, и «класс негров» — с другой. И «классу черных» надлежит объединиться против «реакционной мулатской буржуазии».

Таким образом, все негры Гаити, независимо от их интересов, убеждений и социального положения, должны были объединиться вокруг личности Дювалье во имя так называемой социальной республики. Одержимый манией величия, Дювалье провозгласил себя гаитянским мессией, призванным смыть с негров «вековой плевок белых колонизаторов» и показать «величие черной расы». «Я — новая Гаити,— демонстративно заявлял Дювалье,— уничтожить меня — значит уничтожить саму Гаити. Я живу для нее, а она существует мною. Я — гаитянское знамя, единое и неделимое»⁶⁰.

Спекулируя на чувствах негритянского населения, составляющего подавляющее большинство страны, Дювалье постоянно

прикрывал свою диктаторскую сущность «африканизмом», представляя ее соответствующей «древним традициям предков» и «негритянскому складу души». Пользуясь суеверными предрассудками и невежеством гаитянских крестьян, он объявил себя «помазанником» африканских богов и даже самим богом, сконструировав миф о своем всеведении и всемогуществе.

Эта безудержная демагогия отнюдь не помешала тому, что режим Дювалье на Гаити снискал себе репутацию одной из самых кровавых диктатур на нашей планете. Жестокости, совершаемые в этой маленькой карибской стране, стали своего рода классическим символом дикого произвола. Как известно, опорой Дювалье являлась созданная им личная гвардия тонтон-макутов, бесцеремонно расправлявшихся с каждым, кто посмеет критиковать дювальеристский режим. За 14 лет президентства Ф. Дювалье (1957—1971) *, сопровождавшихся политикой кровавого террора, десятки тысяч гаитянских патриотов были убиты и брошены в тюрьмы, а сотни тысяч гаитян эмигрировали из страны. Политика «величия черной расы» привела Гаити к полной экономической разрухе, политическому маразму и крайнему обнищанию гаитянских масс.

Идея «расовой солидарности» Дювалье была призвана затуманить реальную природу классовых отношений, скрыть «присутствие» в гаитянском обществе «черной» буржуазии, истоки формирования которой восходят еще к началу XIX в. Гаитянский пример воочию показал, что «белизна кожи» не является критерием, определяющим истоки эксплуатации и угнетения, что феномен социальной несправедливости и беззакония может выступать (и выступает) и в облике негритянской буржуазии, негритянских помещиков, продающих свою страну империализму.

Как писал еще в 1934 г. Ж. Румэн, «черный буржуа ничуть не лучше какого-нибудь буржуа-мулата или белого, а негр-полицейский так же отвратителен, как и полицейский-мулат или белый» ⁶¹. И не удивительно, что в руках Ф. Дювалье лозунг «власть черным» превратился в духовное и политическое орудие подчинения негритянских народных масс классовым интересам правящей гаитянской верхушки. В теории и практике Ф. Дювалье идея «естественной общности черной расы» оказалась самой реакционной и примитивной разновидностью негритюда. Этот негритюд отнюдь не помешал гаитянскому диктатору чинить кровавые расправы над своими «братьями по расе», ибо убийцы гаитянских патриотов, орудовавших по приказу черного диктатора, были одного цвета кожи со своими жертвами.

---

* С 1971 г. президентом Гаити является сын Франсуа Дювалье — Жан-Клод Дювалье.

По определению гаитянского коммуниста Р. Дестра, негритюд Дювалье и его сторонников «является не чем иным, как антильской формой фашизма, главными жертвами которого оказались миллионы негритянских крестьян и трудящихся масс Гаити»⁶².

*

Подводя итог анализу антильского негритюда, необходимо еще раз подчеркнуть всю сложность и многогранность этой специфической идеологии, способной выступать как в прогрессивной, так и в реакционной форме. Рассматривая основные этапы эволюции негритюда (культурное движение — философская теория — политическая практика), необходимо прежде всего сказать: в той мере, в которой негритюд способствовал росту национального самосознания антильцев, он ознаменовал целый этап в борьбе против колониального отчуждения, за возрождение антильской культуры и самосознания народа.

В этот переходный исторический момент негритюд выступает как путь к цели, средство ее достижения, а не как конечная цель. Однако по мере того как из формы «защитного расизма», движения протеста против колониального угнетения он постепенно превращается в абсолютный культ негра, переходящий в опасную идею «власть черным», негритюд сам становится не чем иным, как идеологией «черного расизма». Ярким примером правого, реакционного, мистического негритюда может служить «черный расизм» дювальеристского типа на Гаити.

Не менее опасную тенденцию представляет собой и ультралевая разновидность антильского негритюда, возникшая в колониальных условиях как ответная реакция части мелкобуржуазной интеллигенции на французскую политику «мнимой департаментализации». При углублении на Французских Антилах процесса так называемой псевдоколонизации идеология негритюда рискует превратиться из законной формы протеста в опасную догму экстремистов, в «черный национализм», отражающий своего рода болезнь роста в антильском освободительном движении.

Выступая за тесную, органическую связь борьбы за национальное и социальное освобождение карибских народов, антильские коммунисты подвергают решительной критике как правые, так и ультралевые течения в негритюде, наносящие серьезный ущерб революционному освободительному процессу. Как отмечает Р. Мениль, вред подобных тенденций в негритюде состоит в том, что «черные подвергаются опасности утратить часть своих сил, ту часть, которую они могут и должны почерпнуть в солидарности со своими братьями по классу, белыми пролетариями»⁶³.

Выдвинув лозунг автономии как первый этап борьбы за полное национальное освобождение, как наиболее реальное и возможное решение проблемы статуса в данный исторический мо-

мент, мартиниканские и гваделупские коммунисты интегрируют расовую и национальную проблему в реальные рамки социальной, классовой борьбы. Продолжая лучшие традиции антильской негритюда 20—30-х годов, коммунисты Мартиники и Гваделупы видят в негритюде прежде всего утверждение антильской культурной самобытности, источник антиассимиляционистских идей и одно из средств мобилизации народа, утверждения его национального самосознания. И с этой точки зрения Мартиниканская и Гваделупская компартии сознают настоятельную необходимость «включить негритюд в общую борьбу за деколонизацию»⁶⁴.

Антильские коммунисты не отвергают идей, созданных людьми другой расы; в свою очередь негритюд в их понимании как признание антильской самобытности отнюдь не противоречит универсальности законов, открытых Марксом, и в соответствии с ними обозначает диалектическое единство всеобщего и частного, универсального и особенного.

3. НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ БАССЕЙНА КАРИБСКОГО МОРЯ

Особенности развития национализма в англоязычных странах бассейна Карибского моря (так называемой Британской Вест-Индии) обусловлены их политической историей и внутренней культурно-этнической ситуацией. Британские колонии до 60-х годов нашего века находились в стороне от мирового потока национально-освободительного движения. Затянувшаяся колониальная зависимость, а также африканское происхождение большей части населения способствовали определенному отрыву этого региона от социально-экономической и политической жизни Латинской Америки и заметному тяготению к африканским странам, переживающим сходную историческую ситуацию.

Необходимость борьбы за политическую независимость и дальнейшее самостоятельное развитие породили идеологию так называемого креольского национализма. В колониальной ситуации этот национализм, развившийся со временем в довольно широкое и социально неоднородное движение, стал идеологией национально-освободительной борьбы. Популярность идеалов и лозунгов национализма объясняется тем, что, с одной стороны, довольно низкий уровень общественного сознания и политического развития трудящихся масс делал их особенно восприимчивыми к такого рода идеологии, а с другой стороны, программа «креольских националистов» периода борьбы за независимость действительно отражала насущные задачи, стоящие перед странами Вест-Индии.

Однако уже в этот период стало очевидно, что идея единого «национального сообщества» и объединяющие цели борьбы против колониализма и угрожающей империалистической экспансии оказались не в состоянии преодолеть одну из самых сложных проблем Вест-Индии — проблему расовой и культурной гетерогенности, порожденную сосуществованием двух основных этнических групп: негров и индийцев. Первые из них — это потомки рабов, ввозимых с XVI в. из Африки для работы на плантациях. После отмены рабства в 1838 г. подавляющее большинство их переселилось в города, составив тот социальный слой, из которого постепенно выделялись промышленный пролетариат, мелкая и средняя буржуазия, интеллигенция. На плантациях же их заменили индийцы, массовый ввоз которых начался с 40-х годов XIX в. Приток индийских сельскохозяйственных рабочих был настолько значительным, что он существенным образом изменил состав населения. Так, на Тринидаде и Тобаго и в Гайане к началу 70-х годов XIX в. индийцы составляли более половины населения⁶⁵. Между этими общностями с самого начала сложились отношения недоверия и недоброжелательства, поскольку «городские» негры считали себя стоящими на более высокой ступени социальной лестницы, чем индийцы на плантациях. Принадлежность к разным расам, различные культурные и религиозные традиции усугубили взаимную неприязнь.

Зародившийся в этих условиях негритянский национализм приобрел двоякий характер: с одной стороны, он был закономерной реакцией на несколько столетий рабства и дискриминацию цветного населения⁶⁶, но с другой — он принял со временем агрессивный и дискриминирующий характер по отношению к индийцам. Таким образом, креольский национализм и так называемый негримз развивались параллельно, преследуя различные задачи. И если «креольские националисты» стремились к консолидации и сглаживанию расовых противоречий во имя целей политического и социально-экономического развития своих стран, то большинство негритянских националистов превыше всего ставили именно «расовый момент».

Зарождение креольского национализма в Вест-Индии относится к середине XIX в., когда формирующаяся местная буржуазия и креольская интеллигенция стали предпринимать первые попытки мобилизовать массы на борьбу за определенные уступки со стороны колониальной администрации, выдвигая националистические лозунги и апеллируя к идеалам независимости и социальных реформ. Затем, по мере развития, программа националистов становилась все радикальнее, а социальная база значительно расширилась. Особенно это движение усилилось после первой мировой войны, когда националистические лидеры (в основном выходяцы из мелкой и средней буржуазии и интеллигенции) становились во главе создававшихся в 20-е годы так называемых представительных ассоциаций и рабочих союзов,

стремясь внедрить в самые широкие массы народа идею политической независимости⁶⁷ Одним из таких лидеров был тринидадец А. Э. Киприани, основавший Ассоциацию трудящихся Тринидада и затем — Лейбористскую партию, с программой демократических преобразований и изменений в системе управления страны⁶⁸.

Уже в 30—40-е годы, выступая единым фронтом и выдвигая целый ряд прогрессивных задач, «креольские националисты» ратовали за создание прочного национального единства в своих странах. При этом одни усматривали основное препятствие для единства в расовой неоднородности населения⁶⁹, а другие считали возможным сглаживание противоречий между вест-индцами африканского и индийского происхождения посредством просвещения и сотрудничества в общих организациях. Так, за создание «многорасового союза» постоянно ратовал А. Э. Киприани, убежденный борец с расовыми предрассудками, выдвинувший лозунг: «Агитировать, просвещать, объединять!»

Что же касается проблемы политической независимости, то по этому вопросу мнения «креольских националистов» расходились: одни из них, стремясь к самоуправлению, стояли за сохранение определенных связей с Англией (это А. Э. Киприани, ямайки А. Бустаманте и Н. Мэнли). Другие же (например, тринидадец Э. Уильямс) были настроены более радикально и критически. Стремясь к осуществлению своих политических целей, молодые националистические лидеры (в большинстве своем интеллигенты с университетским образованием) искали себе поддержку в самых различных слоях населения. И их националистические идеи и лозунги действительно находили отклик в народных массах, мечтающих освободиться от господства метрополии и, что главное, связывающих с достижением независимости радужные надежды на социальные преобразования, тем более что в пропаганде националистов политические изменения и социально-экономические реформы выступали как взаимосвязанные.

Однако, как уже говорилось, одновременно с национализмом этого толка в Вест-Индии развивался и негритянский национализм, явившись идеологией определенной части «черной» интеллигенции. Родившееся в самосознании негритянского населения еще во времена рабства стремление что-то противопоставить угнетающему, презирающему и отрицающему его «белому миру», наряду с социальным протестом проходит через всю вест-индскую литературу на темы рабства⁷⁰ На смену психологическому комплексу, порожденному веками угнетения и дискриминации, — «походить на белых» — негритянские националисты выдвигают чувство «гордости быть негром». Но по мере того как пережитки рабства все больше изживались, в развивающемся обществе вест-индских стран «защитительное» содержание негритянского национализма сменялось гиперболизацией исклю-

чительности «черной души» и исторической судьбы «черной расы» и нарастающими тенденциями panaфриканизма.

Мощным внешним стимулом для развития этого национализма явилось всемирное panaфриканистское движение первой половины нашего века. Концепции и лозунги panaфриканизма (создание «нового негра», образ «Матери-Африки»; идея солидарности всех «черных людей») захватили негритянскую интеллигенцию Вест-Индии, не находящую средств для самовыражения в застойной атмосфере колониального общества. Именно Вест-Индия дала движению panaфриканизма такого выдающегося идеолога и организатора, как Маркус Гарви. Уроженец Ямайки, в 1916 г. он переехал в США, где надеялся найти осуществление своим замыслам в обстановке мощного негритянского движения 20-х годов. Начав свою агитационную деятельность в Гарлеме, он стал основателем Всеобщей ассоциации по улучшению положения негров и инициатором кампании по возвращению американских негров в Африку. Будучи высланным из США на Ямайку, он организовал в 1929 г. Народную политическую партию; однако колониальная администрация всячески препятствовала разворачиванию его политической деятельности, и вскоре он навсегда оставил родину, эмигрировав в Англию.

В идеологии Гарви нашли особенно яркое выражение основные положения того национализма, которое У. Фостер метко охарактеризовал как «негритянский сионизм»⁷¹. Сущность его состоит в неприятии норм капиталистического общества, трактуемого как некая обобщенная «белая цивилизация». Это и проповедь «особой души черного человека», и концепция Африки как обетованной земли всех негров. В своих выступлениях, статьях и поэмах Гарви стремился пробудить «чувство расовой гордости» и призывал к единению⁷².

Для Гарви, как и для других негритянских националистов, было характерно подменять социальные проблемы расовыми, а классовую борьбу трудящихся — сепаратизмом. Он был противником смешанных браков, отрицательно относился к мулатам и не принимал их в свою Ассоциацию. «Мы не ищем социального равенства, — писал он. — Мы не хотим вступать в брак с белыми людьми. То, чего мы просим, — это право иметь свою собственную страну, где мы могли бы развивать свою собственную культуру и цивилизацию»⁷³.

Идеи «черного Моисея» (как характеризовали Гарви его многочисленные последователи) имели большое влияние не только на формирование мировоззрения негритянской интеллигенции Вест-Индии, но находили также сочувственный отклик в широких народных массах. Многие из его поэм пелись как гимны; несмотря на запреты властей, негритянское население островов посылало к Гарви своих делегатов. Причины такого влияния следует искать в тяжелом социальном положении трудящихся негров, их политическом бесправии⁷⁴. Реальная ситуация их

стран не сулила им никакого улучшения жизни, поэтому путь, на который указывал Гарви, многим представлялся единственным.

Эти настроения находили отражение в образовании ряда сект (обычно группирующихся вокруг африканских культов — оуби, воду, шалтер-пакомания). «Братья» секты Растафари на Ямайке считали обетованной землей негров Эфиопию и собирались туда переселиться.

Характерные черты негритянского национализма и панафриканизма нашли отражение в мировоззрении и творчестве целого поколения негритянских интеллигентов Вест-Индии — литераторов, ученых и публицистов⁷⁵ и, в частности, известного поэта и писателя Клода Мак-Кея, так же как и Гарви, эмигрировавшего с Ямайки в США и участвовавшего в литературно-идеологическом движении «Гарлемного ренессанса» начала 20-х годов.

Таким образом, объединительным устремлениям креольского национализма противостояли определенно выраженные сепаратистские тенденции негритянских националистов, стремящихся выделить проблемы «черного населения» и противопоставить их общим задачам борьбы за политические и социальные преобразования в вест-индских странах.

Движение за самоуправление, автономию и независимость заметно усилилось после 1945 г.⁷⁶ Лидеры креольского национализма продолжали активную пропагандистскую и просветительскую работу в массах. Этой цели, например, служил так называемый Университет Вудфорд Сквеа на Тринидаде в 50-е годы, который способствовал установлению связей с широкими народными массами в подготовке их к грядущим политическим битвам; так, одна из лекций о конституционной реформе в 1955 г. закончилась призывом к массовым действиям. Особенную популярность у трудящихся приобрел Э. Уильямс (будущий премьер-министр Тринидада и Тобаго), сумевший одновременно заслужить репутацию «мудрого лидера» и у средней буржуазии, на поддержку которой также рассчитывали националисты. Горячий отклик встречали у народа социальные требования, выдвигаемые в этот период националистами: повышение жизненного уровня, улучшение условий труда, борьба с безработицей.

На эти годы приходится активная деятельность партий, созданных еще в 30—40-е годы: Народной национальной партии Ямайки, Прогрессивной лиги Барбадоса, Вест-Индской националистической партии Тринидада и Тобаго. Социальная база этих партий была довольно широкой и неоднородной: сельскохозяйственные рабочие, фермеры, мелкая и средняя буржуазия, интеллигенция. В основе их программ лежала идея самоуправления, а затем — независимого политического и экономического развития.

Однако единомышленники в лагере креольских националистов длилось только до 50-х годов. Затем на первый план стали вы-

двигаться не столько общие задачи независимости, сколько частные интересы каждого из островов. Поэтому концепция единой «карибской нации», выдвинутая в эти годы Э. Уильямсом, не встретила понимания и поддержки. «Карибская нация», в создании которой Уильямс видел единственный исторически перспективный путь дальнейшего независимого развития региона, мыслилась им как прочное политическое, социально-экономическое и культурно-психологическое единство. Однако большинство националистических лидеров выступали против любой идеи объединения, и особенно против созданной в 1958 г. по инициативе Англии Вест-Индской федерации и способствовали ее распаду в 1962 г.

После ликвидации Вест-Индской федерации на островах началась усиленная пропаганда «местного национализма»⁷⁷. Когда большинство этих государств к середине 60-х годов добились независимости, в каждом из них правящая националистическая элита стала ставить задачу формирования «единого национального сообщества» и заметно противопоставлять свои интересы интересам соседей, бывших соратников по борьбе за независимость. В каждой стране разрабатывались свои планы национального развития экономики и просвещения народных масс с целью создать чувство национальной общности.

Однако, как показало развитие политической и идеологической жизни региона в конце 60-х — начале 70-х годов, этим националистам было свойственно несколько преувеличивать степень единства и закрывать глаза на существование довольно сильных внутренних расовых противоречий. Эти противоречия накладывали заметный отпечаток на социальное и культурное развитие англоязычных стран Карибского бассейна, что особенно сильно проявилось в Гайане (бывшей Британской Гвиане).

Развитие националистического движения здесь с самого начала имело свою специфику, и разногласия в среде националистов Гайаны проявлялись уже в конце 40-х годов. Более радикальное крыло во главе с Ч. Джаганом рассматривало освободительное движение в своей стране как часть международного рабочего движения. Другие же считали, что любая связь между националистическим движением и, как они говорили, «коммунистами» приведет только к отсрочке независимости Гвианы⁷⁸. Созданная в 1950 г. индийцем Ч. Джаганом и негром Ф. Бернхэмом Народная прогрессивная партия (НПП) стремилась объединить интересы негритянского и индийского населения и направить усилия масс на достижение политической независимости и экономического развития. Расовые разногласия казались тогда вполне преодолимыми в процессе построения «нового и свободного общества». Однако это оказалось далеко не так, и когда в 1955 г. внутри НПП произошел раскол, «расовый момент» сыграл в этом не последнюю роль⁷⁹, хотя прогрессивные элемен-

ты партии приложили много усилий по сглаживанию расовых антагонизмов. Вскоре после раскола, в 1957 г., Бернхэм организовал свою партию — Народный национальный конгресс (ННК). Это было концом единого националистического движения Гвианы, крушением самой идеи национального единства, поскольку партия Бернхэма в какой-то мере способствовала сохранению расовой вражды и взаимного недоверия в массах.

Идеология и политика креольских националистов, ставших в 60—70-е годы у кормила власти в ряде государств, не представляла собой чего-то особенного и принципиально отличного от идеологии и политики большинства националистических лидеров в развивающихся странах, причисляющих себя к «третьему миру». В центре их программ продолжала оставаться идея независимого экономического развития. Создавались также свои «национальные модели» этого развития, как, например, программа установления «кооперативной республики», а позднее — «кооперативного социализма», выдвинутая в Гайане Ф. Бернхэмом, которая хотя и имела своей основной целью обеспечение «классового мира» во имя общенациональных интересов развития, содержала, однако, и ряд позитивных, социально-реформаторских моментов.

В последние годы антиимпериализм в идеологии многих националистических лидеров начинает все больше приобретать специфические очертания. На первый план выдвигается идея «исключительности карибского общества», образовавшегося в результате космополитического смешения различных рас и культур, что обуславливает якобы особый путь развития⁸⁰ и неприемлемость марксизма. Для идеологов этого толка характерно враждебное отношение к коммунистам и международному рабочему движению, как к чему-то, не имеющему никакого отношения к проблемам их стран. Антиимпериалистическая борьба все чаще трактуется как «восстание новых стран против господства влиятельных государств», широко используется тезис о «бедных и богатых нациях»⁸¹.

Политически это находит выражение в стремлении крепить связи со странами «третьего мира». Так, свою близость к освободительному движению «третьего мира» еще в 1956 г. декларировала партия Народное национальное движение (Тринидада).

Подобное развитие креольского национализма обусловило также и пересмотр точки зрения на взаимоотношения самих карибских государств: на смену сепаратизму 60-х годов пришло стремление к усилению регионального сотрудничества и единству действий в целях «коллективной экономической защиты»⁸², нашедшее отражение в идее создания Карибского содружества наций.

Что же касается негритянского национализма, то его развитию и усилению после достижения независимости странами Вест-Индии способствовал культурный плюрализм, который продол-

жал составлять одно из основных препятствий на пути консолидации общества бывших колоний. В то время как интеллектуальная негритянская элита стремилась к созданию национальной литературы и театра на основе «африканских ценностей и традиций», представители индийского населения — средних слоев — прилагали усилия к упрочению позиций индийской драмы и музыки, к дальнейшему развитию культурных традиций «Матери-Индии».

На дальнейшее развитие панафриканистских настроений и концепций в среде негритянской интеллигенции большое влияние оказало политическое и культурное пробуждение Черной Африки после второй мировой войны. В условиях колониальной Вест-Индии многие негры — литераторы, ученые и публицисты — были вынуждены искать в эмиграции, главным образом в Лондоне и Париже, применения своим способностям, возможность выразить себя в литературе и искусстве. Тесные контакты с молодыми интеллигентами из различных стран Африки и Америки породили у них чувство единства и общности интересов всей «черной расы». Эти связи, с одной стороны, стимулировали развитие дальнейшей борьбы за политическую независимость их стран, но, с другой стороны, способствовали укреплению идеи «африканской специфики» и недоверия к «белому миру». Социальный и расовый протест все больше уступал место «расовой мистике», откровенному национализму, который уже в начале 60-х годов стал заявлять о себе и в политике.

Так сложился определенный мировоззренческий комплекс негритянского интеллигента, который нашел образное отражение в художественной литературе 50—60-х годов. Типологически этот комплекс весьма сходен со многими вариантами концепции «культурной самобытности» в Африке. Характерной чертой этой идеологии является ее откровенная «антибелая» направленность. Питательной почвой ее служат еще живые в памяти народа ужасы непростого и психологически далеко еще не изжитого рабства, поэтому апелляция негритянских идеологов именно к этому моменту всегда находила горячий отклик в народных массах⁸³.

То обстоятельство, что большинство черного населения и сейчас занято самой тяжелой, неквалифицированной и низкооплачиваемой работой, обуславливает также популярность известного тезиса, выдвинутого Л. Сенгором: «Белый человек символизирует собой капитал, а черный — труд»⁸⁴. Тем самым классовые противоречия принимают видимость расовых противоречий (а нередко негритянские националисты сознательно стремятся придать им эту видимость).

Одним из наиболее важных стереотипов этой идеологии является образ «Матери-Африки», возникший еще в 30-е годы и в значительной степени отражавший стремление вест-индской негритянской интеллигенции обрести «национальные корни» и

«исторические традиции». Однако этот миф об «обетованной земле» всех негров со временем заметно эволюционировал. И если некоторые негритянские интеллигенты (например, известный писатель и поэт Э. Брэсуэйт, уроженец Гайаны), всерьез уверовав в этот миф и стремясь «снова стать африканцами», по несколько лет прожили в Африке, то соприкосновение со сложной и противоречивой реальностью молодых государств развенчало в их глазах ностальгический образ Африки как утраченного рая и значительно снизило притягательность идей panaфриканизма. Этот пересмотр нашел особенно отчетливое выражение в последней книге Э. Брэсуэйта⁸⁵.

Как уже говорилось, идеи и настроения негритянского национализма начинают играть все более заметную роль и в политической жизни вест-индских стран, нередко принимая очертания откровенно выраженного «черного расизма». Создается ряд групп и обществ, объединяемых лозунгом «власть черным». В основу этого все расширяющегося движения легли вновь введенные в обращение идеи и лозунги М. Гарви. Началом этого движения можно, по-видимому, считать создание в начале 60-х годов в Гайане организации «Новый мир», выпускавшей свой журнал. В качестве основной цели «Новый мир» объявлял свержение тогдашнего «индийского правительства» во главе с Ч. Джаганом. Вскоре аналогичные группы возникли и на островах. С идеей единого движения этого толка выступил У Родней, гайанский историк, сотрудник Вест-Индского университета на Ямайке. Основные задачи этого движения он видел в следующем: полный разрыв с «империалистическими белыми странами», захват власти в карибских странах и, наконец, культурная реконструкция общества в соответствии со «способом быть и мыслить», характерным для «черного человека». Таким образом, именно «черный расизм» определял содержание и направленность этой доктрины, несомненно реакционной и нацеленной на раскол демократических сил.

Аналогичной была и теоретическая позиция С. Кармайкла, одного из наиболее значительных идеологов движения «власть черным». Теоретики этого движения из числа университетской интеллигенции (Дж. Миллет, Н. Гирвен и др.) начали активную кампанию критики социально-экономической политики своих правительств, утверждая, что только реальное осуществление лозунга «власть черным» создаст условия для коренных, структурных преобразований.

Хотя правительство Ямайки выслало в 1968 г. У. Роднея, чтобы воспрепятствовать распространению его идей, импонирующих значительной части населения и подрывающих самые основы формирующегося «национального сообщества», оно не смогло предотвратить дальнейшее развитие этого движения. Так, в 1969 г. националистическая группа «Абенг» выпустила свое воззвание, а также стала издавать газету, запрещенную спустя

десять месяцев правительством. Эта группа со столь символическим названием * ставила своей задачей «укрепление расового самосознания негритянского населения и организацию его на дальнейшую борьбу за освобождение черного человека»⁸⁶.

Усилия группы «Абенг», направленные на то, чтобы внедрить в массы трудящихся идею необходимости смены существующего политического режима, не остались безрезультатными. Свидетельством этого явилась так называемая Февральская революция 1970 г. на о-ве Тринидад. Это была попытка националистической негритянской интеллигенции совершить переворот в стране, опираясь на поддержку самых широких слоев населения. Во главе этой «революции» стояла небольшая организация — Национальный комитет единого действия, которая в течение восьми недель руководила массовыми волнениями под лозунгом «власть черным». Группе молодых интеллигентов (ведущая роль принадлежала Дж. Гранджеру, недавно окончившему Вест-Индский университет) удалось мобилизовать несколько десятков тысяч сторонников, выдвинув ультранационалистический призыв: «Разрушить структуру белых!»⁸⁷

«Февральская революция» имела широкий резонанс во всех соседних странах и побудила их правительства обратить самое серьезное внимание на движение «власть черным», поскольку стало очевидно, что активизация деятельности негритянских националистов способна вызвать гражданскую войну. Поэтому начало 70-х годов отмечено кампанией по преследованию лидеров движения «власть черным», запрещению деятельности групп этого толка и конфискации работ их теоретиков и идеологов. Особенно активно эти меры проводились в Тринидаде и Тобаго и Барбадосе. Однако, несмотря на все принятые меры, дальнейшее развитие этого движения продолжалось. Теперь его лидеры ставили своей основной задачей налаживание агитационной работы в деревнях и общинах, готовя массы к новым политическим движениям.

Но если в островных карибских странах, правительства которых продолжают придерживаться курса на укрепление солидарности различных расовых групп и стремятся к урегулированию внутренних конфликтов во имя общих задач независимого развития, движение «власть черным» вызвало противодействие, то несколько иначе дело обстояло в Гайане. Здесь, поддерживая в своих политических целях раскол трудящихся, правящие круги во главе с партией ННК использовали на определенном этапе расистские настроения и способствовали развитию движения «власть черным». «Режим ННК поддерживает расовую дискриминацию, чтобы сохранить раскол в рядах трудящихся, которые страдают от этой политики», — писала в 1969 г. газета «Мирор», орган Народной прогрессивной партии Гайаны⁸⁸.

* Имитация звука сигнального рожка первых негритянских повстанцев.

Не удивительно, что в столь благоприятной атмосфере движение «власть черным», в самых различных его проявлениях, развивалось и усиливалось. Расистские призывы и концепции негритянских лидеров попадали на благоприятную почву, так как расовые противоречия между индийцами и неграми оставались печальной реальностью.

В 70-е годы поляризация сил по расовому признаку продолжалась. Это нашло отражение в организации новых групп, таких, как «Патриоты» (объединяющей в основном представителей негритянских средних слоев) и «Движение за запрещение дискриминации в Гайане» (индийцы). Для обеих этих групп (несмотря на их видимую антагонистичность) была характерна откровенная антикоммунистическая направленность и стремление отказать даже от общих задач антиимпериалистической борьбы, подменить их «борьбой против коррупции и расизма»⁸⁹, в которых обвиняется, естественно, противоположная расовая группировка и ее политические организации. Таким образом, представляется возможным говорить, что к ультранационалистическим позициям в Гайане тяготеют буржуазные идеологи не только негритянского, но также и индийского происхождения, однако в существующей политической ситуации страны более сильное и откровенное выражение получает именно негритянский национализм.

В последние годы на роль руководителя и идеолога движения «власть черным» претендует группа «Рэтун». В эту группу входят главным образом молодые негритянские интеллигенты. В их интерпретации концепция «власть черным» приобретает звучание одного из вариантов «особой революционности третьего мира». Ей присущи тезисы о «сверхдержавках», о «двух империализмах» и откровенный антисоветизм. «Третий мир» противопоставляется «белому миру» (Западной Европе, США и СССР) как «сельские районы — огромному мировому городу»⁹⁰

Однако стремление теоретиков этого толка идентифицировать понятия «черный мир» и «третий мир» свидетельствует о запутанности и неясности их исходной посылки. Такая идентификация не оставляет, казалось бы, места антагонизмам внутри этого «мира черных, коричневых и желтых» (как они любят повторять), между тем как их основной лозунг «власть черным» направлен в этнической ситуации Вест-Индии прежде всего против этих самых «коричневых» — индийцев. Подобная аберрация лозунгов единства «третьего мира» в условиях Гайаны особенно убедительно показывает несостоятельность и надуманность этого мифического братства, ибо даже в такой маленькой стране такого единства достигнуть пока не удалось.

Провозглашая свою солидарность с «третьим миром» вообще, негритянские националисты откровенно стремятся к расколу внутри общества своих собственных стран. В значительной мере этого, как уже говорилось, удалось достигнуть. Существующее

сейчас в Гайане политическое разделение по расовому признаку наносит огромный вред развитию демократического движения в стране, на что постоянно указывают представители прогрессивных сил и, в частности, Ч. Джаган: «Каковы бы ни были преимущества отдельных организаций белых и черных в США, в Гайане, где совершенно другая ситуация, это неоправданно. И если ведется борьба, направленная против империализма, будь она экономической, политической или идеологической, то нет необходимости в том, чтобы выражать ее в расовой терминологии»⁹¹.

И с социальной точки зрения лозунг «власть черным» является абстрактным и, как показывает уже опыт ряда африканских стран, утопичным. Такая постановка вопроса претендует на надклассовость в обществе, где среди негритянского населения существует разветвленная социальная дифференциация и интересы отдельных его слоев несомненно антагонистичны. Если же речь идет о передаче всей полноты власти негритянской буржуазии, то она и так стоит у кормила власти в большинстве этих стран. Именно «черные» (Бустаманте, Уильямс, Бернхэм) возглавляют ряд правительств, однако это не изменило до настоящего времени положения отсталости и нищеты.

По-видимому, и среди самих идеологов движения «власть черным» нет на этот счет общей и достаточно определенной точки зрения: так, С. Кармайкл весной 1970 г. призывал стрелять в Э. Уильямса, а политический деятель того же толка Э. Кайана агитировал за примирение с режимом «черного брата» Уильямса. Реальность свидетельствует о том, что панафриканистские идеи и теории солидарности всей «черной расы» сплошь и рядом отступают перед соображениями политической и классовой выгоды.

Существование и параллельное развитие двух видов националистической идеологии в странах Вест-Индии в значительной мере обуславливает политическую и социально-экономическую нестабильность, характерную для этого региона. Существующий раскол трудящихся по расовому признаку свидетельствует о глубокой порочности и реакционности такого критерия в подходе к решению насущных задач, стоящих перед этими молодыми развивающимися странами.

ЦЕРКОВЬ И НАЦИОНАЛИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В Латинской Америке католицизм традиционно является господствующей религией. Христианская идеология накладывает глубокий отпечаток на общественную психологию, национальный характер, культуру народов Латинской Америки.

Перед церковью в Латинской Америке ныне во весь рост встает проблема приспособления ее доктрин и методов к изменяющейся реальности, определения своей позиции в борьбе вокруг альтернатив общественного развития этого региона.

В настоящее время церковь оказалась в весьма сложной и трудной для нее ситуации. Борьба народов Латинской Америки за подлинное национальное освобождение и глубокие социально-экономические и политические преобразования как бы снизила значение религиозных «ценностей», разрушила религиозную монополию в области культуры, в том числе просвещения, способствовала внедрению светских организаций в сферы традиционной церковной общественной деятельности.

Озабоченная падением религиозной активности прихожан, сужением своего общественно-политического влияния, церковь занялась усиленными и энергичными поисками более эффективных методов своей деятельности, пытаясь привести их в соответствие с новыми явлениями в общественной жизни стран Латинской Америки. «Социальный вопрос», тему развития континента, место Латинской Америки в мире церковь превратила в главные направления своей политики.

С особой неотложностью перед церковью встает проблема выработки позиции в отношении революционных, освободительных процессов, развертывающихся в латиноамериканском регионе. А влияние этих процессов на религиозные круги неуклонно возрастает.

В Декларации Совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна сдвиги, происходящие в религиозных кругах, характеризуются следующим обра-

зом: «Христиане, особенно католики, рядовые священники и даже некоторые представители высшей церковной иерархии все более активно участвуют в народной борьбе за национальный и социальный прогресс. Их воодушевляет идея о церкви, стоящей на стороне народа, как в Бразилии и некоторых других странах, и отвергающей компромисс с реакцией и империализмом. Видные представители церкви выступают против фашистского террора, за демократические права и социальный прогресс»¹.

Идеологические течения в церкви отражают состояние христианского движения в Латинской Америке, борьбы в его рядах. Здесь довольно четко просматривается реформистское направление, за которым идет большинство, что свидетельствует о степени радикализации христиан, и консервативное, которое сейчас явно теряет свои позиции и влияние. Официальная церковь в лице ее высшего координационного центра — Латиноамериканского совета епископов — стремится примирить крайности, выработать среднюю, приемлемую для противоборствующих сил идеологию. Все более широко используется в этих целях идеология буржуазного национализма.

В той или иной степени во многом аналогичные течения существуют и в протестантизме.

1. БУРЖУАЗНО-РЕФОРМИСТСКИЙ ВАРИАНТ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ В КАТОЛИЦИЗМЕ

Важной вехой в развитии идеологии католицизма в Латинской Америке в смысле попытки примирить ее «вселенский» характер с национализмом явилась вторая Генеральная конференция епископов, созванная осенью 1968 г. в Медельине (Колумбия). Особое значение конференции подчеркивалось пребыванием в то время в Колумбии папы Павла VI, выступавшего с призывами ускорить проведение социальных преобразований в латиноамериканских странах. Конференцию в Медельине не без основания называют «Ватикан II Латинской Америки». Хотя проблемы национализма не были предметом специального рассмотрения конференции, позиция верхушки католического духовенства в этих вопросах прослеживается при анализе ее подхода к другим общественным явлениям.

Выяснение вопроса «церковь и национализм» затрагивает всю догматическую сторону католицизма, которая исходит из учения об универсальном, космополитическом характере христианства. Присущее ему абстрагирование человеческой личности, взятой вне социально-экономических условий, означает равенство всех людей перед богом и единство их в боге. Христианство превращается в духовное отечество для всех людей. Универсализм

современного католицизма все более базируется на христианской концепции гуманизма, представляемой богословами как единственная полноценная основа человеческой жизни.

«Национализм изолирует народы во вред их действительному благу»,— говорил папа Павел VI в энциклике «Прогресс народов».

Основу проблемы «церковь и нация», как явствует из документов Медельина, составляет признание исторического характера церкви: она не стоит над обществом, не является нейтральной по отношению к нему, а связана с ним жизнью и судьбой. Тем самым церковь как бы теряет нечто от созданного ею самой образа как организации универсальной, внеисторической, вечной. Но зато она приобретает более ценное в настоящий момент качество — становится соучастницей действий и союзницей того большинства населения, которое стремится к преобразованию этого «несправедливого и жестокого» общества. «Не должно быть разделения между верой и жизнью. Церковь пережила вместе со всем обществом бурную историю Латинской Америки, поэтому члены церковной организации с полным правом могут считать себя латиноамериканцами»,— говорится в Обращении конференции епископов к народам Латинской Америки.

Признание церкви как организации временной, связанной с определенными историческими условиями, означает признание историчности и тех общественных структур, в рамках которых действует церковь. Наступивший ныне исторический этап в развитии стран Латинской Америки характеризуется стремлением к искоренению неокOLONиализма, к самостоятельному и независимому развитию. Исходя из этой оценки, церковь и определяет свою позицию.

Католицизм не дает определения нации, национального государства — они подразумеваются как нечто само собой разумеющееся и в общем означают обособленную, саморазвивающуюся экономическую, политическую, культурную общность людей. За нацией признается также ее история, ее духовные ценности, в том числе религиозные. Высшие церковные иерархи с трибуны Генеральной конференции призывали католические общины всю свою деятельность вести с учетом национальных особенностей.

Вместе с тем прозвучало предупреждение об «опасности преувеличенного национализма», ведущего к недоверию и конфликтам между нациями, в то время как они в силу слабого развития их национальной экономики нуждаются в объединении усилий. Это отрицательное отношение к «преувеличенному национализму» в первую очередь — дань католическому транснационализму* Но в целом идея транснационализма в материалах Ме-

---

* Надо отметить, что в ряде случаев критика церковной иерархией «чрезмерного национализма» служит своего рода средством осуждения политики дик-

дельина затушевывается. На первый план выступает требование единства церкви и развивающихся независимых латиноамериканских государств. В этой связи все большее внимание уделяется задачам церкви в рамках нации.

Лейтмотивом принятых в Медельине решений является своего рода националистический призыв к национальному миру, согласию, единству, интеграции, солидарности и т. п. Недостаточная «социально-культурная» интеграция и отсутствие солидарности различных социальных классов — вот источник политической нестабильности и наличия несправедливых общественных структур в странах Латинской Америки, заявляют епископы. Подлинное свободное национальное развитие Латинской Америки возможно только при условии преодоления существующих среди различных общественных групп антагонизмов. Без единства нет свободы. Национальное единство должно осуществляться во всех областях: социальной, политической, культурной, расовой, религиозной².

Еще совсем недавно основанием для такого единства считались религия и вера. Догмату веры о единстве всех перед богом давалось такое широкое толкование, что он охватывал все стороны общественной жизни и подразумевал примирение классов, оправдывал иерархическое деление общества. Ныне церковники вынуждены давать более «земное» толкование проблеме единства. Все национальные проблемы должны решаться, по их заявлениям, не единолично властью имущими, а с учетом мнений и точек зрения различных общественных классов, организаций, групп. При этом оценки и критерии должны, по их словам, быть исключительно латиноамериканскими, так как заимствование их извне внесет еще большее отчуждение³.

В целях консолидации нации конференция епископов призвала поощрять создание различных национальных организаций и объединений, особенно «низших» классов, чтобы дать им возможность «принять участие в конструировании нового общества». Особое внимание она уделила вовлечению сельского населения в экономическую, культурную, политическую жизнь нации. Важная роль отводится церковью молодежи. Епископы признали, что молодежь обладает специфическим мировоззрением. К ней необходимо найти соответствующий подход, чтобы интегрировать ее в общество⁴.

Целям национальной консолидации должна быть подчинена идеологическая деятельность по развитию социального сознания

таторских, правоавторитарных режимов. С таких позиций чилийский епископ осудил шовинистический национализм военно-фашистской хунты, идеологи которой наклеивают ярлык «антипатриота» на всех тех, кто является ее противником. Католическая церковь выступила против «агрессивного национализма, пытающегося утвердить превосходство собственной родины, принижая родину других» (цит. по: «Проблемы мира и социализма», 1976, № 3, с. 66).

масс. Ныне это один из самых популярных лозунгов латиноамериканской теологии. Работа по претворению его в жизнь должна вестись различными общественными, в том числе и церковными организациями, а также через систему просвещения. Вообще просвещение с его огромными всесторонними возможностями рассматривается как «самая производительная сила нации» и перед ним в первую очередь ставятся задачи способствовать национальной интеграции и национальному развитию⁵.

В документах Медельина содержится воззвание к трансформации общественной структуры и «освобождению людей от рабства, в которое их повергли голод, нищета, угнетение и иного рода социальные несправедливости». При этом одной из важнейших причин такого положения прямо называется система неокOLONIALИЗМА.

Совет епископов категорически отрицает насилие как способ решения назревших проблем, предлагая в качестве наиболее приемлемого варианта достижение справедливости и мира, «динамичное действие сознательных и организованных народных секторов». Этими действиями они должны оказать давление на официальных лиц, от которых зависит принятие решений. Рост сознательности широких масс, особенно молодежи, и их политическая активность заранее планируются и соответственно направляются. Все это, как надеется иерархия, даст возможность «избежать катаклизмов и незапланированных акций»⁶.

Таким образом, задачи построения справедливого мира могут быть решены, согласно данной схеме, путем развития общественных организаций, а в них — духа личной и коллективной ответственности. Этому в конечном счете и должна служить широкая программа внедрения в массы социального сознания. Большое значение придается пропаганде новых моральных принципов: подчеркиванию достоинства всех людей, формированию нового идеала дисциплинированной и самостоятельно ответственной личности. Вместе с тем церковь призывает господствующие классы и политическую власть к «благоразумию» и осознанию своей ответственности перед обществом. Эти постулаты рассматриваются в качестве альтернативы «разрушительному насилию»⁷.

Отношение церкви, вернее, ее верхушки в лице епископов, к строительству независимых национальных государств в Латинской Америке вполне отвечает нормам и стандартам буржуазной националистической идеологии: те же лозунги борьбы с империалистическими монополиями за национальное независимое развитие, те же предложения национального единения, но отнюдь не в ущерб привилегиям господствующих классов. В разработанной высшими церковными иерархиями концепции достижения национальной интеграции отсутствует классовый анализ, нет более или менее ясной социальной перспективы. Вместо этого стыдливое упоминание о «бедных классах», которых церковь

готова поддерживать и патетические высказывания о «справедливом обществе»⁸.

В проблеме «церковь и нация» важно выяснить, как церковь определяет свое общественное место, каковы ее претензии на участие в создании самостоятельного национального государства.

Касаясь перспектив социального развития Латинской Америки, церковники выступают с критикой как «либерального капитализма», так и того, что они называют «марксистской системой». Первый их не устраивает из-за всеильной власти капитала и порождаемой им дискриминации. Марксистская же система, по их словам, слишком большой упор делает на коллективизм и имеет «тоталитарную концепцию государственной власти». Католическая церковная иерархия, верная своему реформистскому подходу к решению социальных проблем, вновь и вновь обращается к правящим классам, призывая их пойти на уступки, не отворачиваться от назревших социальных перемен⁹.

В медельинских документах всячески подчеркивается организующая роль церкви в христианском движении. Церковь не дает практических решений, а выступает как носитель морально-этических ценностей. Сегодня в Латинской Америке наибольшую популярность и авторитет приобрели те из этих ценностей, которые способствуют строительству национальной экономики, возрождению национальной культуры и созданию национального интегрированного сообщества. Именно с этими лозунгами и выступает латиноамериканская церковь на современном этапе.

Касаясь направления социальных изменений, церковники заявляют, что они поощряют формирование «национальных обществ». Свою задачу в этом плане они видят в развитии образовательной деятельности, которую считают «абсолютно необходимой и важнейшей для воспитания политического и социального сознания христиан, привития им общественных навыков». При чем здесь речь идет не о специфически церковной системе обучения, а «обо всех инициативах, вносящих вклад в формирование человека».

На конференции в Медельине отмечалось, что Латинская Америка едина и множественна, богата разнообразием своего культурного наследия и различна в конкретных проявлениях каждой страны. Поэтому церковь должна быть компетентной в вопросах национального развития отдельных стран и соответственно строить свою деятельность¹⁰.

Для латиноамериканского католицизма и в настоящее время характерны традиционные притязания на духовный гегемонизм. Тем симптоматичнее отдельные высказывания, прозвучавшие на конференции, о том, что церковь не может претендовать на роль господствующей идеологии, и, учитывая светский плюрализм, является лишь одной из общественно-политических сил. В этом в известной степени отразились попытки некоторых кругов церкви найти точки соприкосновения со светскими движениями

националистического толка, выступить в этом плане их союзниками.

Универсальный, космополитический характер католицизма не позволяет церкви ставить своей целью самоутверждение нации. Поэтому требования признания и защиты национального развития, национальной независимости и единства сопровождаются постоянными призывами к союзу и равенству наций, предупреждениями против национального изоляционизма.

Решения Медельина не получили единодушной поддержки различных кругов церкви. Консерваторы сочли эти решения слишком смелыми и рискованными, их оппоненты — половинчатыми и расплывчатыми. Но повсюду в Латинской Америке заговорили о «духе Медельина».

Признав позитивное значение социального развития и направив свои усилия и энергию на его религиозное обоснование, латиноамериканская церковь подвергла себя серьезным испытаниям. Потребовался существенный пересмотр социальной доктрины, взаимоотношений церкви с различными социальными группами, переосмысление своей общественной роли. В католической церкви Латинской Америки идет глубокая идеологическая борьба по вопросам национального развития, роли и места церкви в социально-экономических и политических преобразованиях. Зачастую эта борьба характеризуется выдвижениями националистических лозунгов, которые в зависимости от того, какое течение их отстаивает, наполняются самым различным социальным, классовым содержанием.

2. ЛЕВОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В КАТОЛИЦИЗМЕ

Под влиянием резкого обострения классовых и социальных конфликтов и антагонизмов в латиноамериканском католицизме значительно усилилось леворадикальное течение. Его представители связывают перспективы общественного развития с антикапиталистической альтернативой, признавая правомерность использования, если необходимо, революционных, насильственных методов. Некоторые из них открыто выступают за социалистическое переустройство общества¹¹. Своего рода знаменем радикального крыла в католицизме стал колумбийский священник Камило Торрес, который погиб с оружием в руках в начале 1966 г., участвуя в партизанском движении. Анализируя радикализацию настроений в религиозной среде, латиноамериканские коммунисты подчеркивают: «Движения священников и пасты, которым близки проблемы трудящихся и всей страны, вносят свой существенный вклад, а их участники на собственном опыте убеждаются в необходимости единых действий против общих врагов. Иногда они принимают форму активного протеста, о чём свиде-

тельствует героический пример Камило Торреса, открытого противника антикоммунизма и неустанного борца за народное единство, павшего в партизанской борьбе»¹².

В организационном отношении леворадикальные течения представлены рядом национальных и континентальных объединений: «Движение имени Камило Торреса» и «Движение священников в защиту третьего мира» в Аргентине, группа «Голконда» в Колумбии, «Национальный центр социальной информации» (ОНИС) в Перу, «Христиане за социализм» в Чили, «Священники за народ» в Мексике и др.¹³ Это более или менее массовые организации, имеющие свои политические программы, а иногда и печатные органы. Одни из них действуют на протяжении уже ряда лет, другие вынуждены были прекратить свое существование под натиском реакционных сил. Но все они в той или иной степени внесли свой вклад в комплекс идейно-политических воззрений, характеризующих левое течение в католической церкви. В их представлении церковь не может быть надклассовым, нейтральным институтом, так же, как христиане, она не должна быть в стороне от классовых битв.

Они глубоко убеждены в том, что главным предварительным условием подлинно независимого экономического и культурного развития нации, ее единства является не только свобода от внешней эксплуатации (империализма), но и глубокая внутренняя общественно-экономическая перестройка. Поэтому борьбу с империализмом они рассматривают не как самоцель, а как одно из направлений широкой борьбы со всеми формами угнетения. Едва ли не единственный смысл существования веры и церкви авангардисты видят в участии церкви в широком движении национального освобождения. В этом, по их мнению, будет состоять ее очищение от грехов прошлого и превращение в «народную церковь».

Несмотря на некоторые различия во взглядах представителей леворадикального течения в католической церкви, в общем они выступают с позиций, как они заявляют, «революционного национализма». Ими поддерживается тезис об «особой» революционности народов «третьего мира», превозносится бунт «бедных» наций против «богатых», они заявляют о стремлении внести свой вклад в борьбу за освобождение не только Латинской Америки, но и всех стран «третьего мира»¹⁴.

Большое внимание в теоретических построениях левых католиков отводится определению и толкованию понятия «революция».

Широкое политическое и теологическое осмысление революции, например, содержится в программных документах «Движения имени Камило Торреса», одного из первых объединений левых католиков, организованного в Аргентине вскоре после гибели этого колумбийского священника. Участники движения оказались под сильным влиянием мировоззрения Камило Торреса.

Главный лозунг движения «камилистов» сформулирован следующим образом: «Долг каждого христианина быть революционером. Долг каждого революционера делать революцию». Революционное движение в Латинской Америке «камилисты» рассматривают как часть революционного движения народов стран «третьего мира», а самое глубокое противоречие современности они усматривают в противоречии «между странами богатыми и обнищавшими, между силой эксплуататоров и слабостью ограбленных наций»¹⁵. Эту точку зрения разделяют и участники «Движения священников в защиту третьего мира». Они объявили народы «третьего мира» «пролетариатом человечества наших дней»¹⁶.

Такова глобальная оценка леворадикальными католиками места и роли Латинской Америки в современном мире и их взгляд на всемирный революционный процесс. Все это свидетельствует о сильном влиянии, которое оказывает на них национализм. Из своей принадлежности к странам «третьего мира» — мира революционеров, как они его называют, «камилисты» делают вывод о необходимости скорейшего проведения революции любыми средствами, что сближает в этом плане их позиции со взглядами ультралевых. Католики-революционеры, агитируя за насильственные способы борьбы с существующим порядком, пытаются в христианском же учении найти оправдание своей позиции. Ссылаясь на высказывания Камило Торреса, они предлагают рассматривать революцию как высшее проявление любви. Вслед за Камило Торресом они цитируют Евангелие: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Революция, вооруженная борьба и есть выражение любви к угнетаемому и эксплуатируемому большинству. Только революция накормит голодного, даст крышу бездомному, вылечит больного, вернет человеческое достоинство нищему, даст свободу эксплуатируемому, сделает счастливым несчастного, вернет веру в жизнь и в людей, претворит в жизнь заповедь братства путем солидарности всех людей». Так писал Гарсиа Элоррио в журнале «Христианство и революция», главном печатном органе «камилистов»¹⁷.

«Система не будет разрушена, если мы не сумеем заставить массы осознать необходимость борьбы за социализм и возможность революции»¹⁸, — заявляли «камилисты».

Заметно отличается от всех перечисленных выше авангардистских христианских организаций объединение «Христиане за социализм». Оно возникло в Чили в 1971 г. в период пребывания у власти правительства Сальвадора Альенде. Поляризация политических сил и острая классовая борьба в стране, ориентация правительства на строительство социализма наложили свой глубокий отпечаток на идеологию этого объединения левых священников. Уже в самом названии организации подчеркивается ее основная направленность. Ни одна из организаций левых

христиан не имела такого четкого представления о целях своей борьбы, каким обладали члены группы «Христиане за социализм». Революция происходила на их глазах, и свой христианский долг они видели в том, чтобы способствовать ее развитию и строительству социализма. Понятие «революция» у них наполняется более определенным социальным, классовым содержанием. «Сегодня позиция всех людей на континенте, следовательно и христиан, независимо от того, сознают они или нет ситуацию, определяется историческим динамизмом классовой борьбы в процессе освобождения»¹⁹, — говорят сторонники движения «Христиане за социализм». В этих условиях христианство как институт, как идеология и форма сознания не может стоять над классовыми битвами, быть нейтральным. Его нейтралитет означает пособничество колониализму. Поэтому единственную возможность утвердить христианство в современном мире, доказать его историческую необходимость участники движения видели во включении его в политическое действие, направленное на освобождение континента от всех форм угнетения, и в построении социализма²⁰. Они пришли к выводу, что социальную базу революции составляют рабочий класс и крестьянство и что только эта сила способна разрушить капиталистическую систему. Они даже заявляли, что сознают необходимость завоевания власти рабочим классом. В этом участники движения видели главное условие успешного строительства подлинного социализма, ведущего к уничтожению классовых антагонизмов, понимая, что только при социализме возможно бесклассовое общество. Члены этой организации не конструировали своей модели социализма. Особая миссия священнослужителей состояла, по их мнению, исключительно в поддержке борьбы рабочего класса и всех угнетенных.

Основным смыслом своей деятельности члены организации «Христиане за социализм» считали подготовку и формирование революционного общественного сознания, прежде всего путем всесторонней критики капиталистического строя, пропаганды нового общественного устройства, организации широкого фронта борцов-революционеров. Их практическая деятельность в этом плане была направлена на работу в массовых общественных организациях.

Платформу чилийского объединения «Христиане за социализм» можно рассматривать как сегодняшний высший уровень политической и классовой сознательности радикально настроенных христиан Латинской Америки. Появление такой организации свидетельствовало о том, что идеология церковных авангардистов все еще находится в процессе формирования и сильно подвержена влиянию сложившейся в той или иной стране политической ситуации. После фашистского переворота в сентябре 1973 г. она вынуждена была прекратить свое существование.

Левые католики не рассматривают себя как ограниченную,

доступную лишь узкому кругу избранных, организацию. В своих заявлениях и декларациях авангардисты постоянно подчеркивают, что они ориентируются на массы, стремятся к созданию широкого объединенного фронта революционеров. «Обездоленные и рабочие должны объединиться, так как в единстве их сила и способность добиться установления справедливости»²¹, — записано в «Манифесте епископов третьего мира». А перуанские священники левых убеждений сделали главным своим принципом солидарность всех борющихся угнетенных классов: «Быть христианином — значит быть солидарным», — заявляют они.

Идейно-политические концепции католических организаций леворадикальной ориентации свидетельствуют о том, что они подходят к пониманию идеи классовой борьбы. «Христиане должны активно и срочно принять участие в латиноамериканской революции, как это уже делают многочисленные наши братья... Борьба классов должна быть воспринята всеми христианами как следствие страшных бесчеловечных условий, из которых пытаются вырваться массы рабочих и крестьян Америки... Христиане должны включиться в эту борьбу классов, находясь всегда на стороне тех, кто страдает от эксплуатации и угнетения»²², — говорится в одном из документов «Движения имени Камило Торреса».

Подобным подходом к оценке латиноамериканской действительности и ее исторических перспектив христианские авангардисты способствовали подрыву таких реакционных традиций в Латинской Америке, как антагонизм между католиками и протестантами и антикоммунизм. Ныне католики-радикалы стоят на тех же самых прогрессивных позициях, что и протестанты-радикалы, и выступают совместно с ними в борьбе за национальное освобождение от всех форм угнетения. Нередко этот союз приобретает демонстративный характер в отношении реакционной верхушки обеих церквей. Ныне у левых группировок обеих религий гораздо больше противоречий и разногласий с верховными иерархами своих церквей, чем между собой.

В своих заявлениях левые христиане говорят о стремлении к диалогу со всеми людьми, в том числе и неверующими, ради построения совместными усилиями нового, гуманистического общества без эксплуатации. К «искреннему и благоразумному» диалогу с исповедующими иные религии и неверующими католическая церковь призывала для «правильного строительства этого мира» еще на втором Ватиканском соборе. Особенность предлагаемого левыми диалога в том, что он мыслится как практическое революционное действие.

Признавая себя союзником трудящихся и всех угнетенных, вступив на путь классовой борьбы, радикально настроенные христиане неизбежно пришли к отрицанию антикоммунизма и заявили о своем желании установить с коммунистами широкие контакты. Первым, кто пробил брешь в традиционном христиан-

ском антикоммунизме в Латинской Америке, был Камило Торрес. По его словам, коммунистическая теория абсолютно соответствует его научным убеждениям в отношении социально-экономических проблем и компартию он признавал подлинно революционной силой²³; «антикоммунизм — это знамя олигархии, чтобы с его помощью эксплуатировать и угнетать народ»²⁴, — говорил Камило Торрес. В издававшемся им еженедельнике «Единый фронт» было опубликовано так называемое «Послание отца Камило коммунистам», в котором, в частности, говорилось: «Я не являюсь антикоммунистом ни как колумбиец, ни как социолог, ни как христианин, ни как священник... Антикоммунизм направлен на преследование непокорных соотечественников, и коммунистов и некоммунистов, большинство из которых составляют бедняки. В предложениях коммунистов содержатся эффективные и научные решения проблем нищеты, голода, неграмотности, отсутствия жилищ, а антикоммунизм осуждает вкуче все то, что защищают коммунисты, т. е. одновременно и справедливые, и несправедливые их предложения. Это уже не по-христиански.

Я не являюсь антикоммунистом как священник... потому что среди коммунистов может быть много истинных христиан.

Я не думаю приводить моих братьев-коммунистов к принятию догмы и практиковать культ церкви. К чему я действительно стремлюсь, так это чтобы люди действовали по своей совести, беспрестанно искали правду и по-настоящему любили своего ближнего.

Коммунисты должны знать, что я не вступлю в их ряды... Однако я готов бороться вместе с ними за общие цели: против олигархии и господства США, чтобы взять власть для народа»²⁵.

Эти взгляды Камило Торреса легли в основу взаимоотношений радикально настроенных христианских кругов с коммунистами Латинской Америки.

Тот диалог и союз, который левые христиане предлагают сегодня коммунистам, имеет одну существенную особенность. Они не хотели бы вдаваться в идеологические разногласия и в анализ марксизма, так как это-де слишком «высокие материи», которые уведут в сторону от основной задачи — политического действия. В марксизме их привлекает его революционное содержание, и это они считают вполне достаточным для союза. Чилийские «Христиане за социализм» рассматривали как необходимое, долгосрочное и своего рода исключительное условие дальнейшей радикализации христианства союз с коммунистами. «Сознание стратегического альянса христианских революционеров и марксистов в процессе освобождения постоянно возрастает. Это должен быть стратегический альянс, который преодолет все кратковременные тактические или случайные союзы и который означает всегда совместное политическое действие, направленное на определенную историческую перспективу всеобщего освобождения. Это историческое единство политического действия не ведет

к тому, чтобы христиане оставили свою веру. Напротив, оно придаст больший динамизм их надеждам на будущее христианства»²⁶, — так говорилось в Заключительном документе первой встречи «Христиане за социализм».

Единство всех прогрессивных и демократических сил, к которому призывают и за которое борются левые христиане, расценивается ими как залог не только успешной борьбы за освобождение от всех форм угнетения, но и построения будущего справедливого общества. Такое общество мыслится ими как социалистическое.

Следует отметить, что при конструировании социалистической «модели» националистические элементы в идеологии левых христиан выступают довольно отчетливо.

Большое внимание концепции социалистического общества уделено в документах «Движения священников в защиту третьего мира». Его идеологи предлагают свою «модель» социализма, который они характеризуют как «национальный», «народный», «гуманистический» и, наконец, «критический»: национальный — не подчиненный никаким внешним влияниям, имеющий свою национальную специфику; народный — участие самого народа в решении своей политической судьбы, создание народных органов власти; гуманистический — превыше всего ставится человек с его культурными и духовными потребностями. И, наконец, критический социализм — это постоянное обновление общества²⁷. Экономическая основа нового общества мыслится следующим образом: «Средствами производства люди будут владеть на основе законного решения народа, а не государственной коллективизации. Будет осуществлена система социализированной собственности. Социализация средств производства означает необходимость экономической демократии, которая позволит осуществлять общественный контроль и активное участие народа в планирующих органах и экономическом управлении средствами производства»²⁸.

Нетрудно увидеть связь подобного рода постановки вопроса с концепцией «национального социализма», которая, как уже говорилось, получила за последнее время столь широкое распространение в странах Латинской Америки, а также в странах Азии и Африки. Не случайно, например, члены группы ОНИС в Перу говорят о «перуанском социализме», а группа «Голконда» провозглашает свою приверженность к «колумбийскому социализму». Выступая за чисто «национальный», «автохтонный» социализм, пропагандисты этих взглядов одновременно стремятся представить его составной частью «особой» идеологии «третьего мира», которая, по их утверждению, призвана создать «новую» социалистическую теорию. Тем самым сторонники подобных взглядов вкладывают в свою трактовку социализма явно националистическое содержание, связывают его с «особой революционностью третьего мира». Хотя они кое-что и заимствуют из марк-

сизма, однако проявляют явную предубежденность в отношении теории научного социализма, приписывают ей якобы негативное отношение к учету национальных особенностей тех или иных стран, абсолютизацию интернационального в ущерб национально-особенному, специфическому. Такое превратное представление о реальном социализме связано также и с тем, что нередко пропагандисты подобного рода взглядов зачисляют Советский Союз и другие социалистические страны в разряд «богатых наций», которым противостоят «нации бедные», со своими собственными духовными, идейными ценностями.

Все это предопределяет тот факт, что при конструировании схемы будущего социалистического общества у левых христиан отсутствует научный метод, в их «моделях» национальных социализмов остается достаточно места и для христианской теологии, и для социалистических утопий прошлого века. Здесь открывается большой простор для рассуждений о христианской солидарности в будущем обществе, о необходимости «евангелических ценностей» при социализме и о возможном большом «вкладе» христиан в построение социализма. «Истинный социализм,— пишут они,— может быть в виде интегрального христианства, основанного на справедливом распределении благ и равных правах».

Естественно, что подобные теоретические построения о социализме ничего общего не имеют с социализмом научным. Да и само понятие «бедные и обездоленные», к которому часто обращаются левые католики, таит в себе немало неясностей, поскольку здесь классовый подход подменяется христианской евангельской терминологией. Однако сам факт выдвижения социалистических лозунгов, обращения к трудящимся массам является весьма положительным и несет в себе солидный заряд активного гуманизма²⁹.

Несмотря на все очевидные слабости и противоречия левохристианской «модели» социализма, порой утопические мечтания и представления ее творцов, нельзя не видеть, что за короткий десятилетний срок латиноамериканское христианство значительно эволюционировало влево. Часть служителей церкви сумела шире посмотреть на мир, критически отнестись к церковной догме и традиции и, преодолев сомнения и страх, открыто заявить о своем позитивном отношении к марксизму, о необходимости союза с коммунистами, о своем социалистическом общественном идеале.

В этом плане показательна латиноамериканская конференция верующих, проходившая в Сантьяго (апрель 1972 г.); в ней наряду с католиками участвовали и протестанты. Конференция выступила за объединение всех антиимпериалистических сил в борьбе за переустройство латиноамериканского общества на социалистических основах. «Латиноамериканский революционный процесс,— говорилось в итоговом документе конференции,— яв-

ляется единым и всеобъемлющим. Мы, христиане, не выдвигаем программу особого политического пути и не хотим ее кому-либо навязывать. Понимание характера латиноамериканского революционного процесса делает товарищами по совместной борьбе всех, кто отдаст себя без остатка революции»³⁰. В международном разделе решений конференции виден определенный отход от националистических взглядов в том, что касается деления мира на «бедные» и «богатые» нации. «Наша бедность,— говорится в решениях конференции,— неразрывно связана с обогащением эксплуататорских международных классов»³¹. Как в анализе причин эксплуатации латиноамериканских стран, так и в постановке вопроса о путях борьбы за социализм чувствуется влияние идей научного социализма, что делает этот документ весомым вкладом в сближение верующих с марксистами.

Национализм левых католиков, несмотря на все его отрицательные оттенки и неприемлемые положения, значительно отличается от всех иных реформистских разновидностей христианского национализма своим общим революционным духом, нацеленностью на борьбу с капитализмом и ликвидацию всех форм угнетения и, наконец, на построение справедливого, бесклассового общества.

Подобные идейные процессы с большей или меньшей степенью интенсивности характерны и для латиноамериканского протестантизма.

3. НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

В отличие от католицизма протестантизм в Латинской Америке долгое время оставался религией немногочисленных групп европейских переселенцев из Германии, Англии, стран Скандинавии. До первой мировой войны число протестантов в Латинской Америке не превышало 100 тыс. человек. Со второй половины XX в. происходит быстрый рост численности протестантов. К началу 70-х годов насчитывалось уже 10 млн. протестантов, что составило более 5% всего населения³².

Обострение классовых и социальных конфликтов в странах Латинской Америки, особо остро проявлявшееся с начала 60-х годов, оказало влияние не только на католиков, но и на протестантов. Вопрос о характере и путях социальных изменений стал основным дискуссионным вопросом в протестантской среде.

В ходе идеологической борьбы в латиноамериканском протестантизме довольно четко определились три направления, выражающие различные классовые интересы верующих протестантов. Протестанты — сторонники буржуазного национализма выступают за упрочение местного капитализма. Представители другого направления, разделяющие левонационалистические

взгляды, поддерживают националистический тезис о необходимости поисков самостоятельных путей развития, отвергая «иностранные модели» и их идеологические образцы; при этом они занимают активные антиимпериалистические позиции. По их мнению, церковь должна «внести сознание» в массы трудящихся, с тем чтобы они могли активно и сознательно участвовать в экономической, социальной, культурной и политической жизни. И, наконец, отдельные радикальные группы протестантов (тоже с националистической окраской) выступают за необходимость выбора антикапиталистических путей развития.

Обращение латиноамериканского протестантизма к проблемам национальной действительности имеет большое значение, так как еще в недалеком прошлом протестанты отличались замкнутостью, религиозной изоляцией, аполитичностью. Распространение протестантизма в подавляющем большинстве стран Латинской Америки было связано с активной деятельностью североамериканских миссионеров. Их появление по времени совпало с усилением экономической экспансии иностранного капитала, и поэтому долгие годы протестантское движение отождествлялось широкими массами (исповедующими католицизм) * с проникновением империализма, а к его приверженцам относились не иначе, как к «агентам американского империализма».

Империалистические круги и местная реакция часто искусственно поддерживали остроту противоречий между католиками и протестантами для разжигания религиозных распрей, для раскола трудящихся по религиозному принципу. На континенте с преобладающим влиянием римско-католической церкви протестантизм должен был создавать свой механизм защиты от преследования верующих, в отдельных случаях даже прибегая к моральной поддержке со стороны Соединенных Штатов. Это в известной степени отвлекало внимание протестантов от насущных проблем окружающей социальной действительности, рождало пассивное отношение ко всяким изменениям или даже открытое сопротивление им, укрепляло консервативные настроения.

Выход латиноамериканского протестантизма из изоляции наметился в послевоенное время, особенно с 50-х годов. Это было естественным следствием быстрого количественного роста протестантов, изменения социальной базы протестантизма. Он нашел своих новых адептов среди преподавателей высшей, средней и начальной школы, литераторов и артистов, в среде мелких служащих, студенчества, мелких торговцев, рабочих (особенно городских поденных рабочих), в многочисленных маргинальных

---

* Первоначально протестантизм нашел своих последователей главным образом среди представителей наиболее обеспеченной, образованной части городского населения — мелкой и средней буржуазии, чиновников, служащих, технических специалистов, интеллигентов.

слоях и среди мелких землевладельцев. По свидетельству одного из руководителей чилийской организации «Христианское движение освобождения», евангелиста Аарона Гонсалеса, в Чили, где протестанты составляют 11% населения страны, 80% членов протестантских общин состоят из городских поденных рабочих и мелких торговцев³³. Обращение протестантов к острым проблемам социальной действительности, осмысление которых происходит нередко с националистических позиций, обусловило резкую дифференциацию в их рядах. В основу разногласий легли не теологические, а сугубо мирские проблемы. Если представители «обновленческого» течения, отражающего в основном интересы трудовых слоев населения, выступают с критикой традиционных, отсталых, зависимых от империализма социально-экономических структур с левонационалистических позиций, то сторонники идей буржуазного национализма, отстаивающие интересы господствующих классов, ограничиваются призывами к модернизации капиталистического развития, осуществляющегося в рамках подчинения империализму.

В этом плане характерен пример Бразилии. После государственного переворота 1964 г. консервативное крыло бразильского протестантизма встало на путь активного сотрудничества с военно-авторитарным правительством. Его представители заняли видные государственные посты, участвуя тем самым в создании и укреплении системы государственно-монополистического капитализма*. Одновременно консерваторы повели открытое наступление на сторонников обновления, требуя, чтобы его представители не занимались вопросами социального переустройства.

В Аргентине, Мексике, Венесуэле, Перу, Эквадоре правые протестанты также занимают доминирующее положение. В Аргентине они активно сотрудничали с военными режимами, в частности с правительством Онганиа, участвовали в практическом осуществлении их планов социально-экономического развития страны. Консервативные протестантские круги Мексики оказывают активную поддержку мексиканскому национал-реформизму в деле поощрения капиталистического развития страны и укрепления позиций местной буржуазии.

Хотя консервативное крыло, разделяющее идеи буржуазного национализма, продолжает сохранять прочные позиции, а в ряде стран занимает доминирующее положение, характерной чертой современного латиноамериканского протестантизма является растущая активизация сторонников обновления, в идейном отношении стоящего на левонационалистических позициях. По свидетельству Ричарда Шоулла (американского пресвитерианина, видного специалиста по изучению протестантского движения в

---

* Небезынтересно отметить, что в январе 1974 г. главой Бразильского государства стал лютеранин Э. Гейзел.

Латинской Америке), «новая волна национализма» в Латинской Америке является своего рода реакцией на кабальные политические и экономические отношения, навязываемые Соединенными Штатами латиноамериканским странам. С каждым днем он охватывает все большее число стран и общественных группировок и требует от Соединенных Штатов пересмотра их позиций в отношении со странами Латинской Америки. «Уже невозможно закрывать глаза,— подчеркивает Р. Шоулл,— на растущий национализм и на сильные антиимпериалистические настроения, которые ему сопутствуют»³⁴.

Протестанты, стоящие на левонационалистических позициях, выступают не только против империализма, но и против господства местной олигархии, за структурные преобразования в социальной, экономической и культурной областях, а в ряде случаев даже выдвигают антикапиталистические концепции общественного развития латиноамериканских стран. Выразителем этих тенденций в протестантизме обычно являются радикализирующиеся круги интеллигенции и студенчества.

Создание протестантских университетов позволило заменить значительную часть пасторов-иностранцев местными пасторами, которые возглавили движение за обновление церкви, за изменение ее структуры и всей обрядовой части с тем, чтобы сделать ее доступной пониманию более широкого круга верующих. Пасторы-обновленцы призывают отказаться от всего, что чуждо латиноамериканцам, вести богослужение только на национальном языке. Дальнейшая консервация иностранных религиозных обычаев, по выражению самих протестантов, «все менее заслуживает оправдания на континенте, который ищет свое собственное лицо»³⁵. Они считают, что служители церкви должны приблизить свои проповеди к чаяниям молодежи, к поколению, вступившему на путь национальных и социальных революций. Протестанты-обновленцы, борясь с иностранным засильем, стремятся к организации национальной церкви. Уже сейчас латиноамериканские протестанты настойчиво советуют отказаться от традиционной терминологии и вместо названия «протестанты» рекомендуют употреблять термин «евангелисты». Тем самым они хотят подчеркнуть независимость латиноамериканского протестантизма от европейского и американского, его специфичность.

Активно проявили себя латиноамериканские протестанты в работе всемирной конференции «Церковь и общество», организованной Всемирным советом церквей в июле 1966 г. в Женеве. Своим участием в конференции латиноамериканские представители оказали известное влияние на выбор ее главной темы — «Участие христиан в современной социально-технической революции» и на тематику докладов. Значительное внимание в них было уделено проблемам стран «третьего мира», решение которых предлагалось в духе левонационалистических тенденций. По

свидетельству очевидцев, тематика докладов придала конференции особый, «латиноамериканский», колорит*. Священники из стран Латинской Америки призывали не повиноваться как господству сильной нации над другими народами, так и диктаторским, олигархическим режимам, которые препятствуют прогрессивному развитию. На конференции было подчеркнуто, что настоящей гарантией социальной справедливости в обществе является плановая национальная экономика, в организации которой экономически слаборазвитым странам должны оказывать финансовую, техническую и научную помощь развитые страны. Только проведение необходимых социально-экономических преобразований может привести к расширению народного участия в планировании, экономике и руководстве обществом. Одновременно обращалось внимание на то, что в ходе глубоких социальных изменений предъявляются новые требования к церкви. В изменяющихся условиях она уже не может действовать старыми методами, оставаться на старых позициях. Церковь не должна защищать социальный «статус-кво»³⁶

В 1961 г. была создана (официально утверждена в феврале 1962 г.) континентальная организация леворадикальных протестантов «Церковь и общество в Латинской Америке» (ИСАЛ), которая стала выполнять роль их своеобразного идейного руководителя и координатора. Свою практическую деятельность ИСАЛ начала с издания и распространения специальных докладов, отчетов и документов, публиковавшихся в ее журнале «Христианство и сосьедад», бюллетенях «Фичас де ИСАЛ», «Карта латиноамерикана» и отдельными изданиями, где анализировались и изучались социальные проблемы стран Латинской Америки и доказывалась необходимость революционного преобразования общества в целом** С помощью печати организации удалось привлечь к себе внимание широкого круга христиан и обрести сторонников во всех странах региона.

Стремясь к сплочению сил и действий всех прогрессивных элементов христианства, ИСАЛ выступила в роли организатора широкого обновленческого движения. Латиноамериканские протестанты стараются развернуть такую деятельность, в которой бы участвовали первичные общины, церкви, приходы, религиозные кассы с тем, чтобы идея единства завладела сознанием широких масс верующих. В отдельных странах Латинской Америки руководители протестантского движения стремились установить контакты с профсоюзами, прогрессивными партиями и левыми движениями. Однако они довольно скоро убедились в невозмож-

---

* Всего на конференции присутствовало 410 делегатов из 80 стран. Половина делегатов была из Азии, Африки и Латинской Америки. Представители латиноамериканских стран составили 12% общего числа делегатов.

** Именно в публикациях леворадикальных протестантов впервые в латиноамериканском протестантизме стали официально употребляться термины «революция» и «революционные преобразования».

ности осуществления континентального единства латиноамериканских верующих. Чем глубже становилась дифференциация среди христиан, тем все более непримиримые позиции занимали представители правого крыла.

Со дня основания ИСАЛ эта организация активно поддерживает теорию «особой революционности третьего мира». В публикациях ИСАЛ превратно истолковываются разрядка международной напряженности и политика мирного сосуществования: «враждебный мир между ядерными державами явится увековечиванием бедности стран третьего мира»³⁷. Политика мирного сосуществования якобы привела к разделу мира между «богатыми» странами и «парализовала социальную революцию» в «третьем мире». ИСАЛ, отождествляя в этом отношении СССР с Соединенными Штатами, упрекает Советский Союз за «отказ от боевых методов распространения революции», что-де создало малоблагоприятную конъюнктуру для социальной революции в странах «третьего мира»³⁸.

Иными словами, идеологические слабости этой организации видны и невооруженным глазом. В то же время следует отметить, что ее выступление за независимость от господства США, ее острая социальная критика, стремление привести в движение широкие массы протестантских верующих имеют позитивный характер. Передовые представители латиноамериканского протестантизма во главе с ИСАЛ ведут поиски новой ориентации, стремятся соединить принципы христианства с интересами народа, пытаются найти в реальном мире конкретное воплощение «библейской социальной справедливости». Они критикуют либерализм за его неспособность разрешить социально-политические проблемы в странах Латинской Америки и подчеркивают значение «революционных концепций социально-политических изменений и социалистических форм экономической организации»³⁹.

Прогрессивные протестанты не могут не признать влияния марксизма в Латинской Америке: «какова бы ни была наша личная позиция относительно взаимоотношений христианской веры и марксизма, пожалуй, трудно отрицать, что марксистская идеология и вообще левые группы, так или иначе связанные с этой идеологией, были пионерами в формировании социально-прогрессивного сознания в Латинской Америке и всегда находились в авангарде революционных преобразований»⁴⁰. Они ставят в заслугу марксизму коренное изменение всей политической панорамы континента, поддерживают политику латиноамериканских коммунистов по созданию широких демократических, антиимпериалистических коалиций.

В то же время представители этого течения в протестантизме (и в этом проступает его мелкобуржуазная националистическая основа) не видят в марксистской идеологии силу, способную обеспечить «полную мобилизацию народа для радикальных пре-

образований». Такой — более широкой и действенной платформой может быть, по их утверждению, «революционный национализм». Именно он, говоря их словами, призван «стать главной силой, открывающей новые революционные перспективы»⁴¹.

Практическое воплощение идей революционного национализма руководители ИСАЛ видят в конкретной деятельности правительств Перу, Панамы, Боливии (до переворота 1971 г.), возглавляемых патриотически настроенными военными.

Революционный национализм, по их признанию, не получил такого четкого и законченного идеологического оформления, как марксизм. Тем не менее они утверждают, что именно на его основе возможен диалог между христианами и марксистами.

С большим вниманием протестанты также относятся к массовым националистическим популистским движениям. В качестве положительного момента они отмечают, что эти движения возникли в отдельных странах Латинской Америки на сугубо местной, национальной основе, без какой-либо внешней ориентации или влияния извне. Наряду с существенными различиями эти движения имеют много общего. Они объединяют в своих рядах значительные народные массы. Поэтому прогрессивно настроенные протестанты относятся к этим движениям как к своим потенциальным союзникам, которые смогут принять участие в общем деле переустройства латиноамериканского общества. Основную их слабость протестанты видят в недостаточно обоснованной идеологической платформе и чрезмерном подчинении влиянию провиденциальной личности.

С позиций мелкобуржуазного «революционного национализма» прогрессивные протестанты выступают с критикой пороков буржуазного общества, буржуазно-реформистских концепций национализма, прежде всего десарольизма. Они заявляют, что сторонники десарольизма стремятся всего лишь модернизировать старые структуры, не затрагивая интересов империалистических групп и их союзников в лице национальной олигархии⁴². По их мнению, основной целью теории развития является сохранение социального «статус-кво», именно поэтому народные массы полностью отстраняются от участия в процессе модернизации старых структур. Протестанты считают, что десарольизм не затронул основных причин слабозвитости стран Латинской Америки: экономическую, социальную, политическую и культурную зависимость латиноамериканских народов от «богатых наций». Они подчеркивают, что, едва разбудив надежды, вдохновители десарольизма потерпели крах, вызвав сильное разочарование у населения. По их мнению, сам термин «развитие», в который десарольисты вкладывают сугубо экономическое содержание, уже давно устарел и не отвечает требованиям времени. Они считают, что ныне «развитие» можно рассматривать только как «глобальный социальный процесс», который одновременно охватывает экономические, социальные, политические и культурные аспекты.

Поэтому определение всех этих процессов, вместе взятых, требует более широкого и суммарного понятия, которое также должно отражать и конечную цель этих процессов. Они предлагают в качестве самого подходящего термин «освобождение».

В противоположность сторонникам десаролизма латиноамериканские протестанты, стоящие на левонационалистических позициях, считают, что страны Латинской Америки нуждаются в радикальной перестройке всей структуры.

В последние годы в латиноамериканском протестантизме леворадикальное направление заметно усилилось. Его приверженцы выступают за антикапиталистическую альтернативу развития латиноамериканского общества. Некоторые из них открыто высказываются за его социалистическое переустройство. Наиболее ярко это проявлялось в деятельности группы ИСАЛ в Боливии, которая в выборе путей преобразований, необходимых странам Латинской Америки, пошла дальше других подобных групп и выступила с критикой «революционного национализма», противопоставляя ему социалистический путь развития.

Опираясь на анализ боливийской действительности, она заявила, что капитализм не в состоянии решить коренные проблемы, и выдвинула социалистическую альтернативу. Официально об этом было заявлено на третьей Национальной конференции организации, проходившей в марте 1972 г. в г. Кочабамбе. В целом ИСАЛ поддержала все прогрессивные начинания находившегося тогда у власти левонационалистического правительства генерала Хуана Хосе Торреса, придавая первостепенное значение восстановлению демократических свобод в стране, проведению мероприятий по национализации природных богатств и осуществлению прогрессивной социальной политики в интересах трудящихся. Когда сторонникам национал-реформизма удалось оттеснить представителей революционного демократизма от управления государством, группа ИСАЛ апеллировала к протестантам в рядах вооруженных сил с призывом оказать поддержку правительству, учесть исторический опыт революции 1952 г. В своих документах ИСАЛ подчеркивала, что политика отказа от широких и глубоких социальных преобразований и стремление исправить Боливию по капиталистическому пути с помощью иностранного капитала не может принести стране настоящего освобождения⁴³. В то же время ИСАЛ критиковала некоторые слабые стороны деятельности правительства. Она отмечала, что за время пребывания у власти Х. Торреса значительно возросла роль мелкой буржуазии в управлении государством. Это повлекло за собой широкое распространение мелкобуржуазных концепций революционного национализма, о приверженности к которому заявляло правительство Торреса, что в свою очередь породило «идеологическую неопределенность». Правительство не сумело добиться поддержки народных организаций, противопоставило союз военных и крестьян рабоче-крестьянско-

му союзу⁴⁴. Отсюда ИСАЛ делала вывод, что «революционный национализм» не в состоянии решить кардинальные проблемы общества, уничтожить неравенство и эксплуатацию, установить народный контроль над производством и средствами производства, что существует только единственная альтернатива: либо капитализм, либо социализм.

В понимании ИСАЛ основное содержание социализма сводится к ликвидации старой политической системы, созданию народного правительства и установлению в стране подлинной демократии. В области экономики она выступает за «социализацию средств производства», т. е. за установление контроля трудящихся над производством, за осуществление национального планирования и за рациональное использование природных ресурсов⁴⁵.

Однако, критикуя политику правительства Торреса, представители ИСАЛ в Боливии сами стояли на позициях мелкобуржуазного революционаризма, отдавая дань национализму. Их представления о социализме очень далеки от научного социализма и лишены ясного классового содержания. Коллективную собственность на средства производства они подменяют «социализацией». У них нет четкой постановки вопроса о необходимости изменения классового содержания политической власти. Признавая правомерность классовой борьбы в капиталистическом обществе и оценивая пролетариат как главную движущую силу в этой борьбе, члены ИСАЛ в Боливии в то же время не признают марксистской идеологии, хотя восхищаются личностью Маркса и используют многие марксистские термины, но при этом выделяют только ранние работы Маркса и те труды, где дается критика капитализма. Они считают социализм конечной фазой развития человеческого общества и поэтому полностью отвергают коммунизм. Они также отвергают опыт социалистических стран, как «неприемлемый для стран Латинской Америки». Боливийские левонастроенные протестанты выступают за «латиноамериканский» социализм, на основе которого, по их мнению, может быть создано «единое латиноамериканское государство»⁴⁶.

Представители ИСАЛ объявляют себя сторонниками «нового социализма». Они нередко повторяют идеи ультралевых, троцкистских и неотроцкистских теорий «латиноамериканского социализма». Но сам факт поиска ими путей развития вне капиталистической системы, обращение к социализму с неременным участием в его строительстве широких трудящихся масс — явление положительное.

В прогрессивном движении латиноамериканского протестантизма, бесспорно, имеются довольно сильные патриотические, антиимпериалистические и демократические элементы. Это, в частности, проявилось во время пребывания у власти правительства Народного единства в Чили.

Уже на выборах 1970 г. евангелисты поддержали кандидату-

ру Сальвадора Альенде и выступили в одном блоке с представителями различных слоев населения. Осуществление правительством Народного единства социально-экономических преобразований способствовало радикализации чилийских протестантов.

В 1971 г. пасторы-евангелисты сделали заявление, в котором решительно поддержали политику правительства С. Альенде по защите национальных богатств страны от посягательств иностранных монополий и, в частности, национализацию медных рудников. Свое одобрение и признание чилийские евангелисты выразили и в отношении социальной политики правительства Народного единства. Они высоко оценили политику правительства С. Альенде в религиозном вопросе и старались донести ее до сознания своих верующих, отмечая, что впервые в истории Чили евангелисты стали пользоваться теми же правами, какими на протяжении многих лет пользовались католики.

Руководители протестантских организаций разъясняли верующим сущность преобразований, проводившихся в Чили, и призывали к всесторонней поддержке правительства Народного единства, деятельность которого они рассматривали в качестве одного из этапов процесса полного освобождения. Одновременно они обращали внимание своих сторонников на то, что против правительства Народного единства объединились все консервативные силы, ответственные за создание критического положения в стране. Руководители чилийских евангелистов отдавали должное президенту С. Альенде, который вел политическую борьбу сугубо мирными средствами, несмотря на многочисленные несправедливые нападки, проявления откровенной ненависти, а позднее и открытого противостояния со стороны консервативных сил. После переворота 11 сентября 1973 г., совершенного военной хунтой, наряду с другими прогрессивными организациями преследованиям подверглись и протестантские организации, выступавшие в поддержку социально-экономических преобразований правительства С. Альенде.

В последнее время вопрос о необходимости диалога коммунистов с христианами, о возможности взаимного сотрудничества приобретает все большее значение. Прогрессивно настроенные протестанты представляют собой новые общественно-политические силы, которые уже включились в революционный процесс на континенте. Развернувшаяся идеологическая борьба в латиноамериканском протестантизме будет способствовать углублению дифференциации в его рядах, что в свою очередь должно положительно сказаться на расширении рядов антиимпериалистического, народного движения в Латинской Америке.

Немалое значение в этом плане имеет и преодоление традиционной вражды католиков и протестантов Латинской Америки, установление между ними конструктивного сотрудничества.

НАЦИОНАЛИЗМ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Все более активное участие армий латиноамериканских стран в политике приводит к обострению борьбы различных идеологических и политических течений в рядах вооруженных сил.

В письме Ф. Энгельсу от 25 сентября 1857 г. К. Маркс отмечал: «...История армии всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений... В истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества»¹. В этих известных словах К. Маркса подчеркивается настоятельная необходимость изучать армию как особый социальный надстроечный институт в неразрывной связи с развитием общества, всей системой общественных противоречий. Поэтому основоположники научного социализма с такой настойчивостью и решительностью боролись против буржуазных взглядов об «аполитичности» армии, ее надклассовом характере. «Армия не может и не должна быть нейтральной,— писал В. И. Ленин.— Не втягивать армию в политику — это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику, превращали русских солдат в прислужников черной сотни, в пособников полиции»².

Ситуация в Латинской Америке со всей очевидностью подтверждает справедливость и актуальность положений марксизма-ленинизма о роли армии в обществе, о влиянии на нее социальной, идейной, политической борьбы различных классовых, общественных сил. С наибольшей ясностью это влияние, в частности, проявляется в воздействии на армию различных форм и разновидностей националистической идеологии — от крайне правых националистических идей и концепций до левонационалистических антиимпериалистических взглядов.

Само положение армии в системе общественных отношений как особого социального надстроечного института, в рядах кото-

рого состоят представители самых различных классов, слоев общества, бесспорно создает благоприятные условия для влияния на нее национализма. В головах немалого числа военных это обстоятельство создает почву для иллюзорных представлений об армии как особом институте, который как бы аккумулирует и синтезирует все национальные, духовные ценности, представляет интересы всех слоев населения, выступая, таким образом, как гарант существования нации, ее монолитности. Именно национализм — своего рода исходный фактор, своеобразная точка отсчета для осознания большинством военных своего места в обществе. Но этот исходный пункт служит и началом идейного, политического размежевания в вооруженных силах, углубления противоречий в истолковании сущности национализма, его связи с социальными проблемами, путями общественного развития.

Пожалуй, в вооруженных силах с наибольшей ясностью проявляются резкая дифференциация национализма, происходящая под воздействием классовой, социальной борьбы, его все более тесная «привязанность» к политике. В ориентации военных на поддержку той или иной модели общественного развития, в позициях как армий различных латиноамериканских стран, так и отдельных течений среди военных классовая сущность национализма прослеживается очень определенно и четко. Поляризация различных форм национализма, складывание оппозиционных, нередко антагонистических друг другу идейных, политических течений находят свое выражение в борьбе правонационалистических, правоэкстремистских тенденций в рядах вооруженных сил с левонационалистическими, антиимпериалистическими тенденциями и течениями. Именно эта борьба с особой очевидностью показывает неразрывную связь национализма с классовой борьбой, вскрывает несостоятельность буржуазных националистических мифов о «надклассовости армии», о национализме как некой имманентной, присущей ей идеологии.

1. ПРАВОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

Активное обращение сил буржуазной контрреволюции, империализма к правым кругам в армиях латиноамериканских стран ясно свидетельствует о том, что в них они видят последний шанс сохранить свои позиции, воспрепятствовать революционному выходу из кризиса, в котором оказалась Латинская Америка. В реакционных течениях среди вооруженных сил надеются они найти прикрытие, опору для своей антинародной политики. В свою очередь представители реакционных, проимпериалистических течений в армии, укрепляя свой альянс с местной финансово-промышленной олигархией, латифундистами и иностранным капиталом, претендуют на роль спасителей отечества. Национа-

лизм в наиболее его правоэкстремистской, антикоммунистической форме становится той идейной платформой, на которой складывается этот альянс. Причем происходит слияние различных разновидностей правого национализма, попытка выдать его за «мотор» общественного развития латиноамериканских стран.

Правые националисты в вооруженных силах пытаются представить себя носителями надклассовой националистической идеологии. Они ратуют за деполитизацию общества и деидеологизацию общественной жизни, выдают себя за сторонников технократических методов управления ею. Но именно подобного рода теоретические декламации правых националистов показывают их теснейшую связь с наиболее реакционными силами латиноамериканского общества, иностранными монополиями. Ведь под прикрытием этих рассуждений эксплуататорские классы ряда латиноамериканских стран при активной поддержке представителей реакционной восной верхушки пытаются найти выход из структурного кризиса зависимого капитализма на путях капиталистической модернизации, широко используя методы государственно-монополистического капитализма. Одновременно манипулирования этими же постулатами используются реакцией для оправдания расправ с прогрессивными силами, ликвидации завоеваний трудящихся; в наиболее концентрированном виде эти сугубо классовые, так сказать, служебные, функции национализма проявились в Чили после контрреволюционного переворота 1973 г.

При всей общности политических и теоретических установок в позициях правых националистов из армейской среды имеются и определенные отличия, которые объясняются различными условиями классовой, политической борьбы в тех или иных странах, соотношением сил в рядах самих армий.

Проследить эту общность и различия можно довольно отчетливо на примере таких государств, как Аргентина, Бразилия, Боливия и Чили.

Аргентина. Пределы возможностей интеграции различных форм правого национализма на основе альянса правых кругов армии с реакционными силами «гражданского общества» достаточно определенно проявляются в этой стране.

В течение последних десятилетий идеологи правого национализма стремились поставить на службу своим интересам аргентинскую армию. Еще в 20-е годы поэт и публицист крайне правого националистического толка Леопольдо Лугонес пропагандировал идею о наступлении в Аргентине «часа меча», призывая армию взять власть в свои руки. Лугонес заявлял, что Аргентина стала объектом международного заговора, который ставит своей целью свершение в стране «социальной революции»³ Относясь с ненавистью к пролетариату, народным массам, идеологи национализма выступали за ликвидацию в стране институтов либерального государства, которое, по их мнению, допустило к власти

«чернь». Они призывали создать с помощью армии авторитарно-корпоративистский режим ⁴

Хотя правые националисты и находили в военной среде нужных им личностей вроде генерала Урибуру, главаря военного переворота 1930 г., все же им не удавалось сделать свои взгляды официальной идеологией вооруженных сил. Причин для этого было немало. Часть военных, выходцев из правящих олигархических группировок, занимая негативную позицию по отношению к планам правых националистов, склонялась к сохранению по крайней мере видимости институтов «представительной демократии». Даже будучи реакционно-националистически настроенной, эта часть военных не хотела связывать свою судьбу с профашистскими экстремистами из лагеря правых националистов, в сильнейшей степени скомпрометированных в глазах широких слоев населения. Как и правящая буржуазно-помещичья олигархия, они опасались, что авторитарные эксперименты правых националистов, поддержанных армией, могут привести к нежелательным последствиям, отдать страну во власть «черни». Такая позиция объяснялась отчасти и тем, что некоторые идеологи правого национализма, например Эрнесто Паласио, стремясь расширить социальную базу националистического движения, широко использовали популистскую демагогию, призывая к установлению власти «народного диктатора», который будет «угнетателем меньшинства во имя освобождения народа» ⁵. Его роль правые националисты призывали выполнить кого-либо из военных руководителей.

В то же время популистски настроенных военных-националистов не устраивали аристократически-элитарные взгляды идеологов правого национализма. Они мешали военным «выйти», так сказать, на народные массы, создать социальную опору своей политике. Этим объясняются, например, острые разногласия, возникавшие между Пероном и его сторонниками, с одной стороны, и наиболее экстремистски настроенными группами из лагеря правых националистов — с другой.

Все это предопределяло своеобразие распространения правонационалистических взглядов в аргентинских вооруженных силах. В последних как бы происходила амальгамация различных националистических теорий и воззрений — как экстремистских, авторитарных, так и либеральных. Именно на основе этого идеологического симбиоза правые националисты в армии стремились объединить различные течения, сделать национализм решающим фактором единства вооруженных сил.

Своего рода фундаментом идеологии правого национализма в армии были идеи «великой Аргентины» как бастиона «западной цивилизации» в Латинской Америке. Все эти великодержавные шовинистические декларации были пронизаны духом крестового похода против международного коммунизма. Один из ярых антикоммунистов, генерал Ланда, заявлял: «Мы живем в обстановке

кажущегося мира, поскольку на деле вооруженные силы находятся в состоянии войны. Они уже в течение определенного времени воюют с врагом, который называется международным коммунизмом»⁶.

Попытка объединения различных форм правого национализма была предпринята в работе генерала Осириса Вильегаса «Революционная коммунистическая война». В этой книге идеи проимпериалистической ориентации Аргентины, подчеркивание ее принадлежности к «свободному миру» сочетались с призывами модернизировать страну, создать лучшую по сравнению с коммунизмом «философию жизни»⁷. Этой «философией», как видно из всех рассуждений генерала, должен был стать национализм в его великодержавном, шовинистическом варианте.

Осуществив летом 1966 г. военный переворот, захватив политическую власть в свои руки, реакционно настроенная военная верхушка рассчитывала провести свои планы в жизнь. В результате переворота в стране были ликвидированы институты буржуазной демократии, запрещена деятельность политических партий. С особым ожесточением реакция обрушилась на прогрессивное движение, Коммунистическую партию, издав ряд репрессивных антикоммунистических законов. Руководители нового режима не скрывали, что они ставят своей целью ликвидацию или по крайней мере коренную реконструкцию «либерального государства», замену его авторитарной государственной моделью. Для выполнения этих целей режим «аргентинской революции» опирался на ультраправых националистов из числа военных. Большинство из них принадлежало к различного рода крайне экстремистским организациям. Так, ряд ближайших сотрудников президента страны генерала Онганиа состоял в организации «Град католический» — ультранационалистическом правоэкстремистском объединении.

«Град католический», возникнув во Франции, объединил наиболее реакционно настроенных военных, особенно из числа тех, кто прошел школу колониальной войны в Алжире и составил ядро оасовцев. Приверженцы «Града католического» черпали свое вдохновение из писаний идеолога французского национализма Шарля Морраса, теоретиков католического «интегризма», самого реакционного идейного направления в католицизме. Их настольной книгой был антикоммунистический пасквиль «Марксизм-ленинизм» адепта вишистского режима Жака Уссэ. Основное содержание этой книги сводилось к тому, что сатана в современном мире стремится подорвать «христианский порядок» с помощью социальных «безбожных» революций.

Аргентинские последователи Уссэ в рядах вооруженных сил, создав филиал «Града католического» в стране, разработали амбициозные планы перестройки Аргентины на основе католического «интегризма». Они тесно сотрудничали с так называемым Братством практикующих христиан, в которое входили многие

представители военной элиты. Известный аргентинский журналист Рохелио Гарсиа Лупо назвал эти организации правых националистов в армии «секретной партией» генерала Онганиа, которая привела его к власти⁸.

Члены Братства не скрывали своих целей захвата политической власти, перестройки Аргентины на «христианских основах». Как подчеркивает аргентинский публицист Гарсиа Лупо, координация действий различных правых националистических группировок в вооруженных силах позволила создать видимость «институционального единства» последних, облегчила государственный переворот⁹.

Однако такое единство оказалось непрочным и недолговечным. Попытки идеологов правого национализма сохранить его, разработав своего рода технократическую модель развития страны, во имя которой должны утихнуть в стране политические страсти, не могли надолго примирить различные течения правого национализма в рядах вооруженных сил. Не могли стать идейной основой такого единства и напыщенные националистические лозунги о «величии Аргентины», исключительности ее пути развития, суть которых можно было свести к тому, что Аргентина — это «США Латинской Америки».

Довольно скоро после прихода к власти в лагере правых националистов обнаружились острые противоречия. Сторонники генерала Онганиа по своим взглядам наиболее близко примыкали к различного рода наиболее экстремистским группировкам аргентинского национализма с его враждой к «либеральному государству», с преклонением перед корпоративистской формой государства, с культом «провиденциальной личности». Именно они выдвинули так называемый коммунитаристский проект перестройки аргентинского общества, который представлял собой не что иное, как своеобразную вариацию корпоративистской модели государства, скрещенную с «неокапиталистическими» теориями народного участия (партиципации), «интеграции» трудящихся в общество государственно-монополистического капитализма. Сам генерал Онганиа претендовал на роль «народного каудильо», стремился в целях завоевания симпатии широких слоев населения выдать себя чуть ли не за антиимпериалиста.

Однако притязания националистической группировки военных во главе с Онганиа на политическую и идеологическую гегемонию в проведении правительственного курса натолкнулись на сопротивление со стороны другой военной группировки правых националистов, возглавляемых генералом Хулио Альсогараем и Александром Лануссе. Они опасались, как бы «коммунитаристские» эксперименты не создали взрывной ситуации в стране, не пробудили активности трудящихся масс, прежде всего профсоюзов. В этом плане они особенно настороженно относились к попыткам сторонников Онганиа манипулировать лозунгами, которые те пытались демагогически выдать за подлинно демократические,

народные. Представители этой группы военных, выражая интересы буржуазно-латифундистских олигархических кругов, с явным раздражением воспринимали антиимпериалистические посулы «коммунитаристов», их угрозы осуществить национализацию отдельных отраслей экономики. Объясняя причины такой позиции, Компартия Аргентины отмечала, что промышленно-латифундистские круги олигархии боятся политической активности масс и «поэтому все, что может напоминать «националистические акции», немедленно вызывает у них ассоциацию с якобинским террором»¹⁰.

«Коммунитарной модели» сторонники «либеральной» линии в вооруженных силах противопоставляли свой план перестройки государства. Их идейное и политическое кредо было изложено в книге брата генерала Хулио Альсогарая, Альваро Альсогарая, «Основы для будущей политической деятельности» (1968). Альсогарай выступал за подчинение деятельности государства «свободной рыночной экономике», ратовал за формирование политической структуры Аргентины по образу и подобию развитых капиталистических стран с их немногочисленными, но сильными буржуазными партиями¹¹.

Разногласия между двумя группами националистов в вооруженных силах вылились в открытую схватку между ними за политическую власть. Поддерживающие Лануссе военные заставили уйти в отставку (июль 1970) генерала Онганиа, назначив на его место бригадного генерала Марсело Левингстона. Однако последний, стремясь упрочить свои позиции в вооруженных силах, снискать популярность среди широких слоев населения, обнаружил склонность к националистической фразе в духе свергнутого Онганиа. Он явно стремился, как подчеркивали аргентинские коммунисты, использовать в своих целях растущие антиимпериалистические настроения части генералов и офицеров вооруженных сил¹². Но, как и его предшественники, он по сути дела ограничивался широковещательными лозунгами, не затрагивая основ засилья иностранных монополий в стране. Это привело к тому, что левонационалистически настроенные военные, которые вначале питали кое-какие иллюзии в отношении Левингстона, стали отворачиваться от него, переходить в открытую оппозицию.

В свою очередь сторонники генерала Лануссе, опасаясь политизации вооруженных сил в левонационалистическом, антиимпериалистическом духе под влиянием, в частности, перуанского опыта, решили сместить строптивого президента. В марте 1972 г. эта операция была осуществлена, и президентом страны стал генерал Алахандро Лануссе. Он попытался сколотить разношерстную коалицию националистических сил, выдвинув лозунги проведения политики «великого национального согласия», консолидации «аргентинской революции», которые должны были бы обеспечить ему успех на предстоящих президентских выборах.

Однако мощные выступления трудящихся, а также растущая оппозиция в рядах вооруженных сил политике реакционной военной верхушки сорвали эти планы. К власти в стране в результате мартовских выборов 1973 г. пришла Хустисиалистская партия, которая выдвинула программу широких социально-экономических, антиимпериалистических преобразований.

В условиях дальнейшей радикализации настроений трудящихся масс, обострения социальных, классовых противоречий, углубления процесса дифференциации в вооруженных силах происходил рост патриотических настроений в их рядах. В то же время правые как в самой армии, так и вне ее пытались затормозить этот процесс, идеологически воздействовать на военных в ультранационалистическом, экстремистско-путчистском духе. Ожилилась деятельность, как отмечали коммунисты, идеологов правого национализма, которые призывали вооруженные силы осуществить государственный переворот по чилийскому образцу¹³.

Особенно активизировали правые в рядах армии свою деятельность после прихода к власти военных в марте 1976 г., стремясь противопоставить вооруженные силы трудящимся, воздействовать на военных в духе яркого ультранационализма антикоммунистического толка.

Бразилия. В отличие от Аргентины, ряда других латиноамериканских стран представители правонационалистических течений в бразильских вооруженных силах не обращались столь настойчиво к национализму. Больше того, свергнув правительство Гуларта (в апреле 1964), установив военную диктатуру в стране, военная верхушка, наряду с развязанной ею антикоммунистической кампанией, выступила с критикой националистических лозунгов и идей, широко распространенных в стране в 50-х — начале 60-х годов. Избранный на пост президента Бразилии генерал Каstellо Бранко обрушился с нападками на национализм, который, по его словам, тормозит экономическое развитие страны, играет на руку «антинациональным левым» в их деятельности по созданию препятствий на пути «усиления капиталистической экономической системы и внедрения демократических институтов Запада»¹⁴.

Одновременно с критикой национализма «левых» идеологи военного режима подвергли нападкам «регрессивные», «реакционные», «крайне правые» формы национализма, которые, как они заявляли, консервируют отсталость страны, мешают ее прогрессу. Так, один из ярых апологетов нового режима, предприниматель и экономист Марио Энрике Симонсен, обвинял определенные группы местной буржуазии в том, что они противятся привлечению иностранного капитала в страну, боятся «здоровой конкуренции»¹⁵. Один из главных идеологов военного режима, Оливейра Кампос, даже заявлял, что если «революция 1964 г. возьмет на свое вооружение идеологию национализма, она задушит» экономическое развитие страны¹⁶.

Однако даже в самый разгар этой идеологической кампании говорилось о полезности и важности «конструктивного национализма». «Национализм исключительно полезен и позитивен, — заявлял, например, Каstellо Бранко, — по мере того, как он выступает во имя мобилизации национальных усилий, призывает к жертвам, которых требуют интересы развития, а также служит целям смягчения классовых конфликтов»¹⁷.

Кажущийся парадокс в выступлениях и декларациях представителей военного режима не так трудно объяснить. По сути дела под флагом критики негативного национализма велось наступление на антиимпериалистическое, освободительное движение в стране, которое, хотя нередко и выступало в 50-х—начале 60-х годов под националистическими лозунгами, все более радикализировалось, приобретало революционно-демократическую направленность. Поэтому такое манипулирование понятиями национализма было использовано военным режимом как дымовая завеса, чтобы скрыть правые ультраимпериалистические взгляды его руководителей, вступающих в союз с империализмом, рассчитывающих с помощью широкого привлечения иностранного капитала добиться осуществления своих целей.

Следует заметить, что критика некоторых форм национализма велась с позиций великодержавного, шовинистического национализма, провозглашающего своей целью превращение Бразилии в великую державу. Именно этот лозунг со временем занял главное место в идеологическом арсенале бразильских правящих кругов, отражая интересы альянса военной консервативной верхушки с местной крупной монополистической буржуазией и межнациональными монополиями.

Идейной платформой этого альянса стала концепция «национальной безопасности», которая родилась в стенах Высшей военной школы, известной в обиходном языке под именем «Сорбонны». Основные элементы военно-политической доктрины, положенной в основу «нового национализма», были изложены генералом Гольбери, одним из главных идеологов «Сорбонны», еще задолго до военного переворота 1964 г. Его сочинения, собранные в одной книге под общим названием «Геополитика Бразилии», вышли после установления военной диктатуры и широко рекламировались ее идеологами в качестве эффективного идейного оружия в борьбе за «новую Бразилию». Генерал Гольбери исходил из тезиса о принадлежности Бразилии к «западной цивилизации», которую он истолковывал как объединение капиталистических государств, выступающих единым фронтом против «агрессии международного коммунизма»¹⁸. Объявляя Латинскую Америку одним из наиболее уязвимых районов мира с точки зрения такой «агрессии», Гольбери ратовал за укрепление обороноспособности региона, придавая особое значение при этом модернизации капитализма с помощью государственно-монополистических методов¹⁹.

Составной частью концепции «западной солидарности» в работах Гольбери был всемерно пропагандируемый им тезис об особой роли Бразилии в Латинской Америке, об ее «предопределенной миссии» играть ведущую роль в этом регионе. Больше того, сама концепция служила обоснованием националистических, великодержавных притязаний Бразилии в Латинской Америке. Выдвигая геополитические аргументы, среди которых фигурировали такие, как географическое положение страны, огромные природные и людские ресурсы, генерал Гольбери не только обосновывал с их помощью тезис о ведущей роли Бразилии в защите «западной цивилизации» в Латинской Америке, но и выдвигал притязания на осуществление политической опеки над соседними странами²⁰. Воплотить эти цели в жизнь, заявлял генерал, возможно на основе «конструктивного национализма», который сумеет объединить бразильскую нацию вокруг высших национальных целей. Этот национализм провозглашается в работах Гольбери «мотором» развития нации, высшей целью их жизни. Одновременно с апологией «нового национализма» Гольбери предает анафеме марксизм, объявляет его смертельным врагом, поскольку-де он отвлекает людей от «высших национальных целей, подчиняя все жестким схемам классовой борьбы»²¹. Резким нападкам подвергает Гольбери и антиимпериалистическое, освободительное движение, окрестив его псевдонационализмом и обвиняя в том, что оно противопоставляет страны Латинской Америки Западу, служит планам «международного коммунизма» по разжиганию в Латинской Америке классовой борьбы²².

В условиях Бразилии идеологическая обработка армии в духе буржуазного национализма велась главным образом в плане пропаганды тезиса об авангардной роли вооруженных сил в жизни страны. Армия превозносилась идеологами режима как спасительница нации, лидер «демократической контрреволюции», которая спасла страну от «экстремистской угрозы». Вся эта пропагандистская шумиха в общем-то сводилась к монотонному повторению националистических лозунгов о надклассовом характере вооруженных сил, об особом историческом пути развития Бразилии, которое-де накладывает печать на политические и идеологические позиции армии, побуждает ее в решающие моменты истории страны выступать на политическую авансцену борьбы. «Истинно народный характер вооруженных сил,— заявлял один из активных участников военного государственного переворота 1964 г., генерал Аурелио де Лира Таварес,— представляет собой... традицию огромной важности в деле упрочения бразильской демократии. Это предопределяет выдающуюся роль вооруженных сил в защите великих идеалов народа, с которым они всегда были солидарны, поскольку составляют с ним единое целое. Дух иерархии, дисциплины и уважения законности настолько сильны у бразильского военного, что только крайняя необходимость национального спасения или спасения националь-

ных институтов может его заставить восстать во имя защиты отечества, выступить против существующего режима»²³ Такой именно характер, по утверждению генерала Тавареса, носило выступление армии в 1964 г.

Известный бразильский социолог Хильберто Фрейре, пытаясь оправдать свержение правительства Гуларта вооруженными силами, ссылаясь на исключительность пути развития Бразилии, ее принципиальное отличие от других латиноамериканских стран. Эту исключительность он видел в том, что изменения в стране, ее эволюция происходят без больших социальных потрясений, при сохранении равновесия, при стремлении сохранить старые «традиционные ценности»²⁴.

Агрессивные, если можно так сказать, формы национализма постепенно выступали на первый план. По словам Октавио Ианни, характерной чертой «нового бразильского национализма» являются призывы к строительству «Великой Бразилии»²⁵ Усиление пропаганды лозунгов великодержавного национализма было связано с укреплением позиций в армии сторонников так называемой жесткой линии, которые стремились к более решительному отказу от всех атрибутов «представительной демократии», укреплению авторитарно-диктаторских методов правления. Усиление позиций правоэкстремистских групп военных вело и к некоторому пересмотру военно-политической доктрины идеологов «Сорбонны» в том плане, что лозунги «взаимозависимости», «западной солидарности» стали отодвигаться в правительственной пропаганде на задний план. Зато пропаганда «Великой Бразилии», ее лидерства не только в Латинской Америке, но и в других районах мира получила необычайно широкий размах.

Особенно интенсивно рекламировались политические задачи «бразильской революции», право Бразилии осуществлять опеку над другими латиноамериканскими странами. Так, военно-морской министр адмирал Нунес заявил: «В Южной Атлантике с ее интенсивным судоходством создан вакуум, который мы должны заполнить»²⁶ А один из наиболее активных пропагандистов политической военной доктрины, генерал Мейра Матос, отводил, например, Боливии роль сырьевого придатка Бразилии²⁷ Активное участие бразильских военных кругов в свержении патриотического правительства генерала Торреса в Боливии лишний раз подтвердило агрессивность геополитических амбиций сторонников планов «Великой Бразилии». Руководством вооруженных сил Бразилии разрабатывались планы вторжения в Уругвай в случае победы на выборах в этой стране Широкого фронта²⁸.

Консервативность и реакционность военно-политической доктрины, которой руководствуются бразильские вооруженные силы, очевидны. Разрядка международной напряженности, укрепление принципов мирного сосуществования между народами мало в чем отразились в ней. По-прежнему основные положения доктрины «национальной безопасности» проникнуты духом анти-

коммунизма, «холодной войны», выглядят явным анахронизмом в современных условиях. Свои взгляды бразильская военная верхушка противопоставляет военно-патриотическим концепциям, которые развивают руководители перуанских вооруженных сил, ряда других армий латиноамериканских стран. В острой конфронтации столкнулись эти две военно-политические доктрины во время совещания командующих армиями стран — членов ОАГ в Каракасе (сентябрь 1973). Представитель бразильской армии генерал Брено Боргес Фортес выступил на этом совещании с ярых антикоммунистических позиций. Он утверждал, что «международный коммунизм» продолжает оставаться главным врагом народов американского континента²⁹. В духе самого ярого антикоммунизма определялась им и миссия бразильских вооруженных сил по обеспечению национальной безопасности, спасению ценностей «западной цивилизации»³⁰.

Пример бразильских вооруженных сил убедительно свидетельствует о том, какое крайне негативное влияние оказывает идеология буржуазного национализма на армию, деформируя ее сущность, обрекая на бесславную роль по выполнению «исторической миссии» охраны интересов господствующих эксплуататорских классов.

В какие политические, идеологические тупики заводит национализм армию, очень ясно видно также на примере Боливии.

Боливия. С тех пор, как в ноябре 1964 г. боливийские вооруженные силы свергли правительство партии Националистическое революционное движение (НРД), они по сути дела все время находятся у политической власти. За это время позиции армии неоднократно претерпевали значительные метаморфозы, ее представителями выдвигались нередко коренным образом отличающиеся друг от друга идеологические платформы. Объяснение этого на первый взгляд парадоксального феномена следует искать в борьбе различных тенденций и течений в рядах вооруженных сил.

К моменту захвата в 1964 г. политической власти военными в боливийской армии сложилось соотношение сил в пользу представителей правонационалистического крыла. Укрепление позиций этого течения происходило в условиях, когда руководство НРД вступало во все более острые конфликты с трудящимися массами, которые открыто выражали недовольство антинациональной политикой соглашения с империализмом. Напряженность в отношениях НРД с трудящимися массами была одной из главных причин, побудивших правящие круги всерьез заняться укреплением армии, чтобы использовать ее в качестве репрессивного орудия по подавлению выступлений трудящихся. Процесс перестройки армии осуществлялся под прямым контролем Пентагона. Практически за короткое время (конец 50-х — начало 60-х годов) большинство офицеров армии прошло курс обучения в США. Естественно, это обучение не ограничивалось

простым повышением профессионального уровня подготовки военных, а включало в себя их идеологическую обработку в духе теорий «внутреннего фронта», «контрреволюционной войны».

Так постепенно на политическую авансцену начала выдвигаться армия, которая, по определению боливийских коммунистов, все больше проявляла тенденцию к превращению в «армию реваншистскую и реакционную»³¹ Течение, которое в рядах вооруженных сил олицетворяло реваншизм, характеризовалось яркой враждой к рабочему классу, трудящимся. В них представители этого течения видели своих главных врагов, униживших «достоинство» армии в дни апрельской революции*, орудие «международного коммунизма», который-де стремится уничтожить профессиональную армию, заменив ее рабочей милицией. В своем антикоммунистическом, националистическом ослеплении сторонники этого течения в армии усматривали даже в политике реформаторских лидеров НРД опасное поощрение левого экстремизма.

После захвата политической власти ультранационалистические круги военных развернули демагогическую кампанию, стремясь представить себя спасителями нации, борющимися за возрождение национальных духовных ценностей. Президент страны генерал Баррьентос и его сторонники апеллировали к памяти Буша и Вильяроэля, военных-патриотов, которые трагически погибли, борясь против олигархии и империализма. Они пышно окрестили свой государственный переворот «революцией реставрации», которая призвана осуществить национальное возрождение Боливии. На деле же политика «национального возрождения» была ориентирована на всемерное поощрение проникновения в сторону иностранного капитала, укрепление позиций местной буржуазии, которая стремилась ликвидировать завоевания народных масс, добытых ими в предшествующий период.

Во время правления Баррьентоса с особой ясностью выступили на первый план омерзительные черты «реваншистской армии», воспитанной в духе ярого национализма, шовинизма и даже ксенофобии. Армия обрушилась с репрессиями на рабочих, устраивая настоящую бойню в горняцких поселках под предлогом ликвидации заговора «международного коммунизма». Контрреволюционный режим подвергал травле рабочих-горняков и другие наиболее передовые отряды рабочего класса, прикрываясь демагогическим националистическим утверждением, что пролетариат является «антинациональной» силой, препятствующей «национальной реконструкции отечества». Руководители баррьентистского режима, стремясь натравить крестьянские массы на пролетариат, беззастенчиво льстили им, играли на их национа-

---

* Во время апрельского народного восстания 1952 г. вооруженные отряды рабочих, поддержанные народными массами, нанесли сокрушительное поражение регулярной армии.

листических предрассудках, объявляя их, в противовес рабочему классу, «основой нации», главным носителем «национального духа». В этой политике «разделяй и властвуй» с собой ясностью проявлялась тлетворная идеология буржуазного национализма.

Агрессивные, шовинистические черты этот национализм в полной мере продемонстрировал во время подавления армией партизанского движения, возглавляемого пламенным революционером-интернационалистом Эрнесто Че Геварой. Против партизан были брошены специальные части, созданные с помощью американских военных советников для борьбы на «внутреннем фронте». Только разлагающая атмосфера антикоммунистической и националистической истерии, контрреволюционного реваншизма могла породить такой тип военно-палача, который олицетворял собой полковник Андрес Селич. Он командовал соединениями рейнджеров во время операции против партизан, на его руках кровь Че Гевары. В качестве трофея он носил часы, снятые с руки убитого великого революционера. Этому садисту и палачу принадлежат циничные по своей откровенности слова: «Единственные коммунисты, которые мне нравятся,— это те, которые имеют метр земли над своей головой»³².

Не только в расправах над трудящимися, патриотами и революционерами отличались буржуазные националисты из числа военных руководителей режима «революции реставрации». На словах они распинаялись в своей приверженности к моральным, духовным ценностям, их речи и выступления были обильно оснащены морализаторскими сентенциями. На деле же многие из них превращались в нуворишей, пополняли ряды бюрократической буржуазии. Национализм не стал тем эффективным средством от коррупции и обогащения, о котором столь велеречиво рассуждали руководители режима.

В сентябре 1969 г. «реваншистское» крыло армии в результате выступления патриотического течения военных оказалось отстраненным от власти. Однако правые националисты в рядах армии не сложили оружия. Во время пребывания у власти левонационалистического правительства генерала Овандо, а затем генерала Торреса они основное внимание обращали на то, чтобы вновь поставить вооруженные силы под свой полный контроль. В течение всего этого периода правые в армии постоянно осуществляли своеобразную «пробу сил», стремясь постоянными заговорами, путчами расшатать прогрессивные режимы, подорвать их стабильность. Одновременно они развернули интенсивную националистическую пропаганду, ориентированную в первую очередь на вооруженные силы. Антиимпериалистической военной доктрине, развиваемой военными-патриотами, они противопоставляли тезис о надклассовости боливийской армии, о ее «чистом» профессионализме. «Наша идеология,— заявлял генерал Реке Терран, командующий армией во время президентства Торреса,— чисто боливийская и поэтому мы являемся националистами»³³

Так исподволь военным внушалась мысль об их «мессианстве», «апостольской миссии», что в первую очередь было направлено на противопоставление вооруженных сил освободительному движению, сплочению армии на основе «институционного» единства.

К началу 70-х годов в стране сложилось такое соотношение сил, что ультранационалистически настроенным правым военным удалось повести за собой армию и осуществить в августе 1971 г. контрреволюционный государственный переворот, возглавленный полковником Бансером. Прогрессивный боливийский политический деятель Марсело Кирога Санта Крус в числе многих других причин выступления армии как единого института против правительства генерала Торреса отмечает использование реакцией авантюристических нападок ультралевых на военных с целью пробудить в вооруженных силах «чувства профессиональной самозащиты как коллективной, так и индивидуальной»³⁴.

Как и прежние правонационалистические режимы, правительство Бансера выступило под широковещательными лозунгами сплочения всех боливийцев под знаменем «истинно боливийской идеологии». «Исповедуемая апологетами режима идеология, — пишет Карлос Альба, член ЦК Компартии Боливии, — представляется как некая «концепция жизни общества и личности», как «великое теоретическое оружие миллионов людей, сознание которых крепнет в борьбе за интересы наций, за их самоопределение, за социальный прогресс и преобразования». Сколько громких слов, сколько лжи нагромождено в одной-единственной фразе!»³⁵ Идеологи и руководители режима не жалели слов, чтобы представить национализм в качестве именно той идеологии, которая способна объединить всех боливийцев, независимо от классовой и социальной принадлежности. Классовая борьба объявлялась ими «инородным» элементом в боливийском обществе, предавалась анафеме. «Существование националистического правительства, — заявлял Бансерес, — подразумевает само собой сотрудничество всех социальных классов страны. Мы, боливийцы, еще окончательно не создавшие национального государства, не можем позволить себе роскошь классовой борьбы, которая привела бы к гибели само наше отечество»³⁶.

Главным носителем этой надклассовой националистической идеологии объявлялись вооруженные силы; на них, по словам идеологов национализма, возлагалась миссия стать гарантом строительства «нового отечества». Больше того, буржуазные националисты стремились сделать армию главным оружием упрочения капитализма в стране, обезопасить с ее помощью интересы привилегированных групп населения. Они не жалели слов, чтобы польстить военным, изобразить их спасителями нации. «Вооруженные силы, — говорил Бансер, — воодушевлены идеями националистической философии. Они исповедуют глубокий символ веры — всемерное служение интересам родины»³⁷.

Таковы слова руководителей режима. Их же дела говорят о том, что «единства» боливийцев они стремятся достичь путем жестокого преследования всех инакомыслящих, расправ с трудящимися, всеми демократическими силами. Политика «консолидации» отечества на деле превращается в укрепление позиций местной буржуазии, тесно связанной с иностранным капиталом, в раздачу национальных богатств иностранным монополиям. Антинациональная сущность политики националистов с особой очевидностью проявилась в том, что ультранационалистические лидеры Боливийской социалистической фаланги, входившие в так называемый Националистический народный фронт вместе с правыми лидерами Националистического революционного движения, открыто стали проповедовать лозунг федерации Боливии, который по сути дела призван оправдать территориальное расчленение страны. В первую очередь речь идет о передаче Бразилии наиболее развитого в экономическом отношении департамента Санта-Крус.

Вооруженные силы Боливии, втянутые в антинациональную политику националистов, переживают глубокий кризис. Наиболее правонастроенные военные проявляют склонность к поддержке планов фалангистов по «федерализации» страны. Другая же их часть, учитывая рост недовольства в вооруженных силах этой капитулянтской политикой, выступает против подобных планов и стремится укрепить сотрудничество с иностранными монополиями, бразильскими правящими кругами на основе сохранения территориальной целостности страны, что не мешает им всемерно пропагандировать тезис об «естественном» праве сильных стран осуществлять опеку над слабыми. «Сильные страны,— заявил, например, Бансер, явно имея в виду Бразилию,— должны осуществлять регулируемую гегемонию над слабыми»³⁸

Противоречия в лагере буржуазных националистов вызвали кризис в рядах Националистического народного фронта, привели к его полному развалу. Запретив деятельность всех политических партий, отменив намечавшиеся на 1975 г. выборы, военная верхушка во главе с генералом Бансером решила править сама, без всякого содействия со стороны всякого рода политических попутчиков. Видимо, в принятии такого решения сыграл свою роль ряд причин. Путем прямого политического правления армии военные руководители намереваются смягчить недовольство в рядах вооруженных сил, связать военных своего рода круговой порукой участия в управлении страной. Другая же, более важная причина заключается в стремлении правонационалистически настроенной военной элиты осуществлять политику капиталистической «модернизации» страны за счет трудящихся масс путем установления, по словам Марсело Кирога Санта Крус, военнотехнократического режима, представляющего интересы реакционного течения в армии и представителей крупной буржуазии³⁹

Но, пожалуй, самое убедительное свидетельство всей тлетвор-

ности и пагубности влияния правоэкстремистского национализма на военных представляют чилийские вооруженные силы.

Чили. Совершив контрреволюционный переворот, фашиствующая верхушка чилийских вооруженных сил наряду с кровавыми репрессиями развязала разнузданную националистическую, антикоммунистическую кампанию, демагогически заявляя о спасении «национальных духовных ценностей» от угрозы «международного коммунизма». Главным орудием спасения страны от «марксистской угрозы» руководители военно-фашистской хунты объявляют вооруженные силы, этот оплот, как они заявляют, чилийского национализма.

Характеризуя идеологию военно-фашистской хунты, чилийские коммунисты подчеркивают: «Фашизму свойствен националистический разгул, и Чили, разумеется, не составляет исключения. Диктатура прибегает в равной степени как к великодержавному шовинизму, так и к «национализму малой нации» (здесь и «завоевания ведущей роли в Латинской Америке», и «небольшая страна, подвергающаяся нападкам двух сверхдержав») в зависимости от целей, которые она преследует. Идеология национализма используется режимом, чтобы подчинить прежде всего мелкую буржуазию, попытаться развратить молодежь и обеспечить в вооруженных силах послушание фашистскому командованию»⁴⁰.

В течение долгих десятилетий, предшествовавших трагическим событиям сентября 1973 г., вооруженные силы активно обрабатывались господствующими буржуазно-помещичьими группировками в духе самого ярого национализма. Пожалуй, трудно найти какую-либо другую латиноамериканскую страну, где бы буржуазная пропаганда создавала такую изощренную мифологию о вооруженных силах как защитнике отечества, олицетворении «националистического единства», «национального духа» и т. д. Ярый национализм в пропаганде правящих классов в армии сочетался с разглагольствованиями об «аполитичности» вооруженных сил, что также служило целям обоснования их надклассовости. Эта националистическая демагогия служила пропагандистским приемом для оправдания роли вооруженных сил как гаранта социального статус-кво, на защиту которого они должны открыто выступить, если возникнет угроза существующим порядкам со стороны «подрывных элементов».

Наиболее правые, экстремистски настроенные представители господствующих классов шли еще дальше, ставя под сомнение правомерность существования самих буржуазных институтов «представительной демократии», выступая за установление с помощью вооруженных сил «нового порядка», основанного на принципах иерархии и корпоративизма. Эти идеи в период между двумя мировыми войнами особенно активно пропагандировали такие «властители дум» чилийских ультраправых, в том числе в рядах армии, как Альберто Эдвардс Вивес, Франсиско Антонио

Эпсипа. Так, по утверждению последнего, готско-баскский элемент, воплощающий в себе явно выраженные нордические черты, дал жизнь современному Чили, составил слой «динамичной» аристократии, которая успешно руководила судьбами страны, «несла цивилизацию инертным массам населения»⁴¹. Героем олигархии был политический деятель прошлого века Диего Порталес, сторонник авторитарных методов правления.

Идеологами ультраправых вооруженные силы объявлялись посетителями именно тех духовных национальных ценностей, которые якобы свойственны нордической расе. Нет ничего удивительного в том, что эти идеи подхватила контрреволюция в годы правительства Народного единства, ими дополнили свой «идейный багаж» фашиствующие военные.

Обработка вооруженных сил в течение долгих лет в духе национализма не прошла для них бесследно. Идея надклассовости армии принималась многими в вооруженных силах как своего рода постулат, аксиома, не нуждающаяся в каких-либо доказательствах. Так, в книге подполковника Альберто Польони «Роль вооруженных сил в национальной жизни», допущенной в качестве учебного пособия для военных школ и училищ, утверждается: «Вооруженные силы состоят из людей всех социальных классов и профессий... поэтому они идеально воплощают в себе национальное единство и являются одной из его наиболее прочных опор»⁴².

Влиянию идеологии национализма на вооруженные силы в немалой степени способствовало и то, что армия воспитывалась в сугубо кастовом духе, когда особый «военный мир» противопоставлялся «миру гражданскому», раздираемому политическими страстями и противоречиями.

Однако под влиянием обострения классово-социальной борьбы в стране, усугубляющегося структурного кризиса чилийского общества, казалось бы, монолитная идеология национализма, бывшая своего рода официальной доктриной вооруженных сил, начала давать трещины. Особенно это стало заметным в период острой политической борьбы во время предвыборной президентской кампании 1970 г. Стремясь не допустить прихода к власти кандидата Народного единства Сальвадора Альенде, правые силы открыто апеллировали к армии, призывая ее сказать свое решающее слово, чтобы спасти страну от «международного коммунизма». Экстремистски настроенные военные не скрывали своих стремлений совершить государственный переворот, ликвидировать институты «представительной демократии», установив авторитарно-диктаторский режим. Выразителем интересов этой группы военных стал ярый антикоммунист и националист генерал Роберто Вио, тесно связанный с олигархическими кругами страны.

В то же время в вооруженных силах существовало течение, представители которого стремились порвать с тлетворным влия-

нием идеологии буржуазного национализма, связать свои интересы с устремлениями народных масс. Представители этого национально-демократического течения в вооруженных силах, возглавляемые сначала командующим армией генералом Шнейдером, а после его убийства реакционерами генералом Пратсом, поддержали вступление на пост президента Сальвадора Альенде и затем сотрудничали с правительством Народного единства. Между этими двумя своеобразными полюсами в вооруженных силах находилась довольно большая масса военных, которая продолжала сохранять приверженность к националистическому лозунгу надклассовости армии, ее роли как гаранта «национального единства». В дни, когда решалась судьба президентских выборов, эта часть военных в общем-то пошла за представителями национально-демократического течения в армии. Однако исход борьбы между различными течениями в вооруженных силах был далеко еще не ясен. Многое зависело от того, сумеют ли представители национально-демократического течения в вооруженных силах оказать решающее влияние на основную массу военных или же правая ультранационалистическая группировка навяжет свою волю армии.

Положение в вооруженных силах складывалось так, что постепенно в них брали верх представители реакционной фашиствующей группы военных, которая стала теснить с ключевых постов сторонников политической линии генералов Шнейдера — Пратса. Объяснялось это тем, что в силу ряда причин не удалось установить прочное сотрудничество между сторонниками доктрины Шнейдера — Пратса и правительством Народного единства. Сыграло здесь свою роль сектантство ультралевых и поддерживающих их течений в Народном единстве в отношении патриотически настроенных военных. «Сектантские концепции, — пишет член руководства КПЧ Рене Кастильо, — давали о себе знать в неизменном отказе ультралевых от союза народного движения с патриотически настроенными и сохранившими верность конституции военными. Это ослабляло их позицию, позволяло фашистам группировать вокруг себя офицеров, а в конечном счете блокировать всякое сопротивление путчистам внутри вооруженных сил»⁴³.

Идеологическая обработка вооруженных сил в духе ярого национализма велась реакционными группировками как внутри армии, так и вне ее. Вновь на первый план выдвигались концепции шовинистического великодержавного национализма, которые развивались сторонниками «исторической школы» Энсины. Так, чилийский профессор Хуан Луис Осса, расхваливая воинствующий национализм «чилийской расы» в прошлом, который характеризовался духом экспансионизма, сокрушался по поводу его «угасания» с начала XX в. Причины потери «жизненной силы» у «чилийской расы» он усматривал в пагубном иностранном влиянии на все стороны жизни чилийского народа, засилье полити-

ческих партий с антинациональной идеологией, что лишило страну национального величия, превратило ее в «третьеразрядную нацию»⁴⁴. Одну из главных бед Чили идеологи воинствующего национализма видели в игнорировании роли вооруженных сил, которые призваны охранять само существование чилийской нации⁴⁵. Осса недвусмысленно выступал за то, чтобы армия навела порядок в стране, вернула чилийскому народу утраченные им «националистические идеалы».

Апелляции к вооруженным силам у идеологов воинствующего антикоммунизма и представителей национализма сочетались с нападениями на демократические институты, которые, по их утверждению, поставили страну перед угрозой поглощения «международным коммунизмом», ее исчезновения как нации. Так, Пабло Родригес, один из руководителей ультранационалистической, нефашистской организации «Родина и свобода», заявлял после мартовских выборов 1973 г.: «Мы считаем, что из создавшейся в Чили ситуации нельзя выйти с помощью традиционных методов. И если мы хотим действительно освободиться от марксизма, необходимо решительно отбросить в сторону те классические политические нормы, которые вынуждены ныне отступать перед лицом угрожающей действительности»⁴⁶.

Составной частью обработки вооруженных сил в духе реакционного национализма была пропаганда идей «деполитизации» чилийского общества, необходимости управления им чисто «технократическими» методами. С помощью этих аргументов военным внушалась мысль, что они как гарант национального, надклассового единства должны выступить инициаторами перестройки «мышления чилийцев», так сказать, его «деидеологизировать». Одним из наиболее активных пропагандистов идей «деполитизации» выступала буржуазно-клерикальная группировка «Опус деи», которая отражала интересы альянса местной монополистической буржуазии, крупных аграриев с межнациональными корпорациями. Идеологи этой группировки мечтали перестроить чилийское общество по образцу франкистского корпоративизма, введя в него элемент неокapитализма с его механизмом социального маневрирования, с политикой интеграции трудящихся в общество государственно-монополистического капитализма. Рупором «Опус деи» стал журнал «Кэ паса», который отличался яростными нападениями на правительство Народного единства.

Подобного рода идеологическая платформа стала той основой, на которой создавался альянс буржуазно-помещичьей олигархии с реакционной военной верхушкой. Именно этот «священный» антикоммунистический союз осуществил контрреволюционный переворот, развязал кровавый террор против прогрессивных сил. Не случайно, придя к власти, фашиствующая военная верхушка провозгласила в качестве своей идеологии самый разнуданный шовинистический национализм. Черпая свое вдохновение из антинародных расистских писаний Энсины и других теорети-

ков ультраправых, руководители военной хунты заявляли о своем стремлении создать «новый порядок» в стране, где правила бы отмеченная благодатью провидения элита, а народные массы, «деполитизированные» и «деидеологизированные», послушно следовали за ней.

В качестве своеобразного «духовного отца» контрреволюционного режима усиленно рекламировалась личность Диего Порталеса. Его имя поднимали на щит главари хунты, его идеи в соответственно модернизированном виде используют идеологи режима. Выступая с претензией на создание новой националистической системы взглядов, апологеты контрреволюции называли ее «порталесовым реактивным двигателем». Эту «новую идеологию» военная хунта сформулировала в своей декларации в марте 1974 г. Вся она была пронизана ультранационалистическим, шовинистическим духом. В ней провозглашалось стремление создать авторитарное государство, способное переделать сознание чилийцев, на что уйдет, они считают, по меньшей мере жизнь одного поколения. Провозглашая «деполитизацию» страны, хунта обрушилась с нападками на прогрессивные, революционные партии, которые-де руководствуются «антинациональной», «интернационалистской» идеологией*. Хунта одним росчерком пера отменила в стране и «антагонизмы между социальными классами» и «иностранный культурный нашествие».

Декларация принципов была обильно оснащена сентенциями о «божественной миссии» человека, о защите его «естественных прав», лицемерие которых выглядело особенно отвратительным на фоне ликвидации в стране самых элементарных прав человека, кровавых расправ с патриотами. Упоминание о «божественных правах» человека у идеологов хунты носило, так сказать, сугубо служебный характер. Военная хунта заявляла о своей приверженности к «частной собственности», «свободной конкуренции», которая-де представляет собой естественное проявление сущности человека. Государству отводилась роль защитника интересов «общества собственников», своего рода регулятора «свободной рыночной экономики»⁴⁷.

Иными словами, кредо фашистской хунты в Чили представляет собой эклектическую смесь из нескольких модернизированных идей корпоративизма, а также «неокапиталистических» теорий в духе идеологов «Опус деи», других разновидностей буржуазно-технократических взглядов и концепций. Вот эту пародию на идеологию, окрещенную «чилийским национализмом», идеологи хунты хотят сделать официальной доктриной вооруженных сил, которые подвергаются усиленной политической и идейной обработке. На страницах различных ультраправых газет и журналов, поддерживающих политику диктатуры, печатаются пре-

---

* Наряду с марксистскими партиями в разряд таких партий зачислялись и христианские демократы.

тщательные эссе, «социологические» изыскания, в которых превозносится «историческая миссия» вооруженных сил по возрождению «чилийского национализма». Так, журнал «Кэ паса», оправдывая националистическую «исключительность» вооруженных сил, писал, что они воплощают в себе боевой дух испанских конкистадоров и индейцев араукан⁴⁸.

Прогрессивные силы страны, которые в тяжелых условиях подполья ведут героическую борьбу против военно-фашистского режима, решительно разоблачают националистическую демагогию идеологов контрреволюции. Так, чилийские коммунисты в своем открытом письме вооруженным силам и корпусу карабинеров, опубликованном осенью 1974 г., обращают особое внимание военных на то, что они защищают интересы эксплуататорского меньшинства, которое ради сохранения своих привилегий проводит антинациональную, капитулянтскую политику, широко раскрывает двери страны перед иностранными империалистическими монополиями.

«Мы решительно отвергаем,— заявляют чилийские коммунисты,— лживую, антикоммунистическую кампанию режима. Он становится посмешищем в глазах всего мира, когда пытается задушить идеи, которые определяют ход истории на значительной части земного шара и распространяются во всех его частях. Международный характер идей — явление далеко не новое и не представляет чьего-либо дьявольского изобретения. Все идеи носят интернациональный характер и даже те из них, очень куцые и бескрылые, которые пропагандируют советники хунты. Разве антикоммунизм — это чилийское изобретение? Разве пресловутая «социальная рыночная экономика», которая катастрофически снижает жизненный уровень трудящихся, исключительно чилийское явление? А может быть, она плод гениального креольского изобретения управляющего газетой «Эль Меркурио»? Конечно, нет. Все они, как и великие идеи, которые возникали на протяжении всей истории человечества, носят интернациональный характер»⁴⁹.

Коммунисты призывают всех честных военных-патриотов поврать с преступной, антинациональной политикой хунты, включиться в борьбу демократических сил за ее свержение.

2. ЛЕВОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ, РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

Одним из свидетельств углубляющейся идеологической, политической борьбы в вооруженных силах стран Латинской Америки является возникновение антиимпериалистических, патриотических течений в рядах армии. Как правило, представители этих течений выступают под левонационалистическими лозунгами,

провозглашают свою приверженность к революционному национализму. Идеологические позиции сторонников этих течений представляют пестрый конгломерат различных взглядов и концепций, отражая всю сложность и противоречивость идейной борьбы в военной среде, неоднозначность эволюции левонационалистических течений в вооруженных силах различных латиноамериканских стран. Четко не оформленный, зыбкий, изменчивый характер взглядов, известных под условным названием революционного национализма, пожалуй, наиболее ясно проявляется в борьбе течений в рядах армий стран Латинской Америки. В одних армиях сторонники революционного национализма, левонационалистических взглядов разобщены и каждая группировка военных, как правило, вкладывает весьма различное содержание в трактовку этих понятий и идей, что бесспорно тормозит объединение антиимпериалистических течений в вооруженных силах. В других странах попытки представителей радикально настроенных групп военных сделать революционный национализм основой военно-политической доктрины вооруженных сил окончились неудачей. В то же время в ряде стран Латинской Америки левонационалистические идеи, революционный национализм стали той идейной основой, на которой удалось сплотить представителей революционно-демократического ядра вооруженных сил, что оказало существенное влияние на изменение облика армии, предопределило ее эволюцию в сторону антиимпериализма, социального реформаторства. В этих условиях идеи революционного национализма становятся как бы мостиком к переходу на революционно-демократические позиции, все более характеризующиеся антиимпериалистической направленностью.

Вся эта сложная, противоречивая идейно-политическая эволюция левонационалистических, патриотических течений в военной среде наиболее отчетливо проявляется в вооруженных силах Аргентины, Боливии, Панамы, Перу.

Аргентина. Возникновение антиимпериалистических настроений в аргентинских вооруженных силах теснейшим образом связано с глубоким кризисом антинациональной, проимпериалистической политики, которую буржуазно-латифундистская олигархия пыталась навязать стране при активной поддержке реакционной военной верхушки в годы существования военно-авторитарного режима (1966—1973). Выступая на VII национальной конференции Компартии (апрель 1967), руководитель аргентинских коммунистов Викторио Кодовилья так охарактеризовал причины роста патриотических настроений в рядах вооруженных сил: «Большинство унтер-офицеров и часть офицеров, поддержавших движение 28 июня*, верили в то, что оно преследует националистические цели, т. е. выступали в защиту национальных богатств, за эффективное развитие национальной экономики,

---

* 28 июня 1966 г. в Аргентине к власти пришли вооруженные силы.

за независимую политику. Но, почувствовав на себе последствия экономической политики правительства, они начинают выражать недовольство антинациональным и антинародным курсом властей»⁵⁰.

Это недовольство проявлялось в различных формах, на разных иерархических уровнях вооруженных сил, постепенно охватывая все большее число военных всех чинов и рангов. По-разному формулировались и взгляды о роли армии в политике у представителей левонационалистических, патриотических течений в вооруженных силах.

Пожалуй, наиболее четко была сформулирована концепция той группы военных-патриотов, которые объединились вокруг журнала «Эстратегиа» (начал издаваться с весны 1969 г.). Идеологическое, политическое кредо журнала было изложено в редакционной статье его первого номера. Отмечая, что происходящие в международных отношениях большие изменения вызывают необходимость пересмотра концепций «национальной безопасности» и военной стратегии, руководители журнала видели суть этих изменений в усилении тенденции к мирному сосуществованию в отношениях между народами, что, по их мнению, ведет к перенесению тяжести борьбы и соперничества между различными социальными, политическими системами в экономическую, научную, техническую и идеологическую области. В этих условиях, отмечалось в редакционной статье, вновь в мире приобретают большое значение идеи национального суверенитета и в силу этого политика того или иного государства должна исходить прежде всего из национальных интересов.

В отличие от правонационалистических теорий «внутреннего фронта», «контрреволюционной войны» журнал «Эстратегиа» выдвигал на первый план интересы национальной независимости страны, обеспечения ее безопасности. Такая позиция отвергала антикоммунистическую концепцию «западной солидарности» с ее декларациями о «Великой Аргентине» в духе правого, шовинистического национализма.

Являясь по своим идейным позициям сторонниками националистических взглядов, руководители журнала придерживались той точки зрения, что в мире происходит борьба двух сверхдержав, возникла «многополюсность» в расстановке сил. Однако при всей явной неверности оценки положения, складывающегося на международной арене, нельзя не видеть, что на позицию журнала объективно оказывали немалое влияние большие сдвиги в соотношении сил в мире, которые стали возможны в результате борьбы Советского Союза и других стран мирового социалистического содружества за разрядку международной напряженности, за упрочение принципов мирного сосуществования.

Резкой критике подверглись в журнале военно-политические доктрины и концепции Пентагона, попытки империализма навязать их армиям латиноамериканских стран.

Эти выступления журнала вызвали большой общественный резонанс в стране и за ее пределами, получили высокую оценку прогрессивных, антиимпериалистических сил. Так, подполковник Альберто Мануэль Гарасио аргументировал свое отрицание концепции «внутреннего фронта» тем, что проведение ее в жизнь превращает национальные армии стран Латинской Америки в оккупационные войска своих собственных государств⁵¹.

Не менее острой критике подвергалась политика подчинения вооруженных сил страны плану империалистической глобальной стратегии в статье полковника Аугусто Раттембача. Он выступал за то, чтобы аргентинские военные отвергли попытки США навязать им концепцию «антипартизанской войны», планы создания «межамериканских вооруженных сил» и «другие подобные фальшивые идеи, которые предназначены для того, чтобы воспрепятствовать или существенно ограничить независимое и суверенное развитие армий латиноамериканских стран»⁵². По словам Раттембача, эти планы терпят неудачу, встречая все более упорное противодействие со стороны латиноамериканских военных⁵³.

Большое место в журнале занимали выступления видных военных деятелей о поддержке борьбы за упрочение экономической самостоятельности страны, развитие тяжелой промышленности как основы укрепления национального суверенитета. Широко пропагандировалось идейное наследие выдающихся военных деятелей — генералов-патриотов Москони, Бельдрича и Савио, которые внесли большой вклад в создание государственного сектора, выступали за обуздание стихии «свободного предпринимательства»⁵⁴.

Попытку сформулировать и обосновать в левонационалистическом духе новую военно-политическую доктрину аргентинских вооруженных сил предпринял главный редактор журнала «Эстратегия» дивизионный генерал Хуан Энрике Гульальмели. Его идеи находят благожелательный отклик в рядах прогрессивных революционных кругов. Генерал Х. Э. Гульальмели выступает за то, чтобы вооруженные силы страны были надежными защитниками национальных интересов, ставили эти интересы превыше всего, тесно связывали с ними задачу обеспечения национальной безопасности. Генерал-патриот призывает вооруженные силы видеть истинных врагов независимого развития Аргентины в иностранных монополиях и их местных союзниках, бороться с этими врагами. Вооруженные силы должны понять, писал Х. Э. Гульальмели, что главное противоречие, с которым сталкивается страна, — это противоречие между стремлением к национальному прогрессу и растущей агрессивностью внутренних и внешних сил с целью сохранения статус-кво, чтобы воспрепятствовать достижению полной независимости страны⁵⁵.

Полемизируя с военно-политическими концепциями Пентагона, генерал Гульальмели подчеркивал, что для вооруженных сил

не должна быть приемлемой точка зрения, которая оправдывает репрессии против народного движения под предлогом сохранения порядка, ликвидации «подрывной деятельности»⁵⁶ Причины социальных потрясений следует искать, по его словам, в недовольстве народных масс своим экономическим положением, в отказе правящих классов удовлетворить их справедливые требования⁵⁷

В этой связи генерал Гулььяльмели развивает и обосновывает свою концепцию национальной революции: «Мы понимаем под революцией единые усилия всего национального сообщества в деле консолидации своего положения как нации с тем, чтобы самые главные суверенные решения принимались им, а не кем-либо другим. Поэтому непосредственные цели этой революции состоят в том, чтобы создать материальные основы суверенитета и укрепить духовные узы между различными районами страны»⁵⁸.

В такой постановке вопроса ясно чувствовалось влияние идей национализма, стремление противопоставить классовой борьбе «национальное единство». Однако трактовка этого единства у генерала Гулььяльмели носила существенно иной характер, чем у сторонников правоационалистических взглядов. Для последних аннексия к «национальному единству» во имя борьбы за «экономическую самостоятельность» была предлогом для того, чтобы протащить идею о необходимости для трудящихся, пролетариата отказаться от своих требований, потуже затянуть пояс во имя высших национальных идей. Генерал Гулььяльмели и его сторонники делали упор на создание широкой коалиции патриотических сил во имя борьбы за упрочение национальной независимости, завоевание экономической самостоятельности. Иными словами, концепция «национальной революции» при всей ее туманности и неполноте (в ней, в частности, почти ничего не говорилось об аграрной реформе) ставила своей целью оправдать осуществление серьезных преобразований в стране, участие в них вооруженных сил.

Антиимпериалистическая направленность концепции «национальной революции» особенно стала ясна после того, как многие военные, в том числе и генерал Гулььяльмели, разочаровавшись в попытках изменить политический курс военного режима, выступили с его резкой критикой. «Теперь,— писал генерал Гулььяльмели (август 1972),— я убежден, что аргентинская революция потерпела крах в осуществлении своих основных задач. И самое худшее это то, что она ввергла страну в один из самых глубоких в ее истории экономических, социальных, политических кризисов. Этот кризис включает в себя падение престижа национальных вооруженных сил»⁵⁹. По мнению генерала, вооруженные силы страны стоят перед альтернативой: один путь — это подчинение антинациональной политике, а значит, и сообщничество в ее осуществлении; другой путь — это путь неподчинения и возмущения тех в армии, кто не согласен с такой политикой⁶⁰.

Изменения настроений в аргентинских вооружённых силах, своеобразная переоценка ценностей в их рядах не ограничивалась только выше охарактеризованными идеями и концепциями

Так, большой резонанс в стране и за ее пределами вызвал судебный процесс над молодыми офицерами, который учинило военное командование осенью 1969 г. К суду военного трибунала было привлечено 25 молодых офицеров и учащихся военного училища, которых обвинили в приверженности к «экстремистской идеологии», в чтении запрещенной литературы. Суд приговорил обвиняемых к различным срокам ареста, а затем к увольнению из рядов армии. Мужественное поведение молодых офицеров на суденискало им глубокое уважение демократической общественности. Они не скрывали своих антиимпериалистических настроений, выступали против превращения вооруженных сил в орудие репрессий против рабочего класса, трудящихся. Молодые офицеры открыто заявляли о своих симпатиях к прогрессивной, антиимпериалистической политике перуанского военного правительства. Свои взгляды они охарактеризовали как революционно-националистические, солидаризировались с «Движением священников в защиту третьего мира»⁶¹

Как важный документ, отражающий рост левонационалистических настроений в аргентинских вооруженных силах, можно рассматривать меморандум офицеров крейсера «Генерал Бельграно». Офицеры выступили против политики противопоставления вооруженных сил народу, которая, по их словам, встречает растущую оппозицию среди военных. Авторы документа выразили свою солидарность с борьбой трудящихся масс. Они заявляли, что военные, выходящие из «средних и низших классов», испытывают на себе последствия ухудшающегося экономического и социального положения страны. Военные выступили против политики подчинения страны «интересам антиотечественного и международного капитала» и призвали к созданию «революционного фронта, основанного на подлинно национальной, народной программе, которая ясно показала бы, что вооруженные силы не являются защитниками интересов, чуждых им и нации»⁶². Иной путь привел бы, по словам авторов меморандума, к тому, что народная революция оказалась бы поглощенной «левым империализмом»⁶³.

Как подчеркивали аргентинские коммунисты, подобного рода декларации свидетельствовали об идеологической ограниченности взглядов составителей этого документа, что свойственно вообще многим представителям левонационалистических течений⁶⁴. В определенной степени это связано с тем, что в среде левонационалистически настроенных военных существует недооценка сотрудничества с прогрессивными силами, стремление действовать помимо них. Такая позиция не только ограничивает действия военных-антиимпериалистов, но и способствует попыткам реакции привлечь на свою сторону честных военных. «Этим

военным мы говорим,— заявляют аргентинские коммунисты,— путь коренных решений лежит не через государственные перевороты. Только вместе с народными массами можно добиться успеха, а не игнорируя и не попирая их»⁶⁵.

В наиболее концентрированном виде рост патриотических настроений в рядах аргентинской армии проявился в выступлениях командующего сухопутными войсками генерала Рауля Карканьо на совещании командующих армий стран — членов Организации американских государств (Каракас, сентябрь 1973). Карканьо, полностью солидаризируясь с позицией перуанских военных, выступил за радикальный пересмотр межамериканской военной системы, за разработку новой военной доктрины, которая помогла бы вооруженным силам «лучше служить народу»⁶⁶. Это служение Карканьо видел в активном участии вооруженных сил в процессе социальных преобразований, в отказе от преторианского характера армии.

В других своих выступлениях Карканьо призывал к созданию «духовного единства между армией и народом», ратовал за то, чтобы «армия была поставлена на службу подлинным, постоянным, неоспоримым национальным интересам»⁶⁷. По словам аргентинских коммунистов, такие заявления «отвечают настроениям значительной части офицеров, унтер-офицеров и солдат»⁶⁸.

Необходимо отметить, что процесс усиления патриотических, антиимпериалистических настроений в аргентинской армии наталкивается на ожесточенное противодействие со стороны реакционного «пиночетовского» течения в ее рядах. В определенной степени он тормозится и деформируется самой противоречивостью левонационалистических идей и концепций.

Боливия. В этой стране левонационалистические течения в вооруженных силах выдвинули программу проведения в жизнь политики революционного национализма. Впервые некоторые ее положения были сформулированы в «Революционном мандате национальных вооруженных сил», разработанном армейским командованием для военно-гражданского правительства генерала Овандо Кандиа, пришедшего к власти в сентябре 1969 г. в результате военного переворота. Разъясняя причины свержения правительства Баррьентоса, авторы документа подчеркивали, что «вооруженные силы путем этого институционального решения ставят себя на службу революции и готовы участвовать в борьбе за социальную справедливость, величие родины и за подлинную национальную независимость, ныне поставленную под угрозу иностранным вмешательством»⁶⁹.

В Мандате утверждалось, что необходимое для развития страны преобразование отсталых структур тормозится правыми, традиционалистскими силами. Составители Мандата явно отходили от политики баррьентистского режима в вопросах о путях этого развития. В документе подчеркивалось, что оно «не должно быть самоцелью, во имя чего должны приноситься в жертву челове-

ческое достоинство и национальный суверенитет, а, наоборот, должно быть инструментом для завоевания национальной независимости и установления социальной справедливости в Боливии»⁷⁰.

Важные конструктивные предложения содержались в разделе, посвященном задачам нового режима в области внешней политики. Перед правительством специально выдвигалась задача «установить дипломатические и экономические отношения с социалистическими странами, основанные на взаимном интересе и необходимости сотрудничества, невмешательстве во внутренние дела»⁷¹.

Главным выразителем настроений патриотического, левонационалистического течения в армии был генерал Хуан Хосе Торрес, назначенный правительством генерала Овандо главнокомандующим вооруженными силами страны. Именно он предпринял попытку сформулировать и обосновать новую военно-политическую доктрину боливийской армии в духе идей революционного национализма. Полемизируя с приверженцами теории «внутреннего фронта», Торрес выдвинул тезис о существовании «внутренних границ», который истолковывал в духе антиимпериализма. «Внутренние границы, — говорил Торрес, — не подвергаются вторжению иностранных войск, а становятся объектом вторжения, более мощного и замаскированного. Речь идет о порабощении финансовом, экономическом и культурном, о контроле над внешней торговлей, об удушении национальной промышленности, о подчинении центральных газет, денационализации университета, превознесении частной инициативы. Оккупация страны с помощью этих средств ведет к потере национального суверенитета, и для империализма совершенно не имеет значения, что физические границы государства остаются в сохранности, если внутренний суверенитет подчинен иностранным экономическим интересам»⁷².

Говоря о причинах социальной напряженности в Боливии и других латиноамериканских странах, генерал Торрес подчеркивал, что виной этому является хозяйничанье иностранных монополий, которые расхищают национальные богатства, обогащают плутократию за рубежом, оставляя на долю боливийского народа бесправие и нищету⁷³. По словам Торреса, главная задача боливийских военных должна состоять «в борьбе против всех проявлений слаборазвитости»⁷⁴. Такая постановка вопроса свидетельствовала о том, что патриотически настроенные боливийские военные отвергали бесплодные, антинациональные концепции, оправдывающие превращение армии в карательные отряды по борьбе с собственным народом. По словам генерала Торреса, вооруженные силы должны проявлять широту в понимании причин партизанского движения в стране, выступать в поддержку углубления целей и задач революционного процесса. В этой связи генерал Торрес и его сторонники выдвигали тезис об авангард-

ной роли вооруженных сил в процессе антиимпериалистических социальных преобразований⁷⁵.

Свою точку зрения Торрес аргументировал в духе идей революционного национализма, выдвинув тезис об особой роли вооруженных сил в странах «третьего мира», где они в силу слабости и неорганизованности угнетенных империализмом и местной олигархией классов играют ведущую роль в борьбе за освобождение⁷⁶. В то же время генерал Торрес выступал за то, чтобы вооруженные силы координировали бы свои действия с борьбой эксплуатируемых масс.

Выдвинутый Торресом тезис об авангардной роли армии в революционном преобразовании носил больше характер проекции в будущее, заданной нормативности, чем адекватно отражал существующее в действительности положение, поскольку в вооруженных силах немалым влиянием пользовались правонационалистические течения, которые отвергали новую военную доктрину. Углубление классовой, социальной борьбы в стране усилило дифференциацию в рядах армии, обострило борьбу течений в вооруженных силах, что нашло отражение в бурных событиях октября 1970 г., когда правые военные попытались захватить власть. Совместные действия патриотически настроенных военных с трудящимися сорвали планы путчистов. Президентом страны был провозглашен генерал Хуан Хосе Торрес.

Правительство генерала Торреса взяло курс на расширение социальной опоры своей политики, конкретизировало и углубило понятие «национально-революционной» модели государства, опубликовав долгосрочную программу преобразования страны под названием «Социально-экономическая стратегия национального развития на 1971—1991 гг.». Составители плана придерживались концепции революционного национализма, которая, по их словам, призвана осмыслить и дать правильное истолкование места Боливии среди стран «третьего мира», их роли в мировых процессах, в борьбе капиталистической и социалистической систем.

В чем же была сущность этой модели, которая выдвигалась в правительственном документе? Авторы плана приходили к чрезвычайно важному выводу о том, что зависимость Боливии от империалистических держав, встречающих поддержку со стороны реакционных сил внутри страны, порождает ее отсталость, деформированность развития. Поэтому настойчиво выделялась мысль, что независимое развитие страны, завоевание ею экономической самостоятельности будут обеспечены только в результате глубоких социальных преобразований. Авторы правительственного плана обосновывали необходимость изменения в стране форм собственности. Они явно отходили от буржуазно-десаролистской теории «смешанной экономики», недвусмысленно отдавая предпочтение различным формам общественной, кооперативной и государственной собственности как в сельском хозяйстве, так и в промышленности⁷⁷.

Осуществление глубоких преобразований в стране, подчеркивалось в плане, невозможно без широкого активного и сознательного участия народных масс в революционном процессе. Методам и формам привлечения трудящихся к осуществлению преобразований было посвящено немало страниц «Стратегии развития».

Хотя план «Социально-экономическая стратегия национального развития» не провозглашал своей целью построение социалистического общества и предусматривал «особый» путь развития страны на основе идей революционного национализма, воплощение в жизнь основных его положений создавало условия для глубоких преобразований, которые могли бы открыть перспективу для борьбы за новое общество в Боливии. Решающее значение в этих условиях приобретала борьба за единство всех прогрессивных антиимпериалистических сил, за более активное вовлечение армии в освободительный, революционный процесс. Патриотически настроенные боливийские военные во главе с генералом Торресом стремились сблизить армию с народом, трудящимися массами. В своем первом президентском послании стране (декабрь 1970) Х. Х. Торрес призывал военных способствовать созданию «великого национального альянса», объединиться с народом, сделаться «знаменосцами суверенитета отечества, народных и национальных интересов»⁷⁸.

Генерал Торрес и его сторонники пытались преодолеть последствия пагубной политики прошлого, когда правые националисты из рядов вооруженных сил стремились противопоставить крестьян рабочим с помощью «военно-крестьянского» пакта, широко используя националистическую демагогию. Выступая перед крестьянскими руководителями (февраль 1971), генерал Торрес заявил: «От военно-крестьянского пакта надо переходить к такому пакту, активными участниками которого были бы революционные отряды пролетариата, среднего класса. Только единство всех прогрессивных сил нашей страны может содействовать консолидации единого национального антиимпериалистического фронта»⁷⁹.

Государственный переворот в августе 1971 г. насильственно прервал развитие освободительного, антиимпериалистического процесса в Боливии. Вновь на политическую авансцену выдвинулись представители правонационалистических кругов в вооруженных силах.

Однако, как свидетельствует развитие событий, представители патриотических течений в вооруженных силах продолжают борьбу. Широкий резонанс в стране и за ее пределами получил манифест (июнь 1974) большой группы боливийских офицеров, главным образом молодых, выступивших с критикой политики реакционной военной верхушки. В боливийской армии не прекращаются волнения, перерастающие иногда в открытые вооруженные столкновения. Анализируя положение дел в боливий-

ской армии, генерал Хуан Хосе Торрес* подчеркивает, что в ней идет борьба между прогрессивными и реакционными течениями. Только в единении антиимпериалистически настроенных военных со всеми прогрессивными силами и прежде всего пролетариатом видит генерал Торрес главную предпосылку изменения положения в стране, победы сил революции и социального прогресса⁸⁰

Панама. Серьезные сдвиги, которые произошли в рядах панамской национальной гвардии после прихода ее к власти, усиление в ее рядах антиимпериалистических, патриотических настроений объясняются глубоким кризисом всей политической системы, созданной правящей олигархией, дискредитацией в глазах широких слоев населения прежних форм национализма, а также процессом пересоздания ценностей среди самих военных. К моменту захвата политической власти национальной гвардией (11 октября 1968 г.) правящий буржуазно-латифундистский альянс, представлявший интересы панамской олигархии, оказывался все более неспособным держать под своим контролем народные массы, которые усиливали борьбу за свои права, выдвигали все более радикальные требования, в частности настаивали на возвращении стране зоны Панамского канала, оккупированной американским империализмом.

В условиях радикализации настроений народных масс, которые все теснее связывали в своей борьбе социальные требования с антиимпериализмом, все менее действенной и эффективной становилась националистическая демагогия идеологов правящей олигархии. Шумные «антиимпериалистические» кампании и даже «кофронтации» с правящими кругами США, которые затевала олигархия по поводу Панамского канала, на деле были не чем иным, как торгом для получения больших выгод для себя от эксплуатации канала. Естественно, ни о каком радикальном, действительно патриотическом решении проблемы не могло быть и речи.

В духе буржуазного национализма олигархия стремилась воспитывать панамскую армию, которая была создана в 1953 г. на основе реформированной военизированной полиции. Пуская в ход лозунги «национального единства», поддержания «внутреннего порядка» во имя уплочения «национального суверенитета», олигархия стремилась использовать панамских военных в качестве карательной силы по подавлению выступлений народных масс, расправы с борьбой рабочих, крестьян и студентов.

Переживали явный политический и идеологический кризис и другие течения национализма, внешне выступавшие в антиолигархическом облики⁸¹. Пожалуй, в наиболее концентрированном виде эта ограниченность и неэффективность «традиционного» национализма была видна на примере деятельности так называе-

---

* В начале июня 1976 г. генерал Торрес, который находился в эмиграции в Аргентине, был убит террористами.

мой Панамской партии, возглавляемой Арнульфо Ариасом. Это было массовое политическое движение, мелкобуржуазное по своему социальному составу, которое опиралось прежде всего на городские полупролетарские маргинальные слои населения.

Идеология этой партии, окрещенная ее лидерами «панамизмом», представляла собой эклектическую смесь националистических лозунгов, нередко окрашенных в расистские тона, и антиолигархической риторики. По сути дела Панамская партия была неотъемлемой частью олигархической политической системы и никакой действенной альтернативы, естественно, не могла предложить народу. Больше того, по мере углубления социальной, антиимпериалистической борьбы в Панаме позиции Панамской партии даже на словах становились все более умеренными, а ее руководители во главе с Арнульфо Ариасом проявляли все более явную склонность к «интеграции» с правящей олигархией.

В этом плане выдвижение Арнульфо Ариаса на пост президента в 1968 г. было не только проявлением традиционной для панамской олигархии политики использовать тактику громоотвода в тяжелые для нее времена, выдвигая на политическую авансцену «харизматических», «популистских» лидеров, но и попыткой придать «динамизм» своему национализму путем создания единого фронта с националистами из рядов Панамской партии. Такая тактическая линия была вполне приемлемой и для США.

Свержение президента Арнульфо Ариаса и приход к власти военных означали провал планов олигархии и империализма, наступление нового этапа в развитии страны. Особенно это стало ясным после того, как окончилась неудачей попытка правых элементов в национальной гвардии (декабрь 1969) совершить государственный переворот и устранить от власти командующего национальной гвардией генерала Омара Торрихоса и его сторонников. Разгром контрреволюционного мятежа, укрепление на ключевых позициях в армии военных патриотов и антиимпериалистов во главе с генералом Торрихосом привели к интенсивному развитию освободительного процесса в стране. Панамские коммунисты оценили эти сдвиги как появление левых течений в панамском национализме, как результат победы националистического прогрессивного течения в национальной гвардии⁸².

По своим взглядам представители этого течения были близки к революционному национализму. Идеолог и лидер этого течения генерал Омар Торрихос изложил свои взгляды на роль армии в политической и социальной жизни Панамы во многих своих выступлениях. Так, в открытом письме сенатору Эдварду Кеннеди (7 мая 1970 г.) Торрихос проанализировал причины эволюции панамских военных, их решительного разрыва с правящей олигархией. Ссылаясь на собственный опыт, генерал Торрихос говорил, что, участвуя в подавлении выступлений крестьян, студентов, он все больше убеждался в чудовищной несправедливости того строя, который панамские военные призваны были защи-

щать, в справедливости борьбы тех, против которых направляли по приказу олигархии свое оружие военные⁸³.

Трагическая панамская действительность, нищета трудящихся наглядно показывали панамским военным, что их врагом являются не рабочие, крестьяне, студенческая молодежь, а те нечеловеческие позорные условия, которые порождают социальные потрясения, конфликты. Поэтому панамские военные все увереннее приходили к выводу о необходимости вести иного типа войну, войну против нищеты и отсталости⁸⁴. Именно эти соображения, по словам Торрихоса, побудили панамскую армию взять политическую власть в свои руки.

Важное место во взглядах патриотически настроенных военных занимает проблема укрепления единства армии с народом, которое, по их мнению, сможет обеспечить прочность и необратимость революционного процесса в стране. «Союз винтовки и молодости» генерал Омар Торрихос назвал главной движущей силой революционных преобразований. Под молодостью, по словам О. Торрихоса, он понимает социальные силы, устремленные в будущее: трудящиеся города и деревни, студенческая молодежь и военные — антиимпериалисты⁸⁵ «Национальная гвардия,— говорится в официальном издании панамской армии, посвященном седьмой годовщине прихода к власти военных,— полностью отождествляет свои интересы с интересами крестьян, студентов, рабочих, всех трудящихся»⁸⁶

В выступлениях Торрихоса и других военных руководителей много говорится о необходимости крепить национальное единство панамцев, отстаивать принципы «панамского национализма». Однако это не имеет ничего общего с тем «национальным единством», которое пропагандировали идеологи свергнутой олигархии, чтобы оправдать расправу с демократическим народным движением. Единство, которое имеют в виду генерал Торрихос и его сторонники, невозможно без глубоких социальных, антиимпериалистических преобразований в стране, без борьбы за социальную справедливость.

В этом плане особый смысл приобретает аграрная реформа, осуществляемая правительством, поддержка боевых классовых профсоюзов, прогрессивные преобразования в области народного образования, что укрепляет союз военных-патриотов с трудящимися массами. В Панаме, как подчеркивают коммунисты, в результате проводимых социальных преобразований, вовлечения в активную политическую жизнь трудящихся масс зарождаются новые антикапиталистические формы производства, элементы народной власти⁸⁷ Такие преобразования создают условия для эволюции левонационалистически настроенных панамских военных в сторону более последовательных революционно-демократических, антиимпериалистических позиций. Эти военные, как подчеркивают коммунисты, преодолевая влияние националистических, буржуазно-реформистских взглядов, занимают последо-

вательно антиимпериалистические позиции. Такая эволюция отражает общее изменение облика национальной гвардии, ее радикализацию вследствие все более активного вовлечения в процесс социальных, антиимпериалистических преобразований⁸⁸

Разрыв с прежними формами национализма произошел и в области внешней политики. Определяя сущность панамского национализма во внешней политике, генерал Торрихос отметил стремление панамского народа солидаризироваться с борьбой других народов за свободу и независимость. Панама, по словам Торрихоса, находится в рядах стран «третьего мира». «Борьба, которую ведут народы «третьего мира», чтобы завоевать свою подлинную экономическую и политическую независимость, является самым достойным примером, который мы оставляем поколениям»⁸⁹, — говорил он.

Такая постановка проблемы о солидарности Панамы со всеми борющимися народами убедительно свидетельствует об усилении последовательно антиимпериалистической направленности внешней политики панамского правительства, о все более глубоком понимании патриотическими силами механизма империалистического угнетения. Не случайно требование возвращения зоны Панамского канала ее законному владельцу, панамскому народу, выдвинулось на передний план в борьбе панамских патриотов. На выездной сессии Совета Безопасности ООН в Панаме (март 1973) поддержка справедливых требований этой страны Советским Союзом, другими миролюбивыми государствами показала силу международной солидарности с борьбой патриотических сил Панамы. Выступая перед участниками сессии, генерал Торрихос отметил непоколебимую волю к борьбе панамского народа за свое полное освобождение, его решимость противодействовать всем формам неокOLONIALИЗМА: «...мы хотим сказать всему миру — и пусть это запомнят все — мы никогда не были и не будем присоединившимся государством, колонией или протекторатом и у нас нет никакого желания прибавить лишнюю звезду на флаге Соединенных Штатов»⁹⁰

В выступлениях Торрихоса и других руководителей национальной гвардии с особой силой подчеркивается, что панамские военные готовы с оружием в руках защищать завоевания народа, вместе с ним бороться против империалистической агрессии. «...Шесть тысяч винтовок национальной гвардии, — говорил Омар Торрихос на грандиозном массовом митинге в честь третьей годовщины панамской революции, — всегда наготове, чтобы защищать честь и достоинство народа»⁹¹.

Эволюция панамских военных в патриотическом, антиимпериалистическом духе — важный фактор, способствующий углублению революционного процесса в стране.

Перу. В наиболее концентрированном, кристаллизованном виде эволюция левонационалистических течений среди военных в сторону революционно-демократических, радикально-социальных

позиций прослеживается в перуанских вооруженных силах. Глубокие социальные антиимпериалистические преобразования, которые затрагивают буквально все стороны жизни перуанского общества, его экономическую структуру, политическую надстройку, свидетельствовали о том, что политика Революционного правительства вооруженных сил отражает интересы широких слоев трудового населения страны, идет в русле тех требований и задач, которые выдвигали на протяжении многих десятилетий ее прогрессивные силы. «Во главе революционного процесса в Перу,— говорится в итоговом документе VI съезда Перуанской коммунистической партии (ноябрь 1973),— стоит правительство вооруженных сил, представители которого в своем большинстве являются выходцами из средних слоев населения. Это правительство решает революционными методами противоречия, которые сталкивают народ нашей страны с империализмом и олигархией.

Беспрецедентная в истории политика правительства превращает последнее в выразителя интересов самых широких социальных, народных сил, в том числе интересов трудящихся масс. Программа антиимпериалистических и антиолигархических преобразований, которую осуществляет правительство, является той программой, за которую боролись и борются рабочий класс, крестьянство и революционная интеллигенция»⁹².

Перуанская ситуация стала возможной в результате глубоких сдвигов, происшедших в рядах вооруженных сил страны под влиянием борьбы народных масс, огромных социальных, политических изменений в Латинской Америке, во всем мире⁹³

Какое же место занимали националистические идеи в системе идеологических, политических взглядов военных, пришедших к власти? Какую эволюцию претерпевают они за время пребывания у власти Революционного правительства вооруженных сил?

Буржуазная пропаганда в США, в ряде латиноамериканских стран с самого начала окрестила правительство Перу националистическим и даже «ультранационалистическим». В качестве аргумента приводилась национализация собственности североамериканской нефтяной компании и другие антиимпериалистические мероприятия правительства. Иными словами, в обычном плане подмены понятий и определений буржуазная печать и пропаганда стремились выдать за проявление «изоляционистской», «ультранационалистической» политики патриотические, антиимпериалистические акции перуанских военных.

Как стало известно из опубликованных в Перу летом 1974 г. важных исторических документов, еще до прихода к власти революционно настроенные военные под руководством генерала Веласко Альварано разработали план под кодовым названием «Инка», в котором намечалась основная политическая линия военных в случае их прихода к власти. «План Инка» предусматривал осуществление глубоких социальных, антиимпериалистических преобразований⁹⁴. Естественно, политика, намеченная

этим планом, не могла основываться на постулатах буржуазного национализма, отвергающего какие-либо серьезные социальные преобразования, пропагандирующего надклассовое «национальное единство».

В то же время, как видно из документов военного правительства, выступлений его представителей, перуанские военные довольно настойчиво обращались к лозунгам национализма, одновременно решительно отмежевываясь от тех форм национализма, сторонниками которых пыталась представить их буржуазная и империалистическая пресса. Да и само обращение перуанских военных к национализму нельзя брать в статике. По мере углубления революционных, антиимпериалистических процессов в стране сам подход к интерпретации национализма у военных руководителей во многом менялся, конкретизировался, происходила, так сказать, «универсализация» идеологических концепций перуанских военных.

В первые годы развития революционного процесса в стране в выступлениях руководителей военного правительства на первый план выдвигался националистический характер революции, ее оригинальность, даже исключительность в этом смысле. В подтверждение приводились аргументы из области национальной специфики, особенностей культурного, исторического развития страны, существования на ее территории в прошлом Великой инкской империи.

Перуанские военные руководители одновременно подчеркивали, что национализм перуанской революции не носит «закрытого» шовинистического характера⁹⁵, как это утверждали внешние и внутренние враги революции. Генерал Хосе Граам Уртадо, бывший руководитель комитета президентских советников, характеризуя взгляды перуанских военных, отметил, что приверженность к национальным ценностям, их защита не дают основания замыкаться в «бесплодном и самоубийственном национализме», культивировать «самодовольный национализм»⁹⁶

Не случайно зачастую сама сущность националистической идеологии перуанской революции истолковывалась военными как проявление патриотизма, любви к своей родине, народу. При этом патриотизм неразрывно связывался с социальной, антиимпериалистической направленностью перуанской революции, необходимостью глубоких структурных преобразований. «Проводя и отстаивая националистическую и последовательную политику,— говорил бывший до конца августа 1975 г. президентом страны генерал Веласко Альварадо,— мы выполняем глубокую патриотическую миссию. Мы считаем, что наша страна не сможет обеспечить ни свою безопасность, ни величие, если будут сохранены старые структуры, которые держали в состоянии дискриминации огромное большинство населения»⁹⁷

Выступая за развитие страны, военные руководители с особой силой подчеркивают принципиальное отличие своих взглядов от

десаролистских концепций, проникнутых духом буржуазного национализма. Если националисты и приверженцы теории развития, выступая за модернизацию, подразумевают под ней реформы в рамках существующего капиталистического строя, то перуанские военные ставят перед собой задачи коренного переустройства перуанского общества. В отличие от идеологов десаролизма, которые утверждают, что страны Латинской Америки страдают от «недостаточного» уровня развития капитализма, перуанские военные исходят из иных предпосылок. Для них именно сам капитализм, по пути которого развивалось Перу, принес бедствия и страдания трудящимся, отсталость и нищету народу. «В течение многих лет,— говорил генерал Леонидас Родригес, один из активных участников подготовки «Плана Инка»,— перуанский народ жил под гнетом иностранных монополий и местной олигархии. Этот гнет, со всеми вытекающими отсюда экономическими и социальными последствиями, был результатом капиталистической системы, которая господствовала в нашей стране вплоть до революционного выступления вооруженных сил»⁹⁸.

Нередко военные руководители Перу, особенно в первый период своего пребывания у власти, связывали отрицание капитализма как системы с идеологией революционного национализма. Важным компонентом этих взглядов является проблема оценки места народов «третьего мира» в мировых революционных процессах, их взаимоотношения с народами «западной цивилизации». Веласко Альварадо так определял сущность революционного национализма: «Перуанская революция является составной частью пробуждения бедных наций земного шара, этого великого процесса, который столь сильно влияет на нашу эпоху. Наша судьба отныне тесно связана с судьбой народов, которые борются за свое освобождение от иностранного господства. Поэтому глубокой сущностью перуанской революции является антиимпериализм. Вот почему наша революция воплощает в себе глубокую сущность великого и плодотворного латиноамериканского революционного национализма, который с каждым днем набирает силу и мощь»⁹⁹.

Постановка перуанскими военными руководителями вопроса о сближении Перу со странами «третьего мира» неразрывно связывалась ими, как предусматривалось уже в «Плане Инка», с отказом от подчинения интересам правящих кругов США, пересмотром политики «солидарности» Перу с капиталистическими странами в рамках «западного мира»¹⁰⁰. Позднее в заявлении перуанского военного правительства об идеологических основах своей политики (26 февраля 1975 г.) подчеркивалось, что Перу избрала позицию неприсоединившейся страны, примыкающей к блоку стран «третьего мира», «отстаивая новую концепцию международных отношений и сотрудничества, способную содействовать созданию сообщества свободных, суверенных и равноправных наций»¹⁰¹. А новое руководство страны во главе с президен-

том генералом Моралесом Бермудесом (вступил на пост в конце августа 1975 г.) с особой настойчивостью говорит о том, что тесное сотрудничество Перу со странами «третьего мира» объясняется общностью задач антиимпериалистической, освободительной борьбы¹⁰².

Однако в Перу существуют и такие истолкователи революционного национализма — из числа бывших апристов, троцкистствующих националистов, — которые пытаются тезис об «исключительности» перуанской революции подкрепить ставшими традиционными националистическими аргументами об «особой революционности третьего мира», бунте «бедных» наций против наций «богатых». Демагогически выступая против «европеизированного» марксизма, они пытаются представить исключительно «третий мир» генератором новых идей, создателем новой революционной теории. Универсальному характеру идей научного социализма они противопоставляют различные «автохтонные», а то и «региональные» модели социализма, сознательно замалчивая, что марксизм-ленинизм всемерно учитывает специфическое, национально особенное при разработке стратегии и тактики революционных сил.

Теоретические разногласия между военными и коммунистами они провокационно стремятся изобразить как нечто непреодолимое, доказывающее «антинациональный» характер Компартии. Идеологи этого течения охотно прибегают к реанимации националистических идей апристов, заговорив об «омоложении» апризма, возвращении к его «революционным истокам».

Коммунисты не скрывают своих теоретических и политических разногласий по ряду вопросов с Революционным правительством вооруженных сил. Они, в частности, говорят о наличии предубеждений у представителей правительства в отношении успехов реального социализма, достижений социалистических стран. Однако коммунисты всемерно подчеркивают, что эти разногласия не могут препятствовать укреплению единства революционных, антиимпериалистических сил. Именно это положение было специально зафиксировано в решении VI съезда Перуанской компартии¹⁰³.

А благоприятные возможности такого сближения, как свидетельствует развитие событий в стране, существовали, и больше того — они умножались. В этом плане важное значение приобретает эволюция идеологических концепций, которых придерживается революционное правительство вооруженных сил. Особенно интересной представляется его постановка вопроса о месте перуанской революции в мировых революционных, антиимпериалистических процессах, о диалектической взаимосвязи этих двух процессов. «...Наша революция, — отмечал генерал Веласко Альваро, — вписывается со всей ее бесспорной идеологической автономией в самые славные традиции освободительной, социалистической и гуманистической мысли»¹⁰⁴. Обращаясь к истокам пере-

ловых, революционных, социалистических идей, в русле которых развивается идеология перуанской революции, генерал Веласко Альварадо говорил о «западной цивилизации», вкладывая в это понятие совсем иное содержание, чем вкладывали апологеты капитализма в понятие «западный мир». «Мы никогда не отрицали,— говорил Веласко Альварадо,— нашей принадлежности к исторической традиции Запада. Именно там возникли основные ценности современной революционной мысли, поскольку ни одно из этих течений революционной мысли не возникло ни в Африке, ни в Азии. В этом смысле они без всякого сомнения имеют тесную историческую связь с таким понятием, как «западная цивилизация»¹⁰⁵.

В такой постановке вопроса достаточно ясно просматривалось стремление определить идеологию перуанской революции в контексте мировой революционной мысли, не ограничивать ее рамками «третьего мира», «регионализма». Само стремление военных руководителей связать влияние течений мировой революционной мысли на идеологию перуанской революции с понятием «западной цивилизации» свидетельствовало о бесспорном влиянии идей научного социализма. Особенности этого влияния состоят в том, что оно проявляется в растущем интересе со стороны перуанских военных к идеям Хосе Карлоса Мариатеги, выдающегося марксиста — основателя Перуанской коммунистической партии. Именно он в полемике с апристскими националистическими идеологами, которые под флагом борьбы с «европеизмом», «экзотическими» идеями выступали за «особый» революционный путь Латинской Америки, выдвинул идею «западной цивилизации», к которой принадлежит Перу. В это понятие Мариатеги, естественно, не вкладывал какое-то «евроцентристское», регионалистское содержание. Перуанский революционер видел в политических, революционных процессах, развертывавшихся в этом районе мира, еще одно подтверждение единства всемирной истории, неразрывной связи между различными потоками мирового революционного процесса. Именно стремление руководителей Революционного правительства вооруженных сил вписать перуанскую революцию в общий контекст мировых освободительных процессов, при одновременном подчеркивании ее «автономии», свидетельствует о важных изменениях, происходящих в идеологии перуанской революционной демократии, о процессе ее сближения с передовыми идеями нашего времени.

В этой связи следует отметить, что новое руководство страной, провозгласившее своей главной задачей углубление революционного процесса, ныне вполне определенно говорит о социалистической ориентации перуанской революции, о решительном неприятии ими капитализма. Во многих выступлениях президента страны генерала Моралеса Бермудеса содержались заявления о построении «гуманистического, социалистического общества», «социалистическом пути» развития страны¹⁰⁶.

В то же время силы антикоммунизма в стране стремятся воспрепятствовать этому процессу эволюции военных в сторону революционного демократизма, активно используя лозунги буржуазного национализма, опираясь на поддержку империалистических кругов, межнациональных монополий. Именно обострившиеся классовые, социальные конфликты и противоречия объясняют сложность и противоречивость революционного процесса в Перу.

Пример эволюции вооруженных сил Перу, некоторых других стран свидетельствует как об отсутствии фатальной предопределенности влияния идеологии буржуазного национализма на армию, так и о больших трудностях, возникающих в ходе процесса освобождения от этого влияния.

ТИПОЛОГИЯ И МОДЕЛИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАНАХ

1. ИНДЕАНИЗМ

Процесс формирования наций капиталистического общества в Латинской Америке имеет свои особенности и трудности, обусловленные своеобразием ее исторической судьбы. С открытием и завоеванием Южной Америки здесь началось передвижение народов, аналогичное передвижениям, происходившим в Старом Свете как в древности, так и в более позднее время¹. В результате пришли во взаимодействие самые различные этносы: индейские племена и народности (коренное население), европейцы из романских стран, африканцы, импортированные в качестве рабов, и несколько позже — иммигранты из различных стран Европы и Азии. В этом взаимодействии одни этнические компоненты исчезали, другие — крепили, шло образование новых этнических типов². Процесс, начавшийся еще в колониальный период, усилился с освобождением испанских и португальских колоний в Южной Америке от власти метрополий и с образованием политически суверенных государств, в рамках которых началось постепенное складывание буржуазных наций³. Своеобразие культурно-этнического облика наций определялось в этих странах, помимо прочего, конкретной этнической ситуацией.

Этническая ситуация оказалась особенно сложной в Центральной Америке, Мексике и Андских странах — в районах древних развитых цивилизаций майя, ацтеков и инков, где и в настоящее время индейцы составляют около или даже больше половины населения. В ряде районов латиноамериканских стран сохранились более или менее компактные массы коренного индейского населения, расселенного на определенной территории и обладающего этнической целостностью и культурными традициями. Все это создает существенные предпосылки к национальной консолидации народностей. Однако процессу консолидации противосто-

ит другая тенденция — тенденция к формированию метисных испаноязычных наций капиталистического общества, которая в существующей социальной и политической ситуации «индейских стран» выражается все сильнее.

Активизация процесса метисации обусловлена развитием капиталистических экономических контактов в данных странах и ускорением процесса метисации и ассимиляции всего населения, закономерно связанным с этим развитием. Об исторической закономерности такой модели национального развития писал в свое время В. И. Ленин: «Экономическое развитие капиталистического общества показывает нам во всем мире примеры недоразвитых национальных движений, примеры образования крупных наций из ряда мелких или в ущерб некоторым мелким, примеры ассимиляции наций»⁴.

В процессе капиталистического развития индейцы-крестьяне все больше втягиваются в национальные экономические и социальные системы своих стран, контакты расширяются, усиливается миграция индейского населения, что способствует развитию естественного ассимиляционного процесса. Однако тот факт, что определенная часть индейского населения продолжает сохранять относительную этническую гомогенность, делает закономерной постановку вопроса о национальных правах этого населения, гарантирующих беспрепятственное его развитие.

Такая ситуация во всем ее комплексе определяется обычно как «индейский вопрос», сущность которого состоит прежде всего в огромном разрыве между уровнями социально-экономического, политического, культурного и мировоззренческого развития индейских крестьян, с одной стороны, и населения капиталистических центров — с другой. Это — противоречие между «способом быть», «способом мыслить» общинных земледельцев, сохраняющих традиционно архаичный уклад бытия, и нормами, законами и принципами капиталистического общества.

Неравномерное развитие капитализма в таких странах, деформированное в результате наличия не только феодальных пережитков, но и патриархально-общинных отношений и зависимости от иностранного, главным образом североамериканского, империализма, способствовало консервации существующего положения. И хотя за последние 20—30 лет в индейском обществе произошел заметный сдвиг в сторону развития капиталистических отношений и все более сильной становится тенденция к консолидации метисных наций, значительная часть индейского населения продолжает оставаться в стороне от жизни этих наций. Многие индейцы даже не владеют государственным испанским языком, что способствует сохранению их изолированности и отсталости.

Состояние такой двойственности далеко не одинаково в каждой из «индейских» стран. Так, в Мексике в результате революции 1910—1917 гг. индейское крестьянство в своем большинстве

приобщилось к социально-экономической и политической жизни своей страны и процесс его ассимиляции продвинулся значительно дальше, чем в других «индейских» странах. Однако и здесь большие группы коренного населения сохраняют культурно-этнические особенности. Что же касается таких стран, как Гватемала, то здесь большинство индейского населения хотя и проработало определенную социальную и психологическую эволюцию за прошедшие более чем 400 лет, отделяющих их от эпохи майя, тем не менее продолжает жить в «своем мире».

Отражение индейской проблемы в идеологии и политике получило название индеанизма. В самых общих чертах индеанизм можно определить как направление общественной мысли и практики, стремящееся теоретически осмыслить индейский вопрос и отыскать пути его разрешения в процессе национальной консолидации и внутренней интеграции своих стран. Но классовая сущность различных течений в индеанизме и соответствующие варианты решения индейского вопроса неоднородны и даже антагонистичны.

Хотя вопрос о судьбе коренного населения стал во всей своей остроте еще во времена колонии, однако только некоторые, весьма немногочисленные гуманисты (и первый среди них — священник Бартоломе де Лас Касас) пытались дать на него ответ с позиций справедливости и человечности. С достижением независимости эта проблема привлекла внимание более широкого круга прогрессивно мыслящих людей, в частности романтиков середины XIX в., которые в поисках корней своих складывающихся наций стали обращаться к индейскому населению, его культуре и истории. Для романтиков были характерны активный антииспаннизм и крайняя идеализация индейцев. Затем вопрос о значении индейского компонента в латиноамериканских нациях поднимали и представители формирующегося перуанского самосознания. Они говорили об определяющей роли коренного населения в будущем своей страны, выступая за его социальное освобождение и культурное возрождение.

Однако со всей остротой эта проблема встала в начале нашего века в связи с ускорившимся развитием капитализма в этих странах и обусловленным данным процессом более интенсивным складыванием наций в этнически и культурно гетерогенных обществах. Тогда-то и появилась идеология индеанизма в двух основных вариантах: традиционалистском (отражающем реакцию индейских общинников в связи с наступлением капитализма на их традиционный уклад) и националистическом (отражающем мировоззрение формирующейся из метисов мелкой и средней национальной буржуазии, ее националистические и антифеодальные устремления). К этому же периоду относятся и первые проявления индеанизма политического — политики правящих кругов, направленной на включение индейского крестьянства в национальную экономику.

Индеанизм как литературное и идеологическое течение оформился в 20-х годах в Перу — стране классического индеанизма, однако проявления индсапистской идеологии наблюдаются в Боливии даже несколько раньше. Эта идеология приобрела форму концепции индейской самобытности складывающейся боливийской нации и послужила теоретическим фундаментом того националистического движения мелкой и средней буржуазии, которое подготовило и возглавило впоследствии революцию 1952 г.

Появление этой концепции относится к периоду быстрого подъема боливийской экономики, сопровождавшегося экспроприацией иностранными компаниями и латифундистами общинных земель и «раскрестьяниванием» индейцев, массы которых, оставшись без земли, хлынули на шахты и в города. Здесь бывшие общинники — метисы и индейцы в значительной степени ассимилировались, превращаясь в то, что в андских странах называют «чоло». «Чолада» представляла собой мощную социальную силу, на которую стремились опереться в борьбе за власть самые различные политические партии⁵. Настроенная оппозиционно, чолада была чрезвычайно отзывчива к националистическим веяниям и стала естественной базой разворачивающегося в стране националистического движения. Это была та почва, которая питала идею «индейской самобытности» боливийской нации, поиск «национального я» в «индейских корнях», в «андской земле».

Концепция индейской самобытности появилась в Боливии в то время, когда землевладельческая и горнорудная олигархия занимала традиционно расистские, антииндейские позиции и когда была выдвинута так называемая доктрина антикультуры, отрицавшая возможность самостоятельного экономического и культурного развития Боливии и считающая ее индейское население в высшей степени негативным фактором. Как закономерная антитеза этой доктрине возникло положение о доминирующей роли «индейской расы» в будущем страны. Эти две противоположные точки зрения на перспективы боливийской нации отражены в мировоззрении и творчестве А. Аргедаса и Ф. Тамайо. И если А. Аргедас в эссе «Больной народ» (1909) выразил неверие в будущность боливийского народа именно по причине «расовой неполноценности» индейцев и метисов, то Ф. Тамайо (в «Создании национальной педагогики», 1910) выдвинул — впервые в истории боливийской общественной мысли — тезис о том, что именно индейские массы, униженные, отсталые и нищие, и есть единственно возможный источник самостоятельности, самобытности боливийской нации⁶. Позиция Тамайо имела несомненно расистские очертания, так как он видел в индейцах некую высшую расу, которой предназначены мессианская роль и великая судьба. Он утверждал, что необходимо уничтожить, подавить «испанский элемент», и только тогда народ Боливии будет поистине свободным.

В дальнейшем целое поколение боливийских националистов, считавших Тамайю своим предтечей, развивало многие из его положений. Стремясь опереться на индейское крестьянство, молодые буржуазные националисты, такие, как Г. Наварро (литературный псевдоним — Тристан Мароф), Ф. Диес де Медина, Х. Мендоса и другие, выступали с требованиями ликвидации латифундизма, за раздел земель помещиков и иностранных компаний между крестьянами. При этом, однако, к индейской общине они относились как к фактору, тормозящему экономическое развитие страны, и ратовали за всемерное развитие частнособственных отношений в индейском селе. Не апеллируя к автохтонным общинным традициям (что было свойственно перуанскому индеанизму), боливийские националисты всячески подчеркивали и гиперболизировали роль индейского компонента в формировании боливийской нации, ее культуры и психологии. Гиперболизация эта закономерно вела к тезису об исключительности Боливии, о присущем только ей, индивидуальном пути развития. Усилению этих настроений весьма способствовали «пророчества» немецкого философа О. Шпенглера относительно мессианской роли Индо-Америки.

Основными манифестами крепнущего боливийского национализма явились работы Х. Мендосы, писателя и общественного деятеля. В «Андиинистском тезисе» (1933) и «Боливийском плоскогорье» (1935) он изложил основные положения так называемого телурического детерминизма: индейское Альтиплано* как определяющий фактор в формировании боливийской нации; индейское крестьянство как экономический, социальный и культурный базис страны⁷.

В огромных массах индейских крестьян (количественно во много раз превосходящих городскую чолладу) националисты видели могучую силу, которая призвана реализовать задуманные ими буржуазно-демократические, антилатифундистские и антиимпериалистические преобразования. Их лозунги того периода были весьма радикальны: «Земля — народу, шахты — государству»⁸. Боливийскую революцию они представляли как крестьянскую войну, пролетариату же в этом процессе отводилась подчиненная роль. В их интерпретации освободительное движение приобретало сугубо «индейскую» окраску.

Таким образом, выдвинув положение о каком-то особом пути развития, а также самобытном революционном процессе в Боливии, националисты (хотя некоторые из них, например, Г. Наварро, начинали со словесных реверансов в сторону марксизма⁹) противопоставили марксистско-ленинскому учению о социализме утопический тезис об «инкском социализме», как якобы гораздо более древнем и естественном для Боливии. Собственно, это был один из первых вариантов «социализма национального типа»,

* Так называется Андское нагорье на территории Боливии.

широко проповедуемого мелкобуржуазными идеологами в наши дни. Поэтому пути развития этой формы национализма, которая первоначально имела прогрессивные элементы, и пути формирования пролетарского движения разошлись. И в последующие годы, вплоть до революции 1952 г., боливийский национализм продолжал развивать и пропагандировать многие из индеанистских тезисов.

В Мексике идея нации, выросшей на «индейских корнях», возникла задолго до обретения независимости¹⁰. Мексиканская нация мыслилась как результат слияния двух «рас», определяющего ее самобытность и специфику исторического развития. Осознание своих «индейских истоков» обусловило повышенный интерес к культуре и истории индейских народов, способствовало развитию индеанистского течения в искусстве и художественной литературе.

Решающее воздействие на становление индеанизма оказала Мексиканская революция 1910—1917 гг., которая вызвала настоящий взрыв национального самосознания, заставив мексиканскую интеллигенцию заново обратиться к глубинным истокам своей истории, к повседневному опыту народа¹¹. «Индейская тема» становится в это время одной из основных в искусстве, литературе, публицистике. Для мексиканских индеанистов были характерны все типичные черты этой идеологии: критика и развенчание европейского опыта, преувеличение специфики психологии и культуры мексиканцев-индометисов, стремление опереться на автохтонные ценности, мессианские надежды на то, что именно Мексика станет в будущем оплотом гибнущей на Западе цивилизации.

Эта идеология получила наиболее определенное выражение в работах А. Рейеса, А. Касо и особенно — Х. Васконселоса. Однако в центре историко-философских построений Васконселоса («Индология», «Космическая раса», 1925) стоит образ не индейца (как в националистических концепциях Тамайо или Мендосы), а метиса, представителя пресловутой «космической расы», образовавшейся в результате слияния всех рас и культур. В данном случае речь должна идти не об индеанизме как таковом, а о начальном периоде в развитии идеологии «мехиканидад». Следует, однако, отметить, что Васконселос (особенно будучи министром просвещения в 20-х годах и пытаясь следовать в первые годы деятельности опыту Советского Союза)¹² сделал очень много для просвещения и поднятия культурного уровня индейских крестьян.

Что же касается собственно индеанизма, то он принял не столько литературно-теоретический, сколько практический характер. В центре стояла проблема национальной интеграции, основным средством которой мыслилось просвещение индейских крестьян и приобщение их к современной цивилизации, что нашло, в частности, отражение в одной из работ известного мексикан-

ского исследователя — индеаниста М. Гамио «Укрепляя родину» (1916).

По поводу просвещения индейцев мнения разделились и наметились два основных направления: М. Гамио, исходящий из того, что индейское население составляет в Мексике большинство, предлагал, учитывая особенности региональных индейских культур, разделить страну на 10 районов и выработать специальный проект просвещения для каждого, хотя в целом все проекты должны были быть скоординированы в единую национальную систему¹³. Васконселос был против такой системы, считая, что она усугубляет изоляцию индейцев, и стоял за единую национальную школьную систему, призванную стать эффективным фактором интеграции. Дискуссия развернулась и по поводу языка, на котором должно вестись обучение, но с 1924 г. была признана как наиболее адекватная двуязычная система.

При определяющей националистической направленности мексиканского индеанизма в нем, однако, имелись и традиционалистские настроения: некоторые индеанисты, в частности Х. Диас де Леон, ратовали за индейский сепаратизм, отвергали саму необходимость владения индейцами испанским языком¹⁴.

Помимо просветительской деятельности мексиканскими индеанистами — и особенно в 30-е годы, в период президентства Л. Карденаса, — была проделана большая работа по кооперации индейских крестьян, организации медицинских и агротехнических пунктов. Уже в тот период большое внимание уделялось акультурации и стимулированию ассимиляционных процессов (причем под значительным влиянием методологии североамериканской этнографии). Этот аспект вышел на первый план в последующие годы, когда мексиканский индеанизм утратил в общем свою социальную конструктивность, присущую ему в 20—30-х годах.

Появлению идеологии индеанизма в Перу способствовали те же самые причины, что и в Боливии: ускорение развития капиталистических отношений и связанного с ним процесса национальной консолидации, роста национального самосознания. Промышленный подъем выдвинул национальную буржуазию и способствовал развитию ее националистических настроений. Но, с другой стороны, развитие капитализма сопровождалось наступлением на общинные земли, что вызвало мощную волну индейских восстаний в Сьерре в 1918—1925 гг.

Возмущение крестьян встретило сочувствие и поддержку мелкой буржуазии, объективно заинтересованной в ликвидации влияния латифундистов, а также индеанистски настроенной молодой интеллигенции, которая сознавала, что «прогресс Перу будет мнимым или по меньшей мере не перуанским, если он не станет делом рук перуанского народа, четыре пятых которого составляют индейцы-крестьяне, и не принесет ему благосостояния»¹⁵. Правительство Л. Легии, стоявшее тогда у власти, вынуждаемое к тому крестьянскими волнениями и требованиями прогрессив-

ной общественности, пыталось урегулировать индейский вопрос «сверху». К этим же годам относятся и первые попытки как-то улучшить положение индейцев за счет довольно малоэффективной филантропической деятельности отдельных интеллигентов в индейских районах¹⁶

Индеанистское движение в Перу, развивающееся по двум направлениям: националистическому и традиционалистскому, — родилось в обстановке идеологического и политического подъема в стране, в период студенческого движения за демократизацию общественной жизни и первых выступлений пролетариата, и его основным требованием было наделение индейских крестьян землей и признание общин. Националистическое направление, отражавшее позиции мелкой буржуазии и по социальной сущности, и по гносеологическим истокам аналогичное боливийскому национализму, оформилось в виде апризма.

Основатель АПРА В. Р. Айя де ла Торре (находившийся под большим идейным влиянием Х. Васконселоса и бывший одно время его секретарем в период своего изгнания из Перу) выдвинул теорию некоей специфически латиноамериканской (по его терминологии — индоамериканской) революции. Движущей силой этой революции призваны были стать индейские крестьяне. Он так же, как и боливийские националисты, апеллировал прежде всего к расовой, индейской специфике этих стран и под ее углом зрения интерпретировал характер освободительного процесса в этом регионе¹⁷. Отталкиваясь все от тех же постулатов Шпенглера, Айя де ла Торре проповедовал мессианскую роль американских индейцев. Отвергая «европейский марксизм», апристы искали решения национальных проблем в «автохтонном наследии», только в «коммунистических инстинктах» общинников видели залог революционных преобразований, за что апристов не раз критиковали латиноамериканские коммунисты, и в частности Х. К. Мариатеги¹⁸. Такая тенденция к индеанистской интерпретации перуанской действительности продолжала сохраняться и в дальнейшем развивалась в идеологии и практике отколовшегося от партии крыла — «мятежной АПРА» в 60-х годах.

Что же касается идеологии перуанского традиционализма, то она явилась отражением реакции общинного «индейского мира» на разрушительное для него наступление капитализма. Специфика ее состояла в том, что выразителями интересов и мировоззрения индейских общинников стали прогрессивные интеллигенты, белые или метисы, долго жившие и работавшие среди индейцев Сьерры¹⁹.

В идеологии традиционалистов, ставших на позиции индейцев в понимании существа индейской проблемы и путей ее разрешения, и социальный, и культурно-этнический моменты слились в концепции «индейской самобытности» Сьерры и особого пути развития индейских общинников. Сущность социального аспекта составлял земельный вопрос, и поэтому основным лозунгом пе-

руанских индеанистов того периода было возвращение общинных земель. Тема борьбы за землю стояла в центре большинства индеанистских романов, как перуанских, так и эквадорских (например, Х. Икасы), и, что особенно характерно, в качестве основного пути защиты индейцами своих прав и земель выдвигалась вооруженная борьба. Так, выражая «революционные ожидания» индейского крестьянства, Л. Э. Валькарсель призывал индейцев самих решать свою судьбу и указывал в качестве примера на русского мужика²⁰. «Индейские массы ждут своего Ленина»²¹, — писал он в начале 20-х годов в атмосфере общего подъема, рожденного дыханием Октябрьской революции. Именно это революционное звучание в индеанизме приветствовал тогда Мариатеги, говоря, что «близость индехенистского движения * к мировым революционным течениям настолько очевидна, что не нуждается в доказательствах»²².

Однако, приветствуя индеанизм в этом проявлении, Мариатеги подверг критике другой его аспект — реакционную утопию о возможности «инкского социализма» и концепцию «индейской самобытности». В этой концепции (которая в той или иной степени была отражена в творчестве и мировоззрении Э. Лопеса Альбухара и С. Алегрии, но особенно ярко проявилась в книге «Буря в Андах» Валькарселя) слились стремление к культурно-этнической самостоятельности, весьма характерное для перуанских общинников, и их надежды как-то избежать «издержек» капиталистического развития, замкнувшись в своей традиционности. Этот момент индеанистской идеологии сближает ее с мировоззрением русских народников на первом этапе народнического движения. Другой же момент — неприятие норм, ценностей и законов «белого мира» — ставит перуанский традиционализм в один ряд с теми многочисленными вариантами концепции «культурной самобытности» стран «третьего мира», которые широко распространены в развивающихся странах в наше время²³. «Индейский мир» и «белый мир» противопоставлялись как «естественный гуманизм», с одной стороны, и «овеществленность», «бесчеловечность» — с другой. Провозглашался отказ от всех норм западной цивилизации, отрицательное отношение к естественной ассимиляции метисации доводилось до абсолюта²⁴. Эта черта перуанского индеанизма — со временем под влиянием объективного развития она приняла более завуалированные формы выражения — противоречила интересам индейских крестьян, так как вела по существу к сохранению традиционной изолированности и обрекала на бесперспективность и бесплодность их бунтарские настроения.

Именно в Перу в этот же период впервые в Латинской Америке была дана марксистская интерпретация индейской проблемы

---

* Для обозначения этого движения раньше чаще употреблялось название «индехенизм», в настоящее же время — «индеанизм».

в работах Х. К. Мариатеги, главным образом в его «Семи очерках истолкования перуанской действительности» (1927), где он связывал с построением социалистического общества окончательное, полное и соответствующее интересам индейских масс разрешение индейской проблемы.

Что же касается индеанистского движения в других «индейских странах», в частности в Эквадоре и Гватемале, то оно в 20—30-х годах еще только зарождалось и проявлялось главным образом в художественной литературе. Основными темами индеанистов в этих странах также были земля (особенно в эквадорском индеанизме, с его беспощадной обличительной направленностью и страстным, гневным антилатифундизмом) и особенно духи духовного мира и культуры индейцев, анимизирующая и мифотворческая стихия их сознания. Это последнее направление было особенно присуще творчеству начинающего тогда М. А. Астуриаса («Легенды Гватемалы», 1930).

Таким образом, индеанизм на первом этапе своего развития отразил прежде всего стремление буржуазной интеллигенции осмыслить значение «индейского элемента» своих развивающихся наций, определить соотношение автохтонного и европейского наследия. При этом роль автохтонности преувеличивалась и была отчетливо выражена тенденция (кроме, пожалуй, Мексики) отождествлять индейское с национальным.

За «взрывом» индеанизма 20-х годов последовал некоторый спад, и только в конце 40-х годов становится заметным оживление и затем дальнейшее развитие этого течения, особенно после открытия национальных исследовательских индеанистских институтов. Открытие индеанистских институтов сразу же выдвинуло на первый план практическую деятельность индеанистов, основной целью которой было способствовать включению индейского крестьянства в экономическую и социальную жизнь своих наций. И если для индеанизма начала века была характерна прежде всего его философская направленность, мессианская патетика и социальный утопизм, то лицо индеанизма нового периода определяла именно практика официальных индеанистских учреждений.

Однако началом истинной «эры индеанизма» нужно считать конец 50-х и особенно 60-е годы, когда развернулась активная деятельность по интеграции индейских крестьян, наблюдалось заметное оживление в области теории, а также появился ряд значительных литературных произведений, посвященных этой теме. Причины такого оживления в основном следующие.

Во-первых, с дальнейшим развитием капиталистических отношений в этих странах заметно усилились процессы национальной консолидации, но состояние традиционного социально-экономического и культурно-этнического дуализма не было еще изжито и оставалось одной из наиболее актуальных проблем. Неразрешенность индейского вопроса становилась тормозом на пути

дальнейшего развития экономики, препятствовала расширению внутреннего рынка, все очевиднее была необходимость стимулировать процесс капиталистической национальной интеграции. Безусловно, как содержание индейской проблемы, так и степень национальной консолидации «индейских» стран были различными, и ситуация в этом плане в Мексике значительно отличалась от ситуации в андских странах или в Гватемале. Однако потребность интеграции была общей насущной проблемой, и это побуждало правящие круги монополизировать всю деятельность по разрешению индейской проблемы и направить индеанистскую практику прежде всего на развитие капиталистических отношений в индейском селе, на адаптацию индейской общины к условиям капитализма.

Второй, общей для всех «индейских» стран причиной оживления индеанистской деятельности было стремление тех же правящих кругов подчинить миллионные массы индейского крестьянства своему влиянию, нейтрализовать их политически в обстановке развернувшегося в тот период мощного подъема освободительного, демократического и антиимпериалистического движения, стимулом для которого явилась кубинская революция 1959 г. Противопоставив реформистскую альтернативу той жажде революционных преобразований, которая вела в эти годы индейских крестьян на захват помещичьих имений, национал-реформисты надеялись отвлечь их от борьбы, удовлетворив в какой-то степени их интересы, создав видимость перемен и заботы «сверху». Большинство индеанистских начинаний правительств ряда латиноамериканских стран в те годы было непосредственно связано с программой «Союз ради прогресса»; к осуществлению их активно привлекалась армия (в рамках «гражданско-военных операций»).

Это позволило реакционным проимпериалистическим военным режимам, которые были навязаны некоторым из этих государств (например, Гватемале и Боливии в 50—60-х годах), проводить патерналистскую линию в отношении индейского крестьянства, искусственно поддерживать его зажиточную верхушку и жестоко подавлять малейшие проявления самостоятельности крестьянских масс.

Таким образом, в рассматриваемый период индеанисты и даже традиционалисты в общем отказались от иллюзий относительно возможности какого-то «особого» пути развития индейского населения и пришли к признанию неизбежности и необходимости интеграции. Однако прежние взгляды традиционалистов не были изжиты совершенно и проявлялись в несколько иной форме. Так, в работах некоторых перуанских и боливийских индеанистов в 60-х годах снова возникает концепция «индейской самобытности», представляющая собой несомненную антитезу развивающемуся в индейском селе капитализму, окончательно сокрушающему «мир в себе» индейской общины.

Как и в 20-х годах, сторонники этой концепции отразили настроения и психологические коллизии «разобщивающихся» индейских крестьян, переживающих тяжелый путь разрушения вековых устоев. Они явились выразителями такого состояния, когда меняющийся социально-экономический статус бывшего общинника еще не сопровождается адекватным этому статусу мировоззрением, а остатки архаичной морали приходят в конфликт с новыми нормами и ценностями. По своему историческому содержанию эта концепция отражает «весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все устои деревенского быта, несущий с собой невиданное разорение... все бедствия эпохи первоначального накопления...»²⁵. Не сравнивая публицистов и писателей индеанистского направления с Л. Толстым (к которому относится вышеприведенное высказывание В. И. Ленина), представляется, однако, возможным сопоставлять их «общинно-патриархальную идеологию», историческая и нравственно-философская природа которой в общем одинакова, тем более что некоторые писатели-индеанисты (и в частности, Х. М. Аргедас) находились под сильным влиянием мировоззрения Л. Толстого.

В указанный процесс вплетается также и национальный момент: чувство этнического самосознания, придавливаемое в течение столетий, начинает в эти годы проявляться все отчетливее и, как это неизбежно получается в обстановке явной или завуалированной дискриминации, приобретает форму «антирасистского расизма», который на первых порах имеет защитительно-утверждающий характер, но затем может стать и агрессивно-наступательным, как это и случилось к началу 70-х годов в Бolivии.

Концепция индейской самобытности явилась по сути латиноамериканским вариантом концепции «культурной самобытности», весьма популярной в этот период в развивающихся странах, причисляющих себя к «третьему миру», и на ее появление помимо внутренних причин оказало решающее воздействие антиевропейское направление философской мысли Западной Европы 50—60-х годов, в частности философия Сартра²⁶. Эти настроения, выраженные в той или иной форме, были весьма ощутимы и в Латинской Америке и отразились, в частности, в мировоззрении и творчестве таких крупных представителей латиноамериканской литературы, как А. Карпентьер и М. А. Астуриас.

Отрицание западного пути развития, стремление опереться на традиционные ценности, утверждение справедливости и гуманизма как имманентных качеств индейцев и, наконец, утопия о возможности избежать «издержек» прогресса — все это присуще мировоззрению многих индеанистов традиционалистской направленности.

В боливийском индеанизме на втором этапе его развития концепция «индейской самобытности» в той националистической форме, какую она имела в 20—30-х годах, постепенно сошла на нет, но начал вырисовываться ее традиционалистский вариант, в частности в небольшой книжке М. Анайа де Уркиди «Индеанизм» (1947)²⁷, основным тезисом которой является утверждение гуманизма и естественности «индейского мира» в противовес бесчеловечности «белой цивилизации».

В Перу концепция индейской самобытности отражена главным образом в работах Л. Валькарселя и романах Х. М. Аргеда-са. Их отправной посылкой по-прежнему являлся тезис о том, что «Перу — это страна индейцев», это прежде всего Сьерра, сохраняющая еще некоторые черты «общинного мира»²⁸. Рассматривая в статье традиционный дуализм, они игнорировали те существенные изменения, которые произошли в этой «индейской Сьерре» за последние 20—30 лет, и продолжали настаивать на том, что «индейский мир» несколько не изменился.

Такая точка зрения является малореалистической. Интенсивный процесс естественной метисации и ассимиляции, раскрестянивание, миграция в города и ее культурно-психологические последствия не оставляли уже в этот период места идиллическому образу индейца времен ацтеков, инков или майя. Но чем очевиднее становилось, что от традиционной индейской общины осталась в большинстве случаев только форма, тем настойчивее адепты самобытности воспевали эту общину и идеализировали ее. Не приемля путь революционных преобразований общества, традиционалисты стремились уйти в кажущийся им идеальным мир архаичного земледельца, хотели обрести спасение от устрашающей их бездуховности в анимизирующем сознании «естественного человека». Они абсолютизировали различие между «естественностью» индейца-общинника и «меркантилизмом» цивилизованного человека, становясь на позиции психорасизма: в так называемой индейской душе они видели некое более сильное и более вечное, чем у «белых», начало, которому предначертано подавить духовный элемент «белых» в формирующемся национальном характере перуанцев²⁹

Эти два основных момента перуанского традиционализма 60-х годов: антитеза развивающемуся в индейском селе капитализму и утверждение особой значимости культурно-этнических характеристик индейцев — слились в концепции индеанизации. В 60-х годах Л. Валькарсель не раз писал о том, что именно индейцы будут определять будущее Америки³⁰. Теперь это ожидание «возрождения» трансформировалось в концепцию, суть которой состояла в том, что перуанцы все заметнее индеанизируются, т. е. приобретают в качестве определяющих культурные и психологические характеристики, свойственные индейцам Сьерры. В этой индеанизации они хотели бы найти разрешение не только этнической стороны индейской проблемы, но и ее социальной стороны:

угнетатели, «индеанизировавшись» и став на позиции индейцев, перестанут их угнетать. Так, «индеанизированные» персонажи Х. М. Аргедаса — доп Панчо («Праздник Явар», 1958) и мальчик Эрнесто («Глубокие реки», 1959) поддерживают индейских крестьян во всех конфликтах между теми и помещиками или чиновниками.

Особенно интересная интерпретация такого примирения дана в романе Аргедаса «Вся кровь» (1964)³¹: помещик Арагон, «индеанизировавшись» под влиянием ряда обстоятельств, превращается из угнетателя индейцев в их защитника. Казалось бы, «надклассовое единство» достигнуто без применения насилия, однако, «индеанизировавшись», помещик Арагон вынужден вступить в неравную борьбу с окрестными помещиками, возмущенными его нововведениями. Теперь и он, так же как и индейцы, вступает в конфликт с противостоящим «белым миром», и индеанизация оборачивается в нем бунтом против этого мира.

Тем не менее в начале 60-х годов традиционалисты были склонны искать пути такого примирения на основании культурно-психологической общности, что было обусловлено, по всей вероятности, общими надеждами, которые породил на первых порах реформистский индеанизм лидера перуанской партии Народное действие Ф. Белаунде Терри. Однако уже к концу 60-х годов традиционалисты совершенно отошли от этой позиции и (как показывает, в частности, переписка Х. М. Аргедаса с одним из партизанских вожаков Уго Бланко) стали видеть в вооруженной борьбе, а не в психологической индеанизации решение индейской проблемы. Тем не менее вопреки реальности — сильному расслоению в индейской деревне и пролетаризации общинников — они продолжали представлять «индейский мир» как нечто единое целое. Игнорируя рост промышленного пролетариата и его роль в экономической и общественно-политической жизни страны, традиционалисты стремились представить индейского крестьянина как единственного труженика, оплот перуанской экономики³², абсолютизировали непонимание и «извечный антагонизм» между городскими рабочими и индейцами-общинниками.

Индеанизация в определенном культурно-этническом смысле и именно в Сьерре, безусловно, существовала и существует, о чем в свое время не раз говорил и Х. К. Мариатеги³³. Об этом же пишут и современные исследователи. Речь идет о транскультурационном процессе, в который вовлекаются оба основных компонента формирующейся перуанской нации — и испанский, и индейский. И если в Сьерре беспорна определенная индеанизация перуанцев, то еще более беспорна ассимиляция индейцев в городах, их культурная и психологическая европеизация. Но сторонникам индейской самобытности свойственно выделять в этом процессе только одну его составную часть и преувеличивать ее роль. И в этом вновь проявляется мессианизм перуанских традиционалистов, надежда на то, что рано или поздно, «расово» пре-

одолев и как бы поглотив завоевателей, именно индейцы будут определять судьбы Перу.

Концепция индеанизации отражена и в идеологии других националистических течений: в боливийском национализме (например, в мировоззрении Г. Франковича) и в перуанском апризме (у Л. А. Санчеса). Однако если в интерпретации традиционалистов эта концепция имела скорее нравственно-философское, чем политическое звучание, то, взятая на вооружение этими националистами, она стала инструментом демагогии и политической спекуляции. Так, индеанизация, в интерпретации апристов, как исходная посылка при анализе перуанской реальности, закономерно вела также и к «индеанизированному» толкованию революционной борьбы, к тезису об индейском крестьянстве как ее движущей силе.

Поскольку 20-летний опыт индеанистской практики показал, что без коренных структурных изменений в селе — и прежде всего без радикальной и демократической аграрной реформы — индейский вопрос разрешить невозможно и что в рамках существующего социально-экономического статуса индейца его «возрождению» не помогут ни просвещение, ни энтузиазм специалистов из экспериментальных центров, определенная часть индеанистов, и в первую очередь традиционалисты, отошла от практической деятельности по интеграции и солидаризовалась с тем партизанским движением, развернувшимся в середине 60-х годов в андских странах и в Гватемале, в идеологии которого большую роль играл националистический момент, а некоторые из них — и с расистским «учением» Ф. Рейнаги.

Эта солидарность естественна и закономерна, поскольку в теоретических построениях идеологов и вожаков партизанского движения середины 60-х годов (в своем большинстве — молодых интеллигентов) в Перу, Боливии, Гватемале и Эквадоре своеобразно преломилась все та же, свойственная индеанистам самых различных направлений концепция индейской самобытности их стран. Взгляды многих из ультралевых революционеров в этих странах сформировались под сильным влиянием писателей-индеанистов, одной из своих основных целей они считали социальное освобождение индейских крестьян. Отправным положением их теории стал традиционный тезис о социальной, экономической и культурной двойственности, в частности, в Перу и Гватемале³⁴. Особенный размах получило это движение в Перу, где его ядро составила упомянутая выше «мятежная АПРА», которая фактически вернулась к исходной посылке раннего апризма: ориентации на индейское крестьянство как на основную движущую силу революции. Идеологи этого направления абсолютизировали антагонизм между «крестьянской Сьеррой» и «городской Костой», трактуя его как антагонизм колонизируемого и колонизатора³⁵. Разрешение индейской проблемы они видели только в победе «сельской андской зоны» над «креольской городской зоной»,

посредством немедленной вооруженной борьбы, центром которой должен стать партизанский очаг³⁶. Индейских крестьян они постоянно противопоставляли городским рабочим³⁷, считая именно индейцев основной базой революционного движения, руководящую же роль отводили себе — буржуазной интеллигенции из города.

Начиная так называемую партизанскую войну в Сьерре, они стремились придать ей индеанистскую окраску, используя даже при названии своих лагерей и отрядов символы и образы, почерпнутые из истории освободительной борьбы индейцев. Вначале индейские крестьяне оказывали партизанам некоторое содействие, но в общем движению не удалось создать широкой социальной базы, и восстание так и не охватило тех, во имя которых оно было начато. Позднее, анализируя причины поражения, руководители партизанского движения, в частности Э. Бехар, выдвигали в качестве основной причины все тот же дуализм, в силу которого партизаны, в большинстве своем городские интеллигенты, оказались совершенно не подготовленными к привлечению индейцев³⁸.

Хотя напряженные отношения между «белыми» и индейцами, а также незнание или игнорирование этнических особенностей индейского крестьянства сыграли, безусловно, значительную роль, причины неуспеха движения значительно сложнее и многообразнее. В эти годы еще не были окончательно изжиты надежды крестьян на аграрную реформу, декларированную правительством Белаунде Терри: оживленная деятельность в сфере «практического индеанизма» также сыграла не последнюю роль в нейтрализации индейцев. Ультралевые, исходя главным образом из того, что индейская часть населения является наиболее угнетаемой и бедной, не придали, видимо, должного значения уровню общественного и политического развития индейцев, тому, что общинники, особенно живущие в зависимых от помещиков общинах, — наиболее забитая и политически отсталая часть трудящихся. Они с трудом поддаются революционной пропаганде и, напротив, гораздо легче идут навстречу патернализму помещиков и правительства. В силу этих же причин остались безучастными к движению партизан и индейские крестьяне Гватемалы, изолированность и отсталость которых еще более сильна, чем в Перу.

Группа сторонников «партизанского очага» с ориентацией на индейское крестьянство как основную движущую силу появилась еще в начале 60-х годов и в Эквадоре. Среди других во главе ее находился молодой писатель-индеанист Х. Риваденейра. Эта группа, противопоставив себя Коммунистической партии, а индейских крестьян — городским рабочим, развязала так называемую партизанскую войну в Тоачи. Эквадорские коммунисты осудили раскольническую деятельность этой группы, указав на вред такой политики для самих же индейских крестьян³⁹, часть которых, и главное — руководство Эквадорской федерации индейцев,

поддержали (в отличие от Перу или Гватемалы) сторонников партизанской войны.

Расистская постановка проблемы освободительной борьбы индейцев подверглась критике и со стороны гватемальских коммунистов на IV съезде ГПТ в 1969 г.: «...Этнические особенности Гватемалы дали повод для «самоновейших» рассуждений о роли крестьян-индейцев как революционной расы. Налицо попытка подменить классовую борьбу борьбой рас. Наш IV съезд со всей ясностью подчеркнул, что индейское население включается в революционный процесс, но критерием этого участия является его классовая принадлежность и положение эксплуатируемой массы; при этом следует учитывать специфические формы проявления его общественного сознания»⁴⁰. Однако подобные настроения не изжиты в этих странах и по настоящее время.

К концу 60-х годов в Боливии начало вырисовываться еще одно направление индеанистской идеологии, в котором доводились до абсолюта и принимали весьма агрессивную форму те мотивы индейского расизма, которые были всегда присущи теоретикам индейской самобытности и звучали то яснее, то более приглушенно. Основные положения этого «нового индеанизма» были изложены в двух последних работах боливийского публициста, индейца аймара по происхождению, Ф. Рейнаги — «Индийская революция» (1969) и «Манифест. Индейская партия Боливии» (1970).

Появление нового индеанизма было обусловлено рядом причин, явившихся в какой-то мере следствием революции 1952 г. В результате аграрной реформы 1953 г. и особенно в связи с законом 1965 г. о праве продавать землю в сельском хозяйстве Боливии заметно ускорилось развитие капиталистических отношений. Интенсифицировалось социальное расслоение в индейском селе, массы «раскрестьяненных» индейцев уходили на заработки в города и на плантации, переселялись на вновь осваиваемые земли. Усилился процесс разложения еще сохраняющихся индейских общин. Резко возросла стоимость жизни, увеличилось так называемое избыточное население; основная масса индейских крестьян Альтиплано бедствовала. Таким образом, развивающийся в индейском селе капитализм в силу закономерностей своего развития многих из крестьян выбросил из деревни совсем, нарушил уклад их жизни, породил глубокие мировоззренческие и психологические коллизии.

К этому надо добавить и влияние этнического фактора: революция ускорила процесс консолидации боливийской нации, так как привела в движение самые различные группы населения, объединив их в совместной борьбе. Естественная ассимиляция и метисация индейского населения еще более усилилась по мере развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве и по мере роста урбанизации.

Однако становление боливийской нации обладало серьезным

внутренним противоречием, так как оно сопровождалось «размыванием» индейских народностей кечуа и аймара, причем националистическое правительство сразу же стало на путь ускорения этого процесса, в частности, посредством испанизации школьного образования⁴¹ Стремление правящих кругов искусственно усилить консолидационный процесс натолкнулось на сопротивление индейцев, старающихся сохранить свои этнические характеристики. Игнорируемая этническая сторона проблемы вдруг дала о себе знать, причем гипертрофированная агрессивность ее проявления оказалась прямо пропорциональной степени отрицания.

Сам Ф. Рейнага, до того как объявить «священную войну» всей «белой расе»⁴², проделал противоречивую эволюцию в своем мировоззрении и политической ориентации. Долгое время он состоял в партии Националистическое революционное движение (МНР), активно участвовал в проведении аграрной реформы 1953 г. Сведение на нет завоеваний революции, по-прежнему бедственное положение основной массы индейского крестьянства, а также происходящее у всех на глазах перерождение лидеров революции 1952 г. обусловили отход Рейнаги от прежних позиций и дали импульс развитию того расизма, который в определенной степени был всегда присущ его мировоззрению и сказывался в его предыдущих работах. В начале 60-х годов Рейнага вышел из партии МНР и стал работать в направлении создания собственной, «чисто индейской» партии. В 1963 г. был выпущен программный документ Партии индейцев Боливии⁴³. Однако, несмотря на декларации, эта партия не имеет какого-либо реального влияния и стоит за рамками политической жизни страны.

Рекламируя свое «учение» как совершенно новую идеологию, якобы выражающую интересы индейских масс и принципиально отличающуюся от индеанизма всех предшествующих апологетов «индейского мира»⁴⁴, Рейнага — совершенно в ключе концепций культурной самобытности — отрицает саму необходимость для боливийских индейцев «европеизироваться» и развиваться в дальнейшем по «западной модели»⁴⁵ Именно в следовании западному пути он видит основной порок современного индеанизма и считает, что избранный последним путь заведомо ложен. Ошибочен, по его мнению, также путь революционных преобразований в совместной борьбе с «левыми чоло», потому что интересы индейцев и чоло, по его мнению, антагонистичны⁴⁶. Традиционный дуализм получает у Рейнаги несколько иную интерпретацию: это не дуализм индейской общины и белого города, а дуализм индейца, сохранившего традиционный уклад, и чоло — индейца, в достаточной степени ассимилировавшегося и урбанизовавшегося, т. е. налицо своеобразное преломление концепции культурной самобытности, при котором противопоставление между культурой архаичной и культурой современной идет внутри одного общества, внутри развивающейся национальной культуры и яв-

ляется следствием трудностей и противоречий этого развития. Таким образом, «античиоллизм» Рейнаги отнюдь не отражает именно расовый момент (на чем он так настаивает), а объективно отражает прежде всего социальные и культурно-психологические коллизии в гетерогенной этнически, очень отсталой стране.

«Рейнагизму» присущи все типические черты такого рода идеологии⁴⁷: противопоставление самобытной, в данном случае индейской, культуры западной, апелляция к особому складу индейской души, а также заявление о возможности самобытного «индейского социализма». Отрицая «европейский способ быть», Рейнага утверждает уникальность «индейского мира» и именно в нем видит спасение от пагубного «индивидуализма частной собственности Запада», а также от войны и ядерного уничтожения⁴⁸.

Обосновав неприемлемость западного пути не только для боливийских индейцев, но и вообще для дальнейшего развития всего человечества⁴⁹, Рейнага видит в «индейском социализме» спасение и выход для «гибнущей цивилизации». Для построения такого социализма, на его взгляд, достаточно возродить «коммунистические инстинкты» индейских общинников и перенести их на более высокий уровень техники. Корни этого социализма — не в социалистическом учении и опыте Европы, а в собственном прошлом индейцев — «аграрном коммунизме» инков.

Какой же путь предлагает Рейнага для достижения своего социального идеала? Прежде всего — власть индейцам. Дальнейшие шаги — это реставрация всего Тауантинсуйо (так называлась Империя инков), «социалистического» Тауантинсуйо XX в., — на основе древнейших традиций коллективного труда, но с использованием всех достижений современной науки и техники. И, наконец, как завершающий этап — создание «государства — континента Индо-Америки», «коммунитарного общества», свободного от эксплуатации и угрозы ядерного уничтожения⁵⁰. Единственным средством освобождения индейцев Рейнага признает расовую войну под лозунгами «Индейцы Боливии, соединитесь!» и «Власть или смерть!»⁵¹.

Обосновывая необходимость именно такого пути, Рейнага ищет опору в идейном арсенале «третьего мира». Исходя из «индейской исключительности», он отрицает применимость марксизма при разрешении индейской проблемы, трактуя марксизм как учение белых, пригодное лишь в Европе и лишь в определенный период⁵². Современный исторический процесс он представляет в духе идеологов «третьего мира» как развитие «глобального дуализма»: непримиримого антагонизма между «белым миром» западной цивилизации (к которой он относит в равной степени как капиталистические страны Запада, так и социалистические страны), с одной стороны, и «цветным и голодным третьим миром» — с другой. Аргументируя свой тезис о загнивании западной цивилизации и мессианском предназначении «третьего мира», он эклек-

тически опирается на европейскую и американскую буржуазную философию самого широкого диапазона: на Тойнби и Шпенглера, Фрейда, Маркузе и Прието. Но основными его вдохновителями являются Сартр и Фанон⁵³, теории которых он старательно адаптирует применительно к боливийской реальности. В чувстве виновности перед народами «третьего мира», присущем философии Сартра⁵⁴, Рсейага, подобно другим идеологам этого мира, видит доказательство правоты и исторической закономерности своей позиции. Вопреки объективной реальности он отстаивает расовый характер индейской проблемы⁵⁵ в Боливии и настаивает на необходимости расовой войны для ее разрешения.

Оправдывая свой расизм, он представляет его прежде всего как расизм вынужденный, как ответ на «белый расизм» угнетателей. С другой стороны, опираясь на Шпенглера и Кайзерлинга, он снова и снова повторяет, что именно индейцы — это прошлое и будущее Боливии, ее слава, ее гордость, и поэтому индейский расизм, какие бы формы он ни принимал, исторически оправдан. И если еще в «Индейской революции» он писал, что «индейцы не ищут смерти чолалды»⁵⁶, то в «Манифесте» он уже призывает не более не менее как к «тотальной войне»⁵⁷. В этом призыве, в признании насилия единственным путем к освобождению видно несомненное влияние «теории насилия» Фанона (чего пророк нового индеанизма и не скрывает). Но если для Фанона насилие, воспринимаемое им как трагическая неизбежность, понималось как право угнетенного народа восстать и завоевать независимость с оружием в руках — и это имело реальный смысл и значение в колониальной ситуации Северной Африки, — то в Боливии, где социальная, этническая и политическая ситуация принципиально отлична от африканской, этот призыв не оправдан.

Рейнага стремится представить индейцев как нечто этнически, культурно и социально однородное, как некую «индейскую нацию», он толкует об «индейской расе» как о чем-то гомогенном и четко определенном, что противоречит реальному положению вещей. Призывая к сплочению под лозунгом расового единства, он не считает классовую борьбу индейских трудящихся решением проблемы, так как, по его мнению, индейцы угнетаются не как класс, а как «субраса»⁵⁸. Таким образом, классовый подход к индейскому вопросу подменяется откровенным расизмом.

По мере того как новый индеанизм получал все более определенные очертания, с ним солидаризировались некоторые индеанисты андских стран как старшего поколения (Л. Э. Валькарсель, написавший пролог к «Индейской революции» Рейнаги, и Х. Умберто Мата)⁵⁹, так и молодежь, называющая основателя нового индеанизма ни более, ни менее как инкским титулом «амаута» (учитель, мудрец)⁶⁰.

Все это, как нам представляется, свидетельствует о том, что появление «рейнагизма», несмотря на очевидную искусственность его теоретических конструкций, является не только выражением

антиевропеистских настроений определенного интеллигента или группы интеллигентов, находящихся под сильным влиянием идеологии «третьего мира». По-видимому, можно говорить о том, что он отражает в определенной степени как настроения отчуждения и недоверия к белым, еще сохранившиеся в индейских массах отсталых изолированных районов, так и те настроения, которые порождает наступление капитализма на привычный уклад индейских крестьян и которые — при предвзятом и неясном понимании этого процесса — могут выливаться в стихийный бунт против «белой цивилизации» вообще.

*

Таким образом, история развития индеанистской идеологии отражает в своей сущности противоречивый и замедляемый рядом внешних и внутренних факторов процесс формирования капиталистических наций в «индейских» странах Латинской Америки. Индеанизм как одна из моделей националистической идеологии приобретает специфические черты в каждой из «индейских» стран, в зависимости от степени экономического развития и состояния национального самосознания общества. Однако общим для этих региональных вариантов является внутренний конфликт двух основных направлений: национализма, облакающего в «автохтонные одежды» внедряемые им «идеалы развития», и традиционализма, настаивающего на примате и определяющем значении «автохтонного наследия». В зависимости от степени развития страны меняется соотношение между этими двумя направлениями: так, например, в Мексике традиционализм уже сошел в общем на нет, и современный индеанизм в целом имеет здесь националистическую, интеграционистскую направленность, что свидетельствует об определенной степени зрелости национального самосознания.

Зародившись в начале нашего века, когда консолидационные национальные процессы в этих странах находились еще на одном из своих начальных этапов, индеанизм был преимущественно теорией — шло только осмысление проблемы, определение ее сущности, нащупывание возможных путей ее разрешения. Как это часто бывает в истории идей, индейская проблема была выдвинута прежде всего в художественной литературе, чтобы потом уже стать объектом философии, социологии и политики, и выражала мировоззренческий поиск прогрессивной молодежью интеллигенции, рост ее национального самосознания, ее антиимпериалистические и антилатифундистские устремления. Поскольку именно в ликвидации пережитков феодализма, в наделении индейских крестьян землей, в освобождении экономики своих стран от влияния иностранного капитала молодые индеанисты 20—30-х годов видели путь к разрешению индейской проблемы и дальнейшему самостоятельному, независимому развитию своих наций,

постольку их индеанистская идеология имела в тот период революционное звучание. Тем не менее традиционное для индеанизма положение об «индейской исключительности», или социальный утопизм, базирующийся на тезисе об «общинном коммунизме», уже тогда уводили это движение в какое-то особое русло и угрожали последующей изоляцией от развивающегося и крепнущего революционного движения рабочего класса.

После второй мировой войны, в связи с усилением консолидационных процессов в этих странах и необходимостью еще более стимулировать их, появляются национал-реформистские программы и теории, которые пытаются вместить в себя как требования модернизации, так и автохтонные традиции. В этих программах и теоретических построениях насущные потребности капиталистического развития камуфлируются «индеанистскими идеалами», и в этом не последнюю роль играет стремление составителей этих программ привлечь широкие массы, еще живущие в соответствии со своими архаичными укладами, на свою сторону.

Эти национал-реформистские начинания активизируют деятельность индеанистов-практиков. Индейская проблема повсеместно переносится из сферы литературы и мессианских утопий 20-х годов в сферу «прагматизма» официальных индеанистских учреждений.

С достижением индейцами определенных демократических свобод возросла политическая роль индейских масс. И если в начале века основной движущей силой индеанистского движения было сочувствие индейцам, понимание их интересов, то сейчас — это прежде всего стремление подчинить индейских крестьян влиянию правящих кругов, нейтрализовать их политически, противопоставив национал-реформистскую альтернативу революционной, классовой борьбе вместе с другими отрядами трудящихся, и прежде всего с рабочим классом.

Однако и в этот период, наряду с официальным индеанизмом интеграционистской направленности, продолжают сохраняться и развиваться дальше традиционалистские теории и концепции, отражающие субъективное восприятие происходящих в индейской деревне процессов со стороны «раскрестьяниваемых» общинников. И, наконец, под влиянием многих причин, но главным образом неразрешенности индейской проблемы, в андских странах вновь возрождаются расистского толка теории об «индейском социализме» и «чисто расовом» государстве, т. е. на первый план опять, как и в 20-х годах, выдвигается идея самостоятельного развития индейских народов Андского нагорья, не связанных с европейской цивилизацией. Идея утопическая, поскольку, несмотря на то, что индейские народы были создателями древних развитых культур в этом регионе, апогеем которых была Инкская империя, самостоятельное развитие их было прервано в силу определенного поворота исторического процесса. Их история слилась с историей других народов, и игнорировать это утопично, а

пытаться повернуть историю вспять, хотя бы теоретически, — реакционно. Автохтонное развитие индейцев как в социально-экономическом, так и в культурно-этническом плане невозможно. «В современных условиях международной общности, когда жизнь каждого народа так или иначе связана с жизнью других народов, когда исторический процесс в целом направляется народами, вышедшими на передний край общественного развития и цивилизации, для всякого народа, отставшего на этом общем пути... возможно лишь то или иное по степени и силе, по темпам и длительности подтягивание к уровню высшей ступени развития и цивилизации своего времени»⁶¹.

Представляется возможным говорить о том, что определяющим процессом в «индейских» странах является консолидация метисных наций, вобравших и продолжающих вбирать в себя жизнеспособные и ценные элементы всех смешивающихся этносов и их культур⁶². Это объективно прогрессивный процесс, который так и характеризовал В. И. Ленин: «...прогрессивно перемалывание наций в Америке»⁶³.

О проблеме перуанского единства, которую еще предстоит разрешить⁶⁴, о формировании национальной перуанской культуры, складывающейся на «индейских пластах» и «наносах западной цивилизации»⁶⁵, писал в свое время Х. К. Мариатеги, который не был ни индеанистом, ни европейцем, но выражал идеи и настроения революционных элементов перуанской нации.

Однако формирование нации — это не какое-то конкретное событие в истории той или иной общности, а длительный процесс, зачастую принимающий особенно сложный и противоречивый характер из-за специфики исторической ситуации.

Совершенно недопустимо ни теоретически, ни тем более политически противопоставлять индейцев и неиндейцев, исходя из различия их этнических, культурных и психологических характеристик: «Отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального» момента нелепо и невозможно», — указывал В. И. Ленин⁶⁶.

И, наконец, рассматривая индеанизм как одну из моделей националистической мысли не только в латиноамериканском, но и шире, в глобальном, контексте, нельзя не отметить, что при всей специфике этого течения его основное содержание представляет собой идеологическую дихотомию: идеалы модернизации — автохтонные ценности, — которая имеется во многих развивающихся странах Азии⁶⁷ и Африки⁶⁸. Эта дихотомия порождена трудностями и противоречиями развития сообществ, не однородных этнически, культурно, лингвистически, которые еще не изжили докпиталистические формы экономики и соответствующие психологические и мировоззренческие нормы. И так как национальная консолидация — это весьма длительный по времени процесс, то возможно ожидать дальнейшее развитие подобного рода идеологии в различных ее проявлениях. Только революционный выход

из структурного кризиса открывает путь для решения индейской проблемы и вымывает почву из-под ног националистических идеологов и политиков.

2. ЛАТИНИЗМ

Латинизм как своеобразное проявление националистической идеологии и политики крупной буржуазии романских стран Западной Европы стал складываться во второй половине XIX столетия, когда началось перерастание монополистического капитализма в монополистический. В эту историческую эпоху Латинская Америка оказалась объектом острой конкурентной борьбы империалистических держав. Латиноамериканским народам, свергнувшим колониальное иго Испании, угрожала опасность нового закабаления со стороны империализма США, претендовавшего на роль повелителя Западного полушария.

Империалисты США, призывая «не позволять Европе вмешиваться в дела по ту сторону Атлантического океана», пустили в ход посулы так называемой доктрины Монро и идеи панамериканизма. Европейские империалисты в свою очередь выступали против исключительного господства Соединенных Штатов в Западном полушарии. И в противовес панамериканизму представители итальянского и французского капитала выдвинули собственную идеологию и политику — латинизм.

Внешне латинизм был призван обосновать необходимость укрепления экономических и политических связей между романскими нациями Западной Европы и родственными им по языку, культурным и религиозным традициям народами Латинской Америки. Межимпериалистическая борьба за господство над Латинской Америкой своеобразно отразилась в столкновении идеологий панамериканизма и латинизма. В условиях межимпериалистического соперничества латинизм служил политическим орудием империалистической экспансии романской Европы и одновременно — идеологическим противовесом наступлению империализма США.

В самой Латинской Америке идеи латинизма находили питательную почву прежде всего в среде просвещенной олигархии, так называемой интеллектуальной элиты, воспитанной на определенных традициях европейской, и особенно французской, культуры. Олигархия, пришедшая к власти в ряде стран латиноамериканского континента в конце XIX в., представляла собой компромиссный союз старой аристократии с новой торговой и финансовой буржуазией, тесно связанной с иностранным капиталом.

Особенно большое влияние на сторонников латинизма в этот период оказали позитивистские идеи О. Конта, Г. Спенсера, И. Тэна.

Широкое распространение среди господствующих классов латиноамериканских стран получила своеобразная интерпретация «биологической теории» Г. Спенсера, согласно которой прогресс Латинской Америки мог быть достигнут только благодаря притоку белой европейской иммиграции и «помощи» иностранного капитала.

Выступая с позиций олигархического позитивизма и пытаясь обосновать необходимость развития культурного и экономического обмена с романскими странами Западной Европы, идеологи латинизма широко апеллировали при этом к так называемым латинским идеалам и традициям.

Исходной посылкой их взглядов явилась выдвинутая ими идея духовной общности латинских наций, уходящая своими корнями в далекое прошлое романской цивилизации. «Латинский дух новой Америки неистребим,— писал крупнейший представитель идеологии латинизма, перуанский историк и философ Франсиско Гарсиа Кальдерон.— Контакт с англосаксонской цивилизацией может оказать на него частичное влияние, но полной трансформации того духовного начала, которое объединяет наши нации, не произойдет никогда... Навязывая свою волю латинянам, англосаксы завоевывают Америку коммерческим, экономическим путем, однако традиции и идеалы, латинский дух этих республик остаются им глубоко враждебными»⁶⁹

Проповедуя идею духовного единства романских наций, теоретики латинизма уповали при этом и на католическую религию, которую испанцы насадили в Латинской Америке.

Говоря о влиянии римской церкви, они подчеркивали также влияние римского права на законодательную и государственную систему латиноамериканских стран, объясняя этим склонность латиноамериканцев к «харизматическому» образу правления, к власти сильной личности на манер римских цезарей. «Под двойным влиянием католицизма и римского права Америка латинизируется»,— указывал Ф. Гарсиа Кальдерон⁷⁰. И хотя в завоевании Южной Америки роль итальянских и тем более французских колонистов была крайне незначительной, сторонники латинизма настойчиво подчеркивали тот момент, что родиной первооткрывателя Нового Света является романская Италия. «Мореплаватели родом из Лациума,— писал Кальдерон,— открывают неизвестный континент; испанцы и португальцы покоряют и колонизируют его»⁷¹.

Что касается Франции, то в пропагандистском арсенале идеологов латинизма ей отводилась почетная роль «духовного пастыря» латиноамериканских народов. «Франция,— заявлял Ф. Гарсиа Кальдерон,— осуществила духовную конкисту наших демократий и создала в них некую разновидность латинского духа... Французы, греки, итальянцы, португальцы и испанцы находят в нем основные черты своего национального характера»⁷². По выражению перуанского историка, в этот духовный синтез Испания

вносит свойственный ей идеализм, Италия — бессмертные творения прошлого, Франция — свою гармоничную культуру.

По мнению Ф. Гарсна Кальдерона, причина неразрешенных противоречий между Латинской Америкой и США заложена уже в самом культурно-этническом факторе. «Между саксонцами и латинянами ясно чувствуется антагонизм двух культур, — указывал он. — Американцы Юга принадлежат к «латинской семье», тогда как их географические братья Севера являются далекими потомками англосаксонских пилигримов»⁷³.

Характерно, что буквально во всех работах идеологов латинизма Северная и Южная Америка фигурировали не иначе, как англосаксонская и Латинская Америка. Пропагандисты латинизма напоминали даже о том, что сам термин «Латинская Америка», вошедший в употребление в середине XIX в., был введен французскими географами в противоположность англосаксонской Америке.

«Нужно отличать то, что объединяет и что разъединяет обе Америки. География их объединяет, история же, напротив, разъединяет вследствие их различного происхождения: англосаксы и протестанты, с одной стороны, и латиняне и католики, с другой, — писал активный сторонник латинизма, французский исследователь Андре Зигфрид. — Для будущего нового континента нет более важной проблемы, чем вопрос о том, какой из этих двух факторов возобладает: если география, то Север и Юг будут иметь тенденцию ко все большему сближению и установлению тех или иных форм панамериканизма, если же история, то отношения каждого региона с соответствующей ему частью Европы непременно упрочатся. Таким образом, ясно обнаруживаются два направления: первое — Север — Юг; второе — Восток — Запад»⁷⁴.

Усматривая благоприятные перспективы для укрепления позиций западноевропейского империализма в Латинской Америке, идеологи латинизма в то же время признавали и прочность влияния США в Западном полушарии. Они утверждали, что Латинская Америка, даже если она и «не питает особых симпатий к США», является «американской» в континентальном смысле этого слова. Однако, по мнению теоретиков латинизма, при отсутствии духовного единства обеих Америк «грубый материализм англосаксонской расы» будет неизбежно вступать в конфликт с «идеализмом латинской расы», — именно здесь латинизм призван выступить в роли «европейского противовеса». «Мы признаем, что американская техника — высшего класса, что американское оборудование вообще более рентабельно, — указывал А. Зигфрид. — Но чего поистине не хватает североамериканской цивилизации, которая стоит сегодня во главе западного мира, так это некоего интеллектуального дара к синтетическому мышлению, утонченности ума. То, что, наконец, способна дать Франция, — это наивысший уровень культуры. Она несет эту культуру

не только в произведениях литературы и искусства, но и в самих продуктах своей промышленности... Повсюду, где присутствует Франция, царит особая атмосфера, духовный обмен, всеобщие идеи, богатая фантазия, культура»⁷⁵.

Основные элементы латинизма получили свое дальнейшее развитие в новых исторических условиях, однако классовая сущность этой идеологии и соответствующей ей политики оставалась по-прежнему неизменной, хотя латинизм никогда не представлял собой единообразного и непрерывного направления. Временами идеи латинизма затухали, чтобы вскоре вспыхнуть с новой силой.

Тем временем борьба между североамериканским и западноевропейским империализмом в Западном полушарии после второй мировой войны закончилась победой империализма США, превратившего Латинскую Америку, как ему казалось, в безраздельную сферу своего влияния. Вторая мировая война сильно подорвала позиции западноевропейских конкурентов. Она нанесла чувствительный удар по материальным и людским ресурсам Франции и Италии, значительно ослабив их традиционные связи с Латинской Америкой.

Еще раньше, в 20 — 30-х годах, в Латинской Америке наблюдалось падение морально-политического престижа Италии в результате прихода к власти фашистской диктатуры Муссолини. Претензии итальянских фашистов вернуть былое величие Италии, воскресить Римскую империю и культ цезаризма были фанатичной попыткой спасти капитализм в Европе от упадка путем возрождения самых консервативных атрибутов романского наследия. Фашистская пропаганда латинизма служила не чем иным, как идеологическим оправданием экспансионистской политики итальянского империализма. Такого рода латинизм вызывал резкий отпор со стороны прогрессивных сил Латинской Америки. «Реакция питается латинскими традициями,— писал выдающийся перуанский марксист Х. К. Мариатеги.— Реакция ищет духовное и идеологическое оружие в арсенале романской цивилизации. Фашизм стремится реставрировать Римскую империю. Муссолини и его чернорубашечники возродили в Италии ликторский топор, декурии, центурии, консулаты и прочие атрибуты. Фашистская лексика полностью пропитана имперской ностальгией. Символ фашизма — скрещенные ликторские топоры. Фашисты приветствуют своего Цезаря по-римски»⁷⁶.

Консервативную функцию носила и образовательная «реформа» в Италии, которую Муссолини оценил как самую фашистскую из всех фашистских реформ. «Реформа» всей системы образования в псевдоклассическом, римском духе была призвана заразить фашистской идеологией подрастающее поколение, дабы создать массовую социальную базу для пополнения фашистских рядов. «Одев маску гуманистов,— писал Мариатеги,— философы и литераторы реакции в действительности стремятся восстановить пришедший в упадок престиж иерархии и авторитарной

власти и напичкать латынью и классиками молодые поколения интеллигенции»⁷⁷

Пагубное влияние латинизма, исходившее от фашистской Италии, не замедлило сказаться и на политическом климате Латинской Америки. Ультрареакционные, диктаторские режимы ряда латиноамериканских стран в немалой степени содействовали этой фашистской пропаганде латинизма с ее культом цезаризма, проповедью сосредоточения всей полноты власти в руках провиденциальных вождей. Характерно, что и в Латинской Америке были также предприняты попытки адаптировать систему образования к псевдоклассическим формам и образцам. Эта тенденция выразилась в решении III Панамериканского конгресса, предусматривавшего для Латинской Америки обязательное изучение латинского языка в средней школе, что, по выражению Мариатеги, представляло собой не что иное, как «тропическую карикатуру фашистской реформы».

В теории и практике фашизма реакционные черты латинизма поистине достигли своего апогея. Под натиском фашизма временно отошли на задний план известные позитивные начала, связанные с благоприятным влиянием демократических традиций культуры романских стран Европы на Латинскую Америку.

Нужно сказать, что в первые послевоенные годы воздействия латинизма на общественную жизнь Латинской Америки почти не чувствовалось. Однако западноевропейское отступление из Латинской Америки в послевоенный период было временным явлением.

Активная пропаганда латинизма началась в 50—60-х годах XX столетия. С этого периода интерес латиноамериканцев к развитию отношений с романскими государствами Западной Европы стал заметно расти. Это было связано прежде всего с усилением в Латинской Америке настроений определенных кругов господствующих классов в пользу проведения более самостоятельного курса внешней политики.

«Если Латинская Америка обращается к Европе,— писал современный идеолог латинизма, французский историк Оливье Ротан,— то мотивы этого решения носят двойственный характер. Одни — чисто материальные: процветание Европы поражает ее, вызывает ее восхищение, и она надеется найти здесь дополнительную помощь, финансовую и техническую, для того чтобы ускорить свое развитие. Другие мотивы, еще довольно смутные, робко выраженные: охарактеризуем их как стремление встретить достойного партнера, поддержка которого позволила бы сбросить североамериканское иго, которое кажется ей подчас нестерпимым и не достойным ее исторической судьбы»⁷⁸.

Весьма показательно, что эти стремления выражены в так называемой доктрине Прадо. Типичный представитель правящей перуанской олигархии — Мануэль Прадо Угартече, занимавший пост президента Перу в 1939—1945 и 1956—1962 гг., проявил

особенно активную деятельность в укреплении экономических и политических связей Латинской Америки с Западной Европой, что, однако, не мешало ему одновременно быть выразителем интересов монополий США в Перу. В 1956 г. он заявил, что «Перу решительно выступает за прочный союз и реальное сближение романских наций». Он обратился с призывом к другим латиноамериканским странам латинского происхождения присоединиться к Перу в деле получения материальной и моральной поддержки со стороны западноевропейских держав. Его предложения были с интересом встречены французским министром иностранных дел Кристианом Пино, который и назвал их «доктриной Прадо»⁷⁹.

В июне 1958 г. идея латинизма вновь отчетливо прозвучала в интервью М. Прадо, данному им корреспонденту парижской газеты «Фигаро». «Моя цель,— заявил Прадо,— создать прочный и тесный союз между латинскими нациями. Итак, существует латинское сообщество. Оно было выковано историей, религией, цивилизацией, культурой, традициями. Сила этих вековых уз была доказана тем простым фактом, что они сохранились, несмотря на географическую разобщенность и политические перевороты»⁸⁰.

Известно, что во время пребывания во Франции и Италии в феврале 1960 г. М. Прадо вел переговоры с руководящими деятелями романских стран об отношениях между Латинской Америкой и Западной Европой. Франко-перуанское коммюнике, подписанное Прадо и генералом де Голлем, призывало все нации латинского происхождения и общих культурных традиций по обе стороны Атлантического океана крепить их сотрудничество, тогда как в Италии в совместном коммюнике Прадо и президента Д. Гронки высказывалась идея создания «единого фронта латинских наций в международных организациях»⁸¹.

Этот курс М. Прадо развивался и в начале 60-х годов, когда резкое обострение противоречий между Латинской Америкой и США обнаружило серьезный кризис всей так называемой меж-американской системы. Эта тенденция привела к росту, с одной стороны, антиимпериалистических, с другой — националистических настроений.

Панамериканизм в значительной степени дискредитировал себя в глазах латиноамериканских народов, которые все более и более убеждались в необходимости самим создавать свой собственный политический и культурный климат.

Настроения протеста против засилья империализма США охватили весьма широкие слои латиноамериканского общества. В пользу независимой внешней политики высказывались уже не только сознательные рабочие, но и определенные круги латиноамериканской буржуазии, националистически настроенные военные, значительная часть интеллигенции и средних слоев.

Рост активной оппозиции идеям панамериканизма стимули-

ровал и повышенный интерес латиноамериканских стран к сближению с романскими нациями Западной Европы, ибо в ассоциации с Западной Европой определенные круги правящих классов Латинской Америки видели одно из средств ослабить постоянное давление империализма США и извлечь определенную пользу от межимпериалистического соперничества. В свою очередь французская и итальянская буржуазия, оправившаяся от последствий второй мировой войны, настойчиво искала возможности восстановить и укрепить свои былые позиции в Западном полушарии.

И не случайно, что в этой исторической ситуации аргументы традиционного латинизма были призваны вновь выдвинуться на передний план. Характерно, что в условиях резкого углубления противоречий между Латинской Америкой и США Франция выступила главным пропагандистом идей латинизма.

Если в Италии основной упор делался на пропаганду культурной, духовной общности романских наций, то во Франции латинизм приобретал ярко выраженный политический характер и прямо противопоставлялся панамериканизму. Программа «национального величия» Франции, выдвинутая президентом де Голлем, стала главным атрибутом внешнеполитической стратегии Парижа в 60-х годах.

Этот курс привел к резкому обострению разногласий между Францией и США по многим важным международным вопросам, что, естественно, отразилось и на латиноамериканском континенте.

Важной вехой в укреплении связей Франции со странами Латинской Америки явились поездки президента де Голля в Центральную и Южную Америку весной и осенью 1964 г. Латиноамериканское турне де Голля было новой манифестацией независимой политики Франции, на этот раз продемонстрированной у границ США. Это «латинское вторжение» в район, который империалисты США привыкли считать незыблемой сферой своего влияния, представлялось им как открытый вызов. Оно символизировало острую идеологическую борьбу, в которой латинизм подчеркнул выступал против панамериканизма.

Недаром, выступая в Национальном собрании 30 октября 1964 г., премьер-министр Франции Жорж Помпиду заявил, что визит де Голля в Латинскую Америку преследовал цель «вывести латиноамериканские страны из-под влияния США»⁸².

Характерно, что широкое обращение к латинским традициям со стороны теоретиков латинизма в 60-х годах неизменно сопровождалось критическими нотами в адрес империализма США.

«Бывшие испанские или португальские колонии,— отмечал французский буржуазный экономист Ж. Гозар,— латиноамериканские страны, несмотря на то что они независимы вот уже полтора века, остались под глубоким влиянием латинской цивилизации в связи с условиями, в которых развивались их колонизация и заселение»⁸³. Тем временем, указывал французский

историк О. Ростан, воспользовавшись экономической силой, политической ситуацией и географической близостью, США искусственно изолировали Латинскую Америку от Европы, которая «ее открыла, ею управляла и ее просвещала более трех столетий»⁸⁴. Однако, продолжал свою мысль автор, панамериканский дух в известной мере оказался нейтрализован глубиной и прочностью латинской культуры, общностью языка, религии и традиций романских наций Старого и Нового Света.

Более того, по мнению современных идеологов латинизма, у Франции есть более чем достаточно оснований, чтобы претендовать на ведущую роль в духовном развитии латиноамериканских народов. «Никоим образом не умаляя значения любой другой страны Европы,— заявил Ж. Гозар,— можно сказать, что Франция в этом отношении всегда находилась в Латинской Америке в привилегированном положении»⁸⁵.

Привлекая весь интеллектуальный багаж прошлого и настоящего Франции, теоретики латинизма постоянно напоминали о том, что культура Франции, особенно ее литература, снискала заслуженное признание у латиноамериканской интеллигенции, для которой французские мастера были учителями мысли и духа. Для вящей убедительности французские идеологи латинизма нередко ссылались на Ф. Гарсиа Кальдерона, который весьма высоко оценивал духовный вклад Франции в развитие латиноамериканского континента.

«Французские идеи...— писал перуанский историк,— господствуют над американскими умами с эпохи независимости до наших дней. Эти идеи представляют собой новое латинское влияние. Современная Франция является наследницей творческого гения Греции и Рима. Настойчиво подражая ей, ибероамериканцы приобщаются к основным достижениям античной культуры. Во французском духовном наследии мы находим чувство красоты и гармонии, блестящую плеяду классиков, любовь к универсальным идеям, всеобщим принципам, правам человека, неприязнь к северной суровости и слишком необузданному южному темпераменту, рационализм, железную логику, преклонение перед красотой и грацией. Франция стала духовной родиной социальной и литературной мысли для американской демократии: ее влияние осуществляется на протяжении целых столетий»⁸⁶.

Вместе с тем французские ученые отмечали и тот факт, что вожди освободительного движения на континенте, которых Латинская Америка чествует сегодня как подлинных национальных героев, своим духовным развитием во многом обязаны французской философской школе. «Имея в основе классическое образование, читая латинских авторов так же свободно, как и великих французских мастеров, Боливар находился под глубоким влиянием Руссо, оптимизм которого он долгое время разделял... Он оставил после себя культурное и духовное наследие, полученное им в сущности во время его пребывания во Франции,

которая с полным правом может гордиться тем, что она во многом способствовала становлению такого исключительного характера... По своему образованию и личным симпатиям Миранда также принадлежал Европе. В необыкновенной одиссее этого талантливого полководца, приведшей его, венесуэльца, к чину генерала французской армии, влияние философов и энциклопедистов сыграло решающую роль»⁸⁷

Отводя Франции роль «духовного пастыря» Латинской Америки, современные идеологи латинизма пытались использовать при этом и революционное наследие французского народа. Они часто указывали на то, что Франция всегда была носителем революционных традиций, олицетворяя в глазах латиноамериканцев страну духовного и политического поиска. В трудах латинистских теоретиков обычно подчеркивалось, что само французское влияние в Латинской Америке было связано прежде всего с распространением свободолобивых идей Великой французской революции, которые вдохновляли народы Латинской Америки в их борьбе за независимость. «Попав на благоприятную почву,— писал О. Ростан,— пример Франции вызвал непреодолимый порыв и стал образцом для подражания. Именно этим мощным духовным импульсом латиноамериканцы обязаны Франции»⁸⁸.

Безусловно, французские революции XVIII и XIX вв., Парижская коммуна, все замечательные проявления свободолобивого духа французского народа не могли не вызывать глубоких симпатий у латиноамериканцев. Однако, играя на общедемократических, революционных традициях народа Франции и претендуя на создание космополитической надклассовой идеологии, латинизм старался тщательно замаскировать свой классовый характер.

Идеологи французских монополий стремились завуалировать свои экспансионистские цели в Латинской Америке, разглагольствуя о новой исторической миссии Франции. «Франция,— писал Ж. Гозар,— не могла бы остаться безучастной к призыву, который к ней обращен. Если наша страна имеет особые обязательства по отношению к африканским или азиатским странам, которые вчера были ее колониями, а сегодня стали независимыми, то она не может остаться равнодушной и к другим развивающимся странам. Всегда говорили о том, что гений нашей страны всеобъемлющ»⁸⁹

Стратегическую концепцию голлистской политики в отношении так называемого третьего мира, во главе которого якобы призвана стать Франция, эти идеологи попытались конкретизировать применительно к латиноамериканскому континенту. «Пора, наконец, и Латинской Америке,— заявил О. Ростан,— провозгласить свою континентальную независимость и обрести политическую зрелость»⁹⁰. Речь шла прежде всего об изменении политического климата в Латинской Америке в связи с тем,

что освободительная борьба ее народов вступила в новый, высший этап своего развития, как это продемонстрировала победа революции на Кубе. Идеологи латинизма утверждали, что страны «третьего мира» переживают не только ситуацию «слаборазвитости»; их потрясают и острые политические кризисы, пример чему Юго-Восточная Азия или Конго.

«По убеждению де Голля,— констатировал обозреватель «Трибюн де насьон»,— Латинскую Америку не минуют подобные катаклизмы, если вовремя их не предотвратить. При этом кубинская революция показывает, что в этом районе мира события такого рода бесконечно более опасны, чем где бы то ни было. Как предотвратить их? В этом отношении президент де Голль имел твердую альтернативу... Его идея заключалась в том, что странам «третьего мира» нужно любой ценой избежать выбора между американским господством и влиянием коммунизма»⁹¹.

Эта антиреволюционная альтернатива выражалась в идее так называемого третьего пути развития, благодаря которому Западная Европа, и прежде всего Франция, может помочь Латинской Америке обрести политическое равновесие.

К осуществлению этой программы мыслилось привлечь Западную Европу, в первую очередь «Европу шести». С этой целью французская дипломатия попыталась использовать и международную трибуну первой Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), состоявшейся в 1964 г. в Женеве, где французская делегация выступила с рядом конкретных предложений по разработке торговой политики в отношении стран Латинской Америки.

Однако латиноамериканская политика Пятой республики, задуманная на уровне Западной Европы, не принесла ожидаемых результатов; она натолкнулась на негативную реакцию остальных империалистических держав. Не теряя надежды на то, что реальный ход событий в конце концов докажет правильность этой политики и Западная Европа рано или поздно пойдет по пути, проложенному Францией, генерал де Голль сделал ставку на свои собственные силы.

И в этом смысле поездка французского президента в Мексику в марте 1964 г. приобрела особое стратегическое значение. «Идея Франции,— заявил обозреватель «Трибюн де насьон»,— в случае невозможности заключить общее соглашение состоит в том, чтобы выбрать в «третьем мире» несколько показательных стран, которые служили бы в известной степени «проводниками» французской программы, принимая ее основные принципы... И Мексика могла бы стать одной из стран, избранных Францией для того, чтобы играть роль «проводника» французского плана»⁹².

Однако, если визит генерала де Голля в Мексику был лишь прелюдией, то его поездка по южноамериканским республикам (Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия, Чили, Арген-

тина, Бразилия, Парагвай и Уругвай), состоявшаяся с 20 сентября по 17 октября 1964 г., носила уже «наступательный характер».

Французский президент посетил Южную Америку в тот момент, когда там парастало движение против империализма США, а предложенный последним курс «Союза ради прогресса» заметно начинал буксовать. На этот раз идея «третьего пути», предлагаемая генералом де Голлем, звучала особенно четко и категорично.

С одной стороны, критикуя США за неспособность создать на континенте стабильный политический и психологический климат, де Голль отрицал за ними право на исключительную гегемонию в Западном полушарии. С другой стороны, он руководствовался идеей удержать Латинскую Америку на орбите капитализма. При этом президент Франции выразил уверенность, что Латинская Америка будет неуклонно стремиться к освобождению от диктата США и что, учитывая те фронтальные перемены, которые происходят сегодня в мире, это лишь вопрос времени.

«А когда наступит это время, генерал де Голль... хотел бы, чтобы страны Латинской Америки увидели во Франции нечто вроде спасительного прибежища или даже... достойного и доброжелательного партнера», — писал тунисский журнал «Жён Африк»⁹³.

Не удивительно, что буржуазная пресса США поездку де Голля комментировала весьма настороженно и враждебно. Так, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Легко себе представить, какой была бы реакция французов, если бы президент Джонсон отправился в кругосветное путешествие по бывшим французским колониям в Африке, провозглашая своей единственной целью показать, как стать подлинно независимой страной, и предлагая при этом свои услуги»⁹⁴.

Латиноамериканская политика де Голля вызвала самое пристальное внимание со стороны мировой прессы. Английские газеты подчеркивали резкий контраст между внешнеполитической активностью Франции и относительной пассивностью Британии. Лондонский еженедельник «Экономист» усматривал «в поездке де Голля начало более тесных связей между Латинской Америкой и континентальной Европой, которая может стать одновременно источником капитала и политическим противовесом США»⁹⁵.

Какова же была реакция в самой Латинской Америке? Разумеется, нельзя не признать, что французские проекты нашли своих сторонников в определенных кругах националистически настроенной латиноамериканской буржуазии. Заметную активность в условиях нового этапа американско-европейского соперничества в Западном полушарии проявила мексиканская дипломатия.

«Сегодня Франция Ш. де Голля открывает перед Мексикой новые перспективы для достижения многих целей...— заявил известный мексиканский писатель Карлос Фуэнтес.— Разве не может страна, находящаяся на пути капиталистического развития, диверсифицировать свои источники финансирования, добиться предоставления капиталов на более выгодных условиях и освободиться, наконец, от североамериканского давления?.. Разве не демонстрирует президент де Голль перед лицом США, что идеальное стремление к политической независимости достигается путем конкретной практики и что в современном мире есть много тактических и стратегических средств для того, чтобы подорвать американскую гегемонию во имя укрепления национальной независимости»⁹⁶

Однако наученные горьким опытом отношений с США, деловые круги мексиканской буржуазии проявили при этом и известную прудумность. «Нужно учитывать и тот факт, что Франция, реагируя на требования эпохи и проявляя интерес к Латинской Америке, ставит перед собой цель прежде всего удовлетворить свои собственные потребности»,— писал мексиканский журнал «Комерсио экстериор»⁹⁷.

Весьма характерен и тот энтузиазм, который вызвала инициатива де Голля у генерала Х. Перона и его последователей. Бывший аргентинский президент связывал свою концепцию латиноамериканского единства непосредственно с французской политикой, которая, на его взгляд, могла послужить одним из действенных средств, чтобы избавиться от односторонней ориентации на США. Х. Перон «призвал своих сторонников в Аргентине устроить французскому президенту достойную встречу, равноценную той, как если бы он сам прибыл в Аргентину», констатировал мексиканский левый журнал «Политика». При этом Перон заявил, что он полностью солидарен с идеей де Голля «о создании «третьей силы», к которой должны присоединиться и южноамериканские нации»⁹⁸.

Тем не менее французские проекты далеко не везде были приняты с энтузиазмом. Приветствуя в лице де Голля крупного политического лидера Запада и личность, достойную высокого уважения, латиноамериканские государственные деятели, однако, дали понять, что они не хотели бы заходить слишком далеко. «Только у перонистов Аргентины идея голлистского третьего пути... казалось, имела успех,— писал еженедельник Французской компартии «Франс нувель».— Даже президент Перу Ф. Белаунде Терри счел необходимым противопоставить свой «сентиментальный союз» с Францией экономическим связям с США... Никто в Латинской Америке не льстит себя иллюзиями относительно реальных возможностей Франции в области экономической помощи и, следовательно, в деле политической поддержки идеи «третьего пути». За господствующую олигархию командует доллар, и его голос звучит достаточно громко»⁹⁹.

Однако в США с большим вниманием следили за реакцией латиноамериканских правительств, воспринимая с одобрением их относительную сдержанность к идее де Голля о создании «третьей сбалансированной силы». «Южноамериканские президенты были осторожны в своих ответных речах де Голлю и единодушно подчеркивали, что они считают себя тесно связанными с США, чью помощь они не могут игнорировать,— указывал политический обозреватель журнала «Политика».— Это явилось, безусловно, «официальной» точкой зрения, тогда как реакция латиноамериканской общественности была совершенно иной. Каждое «ура», прозвучавшее в адрес Франции, означало «удар по США»»¹⁰⁰.

Пытаясь заручиться поддержкой правящих классов Латинской Америки, французские круги трезво оценивали и те социальные силы, на которые можно реально рассчитывать. «Еще недавно Франция имела дело в Латинской Америке главным образом с олигархическими группировками. Это были в общем-то ненадежные и невыгодные партнеры. Ненадежные — так как они могли в любой момент перевернуться на сторону Соединенных Штатов, забыть о своем «латинизме»... Невыгодные — так как сотрудничество с ними не поднимало престижа Франции в глазах народных масс»¹⁰¹. И Франция видела главную опору своей политики в националистически настроенных кругах латиноамериканской буржуазии, а также в средних слоях населения, которые в трактовке идеологов латинизма фигурировали как «средний класс». «Средний класс,— писал профессор права Ж. Ламбер,— сделал национализм своей политической программой. Этот национализм направлен в первую очередь против США. Именно по отношению к США средний класс, самолюбие которого очень болезненно, испытывает унижение, тяготясь его пресловутой «помощью»»¹⁰².

И не случайно, что во Франции с большим вниманием следят за усилением именно тех групп латиноамериканской буржуазии, интересы которых находятся в особенно остром противоречии с интересами североамериканских монополий. Не меньшее внимание обращается и на позиции научно-технической интеллигенции, а также латиноамериканских стажеров и студентов, обучающихся во Франции.

Многие влиятельные органы латиноамериканской печати неоднократно подчеркивали, что в Латинской Америке укрепление сотрудничества с романской Францией тесно связывают с борьбой за ослабление зависимости от США. Так, колумбийский журнал националистического направления «Нуэва пренса» откровенно заявлял: «От ответа, который мы сумеем дать на новую политику Франции в Латинской Америке, зависит возникновение новых факторов и ситуаций, способных открыть перед нами новые перспективы, которых лишен бесперспективный и все подчиняющий панамериканизм»¹⁰³.

Нужно признать, что в латиноамериканской политике Франции на современном этапе чувствуется определенная пресмысленность. Основные направления такой политики, заложенные президентом де Голлем, не могли исчезнуть бесследно, хотя порою речь идет о той или иной степени интенсивности, с которой они проводятся. Правда, латиноамериканская политика Франции ныне не выглядит столь динамичной и наступательной, как в былые годы. По словам политического обозревателя «Монд» Андре Фонтена, в настоящее время «Латинская Америка рассматривается почти исключительно под углом экономической и культурной точек зрения»¹⁰⁴.

Что касается Италии, то в сравнении с Францией ее латиноамериканская политика не носила подчеркнуто вызывающего характера по отношению к США. «Европа,— заявил в 1965 г. министр иностранных дел Италии А. Фанфани,— не должна конкурировать и тем более вступать в оппозицию с североамериканскими интересами (намек на де Голля.— *Авт.*), хотя в то же время она должна сохранять за собой необходимую автономию»¹⁰⁵

И тем не менее политика Италии в Латинской Америке в период 60-х годов испытала весьма заметный динамичный подъем. Это выразилось в серии визитов итальянских президентов в страны Латинской Америки: в поездке президента Д. Гронки в Бразилию в сентябре 1958 г. и его вторичном вояже в Южную Америку в апреле 1961 г., визите итальянского министра иностранных дел А. Фанфани в Мексику в мае 1965 г. и, наконец, в поездке президента Джузеппе Сарагата по странам Южной Америки в сентябре 1965 г.

При этом итальянская дипломатия отдавала предпочтение прежде всего таким латиноамериканским странам, как Аргентина, Бразилия, Чили, Уругвай, Венесуэла и Перу, с которыми Италию объединяют особенно давние исторические связи. Немаловажную роль сыграло здесь и то, что именно в эти страны на рубеже XIX—XX столетий устремлялся массовый поток итальянских эмигрантов.

«Наш народ,— писал латиноамериканский сторонник латинизма Хулио Риччи,— встречал их всегда с распростертыми объятиями, как и подобает нациям родственной расы и общих культурных традиций»¹⁰⁶. На это обращают внимание всякий раз, когда речь идет о дипломатических контактах, о встречах государственных деятелей Италии и Латинской Америки.

Так, в ходе визита президента Чили Э. Фрея в Рим в июле 1965 г. идеологи итальянского латинизма неоднократно подчеркивали значение культурно-этнического вклада Италии в формирование и развитие чилийской нации. «Италия не занимает на чилийском рынке господствующих позиций...— указывал внешнеполитический обозреватель миланского журнала «Релясьони интернасьонали».— Зато в Чили сохранилось духовное наследие Италии в лице более 100 тыс. итало-чилийцев и 16 тыс. итальян-

ских соотечественников, представленных в ведущих отраслях чилийской экономики»¹⁰⁷

Пропагандируя идею культурной общности романских наций, итальянские теоретики латинизма много говорят о духовных ценностях античной цивилизации, гуманизме эпохи Ренессанса, возродившем латинские традиции, о божественной поэзии Петрарки и Данте, бессмертных творениях Рафаэля и Микеланджело, прославленной итальянской опере и музыкальном гении Паганини... Поискам «точек соприкосновения» культур призвано служить и итальянское общество «Данте Алигьери», 57 филиалов которого действуют сегодня в Латинской Америке, осуществляя там активную пропаганду по распространению итальянского языка и культуры¹⁰⁸

Наряду с деятельностью 10 культурных центров, созданных Италией в Латинской Америке, ряд институтов успешно функционирует и в самой Италии. Например, при университете Про-Део создан Институт Латинской Америки под руководством профессора Д. Наполеоне. Во многих итальянских университетах, в частности в Палермо и Генуе, читается специальный курс по истории Латинской Америки. В университете в Падуе, Институте Востока в Неаполе и других высших учебных заведениях читаются курсы социальных и экономических наук по проблемам Латинской Америки¹⁰⁹. Причем в высших школах Италии обучается и немалый процент латиноамериканских студентов, которые затем в качестве стажеров проходят профессиональную практику на итальянских предприятиях. Кроме того, между Италией и Латинской Америкой ежегодно совершается и плодотворный культурно-художественный обмен. И нужно сказать, что латиноамериканские писатели, художники, кинематографисты проявляют весьма активный интерес к творчеству своих итальянских коллег, к духовным ценностям культуры Италии. В свою очередь произведения наиболее популярных писателей Латинской Америки переводятся на итальянский язык.

В этом смысле далеко не случайно, что визит А. Фанфани в Мексику проходил в торжественной обстановке празднования 700-летнего юбилея со дня рождения Данте, организованного правительством Диаса Ордаса. Наряду с расширением экономических и торговых связей между обеими странами в итало-мексиканских переговорах уделялось большое внимание и укреплению культурного сотрудничества. «Учитывая взаимный интерес к развитию итало-мексиканских культурных отношений, министры иностранных дел обоих государств пришли к единодушному соглашению о том, что наиболее эффективные и плодотворные результаты принесет сотрудничество в научно-технической области»¹¹⁰.

В результате поездки президента Д. Сарагата в Южную Америку был сделан еще один важный шаг на пути укрепления всесторонних связей между Италией и латиноамериканским

континентом. Из этих контактов родилась новая идея, благодаря реализации которой 1 июня 1966 г. было заключено Соглашение о создании в Риме итало-латиноамериканского Института по культурному, экономическому, политическому сотрудничеству и духовным связям. Как указывалось в Соглашении, цель института — «развивать и координировать исследования проблем, результатов и перспектив итало-латиноамериканского сотрудничества в культурной, научной, экономической, технической и социальной областях»¹¹¹. Кроме того, институту предписывались самые разносторонние функции: он должен быть местом встреч и постоянных контактов экономических экспертов, политических представителей, деятелей культуры и искусства, а также центром художественных, научно-технических и торгово-промышленных экспозиций. Более того, по мнению известного итальянского специалиста по латиноамериканским проблемам Лючии Галляв-реси, итало-латиноамериканский Институт будет служить также «своеобразным мостом между Латинской Америкой и Европой»¹¹².

Учитывая растущее стремление латиноамериканских стран к освобождению от постоянного давления США, итальянские идеологи откровенно заявляли, что интерес Латинской Америки к Европе, в частности к Италии, «свидетельствует о том, что исключительное господство США в латиноамериканском мире столкнулось с рядом психологических трудностей, в преодолении которых участие Европы может стать элементом позитивного равновесия»¹¹³. При этом Италия предпринимала неоднократные попытки «европеизировать» свою латиноамериканскую политику, ибо, по мнению итальянских экспертов, решить сложные проблемы огромного континента можно только благодаря объединенным усилиям всей Западной Европы, а не силами отдельно взятой страны.

Разумеется, на фоне США возможности экономической экспансии Франции и Италии в Латинскую Америку выглядят весьма и весьма скромно. Сотрудничество Латинской Америки со странами романской Европы развивается сейчас главным образом в области культуры, науки и техники. Но техническая «помощь» позволяет Франции и Италии под видом научно-технического сотрудничества довольно гибко воздействовать на характер развития латиноамериканской экономики в тех условиях, когда вывоз капитала или товаров не способен принести желаемые плоды. В этом плане укрепление культурно-политического влияния романских стран Европы в Латинской Америке должно было создать благоприятные условия для расширения экономической экспансии, взаимно дополнив ее и обеспечив ей максимально возможный успех.

Взывая к идее латинской солидарности, призванной якобы помочь латиноамериканским странам выйти из-под влияния США, Франция, по выражению Жака Вернана, генерального

секретаря Научного центра по изучению внешней политики Франции, «открывала этим народам в известном смысле окно в мир»¹¹⁴.

Безусловно, пропаганда независимой национальной политики не могла не вызвать известных симпатий латиноамериканцев, для которых до сих пор самой злободневной остается альтернатива — подчинение или независимость.

В свою очередь латиноамериканская буржуазия рассчитывала на то, что расширение экономических связей с романской Европой приведет к обновлению неустойчивой экономики стран региона и укреплению позиций самой буржуазии. Немаловажным здесь было и стремление Латинской Америки обрести в лице Западной Европы известный противвес США. Сама идея создания единого фронта романских наций, подрывавшая основы обанкротившегося панамериканизма, открывала для Латинской Америки новые горизонты, и именно в этом смысле латинизм был призван «прорубить окно в Европу».

Весьма показательно, что еще в 1961 г., выступая перед послами латиноамериканских стран в Париже, президент де Голль заявил: «Почему же не надеяться, что когда-нибудь по обе стороны Атлантического океана будет создан объединенный и обновленный латинский мир?»¹¹⁵. «Объединение и обновление латинского мира» — перспектива весьма абстрактная и проблематичная. Зато несомненно одно: идеология латинизма, испытавшая своеобразное возрождение в 50—60-х годах, была призвана служить классовым интересам французских и итальянских монополий, стремившихся укрепить и по возможности расширить экономические и политические позиции в Западном полушарии.

Однако латинизм оставался бы только красивой фразой, благим пожеланием, если бы в самой Латинской Америке для восприятия его идей не существовало внутренней питательной среды. Пропаганда латинизма вместе с идеей «третьего», особого пути была брошена на благоприятную почву латиноамериканского национализма.

3. ПАНИСПАНИЗМ

В испанской и латиноамериканской литературе не употребляется термин «паниспанизм». Общепринятые понятия «испанизм» и «испанидад» неопределенны и толкуются столь расширительно, что пользование ими в научном смысле весьма затруднено. В принятый в литературе на английском языке термин «паниспанизм» тоже зачастую вкладывается неопределенное содержание; причем порой его применяют даже при характеристике событий XV—XVI вв. Тем не менее понятие «паниспанизм» более научно, так как его можно использовать для анализа явления, близкого по своей природе к таким обществен-

но-политическим и идеологическим явлениям, как пангерманизм, панамериканизм, панарабизм и т. п. В данном случае паниспанизм рассматривается как конкретная форма национализма, проявляющаяся в сферах психологии, идеологии, политики и социальной практики.

Паниспанизм нельзя свести целиком и полностью к национализму, но он несомненно националистичен в той мере, в какой является мифологизированным, мистифицированным отражением национального момента в странах, где преобладает испанский язык.

Паниспанизм как идейное и общественно-политическое течение активно использует то обстоятельство, что в результате колонизации Испанией ряда стран Америки и Африки, а также Филиппин между ними возникли определенные экономические, этнические, политические и культурные связи, связи господства и подчинения. Впоследствии под влиянием революционной борьбы народов и перемен в международной обстановке многие из этих связей, особенно те, которые поддерживались грубой военной и административной силой, были разорваны. Тем не менее между этими странами осталось немало общего в социальной структуре, общественно-политическом устройстве, в идеологии и культурной жизни, в исторических традициях, даже в быту и в религиозном моменте. Именно на общности указанных элементов и пытается самоутвердиться паниспанизм. В данной работе под паниспанизмом понимается идейно-политическое движение, ратующее за «восстановление» политической общности стран, население которых в основном или частично говорит на испанском или португальском языках.

Прежде всего важно выяснить классовую сущность и содержание этого во многом противоречивого явления.

В исторической литературе идеологические истоки паниспанизма и его политическая роль соответственно оцениваются с различных позиций.

Мировая общественность столкнулась с этим явлением как с реакцией на агрессию империализма США в Латинской Америке и на Филиппинах. Этим в значительной мере объясняется ее сочувственное отношение к идее союза стран с преобладанием испаноязычного населения против территориальной экспансии империализма США, прикрывавшейся концепцией панамериканизма.

Известный русский историк В. К. Пискорский подчеркивал исторически прогрессивный характер паниспанизма: «Благороднейшие мыслители и государственные деятели типа недавно умершего Пи-и-Маргалля лелеют мечту об установлении федеративной унии между всеми этими государствами — унии, которая сплотила бы в один могущественный союз около ста миллионов граждан, говорящих на языке Сервантеса и Камозенса. Это — единственный путь спасти индивидуальности латинских народов

Пиренейского полуострова и Америки от угрожающего им поглощения сильными соседями и превратить взаимное соперничество, сопровождающееся бесцельной тратой массы энергии, в мирное и плодотворное сотрудничество в общем деле культуры и прогресса, социальных и экономических реформ»¹¹⁶ Пискорский связывал эту тенденцию с революционными движениями начала XX в. в Португалии и Испании.

Конспектируя диссертацию французского исследователя Ж. Патуйе «Американский империализм», В. И. Ленин отметил: «В Южной Америке развивается стремление к сближению с Испанией, конгресс в *Мадриде* в 1900 г. (испано-американский) посещен делегатами от 15 государств Южной Америки (с. 326). Рост связей с Испанией, влияния ее, «латинских» симпатий etc.»¹¹⁷.

В Южной и Средней Америке это стремление к сближению с Испанией и Португалией зачастую обосновывалось аргументами расистского порядка, причем Южная, или испаноязычная, Америка механистически противопоставлялась Северной, англоязычной.

Довольно часто такое противопоставление шло по линии противоположности «протестантских», «материалистических» Соединенных Штатов «идеалистическим», «католическим» государствам Южной Америки и Пиренейского (Иберийского) полуострова. Латиноамериканские идеологи паниспанизма зачастую называли себя поэтому «ибороамериканистами», а свои взгляды — «ибороамериканизмом».

Прогрессивные исследователи и политические деятели, прежде всего коммунисты, поддерживая антиимпериалистические элементы в ибороамериканизме, подвергали критике его реакционную основу.

Так, известный кубинский политический деятель и писатель Х. Маринельо писал: «Ошибочное понимание испаноамериканского мира, при котором южную половину континента считают областью метисов, противопоставляя ее северной половине, с иными расовыми компонентами, приводит к грубым промахам как в политике, так и в сфере интеллектуального творчества»¹¹⁸

Некоторые ибороамериканисты принимали общий кризис капитализма за гибель западной цивилизации и выдвигали националистические мессианские претензии на лидерство Ибороамерики в спасении мировой цивилизации.

В 1924 г. перуанский писатель Эдвин Эльморе предложил созвать съезд испаноамериканских писателей, чтобы сформировать организацию по распространению испаноамериканской мысли. Эту идею поддержали левые испанские публицисты, близкие к социалистам Испании. Затем к ней присоединился аргентинский социалист Альфредо Паласиос. В Перу в поддержку этого предложения в печати выступил Х. К. Мариатеги, хотя он отметил, что скептически относится к возможным результатам по-

добного съезда¹¹⁹. Мариатеги в целом подвергал резкой обличительной критике «ибероамериканские конгрессы», пользующиеся официальной поддержкой правительств и буржуазных организаций. Он расценивал подобный «ибероамериканизм на вынос» как искусственный и фиктивный, сеющий вредные неосуществимые иллюзии и лишь разъединяющий на деле народы. Искусственность подобных конгрессов Мариатеги видел в том, что они объединяют как представителей прогрессивного направления, так и консерваторов и ретроградов¹²⁰.

В статье «Существует ли испаноамериканское мышление?», опубликованной в Перу в 1925 г., Мариатеги подверг сомнению ряд положений, сформулированных «Латиноамериканским союзом»*, в частности А. Паласиосом. Перуанский марксист обращал внимание также на различный этнический состав населения в разных странах Латинской Америки, различия в истории формирования наций¹²¹.

Мариатеги отделял официальный, риторический, узколобый ибероамериканизм Альфонса XII и его придворных от ибероамериканизма свободной прогрессивной интеллигенции, стремящейся к сближению вне рамок дипломатии. Он подчеркивал, что в отличие от панамериканизма ибероамериканизм пользуется сочувствием у значительной части левой интеллигенции Латинской Америки¹²².

Ибероамериканизм строится на традициях прошлого и соответствующих им эмоциях, на утрачиваемом испанском наследии. Но для правящих кругов, в том числе для буржуазии Средней и Южной Америки, «ибероамериканский идеал почти ничего не стоит»¹²³.

Х. Мариатеги протестовал против несостоятельных претензий ибероамериканистов на роль обновителей человечества, против их попыток выбросить за борт все наследие европейской культуры и отгородиться стеной от США. Он не согласился с утверждениями некоторых ибероамериканистов о мнимой гибели европейской культуры и закате западной цивилизации. Мариатеги показал, что умирает не европейская культура, не западная цивилизация, а культура буржуазии. Он писал: «Одно дело — США морганов и фордов, другое — Эмерсона и Уитмэна». Х. Мариатеги указал на моменты, сближающие революционеров Латинской Америки с революционерами США и Европы¹²⁴.

Эти идеи Мариатеги разделяют и лучшие умы из лагеря ибероамериканистов, или латиноамериканистов. Например, известный венесуэльский историк М. Брисеньо Ирагорри подчеркивал, что нельзя отождествлять Уолл-стрит и Пентагон с народом

---

* Континентальное объединение антиимпериалистически настроенной интеллигенции стран Латинской Америки, созданное в 1925 г. по инициативе Хосе Инхеньероса, выдающегося аргентинского ученого и общественного деятеля.

Соединенных Штатов¹²⁵ Резко осуждая паниспанистскую ксенофобию, он говорил о необходимости оплодотворения культуры латиноамериканских народов гуманистическими идеями, принципами и лозунгами, независимо от места их рождения¹²⁶ Брисеньо Ирагорри вслед за Мариатеги категорически отверг попытки паниспанистов разорвать преемственность в историческом процессе Латинской Америки и очертить республиканский период¹²⁷

Мариатеги резко выступил против идеологического сближения с традициями Испании Бурбонов и Примо де Ривера. «Ибероамериканизму надо проникнуться новой исторической действительностью наших народов. Панамериканизм опирается на интересы буржуазного порядка. Ибероамериканизм должен опираться на массы, работающие над созданием нового социального строя. Официальный ибероамериканизм навсегда останется бюрократическим, академическим, бессильным и бесплодным идеалом, не имеющим корней в действительной жизни. Но как идеал объединений, выступающих за обновление, он превратится в активный, воинствующий, массовый идеал»¹²⁸.

К сожалению, ибероамериканизм не смог стать тогда подлинным антиимпериалистическим идеалом народных масс, стремящихся к социализму. В ибероамериканизме возобладали бюрократические официальные элементы, отражавшие интересы господствующих классов. Он все более подчинялся официальному паниспанизму.

Еще известный идеолог «поколения 1898 г.» в Испании Мигель де Унамуну отмечал реакционный характер испанского национализма, считая его «неизбежным продуктом агрессивной культуры крупных землевладельцев»¹²⁹

После того как в Испании установилась франкистская диктатура, паниспанизм превратился в орудие фашистской экспансии.

Паниспанизм становится знаменем латифундистов, реакционной военщины и высшего духовенства, рассчитывавших отвлечь отсталые, духовно порабощенные массы от идеи классовой борьбы и втянуть их, одурманенных национализмом, в качестве пушечного мяса в фашистский мятеж.

Соответственно изменилась и оценка паниспанизма прогрессивной общественностью. Советский историк Д. Д. Прыгов оценивает испанизм как «объединение вокруг Мадрида в «историко-политическую империю» всех стран, говорящих на испанском языке»¹³⁰. Он считает испанизм неокOLONИализмом, складывающимся под маской общности стран испанского языка¹³¹. «Слабость испанского империализма,— пишет он,— заставила франкизм первоначально делать упор на культурное проникновение, что ставило испанских неокOLONИзаторов несколько в более выгодные условия по сравнению с другими империалистами»¹³².

Не случайно идеологической основой паниспанизма стали самые крайние формы расизма и философского идеализма. Советские исследователи подчеркивают, что паниспанизму свойственны антисциентизм, иррационализм¹³³

В советской и зарубежной марксистской литературе отмечается известная слабость позиций паниспанизма в Латинской Америке как производное слабости испанского государственно-монополистического капитализма, предпочитающего выступать в роли младшего партнера империализма США.

Советский историк М. В. Антясов постарался определить классовую сущность паниспанизма с точки зрения не только Испании, но и Латинской Америки¹³⁴. «На всем протяжении первых двух десятилетий XX в. «паниспанизм» оставался идеологическим девизом значительных кругов землевладельческой олигархии и католической церкви. Программа «паниспанизма» была, разумеется, реакционной. Она апеллировала к колониальному прошлому, ей была свойственна испанская разновидность расизма, выражавшаяся в отрицании права на равенство за индейцами — коренными обитателями Латинской Америки. Для идеологов «паниспанизма» характерны были даже монархические тенденции. Критика США велась с аристократических, дворянских позиций, хотя и была иногда весьма острой... «Антиамериканизм» и в то же время крайняя реакционность были характерны и для идеологического применения «паниспанизма», движения «испанидад», инспирированного франкистской Испанией в 30—40-х годах XX в. и получившего поддержку в некоторых кругах латифундистов, католической церкви и милитаристских клик»¹³⁵.

В данном определении и периодизации этого явления прослеживается склонность рассматривать паниспанизм как форму дорбуржуазной разновидности национализма, связанную то ли с расизмом, то ли с этноцентризмом. Несомненно, здесь подмечена очень яркая, подчас даже доминирующая тенденция в традиционном паниспанизме.

Воспоминания о былом величии колониальной империи Испании времен первоначального накопления подогревались наиболее реакционными классовыми интересами землевладельческой и торгово-ростовщической олигархии.

Помещичья олигархия традиционного толка неизменно апеллировала к традициям колониальных времен. Идеино-политической опорой этой олигархии были князья католической церкви, также являвшейся крупнейшим землевладельцем и заинтересованной в эксплуатации крестьян средневековыми методами.

В области идеологии и в социальной практике паниспанизм опирался на так называемую розовую легенду, отрицавшую точно установленный наукой факт жестокого завоевания конкистадорами обширных территорий в Азии, Африке и Америке и последующего превращения их в колонии.

Таким образом, в современной научной литературе можно отметить две точки зрения на паниспанизм. Одни исследователи обращают внимание преимущественно на его добуржуазные элементы, другие склонны усматривать в нем проявление неокOLONиализма, свойственное современному государственно-монополистическому капитализму. Одни видят в паниспанизме если не сателлита, то младшего партнера империализма США (последний прикрывается им в своей экспансии в Латинской Америке), другие заостряют внимание на противоречиях между монополиями США и Испании в этой зоне. Уже эти противоречия говорят о сложности исследуемого явления, о необходимости выяснить его эволюцию и сущность.

В XIX в. паниспанизм представлял собой реакционную мечту обнищавшего испанского дворянства и бюрократии о восстановлении мировой империи под началом испанской монархии. Некоторые исследователи относят истоки возникновения паниспанизма к концу XVIII в. и видят в испанской Конституции 1812 года конкретное его воплощение. Эта Конституция не может рассматриваться как паниспанистский документ, хотя она и объявила испанской нацией общность испанцев, проживающих как в метрополии, так и в колониях и обладающих равными правами. В то время речь шла о констатации факта существования испанской империи.

После распада ее в результате войны испанских колоний за независимость и образования самостоятельных латиноамериканских государств появляется тенденция к насильственному восстановлению империи. Эта тенденция обосновывается с 40-х годов XIX в. паниспанистскими идеями (тогда появляется термин «испанская раса»).

Мечта об имперском величии после разгрома карательных экспедиций против молодых государств выливалась в колониальные авантюры (попытки Испании в середине XIX в. аннексировать Мексику, Доминиканскую Республику, Эквадор, Перу, Боливию и Чили). В этих авантюрах испанские монархисты опирались на самые реакционные круги латиноамериканских помещиков, связанные с ними военные круги и на реакционнейшие круги католической церкви. Последние рассчитывали сохранить свои средневековые привилегии («фуэро») с помощью испанских войск и восстановления монархических порядков. Поэтому они всячески превозносили колониальные традиции и сочинили «розовую легенду», утверждая, будто колонии Испании были в действительности не колониями, а якобы равноправными и процветающими частями испанского государства. Некоторые из сторонников паниспанизма шли еще дальше: они ратовали за включение в это «сообщество» еще Португалии с ее колониями и Бразилии, за своеобразный «паниберизм»¹³⁶. Эти идеи, в частности, пропагандировались мадридским журналом «Ла академия», издававшимся в 1877—1879 гг.

На формирование паниспанизма оказали сильное влияние французские концепции латинизма, после того как Наполеон III вовлек Испанию в свою мексиканскую авантюру. Именно в 1874 г. начала издаваться газета «Ла раса латина», а несколько ранее, в 1869 г., по образцу французского журнала «Ревю де дё монд» стал выходить испанский журнал «Коррео де амбос мундос». Примечательно, что уже в то время паниспанистские идеи как в Испании, так и в Латинской Америке разделяли преимущественно консерваторы, связанные с латифундистами, купцами, высшей церковной и военной иерархией, бюрократией¹³⁷. Иначе говоря, при своем рождении паниспанистские идеи были выражением добуржуазного национализма.

Положение изменилось на рубеже XIX—XX вв., когда капитализм свободной конкуренции перерастает в империализм в мировом масштабе. Именно тогда стало ясно, что страны Латинской Америки, и прежде всего сохранившиеся испанские колонии — Куба и Пуэрто-Рико, где успешно развивалось национальное восстание за независимость, стали объектом империалистических вожделений со стороны монополий США.

Проявление и утверждение панамериканизма как идеологии и официальной политики США вновь вызвало к жизни паниспанизм. В ответ на опубликование ряда работ по так называемому американскому праву (Трескотт, 1890) начали проявляться паниспанистские тенденции. Была выдвинута идея о необходимости выработки «международного латиноамериканского права» как средства урегулирования споров между государствами Латинской Америки в противовес традиционной эгоистической политике Вашингтона, направленной на разжигание конфликтов. В основу «латиноамериканского сообщества» должны были быть положены общность языка, религии и истории¹³⁸.

Проведению первого паниспанистского конгресса предшествовало признание Испанией независимости латиноамериканских государств (1836 г. — Мексики, 1845 — Венесуэлы, Уругвая и Чили, 1847 — Боливии, 1850 — Коста-Рики, 1855 — Доминиканской Республики, 1859 — Аргентины, 1863 — Гватемалы, 1865 — Сальвадора и Перу, 1880 — Парагвая и 1881 г. — Колумбии). Известный кубинский исследователь и политический деятель Рафаэль де Лабра отметил оборонительную реакцию латиноамериканских государств на агрессию империализма США и стремление этих государств опереться на союз с Испанией и Францией¹³⁹. Так первоначально паниспанизм был связан с латиноамериканизмом.

В 1892 г. (с 24 октября по 16 ноября) по инициативе Мадридской академии юриспруденции и законодательства в столице Испании был проведен ибероамериканский юридический конгресс, который был приурочен к празднованию 400-летия со дня открытия Америки. В работах конгресса участвовали 143 делегата от Латинской Америки и Португалии и 100 делегатов от

Испании. Конгресс носил официальный характер: на нем председательствовал президент Правительственного совета Испании, и среди участников были дипломатические представители соответствующих стран¹⁴⁰. Тогда же был введен «день расы», как стали называть день открытия Америки (в Латинской Америке его начали отмечать два десятилетия спустя).

В 1892 г. в Мадриде была открыта испано-американская выставка, призванная укрепить торговые связи между Испанией и латиноамериканскими государствами.

В самой Латинской Америке эта инициатива не вызвала большого энтузиазма. Но испано-американская империалистическая война, оккупация Соединенными Штатами Кубы, превращение Пуэрто-Рико и Филиппин в североамериканские колонии, показавшие Латинской Америке действительные размеры опасности со стороны империализма США, подтолкнули и многие латиноамериканские государства к сотрудничеству с Испанией, а через нее — с Германией.

Итак, при своем зарождении паниспанизм обнаруживает империалистические черты, связанные с традициями колониальной империи Испании и окрашенные в монархические тона. Черты федерализма, свойственные раннему паниспанизму, сближали его с австро-венгерским пангерманизмом. Кое-кто из паниспанистов ссылался на пример Австро-Венгрии¹⁴¹. Но в отличие от пангерманизма паниспанизм не был консервативным орудием национальной консолидации раздробленной нации. Испанская нация как нация капиталистического общества сложилась в XVIII — начале XIX в.¹⁴² Она угнетала не только другие нации и народности метрополии, но и колонии, ее буржуазия участвовала в экономическом удушении латиноамериканских государств.

В Мадриде (9—20 ноября 1900) состоялся испано-американский конгресс по социальным и экономическим вопросам. Он был созван по инициативе общества Ибероамериканский союз (его центр находился в Мадриде) и на основании королевского декрета от 16 апреля 1900 г. под покровительством правительства Испании.

Порядок дня съезда был установлен тем же декретом. Речь шла о попытке добиться тесного союза между правительствами Испании, Португалии и «ибероамериканскими народами» и создании арбитражных судов для урегулирования спорных вопросов. Предполагалось, что это послужит согласованию и унификации гражданского, уголовного и административного права Испании, Португалии и Латинской Америки на основе общих принципов.

Испано-американский конгресс был открыт министром иностранных дел Испании, председательствовавшим на его заседаниях. От Латинской Америки на конгрессе выступал представитель мексиканского правительства Хусто Сьерра. Он говорил от

имени делегаций правительств Аргентины, Колумбии, Коста-Рики, Чили, Эквадора, Гондураса, Никарагуа, Парагвая, Перу, Сальвадора, Уругвая и Венесуэлы.

Стоит отметить, что уже при рождении паниспанизма высказывались соображения о необходимости органически сочетать его с панамериканизмом. Хусто Сьерра выступил на конгрессе за создание федеративных миролюбивых основ в отношениях между американскими странами, совместимых с панамериканизмом и «доктриной Монро»¹⁴³ Против этого выступили инициаторы конгресса. Наконец, на конгрессе прозвучала мысль о необходимости растворить паниспанизм в латинизме. За это ратовали французские дипломаты.

Наряду с господствующим буржуазным и даже империалистическим содержанием в паниспанизме тогда давали о себе знать и демократические элементы, отражавшие интересы демократической интеллигенции и городских низов, даже определенных отрядов рабочего класса. При этом их идеологи не вкладывали в паниспанизм, паниберизм и панлатинизм националистического смысла. Так, испанский демократ Ф. Пи-и-Маргалль, сочувственно относившийся к социализму, обосновывая свой федералистский проект государственного устройства, писал: «Кто же сомневается, что на этой системе сегодня можно построить латинское единство, завтра — европейское, а затем — и общечеловеческое?»¹⁴⁴

Известный португальский демократ Оливейра Мартинс со сходных позиций защищал концепцию «иберийской цивилизации».

В паниспанизме конца XIX — начала XX в. можно обнаружить три основных направления: 1) консервативно-традиционалистское; 2) буржуазно-реформистское; 3) радикально-демократическое.

Так как на политику Испании оказывало решающее воздействие первое (в меньшей мере — второе) направление, то и в паниспанизме верх взяли консервативные элементы.

При этом многие паниспанисты выступали резко против «ярого национализма», осуждали проявления «национального эгоизма», в частности протекционизм в пользу национальной промышленности, торговли и т. д.¹⁴⁵ Но свои доктрины они перенесли почти целиком в сферу культуры, обнаруживая отсутствие серьезных антиимпериалистических намерений, а также соглашательскую сущность помещичьей разновидности национализма, заинтересованного в сохранении рынков США и Западной Европы для сбыта сельскохозяйственной продукции и руды и готового принести в жертву интересы национальной промышленности. В политической сфере паниспанисты состояли на службе реакционных диктатур, например диктатуры Х. Мачады на Кубе. Типичным представителем этого паниспанизма был кубинский публицист Эутикио Арагонес. Паниспанисты отстаивали идею так

называемой расовой солидарности, понимая под расой «тип, стремящийся к универсальному господству»¹⁴⁶.

Испаноамериканизм характеризуется Арагонесом как антипод панамериканизма. Две части Америки рассматриваются как продукты двух антагонистических рас, по-разному воспринимающих цивилизацию. Одна из этих рас должна поглотить и ассимилировать другую¹⁴⁷.

В пропаганде «антиамериканизма» паниспанисты стремились опереться на империалистических соперников США, и прежде всего на германский и итальянский фашизм. Но своим главным орудием они всегда считали испанский фашизм.

Испанский капитал в целях экспансии в Латинскую Америку активно использовал паниспанизм, в частности концепцию испанидад, сочиненную такими официальными идеологами франкистского режима, как Мануэль Гарсиа Моренте и Рамиро де Мазесту. Первый разработал идеологию испанидад, изложив ее в книге «Идея испанидад»¹⁴⁸.

Гарсиа Моренте, будучи сторонником спиритуалистической концепции национальности, определил испанидад как особый «стиль коллективной жизни», а национализм — как «верность народа и его правителей вековечному собственному стилю жизни, представляющему собой особую, вечную сущность»¹⁴⁹.

Он дал перечень произвольно выбранных черт, якобы характеризующих стиль жизни испанидад, таких, как религиозность, христианская рыцарственность, широта натуры, культ чести, гордость, смелость, эмоциональность. Нетрудно заметить, что речь идет об идеализации испанского дворянства, которому приписываются скорее мнимые, чем действительные положительные свойства, в то время как об отрицательных (например, паразитизме, расточительности, праздности, чванстве) умалчивается. В действительности же в перечне достоинств присутствуют многие черты, присущие решительно всем народам мира.

И опять-таки отнюдь не случайно на первое место Гарсиа Моренте ставит «религиозную общность» как «самые прочные узы, связывающие различных членов испанидад»¹⁵⁰. По его словам, идея испанской империи — это идея мировой католической империи. Испания «католических королей», по этой версии, показала миру теорию и практику современной империалистической политики. Здесь империя эпохи первоначального накопления искусственно отождествляется с современным империализмом монополистических союзов капиталистов. При этом религиозность ставится на службу перерастающего в шовинизм национализма, на службу испаноцентризма.

По словам Гарсиа Моренте, если Испания в средние века спасла христианство — и с ним европейскую культуру — от натиска мусульманских завоевателей, то ныне Испания стоит в центре защиты этой культуры от «нашествия коммунизма». Эти слова имели целью под прикрытием антисоветизма способство-

вать превращению Испании в огромный полигон фашистской Германии, в трамплин для развязывания второй мировой войны.

Паладины христианства холопски прислуживали нацистам в осуществлении кровавой авантюры подчинения всего мира «тысячелетнему рейху».

Зоологическая ненависть паниспанистов к революции и коммунизму приводила их на антипатриотические позиции. Ради антикоммунизма они готовы были принести и в действительности приносили в жертву национальный суверенитет и достоинство своих стран. Особенно рельефно эти черты паниспанизма демонстрирует другой идеолог испанидад — Рамиро де Маэсту, который служил диктатору Примо де Ривера, был поклонником Муссолини, Гитлера и Франко и оказал большое влияние на распространение паниспанизма не только в Испании, но и в Латинской Америке, особенно в Аргентине, Боливии и Чили.

Один из идеологов так называемого динамичного традиционализма — Рамиро де Маэсту, участник крайне правой группировки «Испанское обновление» (Реновасьон эспаньола), признавался в том, что в 1927 г., когда почувствовал приближение революции и оценил ее как «угрозу для родины, ее культуры и ее трудящихся классов», он решил предупредить ее любыми средствами и стал на сторону контрреволюции. Если Испания в свое время была страной контрреформации, то почему бы ей не стать страной контрреволюции, вопрошал он¹⁵¹.

Маэсту объявил революцию «наднациональным движением», угрожающим испанской и всей «христианской» культуре и цивилизации. Он окрестил революцию «сатанинским делом» и объявил коммунизму и революции «священную войну». Идеологически эту войну он рассчитывал выиграть с помощью клерикализма и национализма, объединенных идеями испанидад, а политически — с помощью военного мятежа так называемой национальной армии, мятежа, освященного церковью¹⁵².

Маэсту осуждал любой национализм, за исключением испанского, который, по его мнению, подчинял интересы отдельного человека интересам испанидад. Орудием восстановления этого «испанистского духа» он считал авторитарное монархическое государство, в котором не будет партий, парламента и либерального подхода к правам человека. В сущности такое государство Р. де Маэсту рассматривал как орудие становления мировой испанской империи, стремясь к растворению испаноамериканских государств в государственном сообществе испанидад.

В этой мнимо антинационалистической концепции Р. де Маэсту было много общего с националистической концепцией Энрико Коррадини.

Предтеча фашизма, итальянский националист Э. Коррадини разделял нации на «плутократические» и «пролетарские». Свой национализм он прикрывал псевдосоциалистической фразой. На-

ционализм, по Коррадини, — это «есть социализм итальянской нации в мире». Определяя такую форму национализма, В. И. Ленин заметил: «В этом вся суть этой дрянной книжонки: другие нации грабят много. «Социализм» состоит в том, чтобы наша маленькая и бедная нация догнала или догоняла грабящих много, чтобы и она пограбила больше!!»¹⁵³

Хотя Р. де Маэсту яростно воевал против социализма и осуждал на словах национализм, на деле он утверждал, что плох лишь тот национализм, который не служит господствующим классам Испании, и видел в испанском национализме средство превратить Испанию из «бедной» страны в «плутократическую», «империалистическую». Так как у Испании явно не было сил для военной агрессии против бывших колоний, то на первый план в этой схеме выдвигалась идеологическая экспансия, пропаганда идей испанидад.

Понимая, что восстановление отношений колониального порядка между Испанией и «испаноамериканскими» государствами не возможно, Маэсту надеялся построить эти отношения по образцу отношений между США и Англией. «Мы, испаноамериканцы и испанцы, многому должны научиться на примере отношений англичан и североамериканцев»¹⁵⁴.

Но США и Англия — империалистические государства. Маэсту же рассчитывал превратить Испанию в империалистическую державу, которая внутри «сообщества испанидад» захватила бы главное место.

Антикоммунизм ему был нужен, чтобы добиться в этом предприятии поддержки США, Англии, Италии, эксплуатируя классовый момент. Он доказывал «нереальность» социалистической позиции для Испании и Латинской Америки: «Я не думаю, что Франция, Англия и Италия позволят нам ввести социалистическую систему в западном углу Европы»¹⁵⁵

Точно так же Маэсту считал, что Соединенные Штаты не позволят латиноамериканским странам, и прежде всего Мексике, национализировать свои природные ресурсы, особенно нефть¹⁵⁶. Всего через несколько лет после появления этой тирады правительство Л. Карденаса национализировало нефтяную промышленность в Мексике, показав пример всей Латинской Америке.

В Латинской Америке, как и в Испании, паниспанисты делают ставку на самые консервативные слои общества, рассчитывая на их обуржуазивание. «Самый большой контраст между иберийской и саксонской Америкой, — писал Маэсту, — заключается в том, что в Соединенных Штатах нет латифундистов, а есть крупные промышленники, торговцы и банкиры. В Латинской Америке мы наблюдаем обратную картину. Но если нынешняя бюрократия вышла здесь из вчерашних каудильо, чтобы обуздать и превзойти их, то не может ли эта бюрократия породить завтра промышленников, которые введут ее в надлежащие рамки и пре-

взойдут ее? Именно такой эволюции я желаю иберийской Америке и она уже идет в Испании, хотя и слишком медленно»¹⁵⁷

Перед нами типичная концепция юнкерского пути развития капитализма.

Не случайно Маэсту и другие паниспанисты, хотя много говорили и говорят о США как о примере, достойном подражания, действительный образец видели сначала в кайзеровской, а затем в фашистской Германии. В свою очередь германский фашизм использовал франкистскую Испанию и испанизм для экспансии в Латинскую Америку, строил на этом планы ее поражения.

После разгрома фашистских держав антигитлеровской коалицией франкистская Испания и паниспанисты переориентировались на империализм США. Все государства, возникшие на развалинах средневековой империи, паниспанисты объявляют принадлежащими к единому комплексу, объединив это в понятие «испанидад». Они объявляют исторические колониальные традиции составной частью сущности каждой нации, органической частью ткани ее подлинного национального духа¹⁵⁸ Ф. Франко в 1950 г. определил испанизм как нечто противоположное империализму¹⁵⁹. «Испанидад,— по его словам,— это подлинная общность народов, породненных кровью, культурой и религией, а также общими экономическими реальностями общим социальным сознанием и политическим бытием»¹⁶⁰ В основу испанидад Франко также кладет понятие «расы» как «духовного предприятия»¹⁶¹

Паниспанисты, ссылаясь на «общности истории, языка и идеалов», говорят о «единой культурной территории». В то же время они откровенно заявляют, что всего этого недостаточно и что духовная общность должна быть дополнена материальной. Иначе говоря, паниспанисты предлагают разработать координированную программу экономического развития и выступать единым политическим блоком на международной арене¹⁶².

На основе этих концепций монополистический капитал Испании и его государственные органы осуществляют широкую экспансию в Латинскую Америку, опираясь на целую сеть созданных ими институтов, издавая большое число журналов для пропаганды паниспанизма (например, журнал «Мундо испанико») Крайний национализм перерос у фалангистов в шовинизм. В программе фаланги, написанной Х. А. Примо де Ривера, мессианская идея высшей «сущности Испании» служит обоснованием для претензий на восстановление Испанской империи и приоритета в господстве над «Испанской Америкой»¹⁶³ Фаланга ратовала за аннексию Португалии и стран Южной и Средней Америки, а также Северной Африки. Превращение фаланги в официальное Национальное движение в 1937 г. сопровождалось объявлением «интегрального национализма» ее идеологией¹⁶⁴.

Ф. Франко заявил о стремлении Испании создать единый и неделимый испанистский мир.

Во время переговоров франкистского министра иностранных дел Серрано Суньера с Гитлером в сентябре 1940 г. речь шла, помимо прочего, и о координации действий гитлеровцев и франкистов в Латинской Америке. Присоединение Франко к антикоминтерновскому пакту рассматривалось как важный этап в наступлении на Латинскую Америку. На переговорах в феврале 1942 г. между Франко и Салазаром ставился вопрос и о совместных действиях в Латинской Америке. После этого новый министр иностранных дел Испании, Ф. Гомес Хордана, выступил с проектом создания «нейтрального блока четырех» в составе Испании, Португалии, Аргентины и Чили для расширения влияния гитлеровской оси в Южной Америке. К декабрю 1942 г. был оформлен военно-политический блок Франко и Салазара — так называемый Иберийский блок.

Внешняя экспансия сопровождалась созданием в Латинской Америке своего рода пятой колонны. По образцам гитлеровской партии была образована «Внешняя фаланга», во главе которой стал франкистский министр иностранных дел Серрано Суньер. К марту 1939 г. за границей действовали 250 филиалов фаланги, из которых 70 — на Кубе, а также в Аргентине, Колумбии, Мексике, Панаме, Пуэрто-Рико и других латиноамериканских странах¹⁶⁵. Дипломатическим прикрытием для подрывной деятельности фаланги стал так называемый испанистский совет (Совет испанидад) при министерстве иностранных дел Испании, призванный координировать культурные, экономические и религиозные связи с испанцами во всех уголках «испанистского мира».

Совет испанидад был создан согласно закону от 2 ноября 1940 г. В нем говорится об «общем достоянии» 19 наций, а Испании отводится миссия «духовной оси испанистского мира». В данном случае был возведен в ранг государственной политики тезис основателя фалангизма Х. А. Примо де Ривера. В 1945 г. Совет испанидад был преобразован в Институт испанистской культуры.

Институт испанистской культуры в Мадриде стимулирует деятельность за рубежом так называемых испанистских академий, обществ и кружков испанистов, иберистов. В Латинской Америке Институт испанистской культуры опирается на разветвленную сеть местных институтов того же названия и так называемых испанских центров, в которых участвуют, как правило, иммигранты и местные жители испанского происхождения. Через местные институты испанистской культуры во всей Латинской Америке он предоставляет стипендии выпускникам вузов для поездок в Испанию. Необходимо отметить, что эти учреждения содействуют локалистским и даже сепаратистским тенденциям в политической жизни таких стран, как, например, Боливия и Аргентина.

Одним из надстроечных элементов, которые внедряются в страны этой «системы», являются договоры и соглашения о при-

знания так называемой испанистской национальности, т. е. двойной национальности, что расширяет возможности экспансии Испании в этих государствах.

Пропаганда идей паниспанизма в большой степени способствует миграция населения из Испании в страны Латинской Америки.

После второй мировой войны самый большой поток эмигрантов из Испании направляется в страны Латинской Америки: за 1946—1963 гг. выехало 734,5 тыс. испанцев¹⁶⁶. За тот же период в Испанию вернулись из Латинской Америки 261 тыс. человек¹⁶⁷. По более поздним данным из 3,5 млн. испанских эмигрантов 2,1 млн. уехало в Латинскую Америку¹⁶⁸. При этом в отличие от 20-х годов после войны переселялись целые семьи на длительный срок и зачастую по приглашению родственников. Надо отметить, что среди эмигрантов находились родственники предпринимателей испанского происхождения, обосновавшихся в Латинской Америке.

Как в свое время гитлеровский режим, франкизм рассматривает выходцев из Испании и их потомков как испанцев, которые якобы должны ставить интересы «матери-родины» (т. е. ее господствующих классов) выше интересов своей новой родины. Так расизм становится на службу экспансии монополий.

Было бы, понятно, неправильно считать испанских эмигрантов потенциальными носителями паниспанизма. Многочисленные организации испанских республиканцев в Латинской Америке, прежде всего коммунисты, ведут борьбу против шовинистических концепций паниспанизма. Поэтому франкисты делают упор на создании за границей парамилитаристских организаций фашистского типа, которые, помимо прочего, нацелены на борьбу против испанских демократов за рубежом.

Весьма энергично для распространения паниспанистских концепций используется католическая церковь, особенно ее учебные заведения.

Однако наиболее активно паниспанизм проводится по военно-политической линии.

Испания развивает и укрепляет связи с армейскими кругами латиноамериканских стран, насаждая среди военных дух кастовости, геополитические и фашистские концепции. Этому способствует особая роль, отводимая армии в традиционном консервативном паниспанизме, и его иступленный антикоммунизм. Речь идет об экспорте контрреволюции, прикрываемом военно-националистическими идеологическими вывесками. Несомненна причастность военных кругов, находящихся под идейно-политическим влиянием паниспанизма, к военно-фашистским переворотам в Чили, Боливии и Уругвае.

Второе направление, также отмеченное печатью антикоммунизма,— попытки навязать эти концепции органам юстиции, судебной власти. В г. Бразилиа в 1972 г. была проведена конфе-

рещения министров юстиции испано-лузо-американских стран и Филиппин¹⁶⁹

Отнюдь не случайно военная машина и судебная власть, карательные органы государства оказались в центре внимания паниспанистов. Именно здесь сохранили довольно значительные позиции представители традиционной олигархии, которые перед лицом кризиса системы и революционных взрывов ищут выхода в насаждении режимов военно-фашистского типа.

Именно эти круги ратуют за сближение с франкистской Испанией и за «сложение сил» с НАТО, «Общим рынком» Западной Европы и Организацией американских государств.

Поэтому в последнее время империализм США все благосклоннее относится к дипломатической и военно-политической игре паниспанистов. Один из франкистских министров иностранных дел, Мартин Артахо, утверждал: «Панамериканизм и испаноамериканизм — это не антагонистические, а взаимодополняющие термины, они отображают различные аспекты многообразной деятельности»¹⁷⁰. Исходя из этого, франкисты предложили в начале 60-х годов создать новое атлантическое сообщество при участии НАТО, Испании и Латинской Америки, рассматривая его не только как «духовное», но и как политическое, экономическое и стратегическое объединение.

После провала этого плана франкисты решили установить связи с Организацией американских государств. В сентябре 1964 г. между ОАГ и Институтом испанистской культуры было заключено соглашение о сотрудничестве. В 1967 г. Испания заключила с ОАГ соглашение о техническом сотрудничестве.

В 1971 г. Испания аккредитовала своего наблюдателя в ранге посла при Организации американских государств и добилась того, что «день расы» был признан этой организацией под именем «дня открытия Америки». Испания вступила также в фонд технической помощи при ОАГ. И здесь, учитывая кризис этой организации, Испания старается подкрепить шатающиеся подмостки панамериканизма, расписывая ОАГ как «современную форму организации американского континента, основанную на единстве социально-экономических интересов».

Со второй половины 60-х годов латиноамериканская печать все чаще отмечает случаи, когда империализм США старается прикрыть свои операции в Латинской Америке, маскируя свои предприятия под испанские и используя всячески испанские вывески.

С середины 60-х годов Испания резко расширяет экономические связи с Латинской Америкой. В 1965 г. правительство Испании объявило, что в ближайшее десятилетие оно предоставит Латинской Америке кредиты на общую сумму в 1 млрд. долл. Предполагалось, что в свою очередь такая политика стимулирует экспорт промышленных товаров из Испании в Латинскую Америку.

Будущий король Испании, принц Хуан Карлос де Бурбон в послании к ибероамериканским народам по случаю «праздника испанидад» (ранее он назывался «днем расы») в 1973 г. подчеркивал, что наряду с идеей расы выдвигается идеал интеграции, «покоящийся на старинной христианской идее равенства». Новым моментом в этом послании явилось то, что общей чертой испанических стран впервые была названа «экономическая и социальная слаборазвитость», а в качестве первоочередной задачи указана «борьба за неудовлетворенную жажду свободы и суверенитета»¹⁷¹. В последнее время журнал «Мундо испанико» стал подчеркивать роль Испании как «моста между Западом и Востоком», посредника в отношениях Запада со «слаборазвитыми странами».

В январе 1971 г. в Мадриде был проведен семинар по проблеме «Общий рынок Иberoамерики и Испании». Участники этого семинара рекомендовали координировать усилия этих стран в социально-экономической и «геополитической» сферах. Вся эта группа стран рассматривалась как определенная новая система, в которой Испании отводится роль посредника между Западной Европой и «Иberoамерикой». Симптоматично, что на семинаре был сделан вывод о секторе услуг как наиболее благоприятной сфере деятельности Испании в Латинской Америке. Там же было выдвинуто предложение создать испано-ибороамериканскую корпорацию по проблемам развития для укрепления финансовых, торговых и научно-технических связей между Латинской Америкой и Испанией¹⁷².

В мае 1973 г. в Испании состоялось совещание представителей органов планирования и программирования экономики 18 латиноамериканских стран, Португалии и Испании¹⁷³.

Государственно-монополистический капитализм Испании хочет использовать благоприятную конъюнктуру для укрепления собственных позиций в Латинской Америке. При этом он опирается как на откровенно реакционные круги Латинской Америки, давно известные фашистскими симпатиями, так и на новые буржуазно-националистические силы, которых сбивают с толку «испаническая» вывеска, «антиамериканские» традиции паниспанизма.

Паниспанисты пытались навязать свои доктрины Аргентине в годы диктатуры Онгания. После падения этой диктатуры они не оставляли попыток расширить свое влияние в этой стране. Бывший президент Аргентины генерал А. Лануссе, заявляя о своей приверженности к концепции испанизма, утверждал, что в основе испанической расы лежит не материалистическое, биологическое начало, а духовное. По его мнению, речь идет о «христианской цивилизации, основанной на языковых и кровных связях и общности веры»¹⁷⁴. В совместном аргентино-испанском коммюнике, подписанном во время визита Лануссе в Испанию в феврале 1973 г., были подчеркнуты «атлантические черты» этих

стран, общие исторические традиции и стиль жизни. В этом коммунике осуждаются «насилие» и «терроризм», содержится призыв покончить с ними во имя «справедливого социального порядка». Выражалась надежда добиться интеграции испанского содружества наций¹⁷³.

Ныне в Южной Америке паниспанизм служит своего рода троянским конем, облегчающим экспансию монополий Бразилии, претендующих на роль жандарма Южного полушария и выступающих в качестве младшего партнера империализма США. Так как эта экспансия идет под антикоммунистическими декларациями, прикрывается дымовой завесой консервативного национализма, традиционализма, то паниспанизм оказался весьма удобным каналом, облегчающим экспансию и к тому же обладающим давно сложившейся системой идей, стереотипов и институтов.

Активным пропагандистом и проводником паниспанизма является и парагвайский диктатор А. Стресснер, который даже переименовал одну из улиц столицы в улицу генералиссимуса Франко. Стремление Парагвая быть посредствующим звеном между Испанией, Португалией, ЮАР и Родезией, с одной стороны, и утверждающимся военно-политическим и экономическим блоком Бразилии, Боливии, Чили, Уругвая и Парагвая — с другой, со всей очевидностью обнаруживает агрессивные, контрреволюционные пружины паниспанизма. В настоящее время паниспанизм играет в мировой политике явно реакционную роль, создавая в Южном полушарии новые очаги международной напряженности, противодействуя доминирующей тенденции к разрядке.

Конечно, в паниспанизме множество разных элементов, в том числе и тех, которые отражают веками складывавшиеся связи между испаноязычными народами, определенные исторические черты и особенности формирования этих наций и народностей. Но в настоящее время существо паниспанизма определяется не этими демократическими элементами, а шовинистической воинственной политикой господствующих классов ряда государств, которые угрожают безопасности соседних народов и угнетенных наций и народностей, практикуют геноцид, экспортируют контрреволюцию, создают новые и новые очаги военной опасности.

Прогрессивные мыслители Латинской Америки и Филиппин, и прежде всего коммунисты, никогда не отвергали ни близости демократической культуры, ни общности революционных традиций борьбы народов Пиренейского полуострова, Латинской Америки и Филиппин. Они неизменно указывали на интернационалистическую, гуманистическую сущность этой общности.

На Совещании представителей коммунистических и рабочих партий Аргентины, Боливии, Бразилии, Колумбии, Коста-Рики, Чили, Кубы, Эквадора, Гватемалы, Ямайки, Мартиники, Мексики, Никарагуа, Панамы, Перу, Пуэрто-Рико, Уругвая, Вене-

суэлы и Испании, состоявшемся в Париже в октябре 1960 г., было принято обращение, разоблачающее паниспанизм: «Так называемая испанистская политика, цель которой состояла в том, чтобы вдохнуть жизнь в призрак старой Испанской империи, ликвидированной навсегда в латиноамериканских странах, говорящих на испанском языке, в результате борьбы народов этих стран за свое освобождение, фактически превратилась ныне в орудие империализма Соединенных Штатов», — отмечалось в документе совещания¹⁷⁶.

Демократические круги выдвигают в противоположность паниспанизму идеи антиимпериалистической, антифашистской солидарности народов этих стран, опирающиеся на общие освободительные традиции.

Примером такой солидарности служили и латиноамериканские конференции за амнистию политическим заключенным Испании и Португалии (в период, когда последняя еще пребывала под властью фашизма). В этих конференциях участвовали представители демократической общественности всех латиноамериканских стран, Испании и Португалии, коммунисты, социалисты, радикалы, профсоюзные, женские, молодежные организации, юристы-демократы, парламентарии. На II конференции (январь 1961 г., Монтевидео) был образован Ибероамериканский совет борьбы за амнистию и в защиту человеческих прав в Испании и Португалии. В обращении конференции отмечаются «особые культурные и исторические связи» народов Латинской Америки с народами Испании и Португалии¹⁷⁷. Эти связи, солидарность отнюдь не противопоставляются пролетарскому интернационализму, а органически входят в него, облегчая тем самым борьбу народов этих стран против империализма, фашизма, за демократию и мир, за социалистическую перспективу. «Испаноамерика, Латиноамерика, называйте ее как угодно, не найдет своего единства в условиях буржуазного порядка, — писал Х. К. Мариатеги, — этот порядок неизбежно разделяет нас, порождая мелкие национализмы. Только мы, социалисты и революционеры, действительно работаем для достижения единства этих народов. Разве может что-нибудь сблизить нас с Испанией Примо де Ривера? И напротив, как близка нам будет Испания Унамуно, революционная Испания, хоронящая прошлое, вечно юная и новая Испания! Саксонской Северной Америке выпала доля завершить и закрыть капиталистическую цивилизацию. А будущее Латинской Америки — социалистическое»¹⁷⁸. В настоящее время идея солидарности воплощается в акциях поддержки демократов, борющихся против франкизма без Франко и против военно-фашистских и иных тиранических режимов в Чили, Боливии, Бразилии, Уругвае, Никарагуа, Гватемале, Гаити, Парагвае. Это движение солидарности особенно сильно в Португалии, Венесуэле, Мексике, Коста-Рике и некоторых других латиноамериканских странах.

4. АРХЕНТИНИДАД

Современные правонационалистические течения в Аргентине объединяет идеологическая доктрина, носящая название «архентинидад». Данная доктрина, связывая историю аргентинской нации с интересами аграрной олигархии, пропагандирует наиболее реакционные традиции, пытаясь представить архентинидад как специфическое выражение аргентинского национального духа. В основу идеологии архентинидад положен националистический тезис о специфически аргентинском стиле жизни, в котором якобы проявлялась коллективная душа аргентинской общины, аргентинской нации.

Современная доктрина архентинидад представляет собой синтез старых концепций и новых теорий капиталистической модернизации. Она служит для освящения преемственности власти господствующих классов, выступающих в роли «носителей чистоты аргентинского духа».

Крайне правые националистические группировки всегда использовались помещичьей олигархией и крупным капиталом в качестве ударной силы в их борьбе против демократического и рабочего движения. Они содействовали всем реакционным переворотам последних десятилетий, имевшим целью установить в стране режим корпоративного типа. Несмотря на то что до сих пор на основе консервативных националистических течений, выступающих под идейным знаменем архентинидад, правым националистам не удалось создать политической партии или устойчивого политического движения, они играют большую роль в идеологии и политике аргентинской олигархии, действуя через определенные институты власти, в которые наряду с организациями крупного капитала входят церковная иерархия и военная верхушка.

Доктрина архентинидад появилась только в XX в., когда олигархические помещичьи круги Аргентины утрачивали позиции в идейно-политической жизни страны под натиском рабочего и общедемократического, антиимпериалистического движения. В этих условиях, чтобы отстоять свои привилегии, аргентинская аристократия ухватилась за шовинистические концепции.

С их помощью, разжигая националистические страсти идейно отсталых элементов, олигархия организовывала травлю представителей революционного рабочего класса, против которых с начала XX в. принимались репрессивные законы и развертывались кампании, отравлявшие сознание масс ксенофобией и антикоммунизмом. Предприниматели формировали из деклассированных элементов террористические банды погромщиков, которых окружали ореолом патриотизма, защитников «аргентинских порядков», «аргентинского стиля жизни». Так национализм противопоставлялся демократии, революционным традициям

«майской революции» (войны Аргентины за независимость от Испании и от Англии в начале XIX в.).

Следует заметить, что содержание доктрины архентинидад менялось в связи с обуржуазиванием помещичьей олигархической верхушки. До 50-х годов доминировало клерикально-националистическое течение, выражавшее идеологию и политику аграрной олигархии. С середины 60-х годов в связи с появлением местных монополий стало развиваться неонационалистическое интеграционное направление, идеологически объединяющее все консервативные течения.

Исторически первой разновидностью аргентинского национализма, положившей начало другим националистическим течениям, был клерикальный национализм. Он возник в начале XX в. вследствие кризиса консервативной идеологии, уступавшей свои позиции под напором буржуазно-демократического и рабочего движений. Эта разновидность национализма была направлена против либерального буржуазного государства и ратовала за восстановление иерархической системы, в которой безраздельное влияние в духовной жизни общества принадлежало бы католической церкви. В Аргентине это течение собирало под знамя реставрации средневековых порядков все наиболее ретроградные элементы среди помещичьей аристократии, клерикалов, милитаристов. После первой мировой войны клерикальные националисты создали черносотенные организации типа Аргентинского патриотического союза, участвовавшие в кровавых расправах над рабочими-забастовщиками в 1919 г. Идеалы клерикального национализма распространялись среди католиков через печатный орган организации Католическое действие — журнал «Критерио». Его основатель, представитель высшей церковной иерархии архиепископ Густаво Х. Франчески писал в статье, опубликованной в 1932 г. в упомянутом журнале, что «в качестве ответа патриотов на коммунистическую угрозу в Аргентине нужно создать массовое националистическое движение»¹⁷⁹.

После начала франкистского мятежа в Испании клерикалы создали в 1937 г. свое объединение, дав ему символическое название «Реставрация». Оно ставило своей задачей создание в Аргентине «нового порядка на обломках буржуазной атеистической цивилизации». В программной декларации этой организации говорилось: ««Реставрация» выражает националистическую реакцию против либерального порядка и коммунистического восстания»¹⁸⁰. Проповедуемая клерикальными националистами доктрина архентинидад претендовала на восстановление духовной общности людей католической веры. «Церковь, — говорилось в вышеупомянутой декларации, — является носителем веры и объединяет нацию, как душа — тело»¹⁸¹.

На самом деле клерикальный национализм раскалывал аргентинскую нацию по религиозно-этническому признаку, проповедовал самый «пещерный» антикоммунизм.

Ослабление ряда институтов буржуазно-либеральной системы, господствовавшей в Аргентине с 1916 до 1930 г., было использовано олигархической реакцией для организации реакционного военного переворота 1930 г. Крайне правые аргентинские националистические течения, находившиеся под сильным влиянием европейского фашизма, поддержали политику, направленную на милитаризацию государственного аппарата и фашизацию общественных институтов.

Кризис либерализма и усиление давления милитаристов вызвали к жизни такое своеобразное явление, как «росизм»*. Историческими условиями его возникновения были установление проимпериалистической военной диктатуры в 1930 г., открывшей позорное десятилетие, как его называют, в истории Аргентины. Идеологическими корнями росизма были клерикально-помещичий национализм и школа «ревизионистов» Аргентины. Эта школа, претендовавшая на пересмотр сложившейся в XIX в. либеральной концепции истории Аргентины и продолжавшая исторический спор консерваторов и либералов, взяла на себя миссию теоретической разработки концепции архентинидад. Взоры «исторических ревизионистов» 40-х годов были обращены в прошлое, к военно-клерикальной диктатуре Хуана Мануэля Росаса¹⁸². Академический интерес «исторических ревизионистов» к фигуре Росаса определялся тем, что этот диктатор воплощал собой испанское колониальное наследие и отстаивал интересы латифундистов и католической церкви.

Накануне второй мировой войны апологеты деятельности Росаса создали Институт исторических исследований имени Хуана Мануэля Росаса¹⁸³. Вокруг печатного органа института — журнала «Масорка» — группировались известные правые националисты Р. Ф. Эскурра, Рамон Долл, Мануэль Гальвес и др.¹⁸⁴ Они не просто реабилитировали Росаса, которого либеральные историки считали воплощением «колониальной отсталости и контрреволюционного принципа», а возвеличили его как «великого каудильо», якобы определившего судьбу аргентинской нации.

Росизм в целом был не столько политическим, сколько литературным течением, оказавшим большое влияние на доктрину архентинидад. К школе «ревизионистов» примыкала группа писателей: Л. Лугонес, Х. Ибаргурен, М. Санчес, Э. Паласиос, которые стали идеологами патриархального национализма. Они восхваляли каудильо XIX в., создали идеализированный образ патриархальной скотоводческой Аргентины. Росизм превратно отражал в художественной литературе и публицистике борьбу консерваторов и либералов, пытаясь пересмотреть ее идейно-политический смысл с позиций проимпериалистической поме-

---

* Росизм — концепция, восхваляющая деятельность аргентинского диктатора Росаса.

щичьей олигархии. Если консерваторы справедливо рассматривались и рассматриваются в истории Аргентины как олицетворение средневекового варварства, то ревизионисты пытались поднять это варварство на щит, изобразить его как символ народности.

Аргентинский марксист Родольфо Гиольди, разоблачая конкретные политические цели, которые преследовали росисты, писал, что они возродили культ вождя для обоснования реакционных теорий о «патерналистских» правительствах¹⁸⁵.

Идеология росизма вызывала критику не только со стороны приверженцев либеральной концепции истории, но и со стороны ряда историков-националистов. Например, националистический историк Энрике Гандия противопоставил росистской концепции архентинидад, выражавшей ностальгию по феодальному и колониальному прошлому Аргентины, собственную трактовку этого понятия, близкую к идеям прогрессивных деятелей «майской революции» начала XIX в. В книге «Основы архентинидад» он критикует тех националистов, которые «воскрешают каудильистские традиции с целью возбудить патриотизм в новом поколении молодежи — детей креолов и эмигрантов»¹⁸⁶. Э. Гандия призывал для воспитания патриотизма создавать героев, соответствующих более демократическим традициям и идеалам нации.

Для расширения влияния росизма и его концепции архентинидад в массах правые националисты порой прибегали к антиимпериалистической декламации. Но эта позиция была фальшивой, лицемерной. Как признавал писатель националистического направления Х. Эрнандес Арреги, идеологи консервативных течений всегда выступали с антилиберальных, но отнюдь не антиимпериалистических позиций¹⁸⁷.

Некоторые из правых националистов под маской радетелей народных интересов критиковали либеральное капиталистическое общество с точки зрения помещичьей аристократии. Классовый смысл такой псевдонародности росистов раскрывают сами националисты. «Наша антиолигархическая позиция,— писал один из них, историк Хосе Мария Роса,— была декламационной и двусмысленной. Молодежь принимала ее со всей искренностью, но наши лидеры критиковали олигархию, сочетая эту критику с культом патрицианства, что означало курить фимиами той же олигархии»¹⁸⁸.

Правонационалистические течения 30-х годов развивались под сильным влиянием корпоративизма — модернизированного варианта средневековой цеховой организации, которую фашистская пропаганда изображала как панацею от всех социальных бед. Аргентинские правые националисты оправдывали свою поддержку фашизма тем, что он якобы был направлен против «англосаксонского» империализма. Такая апологетика фашизма использовалась для обоснования внешнеполитического нейтралитета Аргентины во время второй мировой войны, нейтралитет

тета, благоприятного для стран фашистской «оси»¹⁸⁹. Правые националисты надеялись, опираясь на фашизм, уничтожить буржуазную демократию и тем более коммунистов. «Единственная альтернатива коммунизму в условиях кризиса либеральной системы в Аргентине — это фашизм», — писал идеолог правого национализма М. Гальвес¹⁹⁰.

Как уже говорилось, правым националистам так и не удалось создать массового националистического движения. Так называемая Националистическая гвардия и молодежное крыло Националистического союза в начале 30-х годов пытались объединить все группы и движения на националистической платформе корпоративизма. В 1937 г. был создан Националистический союз молодежи на базе организаций Националистического союза учащихся средних школ. Это — единственное из националистических объединений, которое существует с 30-х годов. Но оно, как и другие перечисленные организации, не стало массовым.

Правые националисты находили общий язык со всеми реакционными военными правительствами, стремясь добиться от них официального признания своих политических концепций. Например, росисты Хосе Мария Роса и Эрнесто Паласиос сотрудничали с военным правительством 1943 г., клерикальные националисты поддержали реакционный военный переворот 1966 г. Все правонационалистические группировки оказывали поддержку клерикально-милитаристскому режиму, установленному в результате этого переворота, видя в нем воплощение своего идеала «националистического государства». Однако, несмотря на активное участие во всех подобных контрреволюционных путчах, правые националисты так и не смогли стать господствующей политической силой. Основная причина этого заключается в антинародном, аристократическом и даже профашистском характере правого национализма, который вызывал отвращение у масс и отталкивал от себя другие политические течения. Поэтому наиболее дальновидные представители правого национализма стремились, с одной стороны, объединить разрозненные националистические группы, с другой — выработать новую символику, которая могла бы привлечь широкие массы.

Такая возможность представилась на рубеже 50—60-х годов, когда освободительное движение в Латинской Америке вступило в новый этап и стал очевидным кризис созданной североамериканским империализмом Организации американских государств. В 60-х годах при правительстве Фрондиси значительно активизировались националистические организации правого толка, выступавшие под лозунгами испанизма, росизма, католицизма и даже «антиянкизма». При участии средних слоев эти круги проводили кампании под лозунгом «свободное образование», что означало защиту частных католических университетов.

В результате перегруппировки правонационалистических дви-

жений в начале 60-х годов появились многочисленные организации, выступающие под знаменем архентинидад.

Наиболее влиятельной и массовой среди них была «Такуара»* Число членов этой организации достигало в середине 60-х годов около 5 тыс.¹⁹¹ В ее составе преобладали выходцы из богатых семей, многие потомки «старой гвардии» националистов. Например, в 1962 г. ее возглавлял 22-летний Альберто Эскурра Урибуру, отпрыск семейств генералов Росаса и Урибуру. Духовными наставниками «Такуары» были представители старой националистической гвардии, например фалангист и ярый антисемит Х. Мейнвиль. Под его руководством «Такуара» приняла самое активное участие в антисемитских кампаниях, получивших довольно широкий размах во время похищения немецкого военного преступника Эйхмана, скрывавшегося в Аргентине. Члены организации осуществляли захваты учебных помещений под лозунгами: «Да здравствует Христос, да здравствует Росас, да здравствует Франко, долой большевиков!»¹⁹²

Расширение деятельности «Такуары» среди студенчества привело к проникновению в ее ряды ультралевых экстремистских элементов. В результате «Такуара» раскололась на две группы: «Гвардия националистической реставрации» и «Такуара». Первая группа продолжала следовать за правыми националистами, а «Такуара» с этого момента стала сближаться с ультралевыми группировками проперонистской ориентации.

К этому периоду был возрожден Националистический освободительный альянс во главе с Патрисио Келли, примыкавшим к правому крылу перонизма. П. Келли заявил, что альянс отвергает антисемитские лозунги и сосредоточит деятельность на борьбе против империализма и антиперонистов. Таким образом, и в 60-х годах правым националистам не удалось использовать конъюнктуру и создать прочную массовую базу в молодежном движении.

Правые националисты продолжают оставаться самыми агрессивными среди всех националистических течений. Аргентинские социологи Хуан Ф. Марсаль и М. И. Аррент отмечают дальнейшую активизацию идеологов правого национализма. После 1955 г. большинство из них выступило с новыми книгами¹⁹³. В политике они стоят на крайне правом фланге консервативных сил и используются ими в качестве орудий закулисной борьбы за власть¹⁹⁴. Они стали основной опорой военной диктатуры генерала Онганиа (1966—1970), который попытался навязать стране «неокорпоративный» строй под флагом «коммунитаризма».

После 1966 г. многие националисты объединились в организацию «Атенео де ла република», рассматривавшую себя в виде «союза всех граждан страны независимо от их идеологических взглядов»¹⁹⁵. Это была далеко идущая попытка перегруппировки

* Такуара — так называлось копье гаучо в войне за независимость.

сил националистических течений с целью создать новую политическую партию в качестве опоры неокорпоративного режима Онганиа и выработать единую неонационалистическую идеологию. Характеризуя правый неонационализм, аргентинский социолог Х. Ф. Марсаль писал, что он выразил в философии то, что консерваторы выражают в политике, — реакцию на идеи «капиталистической модернизации» и на развитие освободительного процесса в Латинской Америке¹⁹⁶.

Появившееся в результате объединений различных правонационалистических и консервативных течений так называемое интеграционное течение носит противоречивый характер. Оно отражает идеологические установки и политический курс монополистических кругов аргентинской буржуазии — симбиоза аграрного и промышленно-финансового капитала. Социальные сдвиги в правящих классах Аргентины отражаются в идеологической сфере, в попытках модернизировать концепцию архентидад. Эти круги стремятся обеспечить монополию власти, осуществив некоторые верхушечные преобразования в экономике. Неонационалисты признают необходимость перемен в технической и экономической сферах, но ожесточенно сопротивляются малейшим попыткам осуществить антиимпериалистические революционные преобразования.

Как и консервативные историки — «ревизионисты», правонационалистические сторонники национальной интеграции рассматривают историческое развитие в виде движения к «католическому раю», который материализуется для них во франкистской Испании. Испания и сегодня для правых националистов остается источником подлинно аргентинских традиций, выражением сущности аргентинства. В одном националистическом издании указывается: «Когда сегодня кто-нибудь из испанцев пишет о нашей подлинной сущности, о нашем едином национальном сознании... он указывает, за какими национальными образцами мы должны следовать и каковы главные достоинства испанского общества. Каждый гражданин, читающий этот свод правил, признает их огромную притягательную силу, так как на них строится единственно подлинная национальная сущность»¹⁹⁷.

Идеал правых националистов — иерархическое общество, устанавливающее твердый порядок в соответствии с национальными ценностями, воплощенными в архентидад. «Иерархическое и организованное общество в соответствии с установленной шкалой национальных ценностей будет укрепляться по мере развития нации в новом мире», — писал представитель правого национализма М. Орсолини¹⁹⁸.

По мысли этих идеологов, во избежание социальной революции нужно провести некоторые изменения в господствующей системе, чтобы исправить ее лишь наиболее вопиющие дефекты. После того как корпоративизм достаточно скомпрометировал себя в глазах масс, генеральным направлением в политике и

идеологии правых националистов стал коммунитаризм. «Коммунитаризм является реакционной доктриной классового сотрудничества, измышленной в олигархических фашистских кругах под влиянием фалаинизма и фашизма. Он утверждает своей целью достижение «всеобщего блага», которое якобы возможно при установлении отношений равновесия между трудом и капиталом и подчинения людей жестким, иерархическим формам правления»¹⁹⁹. Такое определение коммунитаризма как модернизированного варианта «корпоративной политики» дается в политическом справочнике, изданном Коммунистической партией Аргентины. Правые националисты ухватились за эту новую тактику олигархии и поддержали попытку ее осуществления режимом генерала Онганиа.

Разоблачая реакционную сущность коммунитаризма, Хуан Росалес писал, что новым в тактике олигархии было выдвижение на первый план задачи создания массовой основы иерархического режима, применение модернизированных методов интеграции рабочих профсоюзов, в сочетании преобразований сверху с сохранением традиционных институтов власти буржуазно-помещичьей олигархии²⁰⁰. Эта тактика предполагает определенную дифференциацию внутри правящих классов, выдвижение на первый план их наиболее реакционных представителей. Правые националисты попытались подвести массовую базу под свое движение, используя для этого не обычные политические механизмы, а новые организации коммунитарного типа, объединяющие профсоюзы с отдельными институтами власти. Как говорилось в инструкции по проведению плана создания коммунитарных организаций, изданной правительством Онганиа в 1969 г., речь шла о сотрудничестве различных социальных институтов непосредственно с органами правительства на местах, которые принимали решения²⁰¹. Таким образом, коммунитаризм правых националистов являлся продолжением и развитием идей корпоративизма в аргентинских условиях.

Переход от корпоративизма к коммунитаризму был осуществлен и под влиянием новых течений в католическом движении. Идеологи правого национализма, по словам Марты Эскура — вице-председателя Международного католического союза социальных служб, рассматривали его в качестве «главного противоядия» революционной борьбе. Этот ход широко использовался при попытках установить «социальное перемирие» во всех странах Латинской Америки²⁰².

При военном режиме Онганиа в Аргентине был создан весьма своеобразный вариант коммунитаризма, который выразился в закрытии университетов и запрещении политических партий, в контроле над профсоюзами и введении «коммунитарной дисциплины труда».

«Коммунитаризм послужил эффективным инструментом для консолидации и экспансии иностранных и местных монополий,

поддерживавших военно-клерикальную диктатуру Онганиа», — писал Росалес²⁰³ После ликвидации конституционных гарантий, роспуска институтов представительной демократии, запрещения забастовок и народных демонстраций, милитаристы, поддерживаемые клерикалами и технократами, пытались реорганизовать всю систему сверху, делая упор на милитаризацию государственного аппарата.

Политика создания «коммунитарных форм» соблазнила некоторых правых профсоюзных и политических деятелей, но натолкнулась на сопротивление рабочего класса и широких народных масс. После народного восстания в г. Кордове в мае-июне 1969 г., поддержанного всеобщей национальной забастовкой, устои неокорпоративного военного строя в Аргентине были окончательно подорваны. Начался процесс демократизации политического режима. Позднее, на выборах в марте 1973 г., сторонники военного клерикально-корпоративного строя потерпели сокрушительное поражение.

С 30-х годов в Аргентине углубляется структурный кризис. Развитие революционной антиимпериалистической тенденции в Аргентине привело к образованию левых течений во всех буржуазных и мелкобуржуазных политических партиях, движениях, а также в таких социальных институтах, как вооруженные силы, католическая церковь, университеты, профсоюзы. Расширение социальной базы антиимпериализма привело к сужению идеологического влияния правонационалистической концепции архентинидада. Даже в католической церкви, которая всегда была оплотом клерикального национализма, появились ультра-левые и даже революционные течения: организация «Священники — сторонники третьего мира», революционные течения в демохристианских партиях, выступающие против официальной идеологии и политики церковной иерархии.

Общий подъем демократического и антиимпериалистического движения заставил правых националистов в 70-х годах снова переменить тактику. В настоящее время некоторые консервативные националистические течения пытаются заставить массы поверить в свои «антиимпериалистические намерения». Они выдвигают концепции «коммунитарного социализма», примиряя борьбу классов в момент наиболее острой идейно-политической схватки, когда олигархия чувствует себя изолированной перед лицом нарастающего освободительного потока. Представители этого направления стремятся стать образцом для других националистических течений, в частности тех, которые находятся под влиянием хустисиалистов.

Обращает на себя внимание известная гибкость теоретиков и идеологов правонационалистических течений в Аргентине: они постоянно меняют устаревшие концепции, вставляют новые идеи в старые схемы, дабы проводить политику олигархии в меняющихся условиях.

Аргентинские марксисты указывают на эволюцию правого национализма с 30-х до 70-х годов, соответствующую перегруппировке сил в правящих кругах Аргентины. Они отмечают способность этого национализма к идеологической эклектике из либеральных и консервативных концепций, отражающей процесс сращивания интересов скотоводческой олигархии и крупного промышленного капитала.

Аргентинские революционные силы, прежде всего коммунисты, ясно видят неофашистскую опасность и ее источники в правонационалистических течениях Аргентины, за которыми стоят империализм и олигархия. Коммунисты и их союзники разоблачают действия проимпериалистических неофашистских сил и указывают конструктивные пути для развертывания борьбы за укрепление национального суверенитета Аргентины, за проведение назревших антиимпериалистических и социальных преобразований и за демократизацию политического режима.

5. БРАЗИЛИАНИДАД

Идеология национализма, в целом широко распространенная на латиноамериканском континенте, в Бразилии утвердилась особенно прочно. Этому способствовали наряду с факторами, общими для всей Латинской Америки, и некоторые особенности этой страны, с самого начала отличавшие ее от других стран региона. Бразилия оказалась единственной территорией в Южной Америке, подвергшейся португальской, а не испанской колонизации. Возникшее в результате этого этническое и культурное своеобразие страны в рамках латиноамериканского мира, а также язык, отличивший ее жителей от испаноговорящих соседей, уже на ранних этапах бразильской истории породили на уровне социальной психологии националистические представления о неповторимости, уникальности Бразилии, ее народа и культуры. Один из современных бразильских историков, Жоржи Майа, в книге «Бразилия в третьем мире» пишет: «Хотя мы и являемся государством Южной Америки, наше происхождение отличается от всех остальных. Мы — наследники португальцев, все остальные — испанцев. Наши миры развивались параллельно, однако между нами всегда существовали четкие моральные и философские границы. Испанский образ мышления отличается от португальского, у которого мы, естественно, унаследовали как его достоинства, так и недостатки. Таким образом, в действительности каждый из нас следует собственной, не зависящей друг от друга традиции»²⁰⁴. Возникшие на начальных этапах формирования бразильской нации националистические чувства и представления в дальнейшем были выражены в идеологии, политике и социальной практике.

Значительное распространение национализма в Бразилии, та

важная роль, которую он играет в жизни страны на современном этапе, формы его проявления — все это стимулировало публикацию как в самой Бразилии, так и за рубежом, в первую очередь в Соединенных Штатах Америки, большого числа работ — от статей до солидных монографий, посвященных различным проблемам бразильского национализма. Среди них можно назвать такие, как «Основы национализма» Агиналдо Н. Маркеса; «Национализм и развитие» Кандидо Мендеса ди Алмейды; «Национализм в современной бразильской действительности» Элио Жагуарибе; «Национализм в Бразилии» Брэдфорда Бернса и др. Эти авторы, несмотря на различия в оценках характера и роли бразильского национализма в ту или иную эпоху, исходят из абстрактно-идеалистического толкования самого понятия «национализм» как некоей надклассовой категории, лишенной конкретно-исторического содержания. Об этом прежде всего свидетельствуют их определения сущности национализма: «Знать и любить все наше, иметь представление о наших богатствах, желание решать наши проблемы в соответствии с нашими потребностями, уважая при этом права других народов,— означает национализм... Быть националистом — это быть гражданином, осознающим свой долг перед родиной. Быть националистом — это просто-напросто быть бразильцем и патриотом»²⁰⁵

По мнению Брэдфорда Бернса, «национализм — это глубокая любовь к своей родине в сочетании с пренебрежением, а то и нелюбовью к другим странам»²⁰⁶. «Национализм,— пишет Б. Собриньо,— это преданность национальным интересам и защита этих интересов: национального единства, независимости и т. д.»²⁰⁷, а Э. Лима считает, что «национализм — это утверждение единства интересов группы, усиленное конфликтами и внешними антагонизмами»²⁰⁸.

При подобном толковании понятия национализм не только утрачивается его классовое содержание, но и полностью стираются грани между категориями «националистическое» и «национальное» в широком смысле, между национализмом и патриотизмом, национализмом и чувством национальной гордости и т. д.

Каждый буржуазный исследователь вкладывает в понятие национализма свое содержание. В результате этого многочисленные исследования по проблемам бразильского национализма в большинстве случаев не помогают, а скорее затрудняют объективный анализ этого сложнейшего явления.

Бразильский национализм прошел определенные исторические стадии развития. В процессе эволюции изменялись формы проявления национализма, его место и социальная роль в жизни общества, появлялись новые элементы в его содержании.

Идеологически оформившись в период борьбы за независимость, национализм в Бразилии в силу особенностей этой борьбы с самого начала был связан с консервативно-клерикальными кругами. Это обстоятельство на длительный период обусловило

его реакционный характер. И лишь в начале XX в. в нем намечился процесс дифференциации. В качестве альтернативы национализму господствующих классов возникает движение «тенентизма»*, представляющее собой разновидность мелкобуржуазного национализма.

Начиная с 20-х годов центр тяжести национализма из области идеологии и политики переносится в сферу культуры. Зарождается движение так называемого культурного национализма, направленное на отстаивание независимого пути становления и развития национальной культуры. Кульминационным моментом в истории движения явилась Неделя современного искусства в Сан-Пауло (февраль 1922). В 30-х годах на смену «культурному национализму» приходит «экономический национализм», представленный самыми разнообразными формами — от варгасизма до широкого народного движения в защиту природных богатств и национальной экономики, которое увенчалось в 1953 г. крупной победой — созданием национальной нефтекомпании «Петробраз», установившей государственную монополию на нефть.

В 50-х — начале 60-х годов в бразильском национализме обостряется борьба между правыми буржуазными и прогрессивными демократическими элементами.

Накануне государственного переворота 1964 г., установившего в стране режим реакционной военной диктатуры, бразильский национализм представлял собой неоднородное идейно-политическое течение. Усиливавшиеся в нем левые элементы все больше придавали ему антиимпериалистическую, а порой и антикапиталистическую направленность. Это вызывало серьезное противодействие правых сил, выступавших с позиций неокapитализма и социал-шовинизма. Вместе с тем даже самый «революционный национализм» уже не мог удовлетворять вследствие своей ограниченности и противоречивости наиболее передовые силы страны, он во все большей степени становился тормозом на пути формирования классового сознания пролетариата. Противоборство этих тенденций в бразильском национализме достигло исключительного накала в период президентства Ж. Гуларта. Намечавшаяся альтернатива была такова: либо дальнейшая радикализация левонационалистических элементов, что открывало новые возможности для развития широкого антиимпериалистического и антикапиталистического движения, либо победа правых тенденций и резкий поворот в сторону реакции. Государственный переворот решил этот вопрос в пользу сил реакции. В истории бразильского национализма наступил новый этап.

Внутренняя и внешняя политика Бразилии после государственного переворота 1964 г. свидетельствует о том, что идеология бразильского национализма на современном этапе представляет

---

* Тенентизм (от порт. *tenente* — лейтенант) — патриотическое движение младшего офицерского состава бразильской армии в 20-х годах.

собой идеологию господствующих классов, орудие, с помощью которого они стремятся направить развитие страны по неоконсервативному пути. Этот национализм, полностью утратив антиимпериалистические тенденции, присущие ему в предшествующий исторический период, приобрел крайне правый, реакционный характер, который выражается в стремлении к экспансионизму, в гегемонистских притязаниях на руководство всей Латинской Америкой, в установлении в стране режима суровой военной диктатуры, зачастую прибегающей к фашистским методам (репрессиям, пыткам) в борьбе со своими противниками. Основной чертой современного бразильского национализма стала агрессивность, пропаганда «величия» Бразилии в целях идеологического обоснования ее империалистического проникновения в другие страны и навязывания им аналогичной политической модели.

Современный бразильский национализм всячески пытается скрыть свое реакционное содержание. Хотя порой его идеологи выступают с космополитических позиций, якобы ратуя за интересы не только своей страны, но и всего Западного полушария, его реакционная сущность остается прежней, поскольку сам космополитизм «может рассматриваться как своеобразная форма национализма правящей буржуазии... С помощью космополитизма правящая буржуазия развитых стран отказывает другим нациям, объектам ее гегемонистских устремлений, в праве на отстаивание своих национальных интересов, на сохранение своих национальных ценностей. По сути своей космополитизм правящей буржуазии является формой, маскирующей ее националистические интересы»²⁰⁹.

Современный бразильский национализм — одна из наиболее реакционных разновидностей национализма крупной буржуазии, отражающая «стремление правящей верхушки выдать свои узкоклассовые эгоистические интересы за интересы всей нации, с помощью националистических концепций замаскировать классовые противоречия внутри нации»²¹⁰. Бразильский национализм, являющийся в настоящее время официальной идеологией реакционной военной диктатуры, все больше обретает черты великодержавного шовинизма, представляя реальную опасность для всего латиноамериканского континента. Национализм бразильской буржуазии проявляется не только во внутренней, но и во внешней политике. Об этом свидетельствуют внешнеполитические концепции идеологов современного режима, в которых выражены претензии на особую историческую миссию и руководство всем латиноамериканским миром.

С первых же дней прихода к власти военные стремились теоретически обосновать политику нового режима. Однако, для того чтобы выдвинуть свою идеологическую доктрину, им прежде всего нужно было отмежеваться от своих политических предшественников. Именно поэтому они сразу же обрушились с резкой

критикой на внутреннюю и внешнюю политику свергнутого президента Жоао Гуларта, обвиняя его в том, что он якобы довел страну до политического и экономического хаоса. «В последние годы Бразилия переживала период политического и идеологического хаоса, результаты которого ощущаются до сих пор,— писал один из идеологов нового режима, Мейра Пенна.— Внутренние аспекты кризиса хорошо известны: мы находились на грани банкротства, анархии и создания народной синдикалистской республики»²¹¹. Столь же резкой критике подверглась и внешняя политика «невмешательства» и «нейтралитета», проводившаяся правительством президента Гуларта. Политика нейтралитета, по мнению Мейры Пенны, «чревата опасными последствиями для национального суверенитета страны»²¹².

«Мы — не националисты» — таким был один из первых лозунгов военной хунты. Внешне выступая с антинационалистических позиций, ее идеологи имели прежде всего в виду левые тенденции в национализме. В их понимании национализм полностью отождествлялся с антиимпериализмом. Как писал Мейра Пенна, «национализм, марксизм и антиамериканизм стали синонимами в комплексе взаимосвязанных понятий»²¹³.

В качестве доказательства отказа от идеологии национализма теоретики нового режима выдвинули идею о принадлежности Бразилии к западной цивилизации, а не к «третьему миру», как это было принято считать раньше. В связи с этим ставилась задача подчинения интересов страны интересам всего Западного полушария, которое якобы находится под постоянной угрозой со стороны сил «международного коммунизма». Претендуя на разрыв с национализмом, бразильские идеологи на деле скатились к одной из наиболее реакционных его разновидностей, граничащей с великодержавным шовинизмом. Вслед за тезисом о необходимости интеграции в рамках Западного полушария, они выступили с претензиями на право Бразилии стать державой «первого ранга». Жоржи Майа в связи с этим писал: «По численности населения мы сегодня являемся второй страной западного мира. Уже одного этого, не принимая во внимание других факторов, достаточно для того, чтобы обеспечить нам выход на передний план международной жизни»²¹⁴.

После 1964 г. вновь появились на свет теории об «уникальности» бразильской цивилизации. В несколько обновленном виде они нашли свое воплощение в концепции «бразилианидад», которая, в отличие от выдвинутой еще в 30-х годах видным бразильским социологом Жилберто Фрейре концепции «лузо-тропической цивилизации», направлена не столько на то, чтобы констатировать географическое, климатическое и этническое своеобразие Бразилии, сколько на то, чтобы обосновать якобы вытекающее из него право на гегемонию в Латинской Америке и в других близлежащих районах земного шара.

Концепция бразилианидад не является оформленной идеоло-

гической доктриной. Она скорее представляет собой совокупность крайне правых националистических положений и тезисов, составляющих основу официальной идеологии сил, пришедших к власти в результате переворота 1964 г. В книге «Внешняя политика. Безопасность и развитие» Мейра Пенна писал: «Бразилия представляет собой первый и наиболее важный опыт создания во влажном тропическом поясе планеты современной цивилизации, научно-технической по своим средствам, греко-романской по культурным корням, христианской по моральным и духовным основам и универсальной по своим целям»²¹⁵

Большое внимание в концепции бразилианидад уделяется этническому своеобразию бразильской нации и проблеме национального характера. При этом отмечается, что по сравнению с другими латиноамериканскими нациями бразильцам присущи особые, позитивные, чисто национальные черты, такие как, например, сердечность, терпимость, гуманность и пацифизм. Они являются следствием неповторимого смешения рас и дают право бразильской нации на особую историческую миссию. Вот что пишет по этому поводу Жоржи Майа: «В отношениях между народами Бразилия всегда будет занимать особое место благодаря множественности рас, участвовавших в ее формировании. Поскольку бразильская нация является результатом смешения нескольких рас, она всегда будет выступать в роли естественного посредника между Западом и Востоком»²¹⁶. Ссылаясь на преимущества бразильского национального характера, тот же автор отмечает: «Из анализа событий нашей политической жизни — в особенности эпохи борьбы за независимость — становится очевидным мирный характер, сердечность бразильцев... Причем эти черты развиты до такой степени, что в течение длительного времени среди нас господствовала идея превосходства бразильской цивилизации над остальными на континенте. Уже тогда мы демонстрировали зрелость, свойственную более цивилизованным народам»²¹⁷.

Из всех этих высказываний становится очевидным, что абсолютизация национального момента, ранее проводившаяся в Бразилии в форме идеи о национальной неповторимости и самобытности, в концепции бразилианидад уступила место проповеди национальной исключительности и национального превосходства, призванной разжечь в народе националистические амбиции, необходимые для успешного проведения внешней и внутренней политики нового режима.

Следует отметить, что элементы концепции бразилианидад существовали и ранее. Так, тот же Жилберто Фрейре, во многом пересмотрев свои первоначальные взгляды, впоследствии выступил с пропагандой особого, бразильского пути развития. Многие наиболее реакционные стороны концепции бразилианидад, и в первую очередь ее антикоммунистическая направленность и стремление сделать Бразилию «державой номер один» на лати-

Но американском континенте, перекликаются с идеологией интегрализма — бразильской разновидностью фашизма, утвердившейся в 30-х годах. Как писал советский историк Б. И. Коваль, «фашизм принял здесь характер реакционного националистического движения, которое с помощью пресмыкательства перед гитлеровской Германией стремилось превратить Бразилию в центральную державу Южной Америки»²¹⁸. «Главное место в идеологии интегрализма занимал антикоммунизм, призванный прикрыть реакционный, профашистский характер интегралистского движения»²¹⁹. Таким образом, авторы концепции бразилианидад, претендуя на оригинальность, на самом деле во многом повторяют давно известные идеи об избранности бразильской нации и ее особом пути развития, неоднократно выдвигавшиеся их идеологическими предшественниками.

Даже те положения концепции бразилианидад, которые на первый взгляд кажутся новыми, тоже не оригинальны. В большинстве своем они заимствованы из широко распространенной в Соединенных Штатах Америки националистической идеологии американизма. Один из крупнейших теоретиков американизма, Ганс Кон, писал: «Американский национализм — это прежде всего идеологический национализм, воплощение идеи, которая, возникнув в определенных географических и исторических условиях представляет собой универсальную идею, самое важное и живучее наследие XVIII в.»²²⁰ А поскольку, по его мысли, Соединенные Штаты — носители «универсальной идеи», то их экспансия всегда будет являться благом для других народов. Примерно так же рассуждают и идеологи современного бразильского национализма, пропагандируя «бразильский путь» как единственную альтернативу, которая, по их мнению, способна обеспечить выход из глубокого структурного кризиса, переживаемого латиноамериканскими странами. Подобными рассуждениями пестрят страницы официальной бразильской прессы, они неизменно присутствуют и в работах историков, социологов и экономистов, превозносящих так называемую бразильскую модель развития. Эта пропаганда неизменно сопровождается шовинистическими лозунгами типа «Бразилия — великая держава», «Атлантическая Бразилия», «Бразилия — суперпорт», «Бразилия — среди маленьких» и т. п. Цель этих лозунгов одна: пробудить в бразильском народе настроения великодержавного шовинизма и провозгласить Бразилию флагманом стран латиноамериканского континента.

Наряду с идеей величия Бразилии в основе официальной бразильской идеологии лежит тезис о защите национальной безопасности как главной цели внешней и внутренней политики страны. Ссылаясь на то, что Бразилии, так же как и другим странам Западного полушария, якобы постоянно угрожает опасность со стороны «международного коммунизма», идеологи бразильской модели говорят о необходимости военной, политической и экономической интеграции в рамках этого полушария. В речи 31 июля

1964 г. президент Бразилии Кастро Бранко заявил: «В современных условиях bipolarной конфронтации сил, сопровождающейся радикальными политическими и идеологическими расхождениями, сохранение суверенитета предполагает принятие определенной степени взаимозависимости как в военной, так и в экономической и политической сферах»²²¹. Несколько лет спустя Журасти Магальяэс, министр иностранных дел в правительстве Медиси, высказал ту же мысль иными словами, указав на «необходимость создания эффективного механизма, способного отразить опасности, угрожающие американским нациям»²²².

Таким образом, создание военного и политического союза в рамках Западного полушария является основным лейтмотивом идеологической доктрины бразильского режима, стремящегося обеспечить наиболее благоприятные условия на континенте для консолидации своей политической модели. Роль лидера в этом интеграционном процессе отводится Соединенным Штатам Америки, вслед за которыми идет Бразилия как вторая «великая держава» полушария. «Среди американских государств Бразилия занимает в Новом Свете позицию, аналогичную позиции Соединенных Штатов Америки, отличающуюся тенденцией к примирению. Это дает ей законное право как важной и незаинтересованной силе по-дружески вмешиваться и координировать отношения между латиноамериканскими нациями»²²³. Иными словами, сразу же после прихода к власти военное правительство Бразилии выступило с гегемонистскими притязаниями на руководство всей Латинской Америкой, ссылаясь при этом на размеры Бразилии, ее этническое своеобразие и географическое положение, из которых якобы вытекает ее особая историческая миссия. В документе, представленном Бразильской коммунистической партией на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, состоявшемся в Москве в октябре 1973 г., по этому поводу говорилось: «Претендуя на роль гегемона в Южной Америке, диктатура стимулирует в народе настроения крайнего национализма, узкоэгоистичного по своему содержанию, основанного на пропаганде идей национальной исключительности»²²⁴.

В связи со стремлениями Бразилии к гегемонии на латиноамериканском континенте следует отметить еще одну особенность современного бразильского национализма, заключающуюся в том, что ксенофобия, являющаяся традиционным составным компонентом буржуазного национализма, после 1964 г. в Бразилии приобрела совершенно иную направленность. На ранних этапах бразильской истории национализм имел ярко выраженную антилузитанскую окраску, что являлось прямым следствием португальского колониального господства в этой стране. Впоследствии, после достижения независимости и по мере укрепления влияния США в различных сферах жизни Бразилии, он приобрел четкую антиамериканскую направленность, которая была свойственна ему вплоть до государственного переворота 1964 г. После

переворота бразильский национализм, ставший официальной идеологией крупной буржуазии, полностью утратил свой антиамериканизм. Пытаясь оправдать свою позицию в глазах народа, привыкшего воспринимать Соединенные Штаты как противника независимого развития страны, сторонники нового режима выступили с резкой критикой антиамериканизма как явления, чуждого и вредного для прогресса бразильской нации. Упомянувшийся выше Мейра Пенна выдвинул идею о том, что бразильцы якобы в действительности всегда втайне завидовали своему северному соседу и стремились во всем ему подражать. Однако в силу того, что этот идеал был во многом недостижим для Бразилии, у ее народа рождался своеобразный комплекс неполноценности, который и служил благодатной почвой для распространения настроений антиамериканизма. На самом деле эти настроения не имели ничего общего с подлинными чувствами, которые испытывали бразильцы в отношении американской нации. По мнению Мейры Пенны и его единомышленников, основной задачей в настоящее время является преодоление антиамериканских настроений и достижение открытого союза с Соединенными Штатами в самых различных областях.

Таким образом, по сравнению со своими политическими предшественниками идеологи нового режима заняли прямо противоположную позицию. С одной стороны, безусловно, нельзя рассматривать Соединенные Штаты как единственного виновника всех бед и несчастий Бразилии, а поэтому резкие антиамериканские настроения, распространяемые на всю нацию в целом, вряд ли способны принести реальную пользу народу Бразилии. С другой стороны, нельзя не видеть, что за призывом к отказу от антиамериканизма скрывается стремление правящих классов Бразилии затушевать весьма острый характер противоречий между США, ведущей империалистической державой, и Бразилией, во многом являющейся объектом ее экспансионистских устремлений, будь то сфера политики, идеологии, экономики или культуры.

Попытка сгладить противоречия между Бразилией и Соединенными Штатами Америки сопровождалась разжиганием антагонизма в отношении соседних латиноамериканских государств, в особенности Аргентины, которую Бразилия рассматривает как самое серьезное препятствие на пути установления своего безраздельного господства в Южной Америке. Это, в свою очередь, привело к росту антибразильских настроений на континенте, особенно усилившихся после того, как Ричард Никсон сказал во время визита президента Бразилии Гаррастазу Медису в США: «Куда пойдет Бразилия, туда пойдет и вся Латинская Америка». Пресса латиноамериканских стран все чаще и чаще пишет об угрозе со стороны бразильского экспансионизма, и, как свидетельствует практика, их опасения не лишены оснований. Бразилия предпринимает немалые усилия к тому, чтобы осуще-

ствить ту роль «флагмана» в латиноамериканском мире, которую ей предназначили Соединенные Штаты Америки. Эти усилия часто обретают форму открытого экспансионизма.

Экспансионистские устремления бразильской финансовой олигархии особенно четко прослеживаются во внешнеэкономической политике страны на континенте. Для удовлетворения растущих потребностей экономики Бразилия вынуждена обращаться к поискам новых источников сырья и новых рынков сбыта. Например, в 1972 г. ею были предоставлены кредиты пяти центральноамериканским государствам с тем, чтобы в дальнейшем обязать их покупать бразильскую продукцию и установить свой контроль над внутренними рынками этих стран.

Экспансионизм в экономической сфере тесно переплетается с политическим экспансионизмом. Существует ряд фактов прямого политического вмешательства Бразилии в дела других государств, и в первую очередь Боливии, Парагвая, Уругвая, которые, по словам одного из бразильских генералов — Голбери Коуто-и-Силвы, «составляют геополитическую границу Бразилии»²²⁵.

Особенно разнообразны интересы Бразилии в Боливии, где не без ее непосредственного участия в 1971 г. было свергнуто прогрессивное националистическое правительство генерала Хуана Хосе Торреса. Боливии придается большое стратегическое значение в рамках так называемой обороны Западного полушария. Кроме того, она обладает ценными источниками сырья и является выгодным рынком сбыта для бразильских товаров. Значительные усилия направляются и на укрепление идеологического влияния Бразилии в Боливии, которая может стать надежным союзником в соперничестве с другими латиноамериканскими странами. Правительство Бразилии оказывает Боливии финансовую и военную помощь, стремясь таким образом все больше подчинить себе эту страну.

Большой интерес проявляет Бразилия и к своему другому соседу — Парагваю. Правящие круги Бразилии рассматривают Парагвай как важный оплот в защите интересов Бразилии в бассейне Ла-Платы. В последние годы Бразилия взяла на себя финансирование строительства дорог и ряда других объектов стратегического назначения в этом соседнем латиноамериканском государстве. Особенно велико влияние Бразилии в парагвайской армии. В вооруженных силах Парагвая, включая генеральный штаб, постоянно работают бразильские военные специалисты и инструктора. Бразильская военная миссия в Асунсоне многочисленна, чем американская. Помимо стратегических и политических интересов Бразилия преследует в Парагвае и обширные экономические цели. Так же, как и Боливия, Парагвай является удобным пограничным рынком сбыта для бразильского экспорта. Кроме того, он располагает богатейшими источниками столь необходимой для дальнейшего экономического роста Бразилии

гидроэлектроэнергии. О степени проникновения Бразилии в Парагвай свидетельствует фактический захват территории в пограничных районах Парагвая, о котором сообщает бразильская пресса. Вдоль границы с Бразилией на полосе шириной в 100 км все земли принадлежат бразильским собственникам. Там образуются фазенды и официальным разговорным языком является португальский.

Огромное влияние оказывает Бразилия и на систему парагвайского образования. Обучение в высших учебных заведениях ведется в основном по бразильским программам, и значительную часть преподавателей составляют бразильцы.

Существует немало аналогичных примеров бразильского экспансионизма и в отношении Уругвая.

Все это свидетельствует о том, что Бразилия, прибегая к традиционной тактике империалистических держав, ставит перед собой цель: по мере укрепления своего влияния изменить политическую расстановку сил в Латинской Америке и добиться безраздельного господства на этом континенте.

Великодержавный, националистический характер официальной бразильской идеологии особенно ярко проявляется во всякого рода геополитических теориях, с помощью которых Бразилия пытается обосновать свое право на господство не только в Латинской Америке, но и в других частях земного шара, и прежде всего в Африке. Исходя из географической близости Бразилии к западному побережью африканского континента, идеологи бразильского военного режима обращают особое внимание на этот континент, возлагая на него большие надежды. Они ссылаются на историческую общность Бразилии и португальских колоний в Африке, которая якобы предопределяет дальнейшую судьбу этих африканских государств. «Географическое сходство, исторические узы и специфические особенности антропологического характера, связанные с принадлежностью к тропическому поясу планеты,— пишет Мейра Пенна,— обуславливают интерес Бразилии к тому побережью, которое находится напротив нас, на юге Атлантики... Сохранение языка, религии и португальской культуры в Африке является залогом нашего будущего присутствия в этом районе. Ветры перемен коснулись и нашей страны, и сегодня мы, как никогда, способны трезво и объективно оценить наши отношения с Африкой и наши интересы в этой части земного шара»²²⁶. На самом деле эти интересы представляют собой не что иное, как стремление безраздельно господствовать в африканских странах. «Сейчас, когда Африка независима, нас интересует прежде всего то, чтобы ни одна из стран западного побережья (ни Сенегал, ни Гвинея, ни другие) не подпали под влияние экстраконтинентальных держав, чуждых нашим планам и нашему образу жизни»²²⁷ — заявляет М. Пенна. Стараясь теоретически оправдать свои экспансионистские цели в Африке, Бразилия пытается облечь эту доктрину в мистические одежды неизбеж-

ной, своеобразной исторической миссии, выпавшей на ее долю и только теперь полностью ею осознанной.

Для успешного осуществления своей внешней политики Бразилия вынуждена искать поддержки извне. Ее главным оплотом, несомненно, являются Соединенные Штаты Америки. Однако, наряду с ними, в частности для того, чтобы беспрепятственно проводить свою политику на африканском континенте, Бразилия стремится искать союза и поддержки у других государств, в том числе у ЮАР*.

Не менее очевидно, чем на примере внешней политики, реакционный характер националистической идеологии современного бразильского режима проявляется во внутриэкономической и внутривнутриполитической жизни страны. После 1964 г. в Бразилии была выдвинута новая модель экономического развития, основанная на политике открытого союза с иностранным капиталом. Цель такой политики заключалась в том, чтобы направить развитие страны по пути «модернизированного» капитализма. С обоснованием тезиса о необходимости широкого привлечения иностранных капиталовложений в национальную экономику выступил ряд экономистов во главе с М. Э. Симонсенем. Они в один голос заявили, что только таким образом можно превратить Бразилию из отсталой страны в высокоразвитое индустриальное государство. В связи с этим видный бразильский экономист Роберто Кампос писал: «Главной функцией иностранных капиталовложений является исправление недостатков внутренней экономики слаборазвитых стран. Эти капиталовложения помогут им достигнуть быстрых темпов экономического роста с наименьшим ущербом для потребления, а также освоить современную технологию»²²⁸.

В соответствии с этим тезисом пришедшие к власти силы крупной промышленной и финансовой олигархии с самого начала предприняли меры, направленные на коренное переустройство бразильской экономики. В первую очередь они обратились к поискам новых средств для ускоренной концентрации капитала и производства. При этом основное усилие было направлено на укрепление союза с иностранными монополиями и создание предприятий, в которых иностранный капитал играл бы главенствующую роль.

Формальные показатели экономического роста послужили основой для создания мифа о бразильском экономическом чуде и для пропаганды той политической модели, которая обеспечила условия для подобного роста. Апологетика «бразильского чуда» стала одним из главных направлений бразильских правительств и империализма США в последние годы. Всячески рекламируя экономическое развитие, они стараются навязать другим латиноамериканским странам так называемый бразильский путь. Одна-

---

* До недавнего времени — у салазаровской Португалии.

ко, если отвлечься от формальных показателей и оценить реальное положение вещей, миф о бразильском чуде, несмотря на усиленную пропаганду, быстро рассеивается. Бразильская коммунистическая партия и другие прогрессивные силы вскрывают истинную подоплеку и сущность этого явления. «Социальная стоимость такого экономического развития велика,— говорится в вышеупомянутом документе БКП.— Она выражается в резком падении реальной заработной платы, в росте безработицы и ежегодном сокращении числа рабочих мест, во все более несправедливом распределении национального дохода, в ускоренном росте внешнего долга, в постоянном обесценивании национальной валюты и в быстрой денационализации бразильской экономики»²²⁹. Аналогичная оценка дается и в одном из документов Европейского коллоквиума по Бразилии (Париж, январь 1974), где сказано следующее: ««Бразильское чудо», вокруг которого поднята такая шумиха и которое пытаются выдать за образец для подражания другим развивающимся странам Латинской Америки, в действительности не имеет ничего общего с прочным и гармоничным развитием на благо человека. Оно представляет собой лишь феномен роста ценой жертвования независимостью страны в интересах межнациональных монополий»²³⁰.

Государственный переворот 1964 г., лицемерно названный его организаторами демократической революцией, коренным образом изменил всю внутривнутриполитическую жизнь страны. Основным направлением внутренней политики была провозглашена защита «национальной безопасности» и борьба с теми, кто «подрывает» эту безопасность изнутри. Буквально на следующий день после переворота в Бразилии начались массовые аресты и репрессии, которым наряду с коммунистами подверглись сторонники президента Гуларта, трабальистские лидеры и многие другие политические и общественные деятели. Были распущены все политические партии, но на этот раз вместо них были искусственно созданы две другие: правительственная партия Национальный союз возрождения и партия легальной оппозиции — Бразильское демократическое движение (МДБ). Однако деятельность обеих партий строго контролируется и не выходит за рамки правительственной политики. Трудящиеся полностью лишены возможности вести легальную борьбу за свои права. Любые проявления недовольства с их стороны жестоко преследуются и влекут за собой самые тяжелые последствия. Достаточно сказать, что после 1964 г. впервые со времени получения независимости в бразильском законодательстве появилась статья, предусматривающая смертную казнь за политические убеждения. Особую роль в жизни государства играет армия. По словам Мейры Пенны, «ее главная задача наряду с защитой безопасности американского континента заключается сегодня в защите внутреннего порядка от подрывной деятельности и опасности революционной войны»²³¹. Антинародная деятельность правящих кругов с момента

переворота неизменно сопровождается правонационалистической пропагандой необходимости спасения нации от угрозы «международного коммунизма» и его «агентов» внутри страны. Заявляя о том, что он действует исключительно в интересах «национальной безопасности», бразильский режим направляет основной удар против рабочего класса и его организаций. Идеология национализма используется правящими кругами для укрепления своего внутривластного господства в стране.

Таким образом, как внешняя, так и внутренняя политика Бразилии на современном этапе свидетельствует о том, что среди других вариантов латиноамериканского национализма бразильский национализм является, пожалуй, наиболее реакционным, поскольку в нем присутствуют элементы крайне правой разновидности национализма крупной буржуазии — великодержавного шовинизма с его проповедью национального превосходства и права на господство над другими нациями.

Эволюция бразильского национализма после 1964 г. является еще одним красноречивым подтверждением правильности марксистско-ленинского положения о реакционности буржуазного национализма в современных условиях и о необходимости вести с ним самую решительную борьбу.

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Одной из разновидностей идеологии национализма в Латинской Америке является «континентальный национализм». Эта концепция в известной степени отражает реакцию различных социальных и политических сил современной Латинской Америки как на экспансию империализма США, так и на углубление революционных процессов, классовых антагонизмов на континенте.

В основе континентального национализма лежит посылка о том, что образование в результате войны за независимость национальных государств в Латинской Америке искусственно прервало процесс формирования «единой латиноамериканской нации», привело к ее противоестественной, насильственной раздробленности, так называемой балканизации. В этом усматривается главная причина экономической отсталости современных латиноамериканских государств, их зависимости от империализма.

Идеологи континентального национализма рассматривают ликвидацию «балканизации», т. е. разобщенности всех латиноамериканских республик, как единственную возможность достижения подлинной независимости Латинской Америки, ее превращения в процветающую великую державу. Идея континентального единства обладает немалой притягательной силой, находит приверженцев среди широкого спектра социальных и политических сил, которые истолковывают ее в соответствии со своими интересами.

Обосновывая необходимость континентального единства, они ссылаются на Боливара, его идеи создания латиноамериканской конфедерации для закрепления обретенной самостоятельности молодых государств перед лицом угрозы со стороны европейских держав и США.

Среди приверженцев концепции континентального национализма нет единства в оценке как нынешнего положения латино-

американских республик, так и путей достижения континентального единства: одни из них признают факт существования национальных государств и мыслят континентальное объединение на федеративных началах, другие отстаивают тезис о «балканизированной» латиноамериканской нации, выступают за создание унитарного национального государства — Латинская Америка. Однако тезис о «единой латиноамериканской нации» носит искусственный характер, как искусственна и вся апелляция к нему, поскольку процесс образования наций на территории Латинской Америки начал зарождаться еще в колониальный период, до войны за независимость. «В недрах испанских колоний в Америке,— пишет советский ученый С. И. Семенов,— процесс складывания внутренних рынков и, следовательно, формирования наций шел обособленно, чему во многом способствовал наложенный колониальной администрацией запрет на развитие экономических и иных связей между отдельными колониями. Условия колонизации отдельных стран были настолько различны, что в ходе колонизации формировался не единый испано-американский этникос (тем менее — нация), а в ряде моментов сходные, в ряде существенных черт весьма различные этникосы»¹.

Генетически концепция континентального национализма связана не столько с унитарными идеями Боливара, сколько с национал-реформистской теорией апризма. Так, одним из важнейших постулатов континентального национализма является известная апристская догма о колониальном характере зависимости Латинской Америки, которая рассматривается как единый недифференцированный континент, с «особой национальной спецификой». Другие основополагающие тезисы апризма, такие, как абсолютизация национальной самобытности, якобы исключая возможность применения «европейских доктрин», в частности марксизма-ленинизма, к условиям Латинской Америки, «конструктивный антиимпериализм», идея «надклассового», «антиимпериалистического» государства, теории о «двух» или «нескольких» империализмах, «бедных и богатых» нациях, также распространены среди различных истолкователей теории «континентального национализма».

Лидер апристов Айа де ла Торре обращался к идеям Боливара для обоснования гегемонистских претензий АПРА на лидерство в руководстве освободительными процессами в Латинской Америке, однако при этом он игнорировал чувства национального самосознания латиноамериканских народов. Наличие национальных государств он рассматривал как явление искусственное, происшедшее в результате механического заимствования североамериканских и французских освободительных идей, чуждых латиноамериканской специфике². Программа-максимум АПРА (1924) претендовала на разработку политических и экономических проблем в континентальном масштабе. Она призывала к борьбе с империализмом США, выдвигала требования национа-

лизации земли и промышленности, интернационализации Панамского канала, центральным ее пунктом было требование создания «политико-экономического союза латиноамериканских народов для борьбы против новых форм колониализма»³. Этот союз расценивался как появление на международной арене новой силы, противостоящей великим державам⁴. Сам Аяа де ла Торре откровенно писал в это время: «Латино- или Индоамерика, перед лицом мира, который организуется в крупнейшие экономические блоки, или «общие рынки», также должна выступить в этой роли, предварительно объединившись в региональном масштабе, чтобы завершить свое экономическое развитие»⁵. Фактически уже в конце 20-х годов взгляды Аяа де ла Торре при всем кажущемся радикализме объективно отвечали устремлениям латиноамериканской буржуазии.

Развивая тезис о необходимости преодолеть «балканизацию» Латинской Америки, Аяа де ла Торре и его единомышленники широко прибегали к теории «космической расы» Хосе Васконсело. Последний рассматривал процесс метисации в Латинской Америке как фактор, способствующий образованию в будущем новой, «пятой расы» — «космической», которая воплотит в себе лучшие черты населяющих континент народов: белых, черных, индейцев — и будет жить по «высшему закону истории» — закону братства и красоты⁶.

Эта теория использовалась апристами для обоснования утверждения об особой, мессианской роли Латинской Америки в развитии человечества, ее исключительности и самобытности, невозможности применения к ней универсальных законов развития общества.

Так, в книге одного из членов партии АПРА, Антенора Оррего, «Народ-континент», где уже само название в известной мере говорит о подходе автора к проблеме, процесс метисации возводится в признак автохтонности Латинской Америки, ибо там, по его словам, рождается «новая жизнь», для которой «не годятся... ни опыт, ни законы, ни нормы, признаваемые человечеством на протяжении веков в Европе и на Востоке»⁷. Национальное государство, государственные границы, национальные различия, патриотизм — все это, по утверждению автора, — искусственные понятия для Латинской Америки и имеют ценность лишь в Европе. «Так как мы — индоамериканцы, первый в истории народ-континент, — пишет он, — наш патриотизм и наш национализм должны быть патриотизмом и национализмом континентальными»⁸.

С этих же позиций А. Оррего рассматривает и развитие революционного процесса в Латинской Америке, которое должно следовать, по его мнению, особым законам и не может иметь ничего общего с европейскими моделями. Латиноамериканская революция мыслится им как явление континентальное и представляет «рождение из хаоса» такой политической, экономиче-

ской и социальной модели, какую еще не знала история, но которая, однако, «поразительным образом приспособляется к гениальной научной систематизации Маркса»⁹. Так, А. Оррего, с одной стороны, выступает против марксизма-ленинизма, квалифицируя его как европейскую модель, а с другой — изображает себя последователем Маркса. Подобная позиция не случайна. Она порождена стремлением обосновать научность теории апризма, его претензиями на гегемонию в революционных процессах Латинской Америки, антикоммунизмом апристов.

Антикоммунизм предопределил в значительной мере и поворот апризма к проимпериалистической ориентации.

В конце 30-х — начале 40-х годов Айа де ла Торре выступил с предложением создать межамериканский союз путем заключения индоамериканского пакта с США, под предлогом защиты континента от угрозы завоевания мировыми блоками, от «тоталитарных империализмов — европейского и азиатского, фашистского и коммунистического»¹⁰. Этот союз преподносился им как равноправное сотрудничество «48 Соединенных Штатов Севера» и «предварительно объединенных в федерацию 20 разъединенных штатов Юга»¹¹. Здесь же предлагалось заменить скомпрометированный термин «панамериканизм» на «межамериканизм», который предполагает отношения, складывающиеся в «обстановке равенства, согласованности и справедливости»¹².

Так Айа де ла Торре перешел от выдвижения «надклассовых» антиимпериалистических лозунгов к требованию прямого союза с империализмом в рамках межамериканской системы, где якобы интересы Латинской Америки и США будут дополнять друг друга и стоять на страже сохранения свободы и демократии на американском континенте.

С годами великодержавные настроения все более обнаженно проявляются у лидера апристов. Требование «создать обширный союз в рамках демократии и социальной справедливости», что способствовало бы превращению Латинской Америки в «современную великую державу», и определение настоящей эпохи как «эпохи континентального наднационализма»¹³ стали излюбленными его мотивами.

Основные идеи апризма, модифицированные в той или иной степени, продолжают оставаться основополагающими для современных континентальных националистов как из лагеря буржуазии, так и ультралевых.

І. БУРЖУАЗНО-РЕФОРМИСТСКИЙ ВАРИАНТ КОНЦЕПЦИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

С начала 60-х годов идеологи окрепшей крупной латиноамериканской буржуазии, которой стали тесны рамки сложившихся экономических связей, выступают с различными планами их перестройки, призывают разработать «истинно латиноамериканскую» модель развития, отказаться от теорий, порожденных в индустриальных странах Запада. С этой целью они широко апеллируют к латиноамериканскому единству, берут на вооружение концепцию континентального национализма.

Стремление к самоутверждению, завоеванию прочных позиций в мире вызвало у местной буржуазии определенные антиимпериалистические настроения, побудили к совместным действиям, что нашло своеобразное выражение в развитии интеграционных процессов. Советские исследователи Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шульговский подчеркивают, что одно из проявлений в Латинской Америке тенденции укрепить свой национальный суверенитет и добиться экономической независимости заключается «в стремлении правящей буржуазии ряда стран стать «равноправным партнером» иностранного монополистического капитала, упрочить свои позиции на путях региональной интеграции и в создании различных субрегиональных группировок, в выдвижении этими группировками идей континентального национализма»¹⁴.

В проведении структурных реформ и интеграции реформистские круги буржуазии, в первую очередь тесно связанные с Экономической комиссией для Латинской Америки при ООН (ЭКЛА), видят один из путей к изменению «полуколониального» облика Латинской Америки, дорогу к выходу ее на мировую экономическую арену в качестве «могущественной державы». Видный теоретик латиноамериканской интеграции Фелипе Эррера использует концепцию континентального национализма для идеологического обоснования интеграции. По его определению, одной из задач интеграции является «восстановление великой раздробленной нации», ибо «Латинская Америка, — утверждает он, — это не совокупность наций, а одна великая нация, находящаяся в состоянии разрушения»¹⁵.

Развивая идеи интеграции, Фелипе Эррера исходит из посылки, что основная тенденция современной эпохи — это вытеснение национальных экономик единой мировой экономикой, путь к которой лежит через этап создания экономики региональной. Этому этапу соответствует политическая концепция «регионального национализма», или «паннационализма». Главный вывод Ф. Эрреры заключается в признании неизбежности регионального объединения как проявления исторической мировой закономерности¹⁶. По мнению Ф. Эрреры, региональная экономика уже

сложилась в США, СССР и Китае, чьи народы являются «народами-континентами». Что же касается Латинской Америки, то ее превращению в «народ-континент» препятствует искусственное состояние раздробленности. Путь к преодолению этого состояния — интеграция¹⁷. «Интеграция, особенно на уровне «общего рынка», — пишет Ф. Эррера, — означает решительный шаг в поиске и претворении в жизнь собственной исторической судьбы»¹⁸.

Буржуазные идеологи континентального национализма рассматривают интеграцию как необходимое дополнение к структурным реформам, как способ ускорения индустриализации, расширения рынков для промышленности, совершенствования инфраструктуры, использования в полную меру достижений научно-технического прогресса. Все это в свою очередь должно предопределить «справедливую», более высокую оплату труда¹⁹. «Для Латинской Америки, — подчеркивает Ф. Эррера, — открывается перспектива изменить свое лицо. Мы сможем трансформировать свое нынешнее полуколониальное состояние в диверсифицированную и динамичную экономику»²⁰. Так интеграция изображается как надклассовое явление, отвечающее интересам всего общества.

С помощью интеграции латиноамериканская буржуазия стремится не только к усилению экономической мощи, но и к ослаблению социальной напряженности, смягчению классовых конфликтов. «Больше рынков, — пишет Ф. Эррера, — это значит больше рабочих мест, больший национальный доход — больше вложений в социальную политику, т. е. налицо перспектива мирной структурной революции»²¹.

Свои классовые интересы буржуазия прикрывает рассуждениями об общих интересах, призывая все классы к сплочению, дабы «наверстать потерянное время». Чтобы не остаться «на задворках истории», надо «усилить ритм экономической интеграции и не останавливаться перед необходимостью интеграции политической», делает вывод Ф. Эррера²².

Таким образом, поиск «собственной исторической судьбы», истинный латиноамериканский характер интеграции призван служить альтернативой не только «панамериканизму», засилью империализма США в Латинской Америке, но и развивающимся на континенте революционным процессам. В определенной степени об этом свидетельствовали взгляды идеологов интеграции на развитие взаимоотношений Латинской Америки и США. С одной стороны, они выступали против неравноправного положения латиноамериканских стран, призывали к ограничению господства империалистических монополий в Латинской Америке. Это нашло отражение и в практических мероприятиях — в создании Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ), ряда субрегиональных экономических группировок. С другой стороны, они ратовали за сотрудничество с иностранным капита-

лом, за его использование для проведения буржуазной реформистской политики. «Соответствующие объемы вложений, финансовых и технических, государственных и частных, этой страны (имеется в виду США.—*Авт.*) будут эффективно стимулировать экономическое и социальное развитие наших наций и принесут пользу не только на индивидуальном уровне, но и на коллективном»²³, — так оптимистично оценивал Ф. Эррера программу «Союза ради прогресса». С ее осуществлением теоретики интеграции в ЭКЛА связывали возможности мирного эволюционного развития Латинской Америки по образцу развитых промышленных стран.

Однако фактический провал этой программы, усиление социальной напряженности на континенте, рост политической активности широких слоев трудящихся масс, требующих глубоких социальных преобразований, оказали определенное воздействие и на развитие интеграционных процессов, усилили в них антиимпериалистические тенденции. Характерен в этом смысле пример Андской группы, куда входят Колумбия, Боливия, Перу, Чили, Эквадор, Венесуэла. В документах и декларациях этого субрегионального объединения хотя и признается необходимость иностранной финансовой и технической помощи, однако требования ограничить деятельность иностранного капитала звучат все с большей настойчивостью. Такие документы, как Картахенский договор (май 1969), Лимская декларация (ноябрь 1969), «Общий режим по отношению к иностранным капиталам, маркам, патентам, лицензиям и прерогативам» (июнь 1971), Декларация Куско (март 1971), Декларация совещания торговых палат Андской группы (июнь 1971), имеют антиимпериалистическую направленность*.

Как свидетельство усиления антиимпериалистических тенденций латиноамериканской интеграции, стремления выработать единую платформу действий против империализма можно рассматривать документ Латиноамериканская хартия Винья-дель-Мар (май 1969), выработанный Специальной комиссией латиноамериканской координации (СЕКЛА). В этом документе взаимоотношения США и Латинской Америки квалифицируются как «тормоз развития Латинской Америки», выдвигается требование изменения характера этих отношений²⁴. Вручая его президенту США, представители латиноамериканских стран особо подчеркивали, что в настоящий момент Латинская Америка выступает как единое целое, на основе собственных принципов, констатировали глубокий кризис «концепций, деятельности и организации межамериканской системы», указывали, что выход из этого кризиса — «в признании единства Латинской Америки» и в кон-

---

* Весьма показательны, что одним из главных шагов проимпериалистической политики чилийской военной хунты, совершившей кровавый переворот 11 сентября 1973 г., был разрыв с рядом соглашений Андской группы.

структивном диалоге с США «на основе политической решимости и откровенности»²⁵.

Подобные позитивные сдвиги, которые происходят под влиянием растущего освободительного, антиимпериалистического движения, приводят к изменению позиций некоторых буржуазных сторонников континентального национализма. Так, претерпели определенную эволюцию взгляды идеолога интеграции Ф. Эрре-ры. В 1970—1973 гг. он сотрудничал с правительством Народного единства, выступал за активное участие Чили в работе Андской группы. В эти годы взаимоотношения Чили со странами — членами упомянутой группы значительно расширились и укрепились.

О новом подъеме, который переживают интеграционные процессы, о дальнейшем усилении в них антиимпериалистических тенденций свидетельствовали итоги работы XV сессии ЭКЛА (март 1973), предпринявшей попытки создать единую эффективную систему латиноамериканской интеграции. Это нашло отражение в принятом сессией документе «Оценка Кито», выражающем общую позицию латиноамериканских стран по основным проблемам экономического и социального развития континента²⁶.

Высшим этапом этих процессов явилось создание в октябре 1975 г. Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС). Появление новой региональной организации, чья деятельность призвана защищать экономические интересы латиноамериканских стран, содействовать налаживанию их экономического сотрудничества, исключая участие США, ярко продемонстрировало усиление противоречий между странами Латинской Америки и империалистическими державами, а также стало свидетельством позитивного воздействия на Латинскую Америку политики разрядки международной напряженности в мире²⁷.

Однако при постановке вопроса о кардинальном пересмотре неравноправных экономических отношений сторонники континентального национализма в первостепенный принцип возводят требование «принять как должное и законное появление растущего континентального национализма, цель которого — утверждение латиноамериканской общности, характеризующейся собственным образом мышления, собственными ценностями и соответственными формами организации»²⁸. Так прогрессивные, унитарные антиимпериалистические тенденции, преломляющиеся сквозь призму буржуазного национализма, ослабляются, теряют мощь своего звучания. «Выдвижение надклассового, специфически латиноамериканского образа мышления, соответствующих ему ценностей, — отмечается в коллективном труде советских ученых «Современное революционное движение и национализм», — противопоставление всех латиноамериканских стран (без различия их социальных систем) не только империалистическим, а всем вообще «индустриальным государствам» — свиде-

тельство буржуазно-националистической ограниченности этой тенденции на нынешнем этапе ее развития»²⁹.

Идеи объединения латиноамериканских стран, создания латиноамериканского «общего рынка», превращения Латинской Америки в великую державу были поддержаны в предпринимательских кругах, связанных с технократической и культурной элитой. К ней, в частности, принадлежит аргентинский промышленник и публицист Оттокар Росариос, автор книги «Латинская Америка — двадцать республик, одна нация», где он развивает свои взгляды на интеграцию как на единственно приемлемый и эффективный метод экономической и политической трансформации Латинской Америки. Книга написана с откровенно антикоммунистических позиций.

О. Росариос заявляет, что Латинская Америка должна объединиться для решения внешнеполитических проблем, т. е. создать «общий рынок», выйти на международную арену как сильнейшая держава, «страна-континент». Такое объединение, утверждает он, необходимо для осуществления экономических и политических преобразований в каждой латиноамериканской стране, чтобы построить общество «социальной демократии». Общество же «социальной демократии» явится, по мнению автора, альтернативой коммунизму, так как коммунистические идеи, как он вынужден признать, находят все более широкий отклик в странах региона³⁰.

Идея построения общества «социальной демократии» — это не что иное, как стремление буржуазии Латинской Америки использовать политику социального маневрирования с целью интегрировать рабочий класс в «неокапиталистическую» систему. Это четко прослеживается у автора, когда он заявляет, например, о наличии якобы общих целей и задач у всех слоев общества, что, по его утверждению, отодвигает на задний план классовые противоречия. Иными словами, манипуляция такими понятиями, как «нация», «патриотизм», применительно к континенту в целом необходима О. Росариосу для того, чтобы призывать к «классовому миру», «социальной гармонии» во имя достижения «высших национальных и региональных целей»³¹.

Теория континентального национализма в такой интерпретации явно направлена против политических и экономических выступлений трудящихся и носит открыто антикоммунистический характер.

Оттокар Росариос не ограничивается только пропагандой своих взглядов. В 1963 г. он провозгласил создание так называемого «Движения за латиноамериканское единство», написал для него программный манифест. Это движение имеет свои комитеты почти во всех странах Латинской Америки, в их состав входят предприниматели, представители «большой прессы», буржуазной интеллигенции, общественные деятели. Сам О. Росариос — президент аргентинского комитета. Кроме того, он учредил специ-

альный фонд поощрения за лучшие, с его точки зрения, работы, пропагандирующие идею континентального единства³².

Концепция континентального национализма нашла широкое толкование и у идеологов христианской демократии. Сторонниками континентального единства являются бывшие президенты Чили и Венесуэлы — Э. Фрей и Р. Кальдера и другие представители как правого, так и леворадикального направления в христианской демократии.

Реформистские устремления христианской демократии совпадают в основном с националистической концепцией ЭКЛА: расчищать дорогу капиталистическому пути развития с помощью ограниченных реформ и интеграции, снизить политическую активность трудящихся масс. «Мы интеграционисты,— заявляет Р. Кальдера,— ...потому что верим, что интеграция дает странам Латинской Америки возможность развивать более сильную, более автономную экономику, потому что она может быть лучшим инструментом в деле достижения благосостояния ее народов»³³.

Глубина классовых антагонизмов и усиление зависимости от империалистического капитала вынуждают идеологов христианской демократии признать наличие глубокого кризиса латиноамериканского общества, выход из кризиса они видят в «социальной революции», целью которой является, по их декларациям, построение мирным, эволюционным путем «общества всеобщего благоденствия», т. е. общества «модернизированного капитализма». «То, что Латинская Америка переживает состояние революционного процесса, является фактом,— заявлял Э. Фрей в 1967 г.— Старые структуры уже не соответствуют времени и требуют реформ»³⁴. Р. Кальдера, со своей стороны, определял революцию как «разрыв с такими явлениями, которые не благоприятствуют достижению социальных целей, и прятие таких средств и систем, которые были бы способны реализовать христианскую жизненную концепцию»³⁵.

Теория эволюционных социальных изменений тесно связывается этими политическими деятелями с концепцией континентального единства, которое необходимо, по их мнению, для «достижения законного и мирного развития», «трансформации политических, экономических и социальных систем» в латиноамериканских странах³⁶.

Э. Фрей еще в 1955 г. провозгласил идею объединения Латинской Америки «с целью эволюции ее системы в направлении к политической и социальной демократии», ратовал за создание «наднационального» латиноамериканского сообщества³⁷.

Вопрос об интеграции зазвучал в его выступлениях с новой силой в 60-х годах. Вторя теоретикам ЭКЛА, Фрей расценивает экономическую интеграцию как основное средство для устранения неравноправного экономического положения Латинской Америки на мировом рынке, препятствующее, по его утверждению «ускорению ритма экономического и социального развития

наших стран»³⁸. Он неоднократно, в разных вариантах повторял мысль, что существование национальных государств, национальных рынков «делает невозможной выработку решений, которые были бы созвучны современной структуре мировой торговли, современному уровню индустриализации, степени развития науки и техники»³⁹, что в раздробленном, «балканизированном» состоянии латиноамериканские народы перестали быть «субъектами» истории и являются «объектами» чужих устремлений⁴⁰.

Выйти на мировую арену в качестве равноправных партнеров развитых капиталистических стран — один из основных лейтмотивов призывов Фрея к интеграции латиноамериканских государств.

Не менее важен, по мнению Фрея, и вопрос о путях развития латиноамериканских обществ. Модернизировать их, активно используя «неокапиталистические» методы социального маневрирования, — таковы «революционные» устремления Фрея. Перечисляя огромные выгоды, которые получают латиноамериканские народы, объединившись в одну «великую державу», Фрей одновременно проводит мысль об интеграции всех слоев общества на путях к этому единству. В письме к Раулю Пребишу, Хосе Антонио Майобре, Фелипе Эррера и Карлосу Санс де Сантамариа — ведущим теоретикам ЭКЛА (январь 1965), он особо подчеркивал, что в интеграционных процессах рядом с предпринимателями должны участвовать трудящиеся массы, что «латиноамериканская интеграция, как и весь процесс структурных изменений, в качестве неперемного условия требует широкой народной основы, и она потерпит провал, если замкнется только в официальных и финансовых сферах»⁴¹.

Интеграция, в истолковании Фрея, представляется сугубо надклассовым явлением и в сущности носит антикоммунистический характер. Так, еще в 1955 г., сформулировав свои положения о латиноамериканской интеграции, Фрей отводил ведущее место в ней Соединенным Штатам как гаранту против «коммунистической опасности»⁴². Спустя 10 лет, учитывая возросшие антиимпериалистические освободительные тенденции, он уже не мог выступать столь откровенно. Его основным положением становится тезис о необходимости «сделать Латинскую Америку единой, чтобы между двумя Америками были отношения дружбы и реального сотрудничества, чтобы Латинская Америка могла иметь собственный голос в мировом хоре»⁴³. Антикоммунистические ноты уже звучат более завуалированно, но они неизменно присутствуют в его противопоставлениях эволюционного процесса революции — «революции насильственной», в утверждениях, что общество всеобщего благосостояния, которое будет якобы построено с помощью экономического развития и интеграции, исключит из жизни латиноамериканских стран «профессиональных глашатаев насилия и крови»⁴⁴. Но именно Фрей и его со-

Общники из рядов христианской демократии сыграли пагубную роль в трагических событиях в Чили в сентябре 1973 г.

Рассматривая «развитие» как панацею от всех бед, Фрей считает приемлемым любые методы его осуществления. Период его пребывания у власти (1964—1970) характеризовался ориентацией на экономическое и социальное развитие при широком участии иностранного капитала, постоянными уступками этому капиталу и в конечном итоге укреплением позиций последнего в Чили. Поддерживая и обосновывая этот курс, близкие к Фрею руководящие деятели ХДП заявляли, что в отношениях с иностранным капиталом необходимо-де проявлять определенную гибкость, подходить с «прагматических, а не догматических позиций»⁴⁵. Они встретили в штыки предложения левого крыла партии об ограничении деятельности иностранного капитала, расширении рамок национализации, усилении роли государства в экономическом развитии, квалифицировав их как «несвоевременные дорогостоящие меры, наносящие ущерб развитию страны». Один из правых лидеров ХДП — П. Айлвин риторически ставил вопрос: «Что мы предпочитаем: национализацию селитры и угля или аграрную реформу? План образования или увеличение доли государства в нефтехимической и целлюлозной промышленности? Жилищную программу или создание широкой сети государственных торговых предприятий?»⁴⁶ Одновременно Айлвин подчеркивал необходимость рассматривать «чилийскую революцию» в существующих геополитических рамках, в частности в рамках латиноамериканской интеграции. Если страна не будет развиваться «адекватно своей экономике», то в интеграции она окажется в подчиненном положении⁴⁷ — таковы заключения Айлвина.

Фрей и его единомышленники — сторонники создания смешанных межнациональных предприятий, что фактически давало еще одну возможность утвердиться в чилийской экономике иностранному капиталу. Так, касаясь причин, которые привели, по его мнению, к провалу программы «Союз ради прогресса», Фрей выделял следующие обстоятельства: США не оказывали поддержки латиноамериканской интеграции, программа не предусматривала создание смешанных предприятий на основе многосторонних соглашений, идеи программы не внедрялись в массовые организации трудящихся, студенческие федерации⁴⁸.

С другой стороны, внешняя политика демохристианского правительства Чили, также основанная во многом на идеях континентального национализма, характеризовалась определенной напряженностью в отношениях с США. Министр иностранных дел в правительстве Фрея Габриэль Вальдес, один из активных пропагандистов упомянутого национализма, прямо указывал на необходимость признания того, что «интересы Латинской Америки и США отнюдь не идентичны» и что фундамент меж-американской системы должен строиться на «взаимности в обя-

зательствах»⁴⁹ Вальдес склонялся к созданию латиноамериканской системы, «способной выработать эффективную и смелую стратегию» при помощи «конструктивного континентального национализма». Этот национализм, по его мнению, «придаст собственное лицо континенту и в то же время укрепит каждую из наших стран»⁵⁰.

С критикой панамериканизма и требованием глубоких структурных преобразований в Латинской Америке выступал секретарь по внешнеполитическим связям ХДП Карлос Наудон*, который ставил вопрос и о преобразованиях политического характера с целью изменить отношения Латинской Америки и США⁵¹. В качестве одного из таких политических актов он рассматривал создание в рамках интеграции особой «наднациональной системы», т. е. организации, которая возникла бы на основании политического договора и действовала в соответствии с нуждами государств какого-либо одного района⁵². К. Наудон, обосновывая необходимость субрегиональных объединений, брал за образец западноевропейские «наднациональные общности».

Чили, испытывая в рамках ЛАСТ тяготы от конкуренции со стороны Аргентины, Бразилии и Мексики; была одним из пропагандистов и инициаторов образования Андской группы.

Несколько по-иному развивали идеи континентального национализма руководители венесуэльских христианских демократов. Так, определенно претерпела эволюцию трактовка континентального единства во взглядах их лидера Рафаэля Кальдера в период его пребывания на посту президента (1968—1973). Если раньше у него преобладали мотивы «непреходящей общности» латиноамериканских стран, «космической расы», автохтонной латиноамериканской цивилизации, то во время президентства стали все чаще звучать призывы к совместным действиям против монополий США, в защиту природных ресурсов стран Латинской Америки, к утверждению экономической независимости. Р. Кальдера осуществил в стране ряд мероприятий, ограничивших позиции иностранного капитала, во внешней политике взял курс на установление самых тесных контактов и связей в первую очередь с латиноамериканскими странами. Венесуэла активно сотрудничала в Андской группе, хотя официально к ней присоединилась лишь в феврале 1973 г. Свои внутривнутриполитические мероприятия Кальдера охарактеризовал как проведение политики «демократического национализма», т. е. «национализма,— говорит он,— который основывается не на деятельности

---

* К. Наудон в конце 60-х годов вышел из рядов ХДП. Оставаясь независимым, он, однако, испытывал явные симпатии к Народному единству. Так, в период подготовки к парламентским выборам в марте 1973 г. он возглавлял Комитет независимых, объединявший широкие круги беспартийной интеллигенции столицы, выдвинувшей кандидатуру члена Политкомиссии ЦК КПЧ В. Тейтельбойма по списку сенаторов одного из избирательных округов Сантьяго.

одного лица, группы лиц или партии, а вытекает из национального плюралистского согласия всех слоев общества»⁵³. В то же время, выступая в роли выразителя воли «всех слоев общества», Р. Кальдера фактически противопоставлял экономические меры, предпринятые его правительством по ограничению хозяйничания монополий, радикальным революционным преобразованиям.

В период пребывания у власти Р. Кальдера окончательно сформулировал свои внешнеполитические концепции: «плюралистская солидарность» и «международная социальная справедливость». С этими идеями он выступал еще в начале 60-х годов, тесно связывая их с необходимостью континентального единства.

Понятие «международная социальная справедливость» Р. Кальдера вводит в свой политический лексикон с 1960 г., когда он предложил распространить принципы христианской доктрины «социальной справедливости» (как, например, «долг сильного помогать слабому», «богатого — бедному» и т. д.) на область международных отношений, чтобы на их основе строились взаимоотношения Латинской Америки с США и западноевропейскими державами. Одновременно первостепенной задачей Р. Кальдера считал объединение всех государств региона, создание латиноамериканского блока, чей «мощный голос раздавался бы на международной арене, требуя то, что положено странам континента по справедливости»⁵⁴.

Суть окончательно сформулированной в 1973 г. концепции «международная социальная справедливость» заключается в стремлении сделать оказание помощи развивающимся странам правовой нормой. По мнению Кальдера, международное право должно включать статьи, обязывающие развитые индустриальные державы оказывать эту помощь⁵⁵. Ссылаясь на нормы трудового права, регламентирующие как обязанности предпринимателей, так и права объединенных в профсоюзы трудящихся, Р. Кальдера проводит параллель между профсоюзом — объединением трудящихся — и латиноамериканским блоком — объединением латиноамериканских республик, подчеркивая важность его создания для борьбы за осуществление на практике «международной социальной справедливости»⁵⁶.

Концепция «международная социальная справедливость» является по сути дела одним из вариантов теории «бедных и богатых» наций, к которой столь часто прибегают буржуазные националистические деятели Латинской Америки с целью нейтрализовать выступления трудящихся за глубокие социальные преобразования.

Идея создания латиноамериканского блока послужила основой и концепции «плюралистской солидарности», согласно которой все латиноамериканские страны, независимо от формы правления, идеологических и политических разногласий, должны поддерживать самые тесные отношения при полном соблюде-

нии принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. Эта концепция Р. Кальдеры была основополагающей для его внешнеполитического курса и взята на вооружение сменившим его президентом страны — К. Андресом Пересом — членом партии Демократическое действие. «Я верю,— говорил Р. Кальдера,— что само обстоятельство идеологического, политического и организационного плюрализма должно служить стимулом в поиске единства в разнообразии»⁵⁷. Принцип «плюралистской солидарности» должен привести к созданию союза латиноамериканских стран, необходимого, по его мнению, для того, чтобы Латинская Америка достигла равноправного положения в международных отношениях*.

Трактовка концепции «континентального национализма» идеологами крупной буржуазии свидетельствует, что в период усиления классовых антагонизмов, антиимпериалистической борьбы реформизм, переживая кризис, вынужден приспособляться к требованиям времени, в определенной степени модифицироваться. Отстаивая капиталистический путь развития для Латинской Америки, лидеры буржуазного реформизма все чаще выступают под антиимпериалистическими лозунгами, не могут не считаться с волей народов тех стран, которые в той или иной мере порывают с капитализмом. Однако их антиимпериализм, имея, с одной стороны, объективно определенную прогрессивную направленность, с другой — является одним из компонентов классовой стратегии правящих кругов, преследующих цель снизить накал классовых битв. Выдавая сугубо классовые интересы за интересы всего общества в целом, латиноамериканская буржуазия противопоставляет свою идеологию, выступающую, как правило, в облики континентального национализма, глубоким радикальным преобразованиям, за которые борются широкие трудовые слои Латинской Америки.

Концепция континентального национализма служит целям не только буржуазного реформизма. К ней обращаются и сторонники других политических течений.

---

* Необходимо отметить, что за развитие внешнеполитических связей на основе принципа «плюрализма идеологии» высказывались в свое время также президенты: Чили — С. Альенде, Перу — Х. Веласко Альварано, Мексики — Л. Эчеверриа. «Идеологический плюрализм» был провозглашен второй Лимской декларацией (1972) в качестве основы взаимоотношений между странами, входящими в Андскую группу, и послужил фундаментом при создании ЛАЭС.

2 ЛЕВОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ И УЛЬТРАЛЕВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Концепция континентального национализма связывается леворадикальными, левонационалистическими идеологами с попытками выработать особую, «латиноамериканскую», модель некапиталистического развития.

Толкование континентального единства сторонниками различных направлений левого радикализма носит антиимпериалистический характер. Определяя место левого радикализма в идеологической борьбе в латиноамериканских странах, советские ученые Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шульговский подчеркивают, что «вся система взглядов левого радикализма возникла как ответ на усиливающееся проникновение империализма в латиноамериканские страны, на его агрессивные акции против освободительного движения»⁵⁸. Однако идеи левого радикализма, которые складывались как под воздействием успехов мировой социалистической системы, так и под влиянием леворадикальных концепций развитых капиталистических стран, очень противоречивы. С одной стороны, они признают всю несостоятельность капиталистического пути развития, с другой — им присуща критика идей социализма с позиций мелкобуржуазного революционаризма, что фактически мешает правильно ставить вопрос о единстве антиимпериалистических сил, выдвигают немало, зачастую искусственных, трудностей на этом пути.

Концепция континентального национализма лежит в основе идеологической платформы крупнейшего континентального профцентра католического направления — ЛАПТ (Латиноамериканский профцентр трудящихся).

В программном документе Хартия Рио-де-Жанейро (1964) сформулированы основные положения ЛАПТ по вопросам континентального единства, латиноамериканской интеграции. Документ отвергает панамериканскую систему как несостоятельную, потерпевшую провал в Латинской Америке, и выдвигает задачу создания подлинно латиноамериканских институтов: Организации латиноамериканских государств как инструмента, необходимого для экономического, политического и социального развития Латинской Америки, Латиноамериканского экономического и социального совета, Латиноамериканского парламента и др.⁵⁹

«Латиноамериканское единство в культурном, социальном, экономическом и политическом аспектах» объявлялось в Хартии необходимым условием успешного развития революционного процесса в Латинской Америке. Авангардом этого единства в документах профцентра провозглашались организованные трудящиеся, так как они «фермент и авангард латиноамериканской

революции», а основой единства декларировался латиноамериканский национализм, ибо «судьба Латинской Америки в руках самих латиноамериканцев». Образование же латиноамериканской нации объявлялось конечной целью борьбы⁶⁰.

Обострение классовой борьбы латиноамериканского пролетариата, углубление антиимпериалистических, революционных процессов в конце 60-х — начале 70-х годов оказали радикализующее воздействие на христианских синдикалистов, усилили антиимпериалистические тенденции и предопределили их дальнейший сдвиг влево в подходе к интеграции, к трактовке теории «континентального национализма».

В документе «ЛАПТ и интеграция», опубликованном в 1972 г., Латиноамериканский профцентр трудящихся решительно отвергает «неокапиталистическую» модель интеграции, за которую выступают буржуазные круги, расценивая ее как неокOLONИАЛИСТСКУЮ политику империализма, заявляет о стремлении выработать собственную модель интеграции, «созвучную модели нового общества», т. е. общества, «где были бы уничтожены все формы насилия, эксплуатации и отчуждения», где экономические преобразования предусматривали введение «социальной собственности на средства производства, самоуправление, демократическое планирование», где соблюдались бы основные условия «политической, экономической, социальной и культурной демократии»⁶¹ и т. д. Постановка вопроса о выработке такой модели интеграции, которая соответствовала бы обществу, не основанному на капиталистической форме собственности на средства производства, свидетельствует о том, что ЛАПТ подходит к вопросу интеграции с леворадикальных позиций, ориентируясь на антикапиталистическую модель развития.

В то же время, развивая свою точку зрения на антиимпериалистическое и рабочее движение в Латинской Америке, ЛАПТ истолковывает некоторые важные проблемы освободительного движения с левонационалистических позиций, а в отдельных случаях выступает в духе ультралевизны.

Так, ЛАПТ придерживается теории о «нескольких» империализмах, ему присущи антикоммунистические, антисоветские взгляды. Латиноамериканские нации он определяет как «нации-пеоны» — «бедные» нации, противопоставляет союз «бедных наций третьего мира» великодержавным устремлениям «богатых» наций⁶².

Националистическая сущность этого континентального профцентра сказывается также в утверждении его идеологов о якобы имевшейся «денационализации» рабочего движения Латинской Америки, в определении как первостепенной задачи его «национализации и латиноамериканизации». Руководители ЛАПТ утверждают, что в Латинской Америке процесс денационализации протекал не только в сферах экономики, политики и культуры, но и в области социальной, что нашло отражение в «делатино-

американизации» ряда профцентров, пользующихся влиянием в рабочем движении. Речь идет в первую очередь о крупнейших национальных федерациях ряда стран, входящих в ОРИТ*, а также о классовых автономных профцентрах, где определяющее влияние имеют коммунистические партии. Ставя на одну доску распространение марксистско-ленинской идеологии классовыми профсоюзами и проповедуемый ОРИТ «панамериканизм», ЛАПТ утверждает, что они и предопределили «денационализацию» латиноамериканского рабочего движения⁶³.

Таким образом, связывая демократические антиимпериалистические процессы непосредственно с участием трудящихся масс, ЛАПТ одновременно выступает против авангарда рабочего класса — коммунистических партий, отождествляет их деятельность с деятельностью ОРИТ — проводником империалистической идеологии в рабочем движении, объявляет чуждыми национальной действительности.

Выдвигая задачу «латиноамериканизировать» рабочее движение, ЛАПТ уповает на «молодые поколения» рабочего класса, «промежуточные» его отряды, т. е. не на кадровый пролетариат, так как он в большинстве своем оказался «денационализирован», а на отсталые, неорганизованные, малоквалифицированные его отряды, которые в основном и составляют массовую базу этого профобъединения, что в свою очередь в значительной мере предопределяет его мелкобуржуазные, националистические, а временами и антикоммунистические воззрения.

Однако под воздействием общего подъема антиимпериалистического, демократического движения ЛАПТ начинает в чем-то пересматривать свои взгляды, выступать за единство действий всех профсоюзов. В одном из документов, опубликованных в 1973 г., он потребовал создать организацию латиноамериканских государств, «чтобы в рамках неизбежного идеологического плюрализма осуществить подлинную независимость в политической, экономической, социальной и культурной сферах»⁶⁴. В этом документе, проникнутом духом антиимпериалистической борьбы, единства действий всех трудовых слоев, ЛАПТ обращается с призывом о единстве ко всем организациям трудящихся в Латинской Америке в целом, ко всем латиноамериканским трудящимся.

В документе подчеркивается, что единство всех трудящихся «является гарантом успеха интеграционного процесса», силой, способной «поставить его на службу делу освобождения трудового народа, построению нового общества»⁶⁵.

Действия этого континентального массового профсоюзного объединения, при всей противоречивости его политики и идеологии, несомненно усиливают в латиноамериканской интеграции

---

* ОРИТ — Межамериканская региональная организация трудящихся, Основана в 1951 г.

антиимпериалистические тенденции, оказывают сопротивление соглашательским акциям, свойственным буржуазии.

Позиция ЛАПТ относительно характера латиноамериканской интеграции во многом совпадает с позицией представителей прогрессивных классовых профсоюзов Латинской Америки. Последние еще в 1965 г. выступали за активное участие рабочего класса в интеграционных процессах в целях независимого экономического развития этих стран, их успешного противодействия империализму.

Радикальное содержание в толкование концепции континентального национализма вкладывают и идеологи леворадикального направления христианской демократии.

Так, лидеры левого крыла чилийских демохристиан — Хулио Сильва Солар и Жак Чончоль* связывали интеграционные процессы с осуществлением таких социально-экономических преобразований в Латинской Америке, которые содействовали бы ее переходу на некапиталистический путь развития (как его понимают эти демохристианские теоретики левого направления).

Выдвигая идею объединения латиноамериканских стран, они исходят из положения, что существование самостоятельных национальных государств на континенте — это причина слабозвитости⁶⁶.

Конечную цель интеграции они видели в создании наднациональной латиноамериканской организации — «высшей формы экономической и политической интеграции». В отличие от буржуазных реформистов Х. Сильва Солар и его единомышленники задолго до образования ЛАЭС имели в виду действительно латиноамериканскую, т. е. включающую Кубу, интеграцию на антикапиталистической революционной основе. Путь к ней, по их мнению, должен лежать через комплекс экономических и политических структурных реформ, которые необходимо проводить как в национальных, так и региональных рамках.

В целях развития Латинской Америки Х. Сильва Солар и Ж. Чончоль считали необходимым провести в масштабах региона аграрную реформу; реформу, направленную на изменение структуры собственности — установление трех видов собственности: государственной, смешанной и кооперативной; реформу системы образования⁶⁷

---

* Хулио Сильва Солар и Жак Чончоль вместе с группой других видных деятелей левого крыла христианско-демократической партии Чили в мае 1969 г. вышли из ее рядов, основав новую партию — Движение единого Народного действия — МАПУ, которая вошла в коалицию Народное единство. Х. Сильва Солар и Ж. Чончоль приняли активное участие в разработке Основной программы Народного единства (декабрь 1969). С ноября 1970 г. по октябрь 1972 г. Ж. Чончоль был министром правительства Народного единства, а Сильва Солар до марта 1973 г. — депутатом от правящей коалиции. С 1971 по сентябрь 1973 г. они являлись членами партии левых христиан, образовавшейся вследствие нового раскола ХДП и вошедшей в Народное единство.

В области политических структурных изменений Х. Сильва Солар и Ж. Чончоль предлагали в первую очередь заменить Организацию американских государств Организацией латиноамериканских государств, ибо, как они мыслили, «латиноамериканский» путь развития не может осуществляться в рамках существующей межамериканской системы⁶⁸. Большое значение они придавали идее создания латиноамериканского «общего рынка», рассматривая его как «первый шаг... в трансформации политической структуры Латинской Америки»⁶⁹.

В то же время Х. Сильва Солар и Ж. Чончоль разделяли мелкобуржуазную концепцию «бедных» и «богатых» наций. Они характеризовали латиноамериканские нации как «пролетарские», «бедные», которые только одним путем — путем политической и экономической интеграции смогут завоевать истинную независимость и добиться признания на международной арене, где решающая роль принадлежит «народам-континентам»⁷⁰.

Стремление к изменению политического облика Латинской Америки, требование в качестве необходимого условия экономического развития проведения реформы, изменяющей характер капиталистической собственности, наполняют интеграционные процессы в толковании левых христианских демократов новым, прогрессивным содержанием. Однако обособление «латиноамериканского» пути развития, противопоставление «пролетарских» латиноамериканских наций всем нациям индустриально развитых стран, определение последних как «народы-континенты» свидетельствует об определенной мелкобуржуазной националистической ограниченности данного течения.

Приверженцем идеи образования латиноамериканской нации, единого государства — Латинская Америка является Хуан Хосе Эрнандес Арреги, аргентинский социолог и публицист, выразитель интересов мелкобуржуазных кругов.

Обосновывая свои взгляды на необходимость объединения латиноамериканских республик, Эрнандес Арреги исходит из положения об их полной колониальной зависимости. Наличие самостоятельных суверенных государств, по его мнению, — плод политики империализма и местной олигархии в Латинской Америке. Этим силам он противопоставляет «ибороамериканский национализм», под знаменем которого латиноамериканские страны объединяются в единое целое, чтобы освободиться от колониальной зависимости⁷¹.

Эрнандес Арреги считает, что в Латинской Америке должна свершиться антиколониальная революция. Он характеризует режимы Карденаса в Мексике, Варгаса в Бразилии, Перона в Аргентине и социалистическую революцию на Кубе как этапы единой антиколониальной революции, отмечая, что «их... успехи и поражения свидетельствуют о том, что освобождение должно вестись в континентальном масштабе»⁷². Все они, по его утверждению, включая и социалистическую Кубу, развивались под

знаком «экономического национализма», и их деятельность была направлена против местных олигархических сил. При этом под «экономическим национализмом» он подразумевает стремление к развитию национальной экономики, укреплению политической самостоятельности каждой из стран.

«Экономический национализм колоний,— пишет Арреги,— не является спонтанным явлением. Его исторические корни надо искать в экспансионистском национализме великих держав»⁷³. «Экономический национализм» — это переходный момент в жизни колониальных народов⁷⁴ — таков вывод Эрнандеса Арреги. Подлинное решение вопроса состоит, по его мнению, в проведении политики континентального национализма, которая должна завершиться объединением латиноамериканских республик. Разобщенная Латинская Америка никогда не достигнет подлинной независимости, не сбросит колониального ига, утверждает он.

Эрнандес Арреги поддерживает идею экономической интеграции, создания латиноамериканского «общего рынка», видя в нем зародыш будущего единства, подчеркивая необходимость антиимпериалистической направленности интеграции. «Ибероамериканское единство в стороне от Соединенных Штатов — это все набирающая силу идея...— пишет он.— Великий проект ибероамериканской конфедерации не умер»⁷⁵.

Колониализм в Латинской Америке Эрнандес Арреги рассматривает не только как экономическое явление. Он пишет об «идеологическом, культурном колониализме». При этом он исходит из тезиса «континентальной исключительности» Иberoамерики.

В своей трактовке «континентального национализма» Эрнандес Арреги нередко прибегает к трудам В. И. Ленина по национальному вопросу, однако рассматривает их только в плане борьбы за национальное освобождение, отрывая этот процесс от интернациональных условий освободительного движения, от общих закономерностей мирового развития⁷⁶.

Мелкобуржуазной, националистической ограниченностью характеризуются взгляды Эрнандеса Арреги на роль пролетариата в освободительном движении. Признавая авангардную роль рабочего класса, Эрнандес Арреги одновременно выдвигает теорию «национального пролетариата», в ряды которого он зачисляет лишь остальные, неквалифицированные отряды рабочих, выходцев из провинций, противопоставляя их организованному кадровому пролетариату крупных промышленных центров, где высок удельный вес эмигрантов из европейских стран, сильны позиции компартии⁷⁷. Эта теория, как и аналогичная теория ЛАПТ о «делатиноамериканизации рабочего движения», не лишена влияния антикоммунизма.

Хотя Арреги признает руководящую роль рабочего класса в антиимпериалистических освободительных процессах, в то же

время он выступает против его авангарда — коммунистических партий. Эрнандес Арреги рассматривает коммунистические партии как антинациональную силу в Латинской Америке, основываясь на том, что они-де руководствуются теорией чуждой национальной действительности, импортированной из европейских стран⁷⁸. Деятельность латиноамериканских коммунистических партий расценивается им как одна из форм проявления «идеологического колониализма».

С этих позиций Эрнандес Арреги отрицает и пролетарский интернационализм. По его утверждению, пролетариат развитых капиталистических стран, так же как и правящие классы, заинтересован в колониях, с наличием которых связано его материальное благополучие⁷⁹. «Для Арреги,— отмечает советский исследователь А. Ф. Шульговский,— не существует никакого единства интернациональной тактики рабочего движения, все это он объявляет чуждым духу революционного национализма, все оценивается с точки зрения «чистоты» национальных движений»⁸⁰.

Ратуя за некапиталистический путь развития для латиноамериканских республик, Арреги утверждает, однако, что их переход на этот путь может быть осуществлен лишь после антиколониальной революции, тем самым игнорируя наличие социалистической Кубы, капиталистических отношений, классовых антагонизмов в Латинской Америке.

«Курьез заключается в том,— пишет аргентинский коммунист Фернандо Надра,— что Арреги, верный своей ибероамериканской утопии, считает, что социализм не может победить без более или менее планомерного освобождения других братских народов континента, которые создадут ибероамериканскую конфедерацию»⁸¹. Здесь трактовка континентального национализма Эрнандесом Арреги смыкается с трактовкой этой концепции троцкистскими и ультралевыми группировками, которые широко используют ее в своей антикоммунистической, антисоветской раскольнической деятельности. Так, Хорхе Абельардо Рамос, аргентинский националистующий троцкист, в своих теоретических построениях рассматривает «идеологический колониализм», т. е. распространение марксизма-ленинизма и «балканизацию» единой латиноамериканской нации, как факторы, определяющие колониальную зависимость Латинской Америки⁸².

Обращаясь к истории войны за независимость и исходя из посылки, что Боливар и Сан Мартин сражались против испанского господства на всей территории Латинской Америки, Рамос утверждает, что и в настоящее время на континенте существует лишь одна граница — языковая и что окончательное освобождение возможно только на путях создания конфедерации всех латиноамериканских государств. «Но эта стратегия, уходящая своими корнями в глубокое прошлое нашей общей истории,— восклицает он,— носит современное название: социализм...»⁸³

Рамос претендует на разработку новой, «независимой от Европы» теории «латиноамериканского марксизма», соединив Боливара с Марксом. Руководствуясь этой теорией, заявляет он, можно успешно бороться за воссоединение латиноамериканской нации, за создание Соединенных Штатов Латинской Америки⁸⁴.

Следуя одной из основных троцкистских догм — о невозможности построения социализма в одной стране, Абелардо Рамос — сторонник перманентной континентальной революции с ожесточением нападает на латиноамериканские коммунистические партии с «левых» позиций, расценивая их как силу, чуждую латиноамериканской революции⁸⁵.

Одновременно он критикует тех представителей ультралевого движения, которые не отрицают правомерности существования самостоятельных национальных государств, т. е. признают «балканизацию». А это, согласно утверждению Рамоса, свидетельствует о подходе к Латинской Америке с «европейской точки зрения», оправдывает политику империализма на континенте⁸⁶. Противопоставляя им распространенный лозунг современных троцкистов-националистов «латиноамериканский социализм для латиноамериканской нации»⁸⁷, Абелардо Рамос выступает против их курса на континентальную революцию в современных условиях Латинской Америки, утверждая, что одновременное возникновение «слабых социалистических республик поставит их в новую зависимость — в зависимость от одной из крупных социалистических держав»⁸⁸. Так Рамос клеветает на содружество социалистических стран, извращает смысл пролетарского интернационализма, братской помощи, оказываемой странами мировой социалистической системы народам, борющимся за мир, демократию и социализм.

Стремясь расширить социальную базу троцкистского движения, подорвать позиции коммунистических партий, затормозить революционные процессы, развивающиеся в Латинской Америке в рамках общих исторических закономерностей, он прибегает к политическому лавированию, отходит от некоторых троцкистских догм, выступает против абсолютизации лишь одной формы борьбы — вооруженной — и даже критикует за приверженность к ней ультралевых. С целью отвлечь пролетариат от борьбы за коренные социальные преобразования, заставить его выступить под лозунгами «воссоединения единой латиноамериканской нации», создания «Соединенных Штатов Латинской Америки» Абелардо Рамос демагогически призывает к использованию различных форм борьбы, включая и те, которые применяют компартии, руководствуясь конкретными национальными условиями. «Выступления профсоюзов, как и действия партизан, парламентская борьба, вооруженное восстание или идеологическая пропаганда являются фазами одной и той же стратегии, цель которой не может быть другой, как только построение Соединенных Социалистических Штатов Латинской Америки», — пишет Рамос, ого-

вариваясь при этом, что мирный путь полностью исключается для победы революции⁸⁹.

Однако, отступая от троцкистских установок в области тактики, в сфере стратегии, Абелардо Рамос остается верен троцкистской теории перманентной революции: «Латиноамериканская национальная революция,— пишет он,— значение которой понимал еще в те далекие дни Боливар, будет гигантским шагом в сторону мировой социалистической революции»⁹⁰. Эти несколько модифицированные троцкистские догмы вперемежку с призывами покончить с «балканизацией единой латиноамериканской нации» выдаются Рамосом за «латиноамериканский марксизм», выражающий сущность латиноамериканского революционного процесса⁹¹.

Абелардо Рамос, будучи ярким антикоммунистом, находит, несмотря на некоторые тактические разногласия, общие точки зрения с ультралевыми на почве континентального национализма. В частности, он превозносит ренегата Дугласа Браво, исключенного из Коммунистической партии Венесуэлы. Рьяный приверженец теории континентальной революции, одна из самых одиозных фигур ультралевых в Латинской Америке, Дуглас Браво возглавлял ультралевую группировку в Венесуэле, догматически придерживавшуюся в течение многих лет экстремистской тактики вооруженной партизанской борьбы. При этом он считал, что авангардом этой борьбы, которая должна принять континентальный размах, будет Венесуэла, поскольку именно она главный узел противоречий между империализмом США и народами Латинской Америки⁹².

«Венесуэла — краеугольный камень борьбы за национальное освобождение народов Америки», — заявил Д. Браво, подчеркивая тем самым, что победа венесуэльской революции положит начало серии победоносных революций в других латиноамериканских странах⁹³.

Обосновывая необходимость континентального характера латиноамериканской революции, Д. Браво ссылаясь на проводимую империализмом США в Латинской Америке единую стратегию, которой необходимо, по его мнению, противопоставить единую стратегию сил национального освобождения — «великий фронт освобождения Латинской Америки»⁹⁴.

В целях осуществления этой единой стратегии Д. Браво предлагал создать единую латиноамериканскую армию, с единым командованием, представляющую силы национального освобождения всей Латинской Америки⁹⁵. Выступая с этим предложением, Д. Браво объявил себя и своих сторонников «продолжателями дела Боливара», а развязанную ими вооруженную борьбу — «второй войной за независимость». По определению Д. Браво, освободительное движение Латинской Америки вступило в самый значительный этап — этап континентального единства⁹⁶. При этом, ссылаясь на опыт войны за независимость,

в условиях которой, по его мнению, впервые была применена единая стратегия, он говорил о необходимости создания аналогичных условий в настоящее время, т. е. образовании одной республики — Латинской Америки, одной нации — латиноамериканской⁹⁷. «В Латинской Америке — одна нация — латиноамериканская, — пишет он. — Великая Республика Латинская Америка насчитывает 220 млн. жителей, это гораздо больше, чем Северная Америка. У жителей этой Великой Республики общее историческое прошлое, общий язык, за двумя исключениями, одинаковые обычаи, сходные привычки. Этнический состав... почти однороден для всей Латинской Америки: индейцы, белые и негры... С точки зрения экономики перед ее народами стоят одни и те же проблемы... у них общий враг — олигархия и империализм, они в одинаковой мере страдают от культурной и экономической отсталости»⁹⁸.

Проводя неправомерную историческую параллель между монархической, феодальной Испанией периода упадка и могущественной современной империалистической державой — США, между Латинской Америкой периода войны за независимость, когда только еще зарождались национальные государства и складывались географические границы, и Латинской Америкой современной, где уже более 150 лет существуют самостоятельные государства с разными уровнями экономического, политического и социального развития, предопределяющими несовпадение форм и задач революционной борьбы, Д. Браво абстрагируется от современных конкретно-исторических условий, в которых протекают революционные процессы в Латинской Америке, не учитывает их классового характера, обнаруживая тем самым полную несостоятельность своей националистической, мелкобуржуазной концепции континентальной революции.

Единая стратегия континентальной революции, базирующаяся на унификации латиноамериканских республик, наносит урон развивающимся в отдельных странах революционным процессам, тормозит классовую борьбу пролетариата, что выгодно силам реакции и империализма.

БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКИХ
И РАБОЧИХ ПАРТИЙ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗМА,
ЗА ЕДИНСТВО ВСЕХ ПРОГРЕССИВНЫХ
И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ СИЛ

Коммунистические и рабочие партии Латинской Америки накопили богатый опыт борьбы с буржуазным национализмом. Без преувеличения можно сказать, что вся история коммунистического движения на континенте есть история борьбы с буржуазным национализмом в различных его проявлениях, история утверждения принципов пролетарского интернационализма.

После сравнительно непродолжительного периода борьбы с правым реформизмом социал-демократии в ее латиноамериканской разновидности и анархо-синдикализмом, развернувшейся в Латинской Америке после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России и возникновения коммунистического движения на континенте, молодые латиноамериканские компартии сразу же столкнулись лицом к лицу с буржуазно-националистической идеологией перуанской АПРА и ее лидера Айа де ла Торре, отрицавшего руководящую роль рабочего класса в освободительной борьбе народов континента и выступавшего за создание многоклассовой партии под руководством мелкой буржуазии. Против националистической идеологии апризма выступили выдающиеся представители научного социализма в Латинской Америке Х. К. Мариатеги и Х. А. Мелья.

Один из основателей и руководителей Компартии Кубы, Х. А. Мелья, говоря о националистической сути апризма, отмечал, что он представляет попытки организации латиноамериканского «оппортунизма» и «реформизма», что основные его принципы направлены против марксизма.

Апризм в лице А. де ла Торре и его сторонников, писал Х. А. Мелья, стремится «бороться с ленинизмом, коммунизмом, подлинным социализмом; пытается выступать против сознательных рабочих и их организаций; нейтрализовать действия подлинных революционеров, которые понимали борьбу как между-

народную акцию против империализма, а не мелкобуржуазный крикливый патриотизм апристов»¹.

Резкой критике буржуазно-националистические концепции апризма были подвергнуты и на I конференции компартий Латинской Америки, состоявшейся в Буэнос-Айресе в 1929 г.

Победа Советского Союза и антигитлеровской коалиции во второй мировой войне вызвала новый подъем освободительного движения в Латинской Америке, приобретающего по мере своего развития антимонополистический и демократический характер. В стремлении прервать этот процесс империализм и его латиноамериканские союзники развернули в латиноамериканских странах фронтальное наступление на демократические и антиимпериалистические силы под предлогом борьбы с «международным коммунизмом». Политика антикоммунизма и насаждения реакционных режимов в латиноамериканских странах в период «холодной войны» привела к росту антикоммунистических настроений среди части местной буржуазии и средних слоев населения и интеллигенции. Этому в немалой степени способствовала политика националистических партий, в частности апристской, проповедовавших теорию «затухания» агрессивности империализма, ратовавших за замену старого «империалистического панамериканизма» новым «демократическим межамериканизмом», что на деле дезориентировало народы Латинской Америки, изолировало их борьбу от мирового революционного процесса и в конечном счете вело к усилению позиций иностранных монополий и реакции в латиноамериканских странах. Само же Аяа де ла Торре и его последователей мелкобуржуазный национализм привел к прямому сговору с империализмом и реакцией, к оголтелому антикоммунизму.

В 50-х годах националистические тенденции проявились в ряде коммунистических партий континента, что представляло особую опасность для революционного движения. Это имело свои объективные и субъективные причины. С ростом пролетарских партий и укреплением их связей с массами буржуазное и мелкобуржуазное влияние время от времени дает себя знать в их рядах. Поэтому марксисты-ленинцы в Латинской Америке одной из важнейших задач считают решительное освобождение от чуждых пролетариату и его идеологии буржуазно-националистических настроений.

В 1953 г. Коммунистическая партия Аргентины решительно осудила деятельность группы Х. Х. Реаля, пытавшегося протащить в партию националистические идеи, искусственно оторвать антиимпериалистическое движение от классовой борьбы пролетариата и в конечном счете заставить партию самоустраниться от руководства антиимпериалистической и классовой борьбой аргентинских трудящихся.

На пленуме Национального комитета Компартии Уругвая и на ее XVI съезде в 1955 г. был разоблачен буржуазно-национа-

листический уклон Э. Гомеса, который, принижая роль партии пролетариата и народных масс в революционном движении, пытался подорвать интернационалистический курс партии, обособить ее от международного коммунистического движения, насадить в партии антисоветизм, каудильистские методы руководства².

В Гваделупской коммунистической партии буржуазно-националистические идеи нашли свое отражение во взглядах бывшего Генерального секретаря ГКП Розана Жирана, который в 1957 г. выступил за «временное приглушение деятельности ГКП с целью выживания широкого антиколониального фронта»³.

Но особое распространение буржуазно-националистические теории и концепции получили в Латинской Америке с конца 50-х — начала 60-х годов. Указанный период характеризуется быстрым подъемом антиимпериалистического и революционного движения, вызванного победой кубинской революции, ростом национального самосознания латиноамериканских народов. Латинская Америка, как отмечал аргентинский марксист Э. Агости, вышла к тому времени на рубеж революционных преобразований, включавших в себя одновременно две задачи: борьбу против империализма и засилья международных монополий, и борьбу против местной крупной буржуазии и помещичьей олигархии, тесно связанной с империализмом⁴.

Сложившаяся на континенте обстановка привела к тому, что в антиимпериалистический и революционный процесс втягивались все новые и новые социальные слои и группы. Положительный, бесспорно, сам по себе, этот факт был сопряжен с опасностью привнесения в революционное движение чуждой ему идеологии.

«В революционное движение,— подчеркивал один из руководителей Коммунистической партии Аргентины, О. Гиольди,— включаются средние слои населения (безошибочный признак назревания революции). Но они вступают в борьбу (иначе и быть не может), сохраняя свои непролетарские взгляды. А враг умело использует их идеологическую незрелость»⁵.

С другой стороны, нарастание антиимпериалистической борьбы и вовлечение в нее все более широких народных сил вызвали тревогу империалистических кругов и связанной с ними латиноамериканской буржуазии. В поисках путей сдерживания этого процесса, подрыва изнутри антиимпериалистического движения империализм и олигархия прибегают к прямой идеологической диверсии, всячески поощряют распространение различных националистических концепций и теорий, враждебных научному социализму и пролетарской идеологии.

«Поэтому в настоящее время открытая борьба с подобного рода идеологической диверсией,— отмечает член Исполкома и секретарь ЦК Компартии Уругвая Э. Родригес,— представляет собой насущную необходимость»⁶.

Характерной особенностью нынешнего наступления буржуазной идеологии является своеобразная интеграция различных разновидностей национализма. Об этом свидетельствуют утверждения левацких группировок в Латинской Америке о делении мира на «бедные» и «богатые» страны, восхваление некоторыми националистическими группировками несуществующего «третьего пути», преувеличение национальных особенностей отдельных стран и т. д. Так создается почва единения идеологов справа и «революционеров слева»: современный национализм в соединении с антикоммунизмом служит общей идейной платформой, на которой смыкаются весьма разнородные идеологические течения и объединяются крайне правые реакционеры, оппортунисты и «левые» ревизионисты. В этом кроется наибольшая опасность буржуазного национализма для рабочего и революционного движения в целом.

«Именно на националистические тенденции,— указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— и в особенности те из них, которые принимают форму антисоветизма, буржуазные идеологи, буржуазная пропаганда скорее всего делают ныне ставку в борьбе против социализма и коммунистического движения»⁷.

Успешное развитие мировой системы социализма, рабочего и коммунистического движения, нарастание освободительного движения в развивающихся странах не только подтвердили правильность выводов теории научного социализма, но и увеличили притягательную силу марксизма-ленинизма среди различных слоев населения. Поэтому усилия империалистической пропаганды, равно как и буржуазно-националистических кругов, направлены в первую очередь на дискредитацию пролетарской идеологии, на отрицание ее роли в революционном преобразовании мира.

При всем различии аргументов противники марксизма-ленинизма в Латинской Америке солидарны в одном: для них ленинизм сводится лишь к определенной доктрине, разработанной в условиях дореволюционной России и поэтому якобы неприемлемой для социальной проблематики Латинской Америки. Иными словами, налицо попытки представить марксистско-ленинскую теорию и особенно пролетарский интернационализм как «чуждую идеологию или утопизм» и заменить ее той или иной разновидностью «ибериоамериканизма»⁸.

Убедившись в провале фронтальных атак на марксизм-ленинизм, идеологи буржуазии в Латинской Америке вынуждены искать обходные пути и новые формы борьбы с пролетарской идеологией. Определенную роль в этом плане призваны были сыграть новые концепции «континентальной революции», «национального марксизма», «национального социализма», основная цель которых состоит в отрицании под флагом «латиноамериканской специфики» основных закономерностей перехода от капита-

лизма к социализму. «Если бы мы,— пишет один из руководителей уругвайских коммунистов Э. Родригес,— захотели выделить вопрос, который монополистическая буржуазия и ее прямые апологеты наиболее предпочитают использовать в ущерб международному коммунистическому движению, то им несомненно было бы так называемое противоречие между нашей борьбой внутри каждой страны и пролетарским интернационализмом. Речь пошла бы, если акцентировать на этом внимание и вместе с тем применить более приятную для слуха, «благозвучную» терминологию, о «национальной модели» марксизма-ленинизма или, более того, об отмене действия принципа интернационализма, что означает, если обнажить смысл этих слов,— притупить верное оружие, с помощью которого только и можно победить капитализм»⁹.

Раскрывая суть и причины этого явления, член Исполкома Коммунистической партии Аргентины Ф. Надра пишет, что социализм с прилагательными «национальный», «демократический» или «гуманный» (в зависимости от обстоятельств) представляет современную ревизионистскую тенденцию, которую поддерживают те, кто, используя притягательную силу слова социализм, пытаются увести массы с подлинно революционного пути¹⁰.

Для коммунистов Латинской Америки ленинизм имеет универсальное значение. Они связывают его с самой сутью материалистической диалектики. В своей борьбе с современным буржуазным национализмом коммунистические и рабочие партии опираются на свои интернационалистические традиции, а также на передовые, прогрессивные национальные традиции.

Пути решения главной задачи для латиноамериканских коммунистов заключаются в творческом применении марксистско-ленинского учения к конкретным условиям различных стран, в органическом сочетании национально особенного, конкретно специфического с интернациональными условиями борьбы революционных сил. «Латинской Америке,— пишет гондурасский коммунист Л. Бесерра,— не нужна новая революционная теория. В чем она нуждается, так это в творческом и правильном применении единственно верного учения — марксизма-ленинизма»¹¹.

Отвечая на претензии буржуазного национализма создать свои теории социализма, Компартия Колумбии указывала: «Никакого социализма «по-колумбийски» не существует, если под ним понимать нечто совершенно исключительное в отношении его целей, идеологии и классового характера, могущее возникнуть только в Колумбии. Такой социализм, являясь разновидностью «популистского социализма», выдвигает лишь мелкобуржуазные демократические требования и не нуждается ни в революции, ни в свержении власти олигархии». Главная задача, как ее понимают колумбийские коммунисты, состоит сейчас в том, чтобы создать такую общественно-политическую силу, которая была бы в состоянии осуществить революционные преобразования. «Мы

должны были бы сформулировать всего лишь одно предложение — создать Народное правительство демократического единства, которое гарантировало бы и защищало права народа. Это не будет социализмом «по-колумбийски» или каким-либо другим, а скорее всего будет средством перехода к подлинному социализму»¹².

Глубокая, объективная интерпретация национальной действительности на базе марксистско-ленинских положений ярко раскрывается в программных и политических документах латиноамериканских компартий именно в силу содержащегося в них сочетания общих закономерностей развития общества с национальными особенностями каждой страны. Они отражают не только интересы рабочего класса, но и чаяния всего трудящегося населения этих стран, становятся подлинно национальными и находят многочисленных сторонников.

«Марксизм-ленинизм, а не буржуазная и мелкобуржуазная идеология,— подчеркивают аргентинские коммунисты,— анализирует национальную действительность. Простое чтение программы нашей партии доказывает это»¹³.

Важность творческого применения марксистско-ленинской методологии анализа особенно возрастает в наши дни, когда быстро меняющаяся обстановка и изменения в соотношении классовых и политических сил на международной арене требует от партий рабочего класса умения ориентироваться в сложной ситуации отдельно взятой страны и мира в целом. «Для достижения наций конечной цели,— отмечал IX съезд Коммунистической партии Эквадора,— необходимо пройти этапы, разрешить конкретные проблемы различного уровня и содержания, обладать соответствующей способностью разрешения каждой проблемы.

Для выполнения этой огромной задачи мы располагаем проверенным компасом: марксизмом-ленинизмом, бессмертным учением рабочего класса, которое определило общие принципы мировой революции и которое должно служить нам инструментом для анализа обстановки в стране и ответа на вопросы будущего»¹⁴.

Идеологическая и политическая борьба латиноамериканских коммунистов с буржуазным национализмом на нынешнем этапе разворачивается по кардинальным проблемам теории, стратегии и тактики революционного движения (характер и содержание революционного процесса на континенте, движущие и руководящие силы революции, пути ее развития).

Коммунистические партии Латинской Америки рассматривают борьбу против империализма в неразрывной связи с классово-борьбой пролетариата и всех трудящихся. Они дают решительный отпор как правооппортунистическим националистическим элементам, утверждающим, что острее борьбы должно быть направлено только против иностранного империализма и призывающим к «классовому примирению» внутри страны под предло-

гом «национального единства», так и ультралевым. Последние отделяют освободительную борьбу от классовых битв пролетариата, призывают к немедленному захвату власти, отрицая в то же время руководящую роль рабочего класса в освободительном движении и противопоставляя так называемый «третий мир» мировой системе социализма, международному рабочему движению, что в конечном счете ведет их на позиции того же буржуазного национализма.

Идеологи современного буржуазного национализма в Латинской Америке пытаются доказать, что в нынешних условиях может быть начат этап длительного процесса демократизации, который ознаменуется «почти химически чистым антиимпериализмом при главенствующей роли национальной буржуазии»¹⁵.

Как отмечал XI съезд Коммунистической партии Колумбии, правые элементы в то же время рассматривают борьбу с империализмом как борьбу внешнюю, в силу чего легко оказываются на позиции «примирения классов» внутри страны. В настоящее время некоторые оппортунистические группы также скатываются к утопическому «национальному единству» и отделяют борьбу с империалистической зависимостью от действий рабочего класса против капитализма¹⁶.

Ультралевые в свою очередь недооценивают национальный фактор, противоречия латиноамериканского общества с империализмом, отрицают необходимость слияния антиимпериалистической и классовой борьбы против капитализма.

Разоблачая стремление буржуазии в ее правом и левом выражении увести революционное движение с правильного пути, латиноамериканские коммунисты на практике доказали справедливость ленинского вывода о тесном переплетении целей освободительной борьбы с задачами социального переустройства жизни латиноамериканских стран. Наглядным практическим подтверждением этого процесса явился опыт кубинской революции, которая на своем первом этапе не была социалистической, но, как отмечал Ф. Кастро, содержала зачатки социализма уже в первых своих законах¹⁷.

Латиноамериканские коммунисты рассматривают свою борьбу с буржуазно-националистическими идеями как постоянную задачу рабочего движения. Эта линия особенно наглядно просматривается в программных и политических документах компартий в последние годы. В них не только вскрыта картина структурного кризиса каждой страны, но и четко обрисована расстановка классовых сил, намечены пути преодоления этого кризиса.

Теоретическая борьба по проблемам революционного процесса отражается в области политики, поскольку содержание этого процесса влияет на его движущие силы, на их соотношение. Политические цели теоретиков «национального», «континентально-го» и иного социализма состоят именно в отрицании руководя-

шей роли рабочего класса и его партии в освободительном движении. Так, венесуэльский ревизионист Т. Петков пытается доказать, что в Венесуэле в силу преобладания средних и маргинальных слоев в населении рабочий класс не может быть руководящей силой. Взамен единого национально-освободительного фронта под руководством рабочего класса и его партии, способного добиться подлинного социального и национального освобождения, Петков предлагает некий «новый социальный блок», включающий в себя различные социальные группы под руководством средних и маргинальных слоев как «наиболее быстро пролетаризирующихся», а потому и наиболее революционных. Петков отказывает в руководящей роли компартии и ратует за создание «субъекта революции», возникающего в недрах «нового социального блока», т. е. по сути той же мелкобуржуазной партии, о которой говорили в свое время Аяа де ла Торре и его последователи.

Разоблачая стремление идеологов буржуазного национализма воспользоваться революционным порывом масс и поставить его на службу своим интересам, Р. Арисменди пишет, что они «могут разработать самую экстремистскую методологию, только бы она уменьшила или свела на нет независимую роль рабочего класса»¹⁸.

Поскольку на современном этапе антиимпериалистической борьбы в Латинской Америке, в условиях обострения социальных противоречий и усиления классовой борьбы пролетариата, главной заботой всех патриотических, революционных сил становится их объединение для осуществления демократической, аграрной и антиимпериалистической революции, то утверждение руководящей роли рабочего класса в революционном процессе и активная работа компартий по созданию единого фронта всех демократических и антиимпериалистических сил невозможны без последовательной и решительной борьбы с мелкобуржуазными извращениями принципов пролетарского интернационализма, с идеологией буржуазного национализма, нередко маскирующегося под социализм.

Попыткам буржуазного национализма растворить пролетариат в многоклассовом движении коммунисты Латинской Америки противопоставили научную концепцию единого фронта. Его сила становится тем больше, чем большей классовой независимости и сознательности достигает пролетариат внутри антиимпериалистического фронта.

Разрабатывая проблему движущих сил освободительной борьбы на континенте, компартии на основе марксистско-ленинской методологии и глубокого творческого изучения местных условий научно доказали, что решающая роль в этом процессе принадлежит латиноамериканскому рабочему классу. «В ходе борьбы за демократию, национальное освобождение и социализм подтвердилось, что рабочий класс — основная и динамичная сила

современности, — подчеркивала Коммунистическая партия Аргентины в тезисах к своему XIV съезду. — Классовая борьба, далекая от того, чтобы уступить свое место «классовому примирению», как утверждают буржуазные и мелкобуржуазные националисты, приобрела еще больший размах». И далее: «Характерным и общим для всей борьбы латиноамериканских народных масс является возрастающая роль рабочего класса. Вместе с ростом роли рабочего класса возрастала роль коммунистических и рабочих партий. Жизнь вынесла свой неоспоримый приговор: подтвердила марксистско-ленинское положение о роли рабочего класса в современном обществе, которое пытались отрицать некоторые теоретики «новой левой»*, вдохновители экстремистских движений, сыгравших и играющих негативную роль в Боливии, Чили и других местах»¹⁹.

Недооценка роли и места рабочего класса в социально-политической борьбе всегда ведет к неудаче и поражению. Об этом свидетельствует опыт партизанского движения в ряде стран Латинской Америки в 60-х годах. Поэтому утверждение определяющей роли рабочего класса — неизменный принцип и постоянная задача латиноамериканских компартий²⁰.

В условиях Латинской Америки, отмечают коммунисты, место и роль пролетариата в освободительной борьбе определяются не только его исторической миссией, не только тем, что он по своей природе представляет самый революционный класс, единственно последовательный класс, который стремится к наиболее радикальному осуществлению демократической, аграрной и антиимпериалистической революции, но и его удельным весом в материальном производстве, тем, что пролетариат в странах Латинской Америки является наиболее многочисленным, быстро развивающимся и наиболее организованным классом. В силу этого он становится «становым хребтом» антиимпериалистического фронта²¹.

Для Латинской Америки, как и для мира в целом, характерен непрерывный рост рабочего класса в городе и деревне. Число лиц наемного труда превышает сегодня в Латинской Америке 50 млн. и составляет более 60% самостоятельного населения этого региона. 40 млн. представляют собственно рабочие, из них около 30 млн. занято в промышленности²². Изменилась также структура рабочего класса и возросла его концентрация на крупных предприятиях. «Все эти явления, — отмечается в Декларации Конференции коммунистических и рабочих партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна в Гаване (1975), — находят свое отражение в повышении роли пролетариата как главной производительной и социально-политической силы»²³.

Латиноамериканские коммунисты в то же время отдают себе ясный отчет в том, что соотношение между объективным местом

* «Новая левая» — название идеологического течения в Аргентине.

рабочего класса в революционном процессе и его действительным положением далеко не равнозначно в разных странах континента.

В условиях многоукладности экономики, которая порождает чрезвычайную многослойность структуры рабочего класса, степень классовой зрелости его различных отрядов неодинакова, что в свою очередь сказывается на общей расстановке политических сил в рабочем движении, на степени революционной готовности всего класса. «К сожалению,— отмечает член Политкомиссии ЦК Парагвайской компартии П. Васкес,— наш рабочий класс пока не готов к выполнению своей исторической миссии. Это объясняется, в частности, тем, что в его структуре значительный удельный вес составляют вчерашие ремесленники, крестьяне, носители непролетарской идеологии. В немалой степени политическому созреванию рабочего класса препятствуют националистические, мелкобуржуазные и религиозные предрассудки»²⁴.

Теоретики национализма в своей идеологической пропаганде делают упор на то, что латиноамериканские компартии якобы не имеют национальной почвы. Спекулируя на этом тезисе, в своей политической практике они отказывают рабочему классу в праве иметь собственную партию. Поэтому для коммунистов Латинской Америки борьба с буржуазным национализмом превращается также в борьбу за свою классовую независимость, представляющую собой главное условие завоевания пролетариатом руководящей роли в революционной борьбе²⁵. «Наша партия,— подчеркивают аргентинские коммунисты,— воспитанная на принципах пролетарского интернационализма и проникнутая самой искренней любовью к родине, по своей программе, своей организации и тактике является подлинно национальной силой»²⁶.

Именно коммунисты были первыми, кто ясно и четко высказался в Латинской Америке за необходимость борьбы за полное национальное освобождение, против империалистического господства, отсталой аграрной структуры, основанной на помещичьей собственности. В то же время коммунисты тесно связаны неразрывными узами с рабочим классом, с широкими массами трудящихся. «Наша партия,— указывает Л. К. Престес,— это единственная в стране политическая партия, которая может называться подлинно национальной, ибо она уходит глубокими корнями в широкие трудящиеся массы»²⁷.

Успех сражения с буржуазными реформизмом и национализмом, с мелкобуржуазным революционаризмом во многом зависит от единства рабочего класса, всех демократических и антиимпериалистических сил.

Влияние буржуазного национализма на значительные слои населения латиноамериканских стран, в том числе и на определенную часть рабочего класса, представляет серьезное препятствие, мешающее организационному оформлению общественной силы, которая призвана координировать общую борьбу против

империализма и олигархии, способствовать тому, чтобы пролетариат выполнил свою руководящую роль в преобразовательном процессе.

Как отмечалось в политической резолюции XII съезда Коммунистической партии Колумбии (декабрь 1975), «идеологическое и политическое влияние двух традиционных* партий представляет одно из крупных препятствий в политическом развитии масс, поскольку оно насаждает оппортунизм, способствует отсталости широких слоев и мешает им правильно оценивать новые политические изменения в современном мире»²⁸.

Буржуазный национализм, опираясь нередко на поддержку правящих партий и государства, на финансовую мощь местной буржуазии, сохраняет в целом, как показывает опыт Аргентины, Мексики, Колумбии и других стран, сильные позиции в рабочем движении. С одной стороны, буржуазный национализм базируется в основном на незрелости классового сознания определенных категорий рабочих, на отсутствии единства, идеологической и политической разобщенности рабочего класса. Проникновение национализма облегчается непрерывным ростом численности рабочего класса, который идет главным образом за счет недавних крестьян из отсталых районов, разорившихся ремесленников, мелких торговцев и предпринимателей. Новое пополнение пролетариата, не имеющее еще развитого классового сознания и опыта борьбы, привносит в рабочее движение мелкобуржуазную идеологию и неустойчивость, легко подвержено влиянию чуждых пролетариату идей. Кроме того, рабочий класс латиноамериканских стран не изолирован в буржуазном обществе, на него оказывает свое влияние не только буржуазия, но и сама динамика антиимпериалистической борьбы на континенте, в которую втягиваются все новые и новые слои населения. Этот объективный по своей природе процесс в какой-то мере затрудняет работу компартий по высвобождению рабочего класса из-под влияния буржуазно-националистической идеологии.

Но с другой стороны, сегодняшний рабочий класс ряда латиноамериканских стран — это уже не рабочий класс первых послевоенных лет и даже не 50-х годов, а современный пролетариат, хотя еще частично зараженный чуждой идеологией, но обогащенный опытом революционной борьбы последних десятилетий и все более осознающий свои классовые интересы. Как справедливо отмечают колумбийские коммунисты, влияние идеологии буржуазии на сознание людей «только в определенных пределах может превзойти реальные условия, ту конкретную действительность, в которой они живут, тем более когда эти условия в сущности весьма далеки от того будущего процветания, которое рисует им буржуазия»²⁹.

---

* Буржуазные Либеральная и Консервативная партии.

В последнее десятилетие в результате кризиса политики национал-реформизма усиливается процесс высвобождения рабочего класса из-под влияния реформизма, идеологического и политического подчинения крупной буржуазии и империализма. Но влияние буржуазии на рабочий класс не исчезает стихийно, а преодолевается огромными усилиями компартий и передовых отрядов рабочего движения в борьбе как со старыми формами проникновения буржуазной идеологии и политики, так и с новыми ее попытками удержать контроль над происходящим революционным процессом. Многие зависит в данном случае от степени зрелости отдельных национальных отрядов пролетариата, их места и роли в освободительных процессах.

С учетом всего этого комплекса соотношения объективных и субъективных моментов, влияющих на рабочее движение, коммунистические партии Латинской Америки в своей деятельности главные усилия направляют на преодоление раскола в нем и повышение классового самосознания рабочего класса своих стран, поскольку раскольническая политика буржуазии продолжает оставаться основной формой ее влияния на латиноамериканский пролетариат, питательной почвой для распространения идеологии национализма. «Буржуазная идеология,— пишет видный деятель Коммунистической партии Колумбии Л. Э. Сабогаль,— распространяет свое влияние на рабочее движение с целью углубления раскола в его рядах, ослабления и ликвидации профсоюзов»³⁰.

Помимо насаждения реформизма и национализма, латиноамериканская буржуазия использует для усиления разобщения рабочего класса ряд объективных и субъективных факторов, таких как безработица, постоянный приток в ряды рабочего класса представителей мелкой буржуазии города и деревни с их мелко-собственническими настроениями, что в значительной степени затрудняет работу по сплочению пролетарских рядов.

Борьба коммунистов за единство латиноамериканского пролетариата имеет объективную основу. Она опирается на естественную тягу рабочих к единству и на их радикализацию, поворот трудящихся масс влево. Развитие государственно-монополистических тенденций в экономике и политике ряда латиноамериканских стран еще более расширяет базу для сплочения рабочего класса, ибо ведет к дальнейшему обострению противоречий между трудом и капиталом. Кроме того, как показывает опыт политической жизни латиноамериканских стран, империализм и олигархия в борьбе против освободительного и рабочего движения часто прибегают к открыто насильственным фашистским методам подавления трудящихся. Чили, Парагвай и ряд других стран континента тому пример. В борьбе с репрессиями и вооруженным наступлением реакции у рабочего класса и других революционных сил есть только одно оружие — единство.

Глубокий социально-экономический кризис, охвативший ла-

тиноамериканские страны, привел к резкому обострению классово-й и политической борьбы, к радикализации народных масс и росту их политического сознания. Как отмечают компартии, этот процесс захватил не только рабочий класс, но и крестьянство, студентов, интеллигенцию, ремесленников, средние слои населения. XIV съезд Компартии Аргентины (1973) подчеркнул, что этот поворот рабочего класса и народных масс влево, нашедший свое подтверждение в ходе крупных классовых боев последних лет, необратим³¹. Положительно оценивая это явление как одно из важнейших в политической жизни своих стран, латиноамериканские коммунисты предупреждают, что углубление процесса «поворота масс влево сопровождается нередкими и вновь повторяющимися проявлениями буржуазного национализма, которые затрагивают различные социальные слои...»³².

Эта диалектика развития рабочего и освободительного движения на континенте предполагает разнообразие форм и методов, применяемых коммунистическими партиями в борьбе против буржуазного национализма за единство рабочего класса в соответствии с национальными особенностями каждой страны.

«Наша идеологическая борьба с буржуазным национализмом,— отмечают аргентинские коммунисты,— переплетается, таким образом, с постоянной деятельностью по укреплению классового единства в профсоюзных организациях за удовлетворение неотложных требований и создание наилучших условий для осуществления актуальной цели революции в нашей стране: разгромить империализм, олигархию и крупный посреднический капитал путем создания широкого единого фронта рабочего класса, крестьян, широких народных масс, требующих глубоких изменений в национальной и социальной жизни»³³.

Латиноамериканские коммунисты, учитывая особую опасность буржуазного реформизма и национализма в деле раскола рабочего класса, в партийной печати, в своей повседневной идеологической работе ведут широкую пропаганду идей марксизма-ленинизма, разъясняют роль рабочего класса в освободительном движении, значение его единства как одного из основных элементов превращения пролетариата в гегемона этого движения и победы над империализмом и местной олигархией. Печатная пропаганда компартий неизменно усиливается. За период с 1957 по 1963 г. Коммунистическая партия Аргентины издала 743 названия марксистских книг и брошюр общим тиражом 643 750 экземпляров. В Аргентине был осуществлен двумя изданиями выпуск Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Кроме того, было издано 107 названий различных ленинских работ общим тиражом свыше 560 тысяч экземпляров. В 1973 г. национальная комиссия Коммунистической партии Аргентины по изданию литературы наметила к выпуску уже 900 тыс. экземпляров различных ленинских работ³⁴. В Колумбии компартия только в 1971 г. распространила 1180 тыс. экземпляров своей газеты

«Вос Пролетариа», а распространение других периодических изданий возросло на 50—70%³⁵.

Главную задачу в борьбе за единство трудящихся латиноамериканские коммунисты видят в том, чтобы подвести массы через их собственный опыт к осознанию своих классовых интересов, разоблачить сторонников «классового мира» в профсоюзах Латинской Америки и поддержать прогрессивные профобъединения, являющиеся последовательными борцами за интересы рабочего класса.

Так, пример политической борьбы масс в Аргентине в 1971 г. показал, что рабочий класс разгадал смысл «великого национального соглашения», проповедовавшегося военным режимом генерала Лануссе, и соглашательской политики реформистских лидеров Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). Провозглашенная режимом политика была направлена на активизацию классового сотрудничества под националистическими лозунгами в целях укрепления социальной опоры диктатуры. Передовые отряды рабочего движения Аргентины правильно поняли сущность этой политики и поставили вопрос о необходимости ликвидации военного режима и проведения глубоких структурных преобразований в качестве единственного средства для выхода из кризиса. Результатом этого было падение режима и новые выборы в стране, которые привели к власти перонистское движение.

Процесс развертывания классовой и политической борьбы в Латинской Америке в конце 60-х — начале 70-х годов подтвердил правильность этой тактики коммунистов. Вопреки установкам реформистских лидеров профсоюзные объединения различных направлений выступили единым фронтом в классовых битвах в 1968 и 1971 гг. в Аргентине, в 1973 г. — в Колумбии, в 1969—1971 гг. — в Эквадоре, в 1971—1972 гг. — в Коста-Рике и других странах континента.

Накал классовых битв в Латинской Америке постоянно нарастает. «Все большее развитие, — отмечалось на Конференции коммунистических и рабочих партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна, — приобретает массовое движение при решающем участии рабочего класса. Стачки, частичные и всеобщие забастовки, захват промышленных предприятий, рабочие демонстрации объединяют в единый поток борьбу против замораживания и снижения зарплаты, за повышение уровня жизни, против увольнений, в защиту права на организацию и борьбу против репрессий, за свободу и демократические завоевания»³⁶. В Аргентине, например, только за 6 первых месяцев 1975 г. в забастовочном движении приняло участие почти 12 млн. человек³⁷.

В то же время упор на работу в массах отнюдь не означает отказ компартий от совместных действий с реформистским руководством профсоюзов по отдельным вопросам, затрагивающим насущные интересы рабочего класса. Напротив, следуя указанию В. И. Ленина о том, что главное в политике союзов и коали-

ций — это умение использовать ее «в целях *повышения*, а не понижения *общего* уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе»³⁸, коммунисты Латинской Америки накопили значительный опыт такого сотрудничества. Компартии подчеркивают, что в совместных действиях различных профобъединений в борьбе за интересы рабочего класса идеологические разногласия не должны превращаться в непреодолимое препятствие, они могут и должны преодолеваются именно в ходе совместной борьбы³⁹

Борьба компартий за единство рабочего класса и его действий не ограничивается только борьбой с правым буржуазным национализмом. Наряду с разоблачением политики национал-реформизма и соглашательства, политики откровенных выразителей интересов буржуазии, компартиям Латинской Америки приходится вести не менее упорное сражение с мелкобуржуазными революционаризмом и сектантством в рабочем движении.

Политическая линия латиноамериканских марксистов выражается в органическом сочетании борьбы за решение самых неотложных экономических и политических проблем, затрагивающих интересы трудящихся, с борьбой за конечные цели революционного движения на континенте. «Этот принцип коммунистической тактики,— подчеркивают гваделупские коммунисты,— должен быть выделен тем более, что в среде националистически настроенной мелкой буржуазии распространилось мнение о том, что борьба за ближайшие требования является лишь пустой тратой времени, «реформистской деятельностью», которая ведется в ущерб «крупной политической битве» и которая якобы отвлекает массы от политической борьбы за национальное освобождение»⁴⁰.

Обеспечение единства рабочего класса как одного из важнейших факторов превращения его в руководящую силу революционных процессов в латиноамериканских странах представляет только часть борьбы коммунистов с засильем монополий и олигархии, за осуществление аграрной, демократической и антиимпериалистической революции. Ее успешный исход, отмечают компартии, зависит от объединения и степени зрелости всех народных и революционных сил.

«Наша задача,— подчеркивает член руководства Компартии Аргентины О. Гиольди,— заключается в том, чтобы соединить выступления непролетарских слоев населения с борьбой пролетариата, сплотить их вокруг рабочего класса. Этого нельзя добиться без разгрома идеологии империализма, правого и левого оппортунизма»⁴¹.

В современных условиях, когда Латинская Америка вступила в новый этап революционной борьбы, в которую втягиваются многие непролетарские слои населения, отрицание роли рабочего класса направлено не только против рабочего класса и коммунистического движения. Оно означает также стремление буржуа-

зии изолировать средние слои латиноамериканских стран от революционного процесса и перетянуть их на свою сторону.

Поэтому в борьбе за союзников пролетариата для компартий Латинской Америки особое значение приобретает понимание позиций и политических настроений тех или иных классовых сил, их потенциальных возможностей на определенных этапах революции. Определяя свою тактику по формированию политической армии аграрной, демократической революции, латиноамериканские коммунисты разрабатывают дифференцированный подход к различным политическим течениям, в той или иной мере находящимся под влиянием националистической идеологии.

Говоря о буржуазном национализме, коммунисты имеют в виду прежде всего шовинистическую и узкокорыстную политику буржуазии, которая прямо противоположна освободительным и антиимпериалистическим чувствам народных масс. «Не лишним будет разъяснить,— пишут аргентинские марксисты,— что, говоря о буржуазном национализме, мы имеем в виду шовинистический, демагогический, многословный и почти всегда капитулянтский национализм буржуазии, который не имеет ничего общего с национальными чувствами рабочего класса, продолжающего в антиимпериалистической борьбе лучшие патриотические традиции»⁴².

Господство империализма в латиноамериканских странах создало объективную базу для возникновения и укрепления патриотических чувств среди довольно широкой прослойки средних слоев и мелкой буржуазии этих стран. Коммунисты, выступающие с позиций классовой борьбы и пролетарского интернационализма, в то же время положительно оценивают антиимпериалистические настроения этих слоев и решительно их поддерживают.

«Перед лицом продажности и национального предательства,— отмечал один из пленумов ЦК Коммунистической партии Колумбии,— растут антиимпериалистические чувства и националистические тенденции в различных слоях колумбийского населения. Националистические стремления играют положительную роль в борьбе против североамериканских колонизаторов и заслуживают поддержки со стороны революционных сил»⁴³.

Осуществление аграрной, демократической и антиимпериалистической революции требует от коммунистических партий ясного понимания проблем классовых союзов и компромиссов. В. И. Ленин, разрабатывая вопрос о союзниках рабочего класса, подчеркивал настоятельную необходимость работы с революционными демократами.

«Мелкобуржуазные демократы...— писал он,— неизбежно колеблются между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советским строем, между реформизмом и революционностью, между рабочелюбием и боязнью пролетарской диктатуры и т. д. Правильная тактика коммунистов должна

состоять в *использовании* этих колебаний, отнюдь не в игнорировании их; использование требует уступок тем элементам, тогда и постольку, какие, когда и поскольку поворачивают к пролетариату, — наряду с борьбой против тех, кои поворачивают к буржуазии»⁴⁴.

Особенно настойчиво В. И. Ленин советовал коммунистам внимательно относиться к революционным демократам в колониальных и отсталых странах. В своем «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» для II Конгресса Коминтерна он указывал, что «Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран»⁴⁵.

Коммунистическая партия Аргентины, учитывая неоднородность классовых сил, представленных в перонистском движении, позитивно относится к лозунгам «национального социализма», выдвигаемым левым крылом перонизма. С этими течениями перонизма, как отмечают аргентинские коммунисты, можно идти вместе по пути долгой и трудной борьбы против империализма и олигархии⁴⁶.

Колумбийские коммунисты накопили полезный опыт совместных выступлений с членами Национального народного альянса (АНАПО) в департаментских ассамблеях и муниципальных советах в защиту демократических свобод, установили контакты с руководителями низшего и среднего звена этой националистической организации.

Рассматривая представителей левонационалистических течений как естественного союзника в борьбе за осуществление демократической и антиимпериалистической революции, компартии в то же время отмечают, что их идеология является идеологией непролетарских слоев (части мелкой буржуазии, студенчества, интеллигенции, демократических кругов, духовенства, части военных), которой свойственны политическая неустойчивость и слабость перед воздействием идеологии буржуазного национализма.

С другой стороны, представители этих течений способны воспринимать идеи марксизма-ленинизма и идти вместе с рабочим классом в борьбе за победу освободительной революции. Но, подчеркивая объективную необходимость союза с этими силами, латиноамериканские коммунисты в то же время ведут решительную борьбу с проявлениями мелкобуржуазного революционаризма и правого оппортунизма, время от времени возникающими в этой среде.

«В наших странах, — указывает Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Колумбии Х. Виейра, — существуют течения, которые называют себя националистическими. Они отражают интересы и чаяния различных общественных слоев, в том числе и буржуазии. При определенных обстоятельствах эти националистические течения выступают совместно с коммунистами

при проведении тех или иных антиимпериалистических акций. Но с такими союзниками коммунисты не могут действовать безоговорочно, вне зависимости от ситуации. Зачастую коммунисты вынуждены подчеркивать словом и делом свою независимую позицию, выступая против националистических течений, если последние приходят в столкновение с интернационалистическими принципами рабочей солидарности и уважения прав других народов»⁴⁷.

Следовательно, борьба за единство действий с левонационалистическими течениями становится одновременно борьбой с буржуазным национализмом, антикоммунизмом и сектантством среди части антиимпериалистических сил.

Борьба латиноамериканских коммунистов за единство рабочего класса, за создание антиимпериалистического фронта и осуществление аграрной, демократической и антиимпериалистической революции неразрывно связана с борьбой против попыток буржуазного национализма, правого и «левого» оппортунизма оторвать выступления трудящихся отдельных стран от освободительного движения на континенте, а это движение — от общемирового революционного процесса современности. Компартии Латинской Америки решительно разоблачают националистические, ревизионистские и мелкобуржуазные теории о «двух империализмах», делении мира на «бедные» и «богатые» страны.

«Мы категорически отвергаем фальшивый и путаный тезис о «двух империализмах», — говорил Х. Арнедо Альварес на XIУ съезде Коммунистической партии Аргентины, — направленный на недооценку социалистического лагеря и уравнивание его с империалистическим лагерем»⁴⁸.

Стремление буржуазного национализма исказить основное содержание современной эпохи и ее главного противоречия, подменить их классовую суть идеологическими рассуждениями о «бедных» и «богатых» странах преследуют цель подвести теоретическую базу под лозунг о «национальном единении» и политическую основу для раскола революционных сил и укрепления позиций буржуазии и империализма. Разъясняя суть этой политики буржуазии, Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы Ф. Кастро подчеркивал: «Империалистическая политика в отношении народов, борющихся за свое освобождение, проявляется в одинаковой форме во всем мире. Именно поэтому мы не понимаем странный тезис, относящийся к якобы двум империализмам и проповедуемый некоторыми руководителями, причисляющими себя к «третьему миру» и пытающимися уподобить СССР Соединенным Штатам. Не понимаем, поскольку это служит интересам единственного и подлинного империализма и изолирует народы. Этот тезис реакционен сам по себе и является исключительным продуктом идеологии и политики буржуазных теоретиков империализма и направлен на оживление раскола и недоверия в среде революционных сил в международном маш-

табе и отделение освободительных движений от социалистических стран»⁴⁹.

Борясь с различными буржуазно-националистическими течениями, латиноамериканские коммунисты всемерно подчеркивают, что на любом этапе исторического процесса рабочий класс и его партия не могут подменять пролетарский интернационализм чувствами или действиями, отражающими узкобуржуазный национализм.

В противоположность ему, коммунистические и рабочие партии отстаивают принципы пролетарского интернационализма, рассматривая себя как составную и неотъемлемую часть международного коммунистического и революционного движения в целом. «Наша партия,— говорится в программе партии Народный авангард Коста-Рики,— это отряд международного коммунистического движения. По своей идеологии, по своим конечным целям, по интересам, которые она выражает, партия стоит на общей платформе с коммунистическими партиями всего мира. Поэтому одной из основ ее деятельности является пролетарский интернационализм»⁵⁰.

Коммунисты Латинской Америки видят в интернационализме результат исторического развития, противоборства труда и капитала, выражение жизненных интересов рабочего класса. Отрицая пролетарский интернационализм, буржуазные националисты пытаются противопоставить национальный аспект борьбы рабочего класса антиимпериалистической солидарности народов. Поэтому, твердо проводя в жизнь принципы пролетарского интернационализма, коммунисты Латинской Америки поднимают на новую высоту интернациональное содержание борьбы пролетариата своих стран.

Пролетарский интернационализм в деятельности латиноамериканских коммунистов выражается в их отношении к Советскому Союзу, к ленинской партии, к опыту социалистических стран.

«Для Коммунистической партии Колумбии,— говорит ее Генеральный секретарь Х. Виейра,— солидарность с Советским Союзом — не случайный акт, а вопрос принципа. Опыт показал нам, что любая антисоветская позиция ведет всегда, как это видно на примере ультрареволюционеров, в болото контрреволюции»⁵¹.

С большой яркостью и убедительностью эта интернационалистская позиция была изложена в выступлениях представителей компартий стран Латинской Америки на XXV съезде КПСС. «Заклятые враги человечества развязывают бешеную антисоветскую и антикоммунистическую кампанию, не брезгуя никакими средствами,— говорил в своем выступлении на съезде Педро Саад, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Эквадора,— чтобы сбить с толку народы и помешать их борьбе, они распространяют клевету и всяческие измышления. С ними смыкаются, им вторят псевдореволюционеры либо заблуждающиеся

Элементы, действия которых грозят расколом в международном движении трудящихся»⁵².

Идеологическая борьба латиноамериканских коммунистов против антисоветизма приобретает особую важность в связи с попытками буржуазного национализма создать «национальные», «континентальные» и иные модели революции и социализма как выражения абсолютизации национальных особенностей отдельных стран и отрицать общие закономерности перехода от капитализма к социализму, которые получили подтверждение в практике революционной борьбы.

«Силы империализма и реакции,— отмечал Пленум ЦК партии Народный авангард Коста-Рики,— свои основные усилия направляют на то, чтобы дискредитировать международный престиж Советского Союза, они постоянны в пропаганде лжи и клеветы, ибо понимают также, что по мере того, как революционное и демократическое движение теряет контакты с наиболее сильным революционным оплотом нашей эпохи, оно ослабляется. Поэтому не случайно, что антисоветизм превратился в основное идеологическое оружие империализма, который прощает любое «скатывание в ультрареволюционность», если оно несет антисоветскую нагрузку. Костариканские коммунисты отвергают все формы антисоветизма, поскольку все они, без исключения, объективно служат интересам империализма. В то же время мы подтверждаем свое убеждение в том, что любое народное единство, имеющее серьезные перспективы прийти к власти и преобразовать общество, должно быть свободно от антисоветской бациллы»⁵³.

Другим выражением интернационализма коммунистических и рабочих партий Латинской Америки является их борьба за укрепление единства мирового коммунистического движения, активное участие в коллективном обобщении опыта и совместной разработке новых путей решения стоящих перед коммунистами проблем на основе марксизма-ленинизма. Латиноамериканские компартии принимали самое активное участие во всех международных совещаниях коммунистических и рабочих партий и внесли достойный вклад не только в разработку основополагающих документов этих форумов, но и в проведение их в жизнь.

«Твердо продвигаться вперед в решении исторической задачи по созданию антиимпериалистического фронта означает, что мы должны последовательно бороться за единство международного коммунистического движения, что связано для нас с постоянной идеологической борьбой против проявлений оппортунизма, будь он правым или якобы «левым»»⁵⁴.

В то же время марксисты-ленинцы в Латинской Америке учитывают, что давление буржуазной и мелкобуржуазной стихии может в определенные периоды вызывать к жизни разногласия по тем или иным проблемам. Сами по себе эти разногласия не опасны, если они преодолеваются на основе принципов марксизма-

ленинизма и методов, принятых самими партиями на их международных совещаниях. Опасность разногласий неизмеримо возрастает в тех случаях, когда коммунистические и рабочие партии поддаются давлению и влиянию национализма, отказываются от принятых форм разрешения имеющихся расхождений, что в конечном счете ведет их к отказу от принципов пролетарского интернационализма.

Верность своему интернациональному долгу вовсе не означает для братских партий Латинской Америки отказа от своей национальной сущности. Более того, они всемерно подчеркивают право каждой партии решать свои задачи в соответствии с национальными особенностями каждой страны, на взаимное уважение и равноправие в решении общих вопросов революционного движения. «Связанная братскими узами с международным коммунистическим и рабочим движением,— указывают бразильские коммунисты,— наша партия в то же время подлинно национальная партия, возникшая в результате исторического развития бразильского общества. Разрабатывая самостоятельно и в соответствии с конкретными условиями нашей страны политику, Бразильская коммунистическая партия является неотъемлемой частью международного коммунистического движения»⁵⁵. Критикуя абстрактное, мелкобуржуазное представление о самостоятельности партий рабочего класса, компартии Латинской Америки связывают ее с ленинским принципом пролетарского интернационализма, не совместимым с узким национализмом.

Пролетарский интернационализм компартий Латинской Америки проявляется также в укреплении континентальной солидарности, которую латиноамериканские коммунисты рассматривают как одну из форм антиимпериалистической борьбы⁵⁶. В целях укрепления этой солидарности они используют как внутренние возможности каждой партии, так и континентальные форумы и двусторонние встречи. Укреплению братской солидарности компартий Латинской Америки в немалой степени способствует практика проведения континентальных и региональных конференций, ставшая уже традицией. Выдающимся событием в жизни молодых коммунистических и рабочих партий Латинской Америки явилось проведение первой такой конференции в 1929 г., определившей их деятельность на многие десятилетия вперед. Эта конференция, как отмечал В. Кодовилья, «заложила основы, которые были развиты и обогащены в последующие годы: послужила базой идейной и организационной консолидации коммунистических партий Латинской Америки, разработки их программ»⁵⁷.

Эти традиции продолжила Конференция латиноамериканских компартий в Гаване в 1964 г., обсудившая изменения обстановки на континенте после победы кубинской революции и принявшая ряд важных решений о солидарности с революционной Кубой и совместной борьбе против агрессии со стороны империализма, об укреплении единства мирового коммунистического движения.

Ярким подтверждением крепнущего единства коммунистов явилось Совещание коммунистических и рабочих партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Гавана, 10—13 июня 1975 г.). В Декларации Совещания подчеркивалось: «Заявляя о своей тесной солидарности с общей борьбой против империализма, основанной на прочном фундаменте пролетарского интернационализма, коммунисты Латинской Америки подтверждают, что любая их партия вырабатывает свою собственную политику, исходя из принципов марксизма-ленинизма и с учетом конкретных национальных условий»⁵⁸.

Регулярно проводятся также региональные совещания коммунистических и рабочих партий стран Центральной Америки, Мексики, Панамы. VIII конференция этих партий, состоявшаяся в мае 1972 г., подчеркивала: «Долг наших партий в плане наших взаимоотношений между собой, как неотделимой части великой социальной силы, борющейся в нашу эпоху за социализм, заключается в изыскании самых эффективных форм для сохранения солидарности и во взаимной поддержке в нашей совместной борьбе»⁵⁹.

О необходимости солидарности в борьбе с общим врагом и координации действий говорилось и на региональной конференции коммунистических партий Аргентины, Бразилии, Боливии, Чили, Парагвая, Перу и Уругвая в сентябре 1971 г.

Часто проходят и двусторонние встречи латиноамериканских компартий, призванные служить делу укрепления континентального сотрудничества и единства мирового коммунистического движения. На состоявшейся в ноябре 1969 г. встрече компартий Колумбии и Бразилии была выражена решимость активно проводить в жизнь основные положения Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве 1969 г. Обе партии подчеркнули большое значение двусторонних встреч, способствующих «более глубокому ознакомлению с опытом работы и выработке согласованных действий в борьбе против общего врага латиноамериканских трудящихся — американского империализма и сплочению марксистско-ленинских партий континента»⁶⁰.

Все это является отражением объективного процесса роста и развития коммунистического движения на континенте. Объединенным усилиям буржуазных националистов, оппортунистов, адептов мелкобуржуазного революционаризма латиноамериканские коммунисты противопоставляют свою верность идеям марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, неустанную борьбу за их чистоту и проведение в массы трудящихся, от сознания, единения и организованности которых зависит будущее Латинской Америки.

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 27.
- ² Там же, с. 30.
- ³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 123.
- ⁴ См. там же, с. 236.
- ⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 358—359.
- ⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 275—276.
- ⁷ Там же, с. 275.
- ⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 132.
- ⁹ См.: Э. А. Баграмов. Национальный вопрос и буржуазная идеология. М., 1966; П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Нация — народ — человечество. М., 1967; Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969; XXIV съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории. М., 1971; Международное коммунистическое движение. Очерк стратегии и тактики. М., 1972; Современное революционное движение и национализм. М., 1973; Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. Издание второе. М., 1974; К. Н. Брутенц. Современные национально-освободительные революции. М., 1974, и др.
- ¹⁰ Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях, с. 64.
- ¹¹ Современное революционное движение и национализм, с. 82.

¹² Там же, с. 84.

¹³ Там же, с. 80.

Глава первая

- ¹ См.: К. Н. Брутенц. Современные национально-освободительные революции. М., 1974.
- ² Подробно об этом процессе см.: Нации Латинской Америки. М., 1964.
- ³ Там же, с. 8.
- ⁴ A. Bello. Prologo del doctor Gabriel Méndez Plancarte. México, 1973, p. 79.
- ⁵ Хосе Карлос Мариатеги. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, с. 58.
- ⁶ D. F. Sarmiento. Facundo. México, 1957, p. 31.
- ⁷ Vigencia del leninismo hoy y en la Argentina. Buenos Aires, 1970, p. 185.
- ⁸ Викторио Кодовилья. Избранные статьи и речи. М., 1970, с. 354.
- ⁹ См.: Nationalism in Latin America. N. Y., 1971, p. 53—57.
- ¹⁰ Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки. М., 1968, с. 79.
- ¹¹ Там же, с. 80.
- ¹² Хосе Марти. Избранное. М., 1956, с. 164.
- ¹³ Эмилио Роуз де Леуценринг. Хосе Марти — антиимпериалист. М., 1962, с. 88.
В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 116.
- ¹⁵ M. Ugarte. El porvenir de la América Española. Valencia, 1920, p. 136—138, 198.
- ¹⁶ Ibid., p. 117, 127.

- 17 *J. E. Rodo. Obras completas. Madrid, 1957, p. 225.*
- 18 См.: «*Amauta*» (Lima), 1928, N 17, p. 2.
- 19 «*El Machete*» (México), 14.I 1928.
- 20 «*El Trabajador Latinoamericano*» (Montevideo), 15.I 1929, p. 13.
- 21 *J. Vasconcelos. Prólogo y selección de Genaro Fernández, vol. II. México, 1942, p. 103.*
- 22 *Ibid.*, p. 94.
- 23 *A. L. Palacios. La Union Latinoamericana y el imperialismo yanqui. Buenos Aires, 1927, p. 12.*
- 24 «*El Libertador*» (México), 1925, N 1, p. 2.
- 25 «*Amauta*», 1927, N 7, p. 39.
- 26 *José Carlos Mariategui. Obras completas. Lima, 1972, vol. 11, p. 25.*
- 27 «*El Libertador*», 1925, N 4, p. 11.
- 28 *J. A. Mella. La lucha revolucionaria contra el imperialismo. La Habana, 1960, p. 28—29.*
- 29 *Элиас Лафетте. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии. М., 1961, с. 216—217.*
- 30 Подробнее о влиянии решений VII конгресса Коминтерна на борьбу прогрессивных сил Латинской Америки см.: За единство всех революционных и демократических сил. М., 1966.
- 31 Подробнее см.: *Marysa Navarro Gerassi. Los nacionalistas. Buenos Aires, 1969, p. 138—139.*
- 32 *J. E. Gaitan. Los mejores discursos de J. El. Gaitan, publ. por Jorge Villavoces. Caracas, 1968, p. 96.*
- 33 *Alberto Bremauntz. La educación socialista en México. México, 1943, p. 139.*
- 34 Подробнее об идеологии и политике мексиканской революционной демократии см.: *А. Ф. Шульговский. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967.*
- 35 Цит. по: *Marysa Navarro Gerassi. Los nacionalistas, p. 114.*
- 36 *Б. И. Коваль. История бразильского пролетариата. М., 1968, с. 225.*
- 37 *Synarchism the Hope of Mexico's Poor. México, 1943, p. 103.*
- 38 *Ю. М. Григорьян. Германский империализм в Латинской Америке. М., 1974, с. 104.*
- 39 *Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1939, с. 36.*
- 40 Подробнее см. *А. Ф. Шульговский. Армия и освободительное движение в Латинской Америке. М., 1972.*
- 41 *Г. И. Мирский. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970, с. 145.*
- 42 *Documents on American Foreign Relations, July 1944—June 1945, vol. VII. N. Y., 1947, p. 707—708.*
- 43 *Викторио Кодовилья. Указ. соч., с. 245—246.*
- 44 *Venezuela bajo el nuevo ideal nacional. Caracas, 1956.*
- 45 *Helio Jaguaribe. O nacionalismo na atualidade brasileira. Rio de Janeiro, 1958, p. 35.*
- 46 «*O Semanario*» (Rio de Janeiro), 24.V 1962.
- 47 О повороте перонизма влево см.: *Викторио Кодовилья. Указ. соч., с. 639—709.*
- 48 «*Estudios*» (Montevideo), Septiembre de 1962, p. 181.
- 49 *Hacia una dinámica del desarrollo latinoamericano.—«Comercio exterior» (México), 1963, N 4, Suplemento, p. 9.*
- 50 *Religion, Revolution and Reform. New Forces for Change in Latin America. N. Y., 1964, p. 173—174.* Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм. М., 1975, с. 381.
- 52 Подробнее о влиянии национализма на социалистические воззрения революционной демократии см.: *К. Н. Брутенц. Современные национально-освободительные революции, с. 394—400.*
- 53 См.: *Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 380.*
- 54 См.: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 213.*

Глава вторая

- 1 *V. R. Haya de la Torre. Política aprista. Lima, 1967, p. 77.*
- 2 *Ibid.*, p. 52.
- 3 *Ibid.*, p. 125.
- 4 Цит. по: *Р. Арисменди. Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964, с. 546.*
- 5 Там же, стр. 559—560.

- 6 *V. R. Haya de la Torre*. Construyendo el aprismo. Buenos Aires, 1933, p. 13.
- 7 *Ibid.*, p. 14.
- 8 *V. R. Haya de la Torre*. El antiimperialismo y el APRA. Santiago de Chile, 1936, p. 84
- 9 *V. R. Haya de la Torre*. Política aprista, p. 72.
- 10 *Ibid.*, p. 75.
- 11 *V. R. Haya de la Torre*. El antiimperialismo y el APRA, p. 159.
- 12 *Ibidem*.
- 13 «Combate» (San José), 1962, N 20, p. 55.
- 14 *V. R. Haya de la Torre*. Política aprista, p. 78.
- 15 Цит. по: *Р. Арисменди*. Проблемы латиноамериканской революции, с. 541.
- 16 Цит. по: Хосе Карлос Мариатеги — пламенный борец за торжество идей марксизма-ленинизма в Латинской Америке. М., 1966, с. 18.
- 17 *Х. К. Мариатеги*. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, с. 376.
- 18 *J. A. Mella*. La lucha revolucionaria contra el imperialismo. La Habana, 1960, p. 33—34.
- 19 *Х. К. Мариатеги*. Семь очерков истолкования перуанской действительности, с. 392—399.
- 20 *G. A. Guardia Mayorga*. Reconstituyendo el aprismo. Arequipa, 1945, p. 90—91.
- 21 *J. A. Mella*. La lucha revolucionaria contra el imperialismo, p. 24.
- 22 *V. R. Haya de la Torre*. Construyendo el aprismo, p. 44.
- 23 *J. A. Mella*. La lucha revolucionaria contra el imperialismo, p. 43—45.
- 24 *R. Zavaleta Mercado*. La revolución boliviana y la cuestión del poder. La Paz, 1964, p. 25—26.
- 25 *G. Bedregal*. La revolución boliviana, sus realidades y perspectivas dentro del ciclo de liberación de los pueblos latinoamericanos. La Paz, 1962, p. 65 (далее — *G. Bedregal*.— La revolución boliviana...).
- 26 Цит. по: Сельские трудящиеся Латинской Америки. М., 1972, с. 35.
- 27 *A. Canelos*. Mito y realidad de la reforma agraria. La Paz, 1966, p. 189—190.
- 28 *R. Betancourt*. Venezuela. Política y petróleo. México — Buenos Aires, tica y petróleo, p. 314.
- 29 *R. Betancourt*. Venezuela. Política y petróleo, p. 314.
- 30 *G. Bedregal*. La revolución boliviana..., p. 40, 65.
- 31 Partido Liberación Nacional. Carta fundamental, Primer congreso ideológico. San José, 1969, p. 15, 19.
- 32 Acción Democrática. Doctrina y programa. Caracas, 1962, p. 165.
- 33 Ratificación de principios teóricos y de orientación programática normativos de Acción Democrática (далее — Ratificación de principios teóricos...). Caracas, 1958, p. 21.
- 34 *R. Betancourt*. Trayectoria democrática de una revolución, t. 1. Caracas, 1948, p. 139, 158.
- 35 Tesis de Telamayo. Carta del sindicalismo revolucionario. La Paz, 1960, p. 6.
- 36 *R. Betancourt*. Trayectoria democrática de una revolución, t. 1, p. 139, 158.
- 37 *V. Paz Estenssoro*. La revolución seguira adelante. La Paz, 1960, p. 10, 11.
- 38 Acción Democrática. Doctrina y programa, p. 116.
- 39 *Ibid.*, p. 25.
- 40 *Ibid.*, p. 134.
- 41 «Política» (Caracas), 1964, N 32, p. 60.
- 42 Цит. по: *G. Lora*. Documentos políticos de Bolivia. La Paz, 1970, p. 168.
- 43 *Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шultzовский*. Революционные процессы в Латинской Америке. М., 1974, с. 77.
- 44 *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 15, с. 276—277.
- 45 *V. R. Haya de la Torre*. Treinta años de aprismo. México — Buenos Aires, 1956, p. 145—146, 151.
- 46 Цит. по: *Р. Арисменди*. Проблемы латиноамериканской революции, с. 571.
- 47 *J. González Navarro*. Democracia y sindicalismo. Caracas, 1964, p. 183.
- 48 Ratificación de principios teóricos..., p. 9.
- 49 *V. Paz Estenssoro*. La revolución seguira adelante, p. 26.
- 50 «Combate» (San José), 1962, N 21, p. 56.

- 51 *V. R. Haya de la Torre*. El antiimperialismo y el APRA, p. 128.
- 52 Ratificación de principios teóricos..., p. 11.
- 53 Acción Democrática. Doctrina y programa, p. 227.
- 54 *V Paz Estenssoro*. La revolución seguirá adelante, p. 27.
- 55 *Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шулговский*. Революционные процессы в Латинской Америке, с. 255.
- 56 Ratificación de principios teóricos..., p. 20.
- 57 *R. Betancourt*. Venezuela. Política y petróleo, p. 96.
- 58 Ratificación de principios teóricos..., p. 10.
- 59 «Documentos» (Caracas), 1961, N 5, p. 213—214.
- 60 Mensaje del presidente de la República Dr. Víctor Paz Estenssoro al H. Congreso Nacional. La Paz, 1962, p. 9.
- 61 «Socialist International Information» (London), 1963, vol. XIII, N 14, p. 212.
- 62 См.: *R. Alexander*. Prophets of the Revolution. Profiles of Latin American Leaders. N. Y., 1962, p. 300.
- 63 *Х. К. Маруагеу*. Семь очерков истолкования перуанской действительности, с. 397.
- 64 *L. A. Sánchez*. Haya de la Torre y el APRA. Santiago de Chile, 1955, p. 450.
- 65 *G. Bedregal*. La revolución boliviana..., p. 22, 66.
- 66 *Ibid.*, p. 24—25, 67, 115.
- 67 *Ibid.*, p. 24, 25.
- 68 «Política», 1966, N 45, p. 6.
- 69 «Documentos», 1962, N 11, p. 626—630.
- 70 *R. Alexander*. The Venezuelan Democratic Revolution. A Profile of the Regime of Romulo Betancourt. New Brunswick, 1964, p. 137.
- 71 *R. Betancourt*. Pensamiento y acción. México, 1951, p. 232—233.
- 72 *J. Figuérez*. La pobreza de las naciones. San José, 1973, p. 43—77.
- 73 La nacionalización petrolera, s. 1., s a., p. 7, 16—17.
- 74 *M. Moleiro*. El MIR de Venezuela. La Habana, 1967, p. 141; *M. Monteforte Toledo*. Partidos políticos de Iberoamérica. México, 1961, p. 80.
- 75 «Tribuna Popular» (Caracas), 18.XII 1969.
- 76 «Latin America» (London), 1972, vol. 6, N 34, p. 266, 268.
- 77 *U. Neira*. Le castrisme dans les Andes péruviennes. — «Partisans» (Paris), 1966, N 26-27, p. 80—82.
- 78 *V Paz Estenssoro*. La revolución seguirá adelante, p. 10.
- 79 *Ibid.*, p. 11.
- 80 Сельские трудящиеся Латинской Америки, с. 265, 266.
- 81 «Summa» (Caracas), 1970, N 19, p. 7—8.
- 82 «Tribuna Popular», 29.VII 1972.
- 83 «Коммунист», 1973, № 13, с. 104.
- 84 «Hemisférica» (N. Y.), 1970, vol. XIX, N 7, p. 4.
- 85 *Ibidem*.
- 86 *V. R. Haya de la Torre*. Política aprista, p. 85, 87.
- 87 «Hemisférica», 1971, vol. XX, N 2, p. 1.
- 88 См.: «Boletín de información» (Praga), 1972, N 8-9, p. 75.
- 89 *Ibidem*.
- 90 «Presencia» (La Paz), 5.IX 1971.
- 91 *Ibidem*.
- 92 См.: Битва за второе освобождение. Прага, 1971, с. 76.
- 93 «Presencia», 24.IX 1971.
- 94 «Hemisférica», 1972, vol. XXI, N 8, p. 3.
- 95 «Relazioni Internazionali» (Milano), 1972, N 49, p. 13.
- 96 «Hemisférica», 1972, vol. XXI, N 8, p. 3.
- 97 Partido Liberación Nacional. Carta fundamental. Primer congreso ideológico, p. 32.
- 98 *Ibidem*.
- 99 «Правда», 1974, 10 сентября.
- 100 «Granma» (La Habana), 31.XII 1975.
- 101 La nacionalización petrolera, p. 8, 28.
- 102 *G. Bedregal*. Bolivia: Imperialismo y revolución. Estructura y tipología de un país neocolonial. La Paz — Cochabamba, 1970, p. 41.
- 103 *Ibid.*, p. 35.
- 104 *Ibid.*, p. 20.
- 105 *Ibid.*, p. 35.
- 106 «Monthly review», March 1970, p. 40.

Глава третья

- ¹ *Б. И. Коваль, А. А. Караваяев*. Отношение коммунистов к массовым националистическим движениям (на примере Латинской Америки).—

- «Problemas коммунистического движения». Ежегодник. М., 1974, с. 259.
- 2 «Problemas коммунистического движения», 1974, с. 252.
  - 3 Doctrina peronista. Buenos Aires, 1949, p. 46.
  - 4 A. Belloni. Del anarquismo al peronismo. Buenos Aires, 1960, p. 63.
  - 5 J. Perón. Conduccion politica. Buenos Aires, 1952.
  - 6 J. Perón. El pueblo quiere saber de que se trata. Buenos Aires, 1944; Doctrina peronista. El Manual del peronista. Buenos Aires, 1948.
  - 7 Doctrina peronista, p. 370.
  - 8 J. D. Perón. La fuerza es el derecho de las bestias. Santiago de Chile, 1956, p. 24.
  - 9 Doctrina peronista, p. 278.
  - 10 J. D. Peron. La ruerza es el derecho de las bestias, p. 23.
  - 11 «Nueva Era» (Buenos Aires), 1964, N 2, p. 21.
  - 12 J. Fuchs. Argentina: su desarrollo capitalista. Buenos Aires, 1965, p. 405.
  - 13 «Cuadernos de la Cultura» (Buenos Aires), mayo-junio de 1962, p. 23.
  - 14 J. Perón. La hora de los pueblos. Madrid, 1968, p. 34; J. Perón. Latinoamerica: ahora o nunca. Montevideo, 1967, p. 115.
  - 15 J. Perón. La hora de los pueblos, p. 3.
  - 16 J. D. Perón. Latinoamérica: ahora o nunca, p. 30.
  - 17 «Primera Plana» (Buenos Aires), 22.VIII 1972.
  - 18 J. Perón. La hora de los pueblos, p. 108.
  - 19 «La Política Internacional» (Buenos Aires), 1972, N 146, p. 1.
  - 20 «Panorama» (Buenos Aires), 28.IX 1971.
  - 21 «Primera Plana», Buenos Aires, 23.XI 1971.
  - 22 «Política Internacional», 1970, N 128, p. 47.
  - 23 «Política Internacional», 1970, N 126, p. 2.
  - 24 Rolando Concati. Sacerdotes para el Tercer Mondo. Opción por el peronismo. Mendoza, 1972, p. 166—167.
  - 25 Ibid., p. 115.
  - 26 Tendencia Nacional Popular Peronista. T.N.P.P. ante la hora actual. Buenos Aires, 1972, p. 14.
  - 27 Ibid., p. 15.
  - 28 Géronimo Arnedo Alvarez. Informe al 14 Congreso del Partido Comunista de la Argentina. Buenos Aires, Agosto 1973, p. 15.
  - 29 «Problemas de мира и социализма», 1975, № 4, с. 47.
  - 30 O. Janni. O colapso do populismo no Brasil. Rio de Janeiro, 1967, p. 57.
  - 31 G. Vargas. Brasil en armas. Buenos Aires, 1944, p. 100.
  - 32 Б. И. Коваль. История бразильского пролетариата. М., 1968, с. 372.
  - 33 O. Duarte Pereira. Estudos Naciona-listas, vol. I. São Paulo, 1960, p. 5.
  - 34 «Revista Latinoamericana de sociologia» (Rio de Janeiro), 1963, N 6, p. 3.
  - 35 C. Furtado. A hegemonia dos Estados Unidos e o subdesenvolvimento da America Latina. Rio de Janeiro, 1973, p. 86.
  - 36 Ibid., p. 86—87.
  - 37 A. Graza. Política e economia brasileira. São Paulo, 1962, p. 24.
  - 38 A. Vieira Pinto. Consciência e realidade nacional, vol. I. Rio de Janeiro, 1960, p. 34.
  - 39 Ibid., p. 35.
  - 40 Ibid., p. 36.
  - 41 Цит. по: O. Janni. O colapso do populismo no Brasil, p. 71.
  - 42 Ibid., p. 102.
  - 43 Ibidem.
  - 44 Ibidem.
  - 45 Б. И. Коваль. История бразильского пролетариата, с. 410.
  - 46 Sergio Magalhaes. Prática do emancipação nacional. Rio de Janeiro, 1964, p. 40.
  - 47 Ibid., p. 41.
  - 48 Ibidem.
  - 49 Miguel Arraes. Le Brasil. Paris, 1968, p. 117.
  - 50 Franklin de Oliveira. Revolución y contrarrevolucion en el Brasil. Buenos Aires, 1965, p. 151.
  - 51 Ibid., p. 48.
  - 52 Franklin de Oliveira. Que e a revolução Brasileira? Rio de Janeiro, 1963, p. 94.
  - 53 Р. Фако. Бразилия XX века. М., 1962, с. 70.
  - 54 «Claridad» (Bogota), 1928, N 24, p. 51.
  - 55 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 272.
  - 56 J. E. Gaitan. Los mejores discursos de J. E. Gaitan, publ. por Jorge

- Villaveces. Caracas, 1968, p. 96 (далее — *J. E. Gaitan*. Los mejores discursos...).
- 57 *J. E. Gaitan*. Antología de su pensamiento social y económico. Bogotá, 1968, p. 246 (далее — *J. E. Gaitan*. Antología...).
- 58 *J. E. Gaitan*. Las ideas socialistas en Colombia. Bogotá, 1963, p. 6.
- 59 *J. E. Gaitan*. Antología..., p. 332.
- 60 *J. E. Gaitan*. Los mejores discursos..., p. 97.
- 61 *Ibid.*, p. 97.
- 62 *Н. Г Ильина*. Политическая борьба в Колумбии (1946—1957). М., 1968, с. 46.
- 63 *J. E. Gaitan*. Antología... p. 340.
- 64 *Ibid.*, p. 340.
- 65 *Н. Г Ильина*. Указ. соч., с. 51.
- 66 *Anteo Quimbaya*. Los tres partidos políticos de Colombia. Bogotá, 1959, p. 13.
- 67 «Revista Latinoamericana de Sociología» (Buenos Aires), 1970, N 1, p. 39.
- 68 *John D. Martz*. Un estudio de política contemporánea. Bogotá, 1969, p. 267.
- 69 *Н. Г Ильина*. Указ. соч., с. 144.
- 70 Там же, с. 144.
- 71 Там же.
- 72 *DANE*. Boletín mensual de estadística. Bogotá, 1970, N 229.
- 73 *Ibidem*.
- 74 *Ibidem*.
- 75 *Anita Weiss*. Tendencias de la participación política electoral en Colombia. Bogotá, 1968, p. 72.
- 76 *A. Galeano*. El proceso político colombiano. Democracia Populismo. Bogotá, 1971, p. 105.
- 77 Analisis del Programa Anapista. Discurso pronunciado por el honorable senador G. H. Rodriguez en representación de ANAPO ante el Senado de la Republica en el mes agosto 1971, en el debate político. Bogotá, 1971, p. 102 (далее — Analisis del Programa Anapista).
- 78 Alianza Nacional Popular. Decalogo o Programa del Ingeniero civil Gén. Gustavo Rojas Pinilla para el periodo constitucional 1970—1974. Santa Marta, 1969 (далее — Decalogo o Programa).
- 79 Plataforma ideológica y politica de Alianza Nacional Popular — Partido del Pueblo. Villa del Leyva, 1971 (далее — Plataforma ideológica y política).
- 80 *Ibid.*, p. 3.
- 81 *J. P. Martinez, Maria I. Izquierdo*. ANAPO: Oposicion o Revolucion. Bogotá, 1972, p. 50.
- 82 Analisis del Programa Anapista, p. 104.
- 83 *Ibidem*.
- 84 Decalogo o Programa, p. 2.
- 85 Plataforma ideológica y politica, p. 1—2.
- 86 Analisis del Programa Anapista, p. 47.
- 87 *Ibidem*.
- 88 Decalogo o Programa, p. 12.
- 89 *Ibid.*, p. 13.
- 90 Analisis del Programa Anapista, p. 40.
- 91 *Ibid.*, p. 52.
- 92 *Ibid.*, p. 53.
- 93 Plataforma ideológica y politica, p. 10; Analisis del Programa Anapista, p. 67.
- 94 Analisis del Programa Anapista, p. 70.
- 95 Plataforma ideológica y politica, p. 9—10; Analisis del Programa Anapista, p. 53.
- 96 Analisis del Programa Anapista, p. 60.
- 97 Plataforma ideológica y politica, p. 11.
- 98 *Ibid.*, p. 14—15.
- 99 Analisis del Programa Anapista, p. 80—81.
- 100 *Ibid.*, p. 84.
- 101 *Ibid.*, p. 78.
- 102 *Ibid.*, p. 84, 78.
- 103 *Ibid.*, p. 20.
- 104 *Ibid.*, p. 17.
- 105 *Ibidem*.
- 106 *Ibid.*, p. 18.
- 107 *Ibid.*, p. 99.
- 108 «Mayorías» (Bogota), 1.XII 1974; 13.XI 1975.
- 109 Analisis del Programa Anapista, p. 36.
- 110 «Mayorías», 13.VI 1975.
- 111 *Ibidem*.
- 112 «Mayorías», 3.VI 1975.
- 113 Analisis del Programa Anapista, p. 99.
- 114 *Ibid.*, p. 19.
- 115 «Mayorías», 1.XII 1974.
- 116 «Documentos políticos» (Bogota), 1973, N 107, p. 94.
- 117 Analisis del Programa Anapista, p. 102.

- 118 «Documentos políticos», 1970, N 87, p. 13.
 119 Ibid., p. 14.
 120 Por la unidad obrera y popular hacia el socialismo. XI Congreso de P.C.C. Praga, 1972, p. 78—79.
 121 Ibid., p. 81.
 122 «Documentos Políticos», 1974, N 107, p. 85—91.
 123 «Cuadernos Políticos» (Bogotá), 1975, N 8, p. 18.
 124 Ibid., p. 21.
 125 «Voz Proletaria», 22.IV 1976.

Глава четвертая

- 1 *Cesar A. Iglesias*. Bases para una nueva política independiente. San Juan, 1960, p. 6.
 2 *Ramón Medina Ramírez*. Patriotas ilustres puertorriqueños. San Juan, 1962.
 3 *B. Pagan*. Historia de los partidos políticos puertorriqueños 1898—1956. San Juan, 1959, vol. 1, p. 30.
 4 Ibid., p. 12.
 5 Цит. по: *Ada Suarez Diaz*. El doctor Ramon Emeterio Betances. Rio Piedras, 1970, p. 30.
 6 Цит. по: *Ramón Medina Ramírez*. Op. cit., p. 68.
 7 Ibid., p. 120.
 8 Ibid., p. 128.
 9 Цит. по: *J. A. Corretjer*. Albizu Campos. Montevideo, 1970, p. 19.
 10 Ibid., p. 27.
 11 «El Mundo» (San Juan), 16.XI 1933.
 12 «El Mundo», 7.II 1946.
 13 «El Imparcial» (San Juan), 14.IX 1959.
 14 Ibidem.
 15 Presente y futuro de Puerto Rico. Rio Piedras, 1969, p. 38 (далее — Presente...).
 16 *L. G. Reynolds, P. Gregory*. Wages, Productivity and Industrialization in Puerto Rico. Hamervood, 1965, p. 9—10.
 17 Presente..., p. 38.
 18 Ibid., p. 70.
 19 Declaración General. Partido Socialista Puertorriqueño. Rio Piedras, 1972.
 20 *A. Césaire*. Cahier d'un retour au pays natal. Paris, 1956.
 21 *L. S. Senghor*. Liberté. I. Négritude et humanisme. Paris, 1964, p. 9.
 22 *J.-P. Sartre*. Orphée noir.— Dans: *L. S. Senghor*. Anthologie de la nouvelle poésie nègre et malgache de langue française. Paris, 1948, p. XLI.
 23 *F. Fanon*. Les damnés de la terre. Paris, 1961, p. 159.
 24 Цит. по: *H. Bangou*. La Guadeloupe de 1939 à nos jours (ou la nécessaire décolonisation). Paris, 1970, p. 231.
 25 *F. Fanon*. Peau noire, masques blancs. Paris, 1952, p. 187—188.
 26 *F. Fanon*. Les damnés de la terre. Paris, 1961, p. 62.
 27 «Casa de las Americas» (La Habana), marzo-abril 1969, N 53, p. 20.
 28 Цит. по: *L. Lagneau*. Aimé Césaire. Choix de textes. Paris, 1962, p. 17.
 29 *F. Fanon*. Peau noire, masques blancs.
 30 Ibidem.
 31 «Aportes», julio de 1968, p. 19.
 32 *H. Bangou*. Op. cit., p. 226.
 33 *Jacques Roumain*. Oeuvres choisies. Moscou, 1964, p. 151.
 34 Ibidem.
 35 *A. Césaire*. Cahier d'un retour au pays natal, p. 87.
 36 Ibid., p. 49.
 37 *L. Lagneau*. Les écrivains noirs de langue française: naissance d'une littérature. Bruxelles, 1963, p. 152.
 38 *A. Césaire*. Op. cit., p. 72—73.
 39 *H. Bangou*. Op. cit., p. 239.
 40 «Presence africaine». Paris, 1959, N 24-25, p. 41, 44.
 41 «Action» (Fort-de-France), 1963, N 2, p. 41.
 42 Литература народов Африки, сб. II. М., 1966, с. 119.
 43 Там же.
 44 Цит. по: *C. Browder*. André Breton. Arbitrer of Surrealism. Genève, 1967, p. 50—51.
 45 *F. Fanon*. Peau noire, masques blancs, p. 135.
 46 *A. Césaire*. Op. cit., p. 40.
 47 *J.-P. Sartre*. Orphée noir. Dans: *L. Senghor*. Anthologie de la nouvelle poésie nègre..., p. XXXIV.
 48 *H. Bangou*. Op. cit., p. 302.
 49 Цит. по: Les Antilles décolonisées. Paris, 1956, p. 12.
 50 Ibid., p. 14.
 51 *F. Fanon*. Les damnés de la terre, p. 104.

- 52 *F. Fanon*. Peau noire, masques blancs, p. 24.
- 53 «Justice» (Fort-de-France), 7.VIII 1969, N 32, p. 2.
- 54 «Action» (Fort-de-France), 1963, N 2, p. 50.
- 55 *Ibid.*, p. 43.
- 56 *Ibidem*.
- 57 *H. Winston*. Strategy for a Black Agenda. N. Y., 1973, p. 18—19.
- 58 Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки. М., 1967, с. 278.
- 59 *L. Denis* et *Dr. F. Duvalier*. Le problème des classes à travers l'histoire d'Haiti. Port-au-Prince, 1958, p. 89.
- 60 «Démocratie nouvelle» (Paris), 1965, N 4, p. 44.
Цит. по: *D. Guérin*. Les Antilles décolonisées, p. 116.
- 62 «Casa de las Américas» (La Habana), 1971, N 67, p. 124.
- 63 Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки, с. 279.
- 64 *H. Bangou*. *Op. cit.*, p. 242.
- 65 Quarterly Economic Review. The West Indies, Bahamas, Bermuda, Belize, Guyana. Annual Supplement, 1973. London, 1973, p. 35.
- 66 *G. R. Coulthard*. Raza y color en la literatura antillana. Sevilla, 1958, p. 154.
- 67 The Democratic Revolution in the West Indies. Studies in Nationalism, Leadership and Belief in the Progress. Cambridge, 1967, p. 67.
- 68 *E. Williams*. History of the People of Trinidad and Tobago. N. Y., 1962, p. 220.
- 69 *I. Oxaal*. Black Intellectuals Come to the Power. The Rise of Creole Nationalism in Trinidad and Tobago. Cambridge, 1968, p. 52.
- 70 *G. R. Coulthard*. *Op. cit.*, p. 34.
- 71 *У. З. Фостер*. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 588.
- 72 *Marcus Garvey*. Philosophy and Opinions. Vol. 1. N. Y., 1926, p. 77.
- 73 Цит. по: *G. R. Coulthard*. *Op. cit.*, p. 160.
- 74 *Morley Ayearst*. The British West Indies. The Search for Self-Government. London, 1960, p. 39.
- 75 *K. Ramchand*. The West Indian Novel and its Background. London, 1970, p. 133.
- 76 The United States and Caribbean. N. Y., 1971, p. 7.
- 77 *Wendell Bell* and *Ivar Oxaal*. Decisions of Nationhood: Political and Social Development in the British Caribbean. Colorado, 1964, p. 36.
- 78 *L. A. Despres*. Cultural Pluralism and Nationalist Politics in British Guiana. Chicago, 1967, p. 186.
- 79 *Ibid.*, p. 210.
- 80 *H. Mitchell*. Contemporary Politics and Economics in the Caribbean. Athens (Ohio), 1968, p. 348—349.
- 81 «Mirror», 6.V 1973.
- 82 The United States and Caribbean, p. 32.
- 83 *I. Oxaal*. *Op. cit.*, p. 99.
- 84 *G. Coulthard*. *Op. cit.*, p. 84.
- 85 *E. Brathwaite*. The arrivants. London, 1973.
- 86 The United States and Caribbean, p. 154.
- 87 *Ibidem*.
- 88 «Mirror», 14.IX 1969.
- 89 «Thunder», 1971, vol. 3, N 3, p. 10—11.
- 90 *Ibid.*, p. 13.
- 91 «Mirror», 10.V 1970.

Глава пятая

Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм. М., 1975, с. 45.

- 2 «El Catolicismo» (Bogotá), 15.IX 1968.
- 3 «Criterio» (Buenos Aires), 1968, N 1558, p. 759.
- 4 *Ibid.*, p. 759, 760, 773.
- 5 *Ibid.*, p. 770.
- 6 «Criterio», 1968, N 1558, p. 764.
- 7 *Ibid.*, p. 765.
- 8 *Ibid.*, p. 762.
- 9 *Ibid.*, p. 759.
- 10 *Ibid.*, p. 759—760.
- 11 См.: *Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шульговский*. Революционные процессы в Латинской Америке. М., 1974, с. 311—312.
- 12 Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм, с. 45.
- 13 Подробнее см.: *И. Р. Григулевич*. «Мятежная» церковь в Латинской Америке. М., 1972, с. 260—266.

- ¹⁴ См.: Le iglesia latinoamericana y el socialismo. Documentos de la jerarquía y de grupos eclesiales. Naverlee, 1973, p. 51—52, 141 (далее — La iglesia latinoamericana...).
- ¹⁵ E. López Oliva. El camilismo en la América Latina. La Habana, 1970, p. 69.
- ¹⁶ Alain Cheerbrant. La iglesia rebelde de América Latina. México, 1970, p. 119.
- ¹⁷ Цит. по: E. López Oliva. Op. cit., p. 31.
- ¹⁸ «Punto final» (Santiago de Chile), 25.II 1969.
- ¹⁹ «LADOC», october 1972, doc. N 8^a.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Alain Cheerbrant. Op. cit., p. 125.
- ²² E. López Oliva. Op. cit., p. 68.
- ²³ См.: В. П. Андропова. Колумбия: церковь и общество. М., 1970, с. 135.
- ²⁴ «Voz Proletaria», 9.IX 1965.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ «LADOC», october 1972, doc. N 8^a.
- ²⁷ «Excelsior», 26.II 1971.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ См.: Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шульговский. Указ. соч., с. 312—313.
- ³⁰ «Mensaje» (Santiago de Chile), 1972, N 209, p. 355.
- ³¹ Ibid., p. 358.
- ³² «Paz e Terra» (Rio de Janeiro), 1968, N 7, p. 327. По другим источникам число протестантов достигает 14 млн. (см.: И. Р. Григулевич. Указ. соч., с. 268).
- ³³ «La Nación» (Santiago), 15.X 1972.
- ³⁴ «Paz e Terra», 1967, N 4, p. 107, 118.
- ³⁵ Ibid., 1966, N 1, p. 206.
- ³⁶ «Paz e Terra», 1967, N 3, p. 181.
- ³⁷ América hoy. Acción de Dios y responsabilidad del hombre. Montevideo, 1966, p. 32.
- ³⁸ América hoy, p. 32—33.
- ³⁹ Ibid., p. 102.
- ⁴⁰ Ibid., p. 34.
- ⁴¹ Ibid., p. 35.
- ⁴² См.: Cristianismo y sociedad. Montevideo, 1970, N 24-25, p. 6—9.
- ⁴³ La iglesia latinoamericana..., p. 75—76.
- ⁴⁴ Ibid., p. 91.
- ⁴⁵ Ibid., p. 92.
- ⁴⁶ Ibid., p. 88.
- ¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, с. 154.
- ² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 113.
- ³ Цит. по: Marusa Navarro Gerassi. Los nacionalistas. Buenos Aires, 1968, p. 41—42.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ Ibid., p. 168.
- ⁶ Цит. по: José Pineiro. Algunas consideraciones sobre el plan de reestructuración del ejército. Buenos Aires, 1961, p. 12.
- ⁷ Gral Osiris G. Villegas. Guerra revolucionaria comunista. Buenos Aires, 1963, p. 41, 123, 168—176.
- ⁸ Rogelio Garcia Lupo. Mercenarios y monopolios en la Argentina. De Onganía a Lanusse, 1966—1973. Buenos Aires, 1973, p. 9.
- ⁹ Ibid., p. 16.
- ¹⁰ «Problemas de Economía», 1971, N 24, p. 7.
- ¹¹ Fayt. El político armado. Buenos Aires, 1971, p. 78—79.
- ¹² Hacia el XIV congreso del Partido Comunista. Buenos Aires, 1972, p. 16.
- ¹³ «Nueva Era», 1974, N 2, p. 119.
- ¹⁴ «Nação Armada», 1968, N 2, p. 54.
- ¹⁵ Mario Henrique Simonsen. Brasil 2001. Rio de Janeiro, 1969, p. 253.
- ¹⁶ «Segurança e Desenvolvimento», 1970, N 141, p. 73.
- ¹⁷ «Nação Armada», 1970, N 2, p. 54.
- ¹⁸ Gral Golbery. Geopolítica do Brasil. Rio de Janeiro, 1967, p. 226—227.
- ¹⁹ Ibid., p. 248—249.
- ²⁰ Ibid., p. 171—173, 214—215.
- ²¹ Ibid., p. 98.
- ²² Ibid., p. 99.
- ²³ A revolução de 31 de março. 2 aniversário. Colaboração do ejército. Rio de Janeiro, 1966, p. 107.
- ²⁴ Ibid., p. 191—192.
- ²⁵ Octavio Janni. Estado e planiamento económico no Brasil (1930—1970). Rio de Janeiro, 1971, p. 291, 295.
- ²⁶ El modelo brasileño. Buenos Aires, 1972, p. 26.
- ²⁷ См.: «Ultima Hora» (Santiago de Chile), 18.I 1971.
- ²⁸ См.: El modelo brasileño, p. 25.
- ²⁹ «Estrategia», 1973, N 24, p. 43.
- ³⁰ Ibid., p. 44—47.

- 31 Unidad de las fuerzas populares contra la agresión imperialista. Informe-balance del Comité Central presentado al congreso por el C. Jorge Kolle. «Unidad», La Paz, 1971, N 406, Suplemento, p. 6.
- 32 «Ercilla», 23—24.V 1973, p. 55.
- 33 «Presencia» (La Paz), 6.VIII 1971.
- 34 *Marcelo Quiroga Santa Cruz*. El saqueo de Bolivia. Buenos Aires, 1973, p. 130.
- 35 «Проблемы мира и социализма», 1973, № 7, с. 57.
- 36 El pensamiento del presidente Hugo Banzer Suárez. La Paz, 1971, p. 27.
- 37 *Ibid.*, p. 39.
- 38 Цит. по: «Проблемы мира и социализма», 1973, № 7, с. 57.
- 39 *Marcelo Quiroga Santa Cruz*. El saqueo de Bolivia, p. 142.
- 40 «Проблемы мира и социализма», 1976, № 3, с. 60.
- 41 *F. A. Encina*. Portales. Introducción a la época de Diego Portales (1830—1848), t. II. Santiago de Chile, 1934, p. 193, 198 etc.
- 42 *Alberto Polloni R.* Las fuerzas armadas de Chile en la vida nacional. Santiago de Chile, 1972, p. 47.
- 43 «Проблемы мира и социализма», 1973, № 7, с. 62.
- 44 См.: *Alberto Polloni R.* Las fuerzas armadas de Chile en la vida nacional, p. 47—48.
- 45 *Ibid.*, p. 47.
- 46 El tancazo. Documentos especiales de ese 29 de junio. Santiago de Chile, 1973, p. 14.
- 47 «El Mercurio» (Santiago de Chile), 9.III 1976.
- 48 «Que pasa», Santiago de Chile, 28.X 1973, p. 1.
- 49 A los integrantes de las Fuerzas Armadas y Carabineros. — Desde Chile hablan los comunistas. Ediciones Colo-Colo, s. 1., s. a., p. 129.
- 50 *В. Кодовилья*. Избранные статьи и речи. М., 1970, с. 972.
- 51 «Estrategia», 1970, N 7, p. 9.
- 52 «Estrategia», 1973, N 21, p. 137.
- 53 *Ibidem.*
- 54 «Estrategia», 1969, N 4, p. 135.
- 55 «Estrategia», 1969, N 7, 1, p. 15.
- 56 «Estrategia», 1969, N 2, p. 8.
- 57 *Ibidem.*
- 58 *Ibidem.*
- 59 «Estrategia», 1972, N 17, p. 18.
- 60 «Estrategia», 1973, N 23, p. 11—12.
- 61 «Nueva Era», 1970, N 7, p. 386.
- 62 *Rodolfo Guioldi, Mauricio Lebedinsky* etc. El modelo brasileño. Buenos Aires, 1972, p. 94.
- 63 *Ibidem.*
- 64 *Ibidem.*
- 65 *Ibidem.*
- 66 «Nueva Era», 1973, N 9, p. 312.
- 67 *Ibidem.*
- 68 *Ibidem.*
- 69 Antología política boliviana. La Paz, 1970, p. 595.
- 70 *Ibid.*, p. 598.
- 71 *Ibid.*, p. 601.
- 72 El pensamiento político boliviano después de la nacionalización del petróleo. Cochabamba, 1970, p. 205.
- 73 «Documentos políticos» (Caracas), 1970, N 22, p. 62.
- 74 *Ibid.*, p. 63.
- 75 *Ibidem.*
- 76 El pensamiento político boliviano después de la nacionalización del petróleo, p. 205.
- 77 Estrategia socio-económico de desarrollo nacional 1971—1991. La Paz, 1970, p. 90.
- 78 *Gral Juan José Torres G.* Presidente del Gobierno Revolucionario. La Paz, 1970, p. 53.
- 79 *Gral Juan José Torres Gonzalez.* Presidente del Gobierno Revolucionario. Sólo la unión de los sectores progresistas consolidará el frente anti-imperialista. La Paz, 1971, p. 9.
- 80 *Gral Juan José Torres.* Bolivia. Dinámica nacional y liberación. Buenos Aires, 1973, p. 37—39.
- 81 Подробнее о сущности этих форм панамского национализма см.: *Panamá, 1903—1970.* Santiago de Chile, 1970, p. 116—118.
- 82 Comunicado de la reunión ampliada del Buro Político del Partido del Pueblo. Panamá, 1971; «Trabajo», 1971, N 131, p. 14.
- 83 *Gral Omar Torrijos.* La batalla de Panamá. Buenos Aires, 1973, p. 102.
- 84 *Ibid.*, p. 104.
- 85 «Unidad» (Lima), 31.I 1974.
- 86 Todo por la patria. Panamá, 1975, p. 13.
- 87 Pleno del Comité Central. Partido del Pueblo de Panamá, julio 1973. Panamá, 1973, p. 34—35, 39—41.
- 88 *Ibid.*, p. 28.
- 89 *Gral Omar Torrijos.* Op. cit., p. 20.
- 90 *Ibid.*, p. 122.

- ⁹¹ Ibid., p. 89.
- ⁹² Sexto congreso del Partido Comunista Peruano. — «Documentos», s. a., N 2, p. 19.
- ⁹³ Подробнее об эволюции вооруженных сил в сторону антиимпериализма, социального реформаторства см.: *Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шильговский*. Революционные процессы в Латинской Америке. М., 1974.
- ⁹⁴ «La Prensa» (Lima), 29.VII 1974.
- ⁹⁵ «Oiga» (Lima), 12.III 1971, p. 12.
- ⁹⁶ *José Graham Hurtado*. El hombre: eje del sistema social de la revolución peruana. Lima, 1971, p. 9.
- ⁹⁷ *Velasco*. La voz de la revolución, vol. II. Lima, 1972, p. 36.
- ⁹⁸ Leonidas Rodriguez u los trabajadores. SINAMOS, Sindicalismo. Lima, 1972, p. 8.
- ⁹⁹ Inter-American Development Bank Proceedings. Twelfth meeting of the Board. Lima, 1971, p. 21.
- ¹⁰⁰ «La Prensa», 29.VII 1974.
- ¹⁰¹ «El Peruano» (Lima), 26.II 1975.
- ¹⁰² «La Prensa», 31.VIII, 4.X 1975.
- ¹⁰³ Sexto congreso del Partido Comunista Peruano. — «Documentos», s. a., N 2, p. 21—22.
- ¹⁰⁴ *Velasco*. La voz de la revolución, vol. II, p. 110.
- ¹⁰⁵ «ONI. Oficina nacional de información», 1973, N 2, p. 4.
- ¹⁰⁶ «La Prensa», 4.X, 10.X, 10.XII 1975.
- ¹¹ Там же, с. 21; *Sherley Brice Heath*. La Política de lenguaje en México. México, 1972, p. 137—138.
- ¹² *J. W. Wilkie, E. Monzon de Wilkie*. México visto en el siglo XX. México, 1969, p. 169.
- ¹³ Ibid., p. 133.
- ¹⁴ Ibid., p. 182.
- ¹⁵ *X. K. Мариатеги*. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, с. 78.
- ¹⁶ Там же, с. 79.
- ¹⁷ *P. Арисменди*. Философия марксизма и г-н Аяа де ла Торре.— Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964.
- ¹⁸ *X. K. Мариатеги*. Семь очерков истолкования перуанской действительности, с. 258.
- ¹⁹ Там же, с. 247.
- ²⁰ *L. E. Valcarcel*. Tempestad en los Andes. Lima, 1927, p. 135.
- ²¹ Цит. по: Народы против расизма. М., 1970, с. 131.
- ²² *X. K. Мариатеги*. Семь очерков истолкования перуанской действительности, с. 80.
- ²³ *Б. С. Ерасов*. Концепции «культурной самобытности» в странах «третьего мира». — «Вопросы философии», 1971, № 11.
- ²⁴ *L. E. Valcarcel*. Tempestad en los Andes, p. 37, 38—41, 45.
- ²⁵ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, с. 21.
- ²⁶ *Б. С. Ерасов*. Концепции «культурной самобытности» в странах «третьего мира». — «Вопросы философии», 1971, № 11, с. 41.
- ²⁷ *M. Anaya de Urquidí*. Indeanismo. Buenos Aires, 1947.
- ²⁸ *L. E. Valcarcel*. Ruta cultural del Perú. Lima, 1964, p. 113—114.
- ²⁹ Ibid., p. 68.
- ³⁰ «Cuadernos americanos» (México), 1967, N 6, p. 62.
- ³¹ *J. M. Arguedas*. Todas las sangres. Lima, 1964.
- ³² *L. E. Valcarcel*. Ruta cultural del Perú, p. 113.
- ³³ *X. K. Мариатеги*. Семь очерков истолкования перуанской действительности, с. 353, 362.
- ³⁴ «Partisans», 1966, N 26-27, p. 80; «Guatemala adentro», 1970, N 2-3, Suplemento XII, p. 7.
- ³⁵ Народы против расизма, с. 137—138.
- ³⁶ «Partisans», 1966, N 26-27, p. 81.

Глава седьмая

- ¹ *Н. И. Конрад*. Запад и Восток. М., 1972, с. 464—465.
- ² Там же, с. 466; Race and Class in Latin America. N. Y., 1970, p. 75, 95.
- ³ Нации Латинской Америки. М., 1964, с. 8.
- ⁴ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 24, с. 132.
- ⁵ *A. Céspedes*. El dictador suicida. Santiago de Chile, 1956, p. 41.
- ⁶ Ibid., p. 54.
- ⁷ *G. Francovich*. Pensamiento boliviano en el siglo XX. Buenos Aires, 1956, p. 68.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ *В. Н. Кутейщикова*. Роман Латинской Америки в XX веке. М., 1964, с. 17.
- ¹⁰ *В. Н. Кутейщикова*. Мексиканский роман. М., 1971, с. 10.

- 37 *H. Bejar.* Apuntes sobre una experiencia guerrillera. La Habana, 1969, p. 144.
- 38 *Ibid.*, p. 78, 137.
- 39 VIII съезд Коммунистической партии Эквадора. М., 1970, с. 23—25.
- 40 «Проблемы мира и социализма», 1970, № 10, с. 23.
- 41 Нации Латинской Америки, с. 337.
- 42 *F. Reinaga.* Manifiesto. PIB. La Paz, 1970, p. 7.
- 43 *Ibid.*, p. 107—108.
- 44 *F. Reinaga.* La revolución india. La Paz, 1969, p. 187.
- 45 *Ibid.*, p. 138—139.
- 46 *Ibid.*, p. 135—136.
- 47 *Б. С. Ерасов.* Концепции «культурной самобытности» в странах «третьего мира». — «Вопросы философии», 1971, № 11, с. 48—49.
- 48 *F. Reinaga.* La revolución india, p. 82.
- 49 *Ibid.*, p. 94—96.
- 50 *Ibid.*, p. 16, 446.
- 51 *F. Reinaga.* Manifiesto. PIB, p. 15, 65.
- 52 *F. Reinaga.* La revolución india, p. 119.
- 53 *Ibid.*, p. 77—78, 82.
- 54 *Б. С. Ерасов.* Утопии и мистификации «африканского» социализма. — «Вопросы философии», 1972, № 1, с. 82—83.
- 55 *F. Reinaga.* La revolución india, p. 39, 117, 122.
- 56 *Ibid.*, p. 125.
- 57 *F. Reinaga.* Manifiesto. PIB, p. 8.
- 58 *F. Reinaga.* La revolución india, p. 122.
- 59 *F. Reinaga.* Manifiesto. PIB, p. 87—100.
- 60 *Ibid.*, p. 92.
- 61 *Н. И. Конрад.* Запад и Восток, с. 30.
- 62 *A. Lipschutz.* Perfil de Indoamérica de nuestro tiempo. Santiago de Chile, 1968, p. 40.
- 63 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 128.
- 64 *Х. К. Мариатеги.* Семь очерков истолкования перуанской действительности, с. 239.
Цит. по: Перу, 150 лет независимости. М., 1972, с. 131.
- 65 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 149.
- 66 *Г. Мюрдаль.* Современные проблемы «третьего мира». М., 1972, с. 132, 144.
- 67 *Б. С. Ерасов.* Утопии и мистификации «африканского» социализма. — «Вопросы философии», 1972, № 1.
- 68 *Francisco García Calderón.* En torno al Perú y América. Lima, 1954, p. 177.
- 69 *Ibid.*, p. 175.
- 70 *Ibid.*, p. 173.
- 71 *Ibid.*, p. 176.
- 72 *Ibid.*, p. 173.
- 73 *A. Siegfried.* Le développement économique de l'Amérique Latine. Paris, 1947, p. 7.
- 74 *Ibid.*, p. 28—29.
- 75 *J. C. Mariátegui.* El problema de la tierra y otros ensayos. La Habana, 1960, p. 23.
- 76 *Ibid.*, p. 24.
- 77 «Documentation française». Notes et études documentaires (Paris), 1964, N 3084, p. 3.
- 78 *R. J. Owens.* Peru. N. Y., 1964, p. 181—182.
- 79 Цит. по: *А. Шульговский.* Латинская Америка в современном мире. — «Международная жизнь», 1966, № 9, с. 91.
- 80 *R. J. Owens.* Op. cit., p. 182.
- 81 L'année politique, économique, sociale et diplomatique en France. Paris, 1965, p. 197.
- 82 *Gilles Gozard.* Demain l'Amérique Latine. Paris, 1964, p. 243.
- 83 «Documentation française», 1964, N 3083, p. 3.
- 84 *Gilles Gozard.* Op. cit., p. 247.
- 85 *Francisco García Calderón.* Op. cit., p. 175.
- 86 «Documentation française», 1964, N 3084, p. 5.
- 87 *Ibid.*, p. 6.
- 88 *Gilles Gozard.* Op. cit., p. 247.
- 89 «Le Monde», 14.VIII 1963, p. 2.
- 90 «Tribune des nations» (Paris), 18.IX 1964.
- 91 «Tribune des nations», 20.III 1964.
- 92 «Jeune Afrique», 1964, N 200, p. 19.
- 93 Цит. по: «Tribune des nations», 20.III 1964.
- 94 *Ibidem.*
- 95 «Siempre» (México), 1964, N 561, p. 13.
- 96 «Comercio Exterior» (México), 1964, N 3, p. 142.
- 97 «Política» (México), 1964, N 108, p. 35.
- 98 «France nouvelle», 1964, N 993 p. 23.
- 99 «Política», 1964, N 108, p. 36.

- ¹⁰¹ А. Шульговский. Указ. ст.—«Международная жизнь», 1966, № 9, с. 92.
- ¹⁰² Jacques Lambert. L'Amérique Latine. Structures sociales et institutions politiques. Paris, 1963, p. 260.
- ¹⁰³ Цит. по: А. Шульговский. Указ. ст.—«Международная жизнь», 1966, с. 93.
- ¹⁰⁴ «Le Monde», 4.11 1970, p. 2.
- ¹⁰⁵ «Relazioni internazionali» (Milano), 1965, N 37, p. 851.
- ¹⁰⁶ «Mundo nuevo» (Paris), 1971, N 55, p. 13.
- ¹⁰⁷ «Relazioni internazionali», 1965, N 28, p. 659.
- ¹⁰⁸ «Spettatore internazionale» (Roma), 1969, N 6, p. 758.
- ¹⁰⁹ «Mundo nuevo» (Paris), 1971, N 55, p. 14.
- ¹¹⁰ «Relazioni internazionali», 1965, N 22, p. 538.
- ¹¹¹ «Relazioni internazionali», 1966, N 24, p. 626.
- ¹¹² «Relazioni internazionali», 1971, N 18, p. 440.
- ¹¹³ «Relazioni internazionali», 1965, N 22, p. 519.
- ¹¹⁴ «Revue de défense nationale», 1964, mai, p. 886.
- ¹¹⁵ Цит. по: Э. Шейнин. Французские монополии в Латинской Америке.—«Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 7, с. 100.
- ¹¹⁶ В. К. Пискорский. История Испании и Португалии. СПб., 1909, с. IV.
- ¹¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, с. 188.
- ¹¹⁸ Х. Маринельо. Хосе Марти — испаноамериканский писатель. М., 1964, с. 303.
- ¹¹⁹ J. C. Mariátegui. Obras completas, v. 12. Lima, 1960, p. 17—19.
- ¹²⁰ Ibid., p. 20.
- ¹²¹ Ibid., p. 25.
- ¹²² Ibid., p. 27.
- ¹²³ Ibid., p. 28.
- ¹²⁴ Ibid., p. 29.
- ¹²⁵ М. Briceño-Iragorry. Tradición, nacionalidad y americanidad. Santiago de Chile, 1955, p. 44.
- ¹²⁶ Ibid., p. 50.
- ¹²⁷ Ibid., p. 58.
- ¹²⁸ J. C. Mariátegui. Obras completas, v. 12, p. 30.
- ¹²⁹ В. В. Столбов. Мигель да Унамуну (Заметки о жизни и творчестве).— В кн.: М. де Унамуну. Назидательные новеллы. М., 1962, с. X.
- ¹³⁰ Д. Д. Прыгов. Тревожное партнерство. М., 1972, с. 9.
- ¹³¹ Там же, с. 122.
- ¹³² Там же, с. 33—34.
- ¹³³ См.: О. В. Журавлев. Концепция «культурного синтеза» в системе идей Х. Ортеги-и-Гассет. В кн.: Проблемы борьбы против буржуазной идеологии. Вып. 2. Л., изд-во ЛГУ, 1973, с. 76.
- ¹³⁴ М. В. Антясов. Современный пан-американизм. М., 1960.
- ¹³⁵ Там же, с. 230—231.
- ¹³⁶ M. J. Van Aken. Pan-Hispanism. Its Origin and Development to 1866. University of California. Publications in History, v. 63. Berkeley, 1959, p. 118.
- ¹³⁷ Ibid., p. 117.
- ¹³⁸ V. G. Quesada. Historia diplomática latinoamericana, t. I. Buenos Aires, 1918, p. 8, 79, 81.
- ¹³⁹ R. M. de Labra. Aspecto internacional de la cuestión de Cuba. Madrid, 1900, p. 271.
- ¹⁴⁰ G. Toro. Notas sobre arbitraje internacional en las repúblicas latinoamericanas. Santiago de Chile, 1898, p. 54.
- ¹⁴¹ A. Jutglar. Ideologías y clases en la España contemporánea, t. II. Madrid, 1969, p. 177.
- ¹⁴² «Вопросы истории», 1954, № 11, с. 106—107.
- ¹⁴³ G. Routier. Le Congrès Hispano — Americain de Madrid. Paris, 1901, p. 21, 27.
- ¹⁴⁴ F. Pi y Margall. Las luchas de nuestros días. Madrid, 1906, p. 204.
- ¹⁴⁵ E. Aragonés. Los temas fundamentales de Hispanoamérica. Madrid, 1927, p. 24.
- ¹⁴⁶ Ibid., p. 30.
- ¹⁴⁷ Ibid., p. 44.
- ¹⁴⁸ M. García Morente. Idea de la hispanidad. Madrid, 1961.
- ¹⁴⁹ Ibid., p. 46.
- ¹⁵⁰ Ibid., p. 229.
- ¹⁵¹ R. de Maeztu. El nuevo tradicionalismo y la revolución social. Obras, t. XXI. Madrid, 1959, p. 16.
- ¹⁵² R. de Maeztu. Frente a la República. Obras, t. XXI, p. 84.
- ¹⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, с. 717.
- ¹⁵⁴ R. de Maeztu. Norteamérica desde dentro. Obras, t. XVI. Madrid, 1967, p. 186.

- 155 *R. de Maeztu*. El nuevo tradicionalismo y la revolución social. Obras, t. XXI, p. 99.
- 156 *R. de Maeztu*. Norteamérica desde dentro. Obras, t. XVI, p. 225.
- 157 *Ibid.*, p. 228, 229.
- 158 *B. Piñar López*. Filipinas, país hispánico. Madrid, 1957, p. 16—17.
- 159 *Д. Д. Прыгов*. Тревожное партнерство, с. 34.
- 160 «Mundo Hispánico» (Madrid), 1973, N 301, p. 73.
- Ibidem*.
- B. Piñar López*. Filipinas, país hispánico, p. 19.
- 163 Подробнее см.: *С. П. Пожарская*. Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971, с. 27.
- 164 Там же, с. 54.
- 165 *Д. Пряхин*. Внешняя политика Испании. М., 1968, с. 26.
- 166 *J. García Fernández*. La emigración exterior de España. Barcelona. 1965, p. 88.
- 167 *Ibid.*, p. 117—118.
- 168 «Mundo Hispánico», 1973, N 300, p. 77.
- 169 «Mundo Hispánico», 1972, N 296, p. 54.
- 170 *Д. Пряхин*. Внешняя политика Испании, с. 156.
- «Mundo Hispánico», 1973, N 308, p. 9.
- 172 Instituto «Balmes». Revista internacional de sociología (Madrid), 1971, N 116, p. 122—123.
- 173 «El Nacional» (Caracas), 25.V 1973.
- 174 «Mundo Hispánico», 1973, N 301, p. 71.
- 175 *Ibid.*, p. 75.
- 176 «L'Unita», 20.X 1960.
- 177 «Проблемы мира и социализма», 1961, № 4, с. 95.
- 178 *J. C. Mariátegui*. Obras completas, v. 4. Lima, 1959, p. 164.
- 179 Цит. по: *J. Rosales*. Los cristianos, los marxistas y la revolución. Buenos Aires, 1970, p. 55.
- 180 *Ibid.*, p. 281.
- 181 *Ibid.*, p. 282.
- 182 *M. Navarro Gerrasí*. Las nacionalistas. Buenos Aires, 1968, p. 26.
- 183 *Ibid.*, p. 21.
- 184 *I. Hernández Arregui*. La formación de la conciencia nacional. Buenos Aires, 1970, p. 165.
- 185 *Р. Гиольди*. Статьи и речи. М., 1974, с. 594—595.
- 186 *E. Gandia*. Bases de la argentinidad. Buenos Aires, 1964, p. 162.
- 187 *J. Hernández Arregui*. La formación de la conciencia nacional, p. 298—299.
- 188 El llamado socialismo nacional ¿es socialismo? Buenos Aires, 1974, p. 60.
- 189 El llamado socialismo nacional... p. 60.
- 190 Цит. по: *M. Navarro Gerrasí*. Las nacionalistas, p. 192.
- 191 «El Tiempo» (México), 1.VII 1970.
- 192 *M. Navarro Gerrasí*. Las nacionalistas, p. 224.
- 193 «Revista Latinoamericana de Sociología» (Buenos Aires), 1968, N 3, p. 486.
- Diccionario político abreviado. Buenos Aires, 1970, p. 61.
- 195 *J. Rosales*. Los cristianos..., p. 344.
- 196 «Aportes» (Paris), 1972, N 25, p. 61.
- 197 «Revista Latinoamericana de Sociología», 1969, N 3, p. 502.
- 198 «La Nación», 30.X 1966.
- 199 Diccionario político abreviado, p. 39.
- 200 *J. Rosales*. Los cristianos..., p. 326.
- 201 *Ibid.*, p. 327.
- 202 *Ibid.*, p. 328.
- 203 *Ibid.*, p. 326.
- 204 *Mata J.* O Brasil no Terceiro Mundo. Rio de Janeiro, 1968, p. 240.
- 205 Brasileiros contra o Brasil. Antologia nacionalista. São Paulo, 1958, p. 3.
- 206 *E. Bradford Burns*. Nationalism in Brazil. N. Y., 1968, p. 3.
- 207 *B. L. Sobrinho*. Desde quando somos nacionalistas? Rio de Janeiro, 1963, p. 19.
- 208 *Hermes Lima*. Variações críticas sobre o Nacionalismo.— «Revista Brasiliense», 1958, N 18, p. 8.
- 209 Современное революционное движение и национализм. М., 1973, с. 56.
- 210 Там же, с. 55.
- 211 *M. Penna*. Política externa. Segurança e desenvolvimento. Rio de Janeiro, 1967, p. 154.
- 212 *Ibid.*, p. 113.
- 213 *Ibid.*, p. 164.
- 214 *Maia J.* Op. cit., p. 245.
- 215 *M. Penna*. Op. cit., p. 45.
- 216 *Maia J.* Op. cit., p. 242.
- 217 *Ibid.*, p. 36.

- 218 *Б. И. Коваль*. История бразильского пролетариата. М., 1968, с. 223—224.
- 219 Там же, с. 226.
- 220 *H. Kohn*. The Idea of Nationalism. N. Y., 1961, p. 289.
- 221 *M. Penna*. Op. cit., p. 89.
- 222 L'expansionisme brésilien (Colloque européen sur le Brésil). Paris, 1974.
- 223 *M. Penna*. Op. cit., p. 16.
- 224 Información sobre la situación en Brasil (La fracción comunista de la delegación brasileña al Congreso Mundial de la Paz). M., 1973.
- 225 L'expansionisme brésilien (Colloque européen sur le Brésil).
- 226 *M. Penna*. Op. cit., p. 145—147.
- 227 *Ibid.*, p. 149.
- 228 *R. Campos*. Função da Empresa Privada, p. 29.
- 229 Información sobre la situación en Brasil, p. 2.
- 230 «Le miracle» économique et la situation réelle de travailleurs et du peuple brésilien (Colloque européen sur le Brésil). Paris, 1974.
- 231 *M. Penna*. Op. cit., p. 114.
- ные процессы в Латинской Америке. М., 1974, с. 300.
- 15 *Felipe Herrera*. Nacionalismo latinoamericano. Santiago de Chile, 1967, p. 24, 142.
- 16 *Ibid.*, p. 20, 21.
- 17 *Ibid.*, p. 22, 23, 24.
- 18 *Felipe Herrera*. Siete años de labor. Washington, 1967, p. 42.
- 19 *Felipe Herrera*. Nacionalismo latinoamericano, p. 41—42; Siete años de labor, p. 42.
- 20 *Felipe Herrera*. Siete años de labor, p. 42.
- 21 *Felipe Herrera*. Nacionalismo latinoamericano, p. 42.
- 22 *Ibid.*, p. 142.
- 23 *Ibid.*, p. 148.
- 24 «Латинская Америка», 1969, № 1, с. 226—230.
- 25 Там же, с. 224.
- 26 «Латинская Америка», 1973, № 6, с. 69.
- 27 См.: «Латинская Америка», 1976, № 2, с. 71—83.
- 28 «Латинская Америка», 1969, № 1, с. 225.
- 29 Современное революционное движение и национализм. М., 1973, с. 247.
- 30 *Ottocar Rosarios*. América Latina: veinte repúblicas, una nación. Buenos Aires, 1966, p. 142.
- 31 *Ibid.*, p. 176, 179.
- 32 *Ibid.*, p. 254—262.
- 33 *R. Caldera*. Selección de conceptos. Caracas, 1971, p. 207.
- 34 *E. Frei*. América Latina tiene un destino. Santiago de Chile, 1967, p. 76, 82.
- 35 *R. Caldera*. El bloque latinoamericano. Mérida, 1966, p. 35.
- 36 *E. Frei*. América Latina tiene un destino, p. 80; *R. Caldera*. Selección de conceptos, p. 211.
- 37 *С. И. Семенов*. Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке. М., 1972, с. 82.
- 38 *E. Frei*. América Latina tiene un destino, p. 57.
- 39 *Ibid.*, p. 79.
- 40 *Ibid.*, p. 65.
- 41 *Ibid.*, p. 57.
- 42 *С. И. Семенов*. Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке, с. 83.
- 43 *E. Frei*. América Latina tiene un destino, p. 70—71.
- 44 *Ibid.*, p. 70.

Глава восьмая

- 1 Перу: 150 лет независимости. М., 1971, с. 132—133.
- 2 См.: *V. R. Haya de la Torre*. Política aprista. Lima, 1967, p. 47, 48.
- 3 *Ibid.*, p. 126.
- 4 *Ibid.*, p. 126, 127.
- 5 Цит. по: *Alberto Baeza Florez*. Haya de la Torre y la revolución constructiva de las Américas. Buenos Aires, 1962, p. 42.
- 6 *José Vasconcelos*. La raza cósmica. Misión de la raza iberoamericana. Madrid, 1967, p. 60, 61, 62.
- 7 *Antenor Orrego*. Pueblo-continente. Buenos Aires, 1957, p. 52—55.
- 8 *Ibid.*, p. 74, 75.
- 9 *Ibid.*, p. 100.
- 10 *V. R. Haya de la Torre*. La defensa continental. Buenos Aires, 1946, p. 31, 96.
- 11 *Ibid.*, p. 30.
- 12 *Ibid.*, p. 67.
- 13 *L. A. Sánchez*. Haya de la Torre y el APRA. Santiago de Chile, 1955, p. 472.
- 14 *Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шultzовский*. Революцион-

- 45 «Política y espíritu» (Santiago de Chile), 1967, N 304, p. 95.
- 46 «Política y espíritu», 1967, N 303, p. 129.
- 47 *Ibid.*, p. 140.
- 48 См.: Latin American Radicalism. London, 1969, p. 464—468.
- 49 «Política y espíritu», 1965, N 288, p. 20.
- 50 *Gabriel Valdés S.* Conciencia latinoamericana y realidad nacional. Santiago de Chile, 1970, p. 9. «Международная жизнь», 1966, № 9, с. 89.
- 52 «Política y espíritu», 1965, N 288, p. 24.
- 53 *R. Caldera.* La solidaridad pluralista. Caracas, 1973, p. 196.
- 54 *R. Caldera.* El bloque latinoamericano, p. 128.
- 55 *R. Caldera.* La solidaridad pluralista, p. 122—123.
- 56 *Ibid.*, p. 121—123.
- 57 *Ibid.*, p. 179.
- 58 *Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шульговский.* Революционные процессы в Латинской Америке, с. 281.
- 59 «Estudios» (Buenos Aires), 1964, N 553, 217.
- 60 *Ibid.*, p. 215, 216, 217.
- 61 «CLAT» (Caracas), 1972, N 42, p. 8—10.
- 62 См.: «CLAT», 1972, N 40, p. 6.
- 63 См.: «CLAT», 1973, N 48, p. 6.
- 64 «CLAT», 1973, N 49, p. 12.
- 65 *Ibidem.*
- 66 *J. Silva Solar, J. Chonchol.* Desarrollo de la nueva sociedad en América Latina. Santiago de Chile, 1969, p. 76.
- 67 *Ibid.*, p. 85.
- 68 *Ibid.*, p. 88, 89.
- 69 *Ibid.*, p. 89.
- 70 *Ibid.*, p. 89—90.
- 71 См.: *J. J. Hernández Arregui.* Nacionalismo y liberación. Buenos Aires, 1969, p. 91—92.
- 72 *J. J. Hernández Arregui.* ¿Que es el ser nacional? Buenos Aires, 1963, p. 236.
- 73 *Ibid.*, p. 239.
- 74 *Ibid.*, p. 242.
- 75 *J. J. Hernández Arregui.* Nacionalismo y liberación, p. 251.
- 76 «Латинская Америка», 1972, № 6, с. 20.
- 77 Там же. См. также: *Родольфо Гильоли.* Избранные статьи и речи. М., 1974, с. 574.
- 78 «Латинская Америка», 1972, № 6, с. 21.
- 79 *J. J. Hernández Arregui.* ¿Que es el ser nacional? p. 239.
- 80 «Латинская Америка», 1972, № 6, с. 21.
- 81 *Fernando Nadra.* Socialismo nacional. Buenos Aires, 1973, p. 95.
- 82 Foro político. Los caminos de la revolución. Cochabamba, 1970, p. 17, 34.
- 83 *J. Abelardo Ramos.* Historia de la nación latinoamericana. T. II. La Patria dividida. Buenos Aires, 1973, p. 183—184.
- 84 Foro político. Los caminos de la revolución, p. 46—47.
- 85 *J. Abelardo Ramos.* Historia de la nación latinoamericana. T. II. La Patria dividida, p. 225—229.
- 86 *Ibid.*, p. 281.
- 87 *Ibid.*, p. 229.
- 88 *Ibid.*, p. 281.
- 89 *Ibid.*, p. 310—311.
- 90 *Ibid.*, p. 229.
- 91 *Ibid.*, p. 310, 313.
- 92 «Venezuela en armas», 1967, N 3, p. 56.
- 93 *Ibid.*, p. 6.
- 94 *Ibid.*, p. 11.
- 95 «Venezuela en armas», 1967, d. ciembre, p. 11.
- 96 *Ibid.*, p. 8.
- 97 *J. Abelardo Ramos.* Historia de la nación latinoamericana. T. II. La Patria dividida, p. 302.
- 98 *Ibidem.*

Глава девятая

- 1 Цит. по: *R. Tibol.* Julio Antonio Mella en «El Machete». México, 1968, p. 117.
- 2 Современное революционное движение и национализм. М., 1973, с. 261.
- 3 *H. Bangau.* Le Guadeloupe de 1939 á nos jours ou la nécessaire décolonisation. Paris, 1970, p. 331.
- 4 *H. Agosti.* Imagen de Latinoamérica. — «Documentos Políticos» (Bogotá), 1963, N 31, p. 80—82.
- 5 «Nueva Era» (Buenos Aires), 1969, N 3, p. 233.
- 6 *Э. Родригес.* К вопросу о едином идеологическом фронте коммунистов мира.— «Проблемы мира и социализма», 1976, № 2, с. 32.

- ⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3. М., 1972, с. 215.
- ⁸ «Cuadernos de Cultura» (Buenos Aires), 1973, N 37, p. 27—28.
- ⁹ «Проблемы мира и социализма», 1976, № 2, с. 31—32.
- ¹⁰ F. Nadra. Peron hoy y ayer, 1943—1971. Buenos Aires, 1971, p. 21.
- ¹¹ Цит. по: «Проблемы мира и социализма», 1968, № 7, с. 92.
- ¹² «Voz Proletaria» (Bogotá), 12.VII 1973, Suplemento; 13.VII 1973; 18.X 1973.
- ¹³ Vigencia del Leninismo hoy y en la Argentina. Buenos Aires, 1970, p. 14.
- ¹⁴ Documentos del IX Congreso del Partido Comunista del Ecuador. Guayaquil, 1973, p. 98.
- ¹⁵ Подробнее см.: P. Арисменди. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1973, с. 267.
- ¹⁶ Por la unidad obrera y popular hacia el socialismo. Praga, 1972, p. 140.
- ¹⁷ «Cuba Socialista» (La Habana), 1961, N 1, p. 3.
- ¹⁸ P. Арисменди. Ленин, революция и Латинская Америка, с. 530.
- ¹⁹ Hacia el XIV Congreso del Partido Comunista. Buenos Aires, 1972, p. 5—6.
- ²⁰ Partido Comunista de Chile. Intervenciones y resoluciones del XIV Congreso. Santiago, 1970, p. 108.
- ²¹ См.: G. Arnedo Álvarez. Unidos por una nueva Argentina liberada. Buenos Aires, 1973, p. 35.
- ²² «Проблемы мира и социализма», 1976, № 5, с. 16.
- ²³ «Коммунист», 1975, № 10, с. 99.
- ²⁴ «Проблемы мира и социализма», 1975, № 6, с. 25.
- ²⁵ G. Arnedo Álvarez. La actualidad nacional y las tareas del Partido en la preparación del XIV Congreso. Buenos Aires, 1973, p. 22.
- ²⁶ «Nueva Era», 1965, N 4, p. 22.
- ²⁷ «Коммунист», 1972, № 5, с. 75.
- ²⁸ «Voz Proletaria», 11.XII 1975, Suplemento.
- ²⁹ «Estudios Marxistas» (Cali), 1970, N 3, p. 69.
- ³⁰ «Documentos Políticos», 1971, N 95, p. 10.
- ³¹ «Nueva Era», 1973, N 8, p. 239.
- ³² «Cuadernos de Cultura», 1973, N 37, p. 26.
- ³³ «Nueva Era», 1965, N 4, p. 57.
- ³⁴ «Проблемы мира и социализма», 1965, № 6, с. 84; 1973, № 2, с. 93; «Nueva Era», 1970, N 1, p. 82.
- ³⁵ «Voz Proletaria», 18.I 1972.
- ³⁶ «Коммунист», 1975, № 10, с. 94.
- ³⁷ G. Arnedo Álvarez. Afianzar la unidad de los fuerzas democráticas para superar la grave emergencia y avansar hacia la patria liberada. Buenos Aires, 1975, p. 11.
- ³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 59.
- ³⁹ «Nueva Era», 1965, N 4, p. 50—51.
- ⁴⁰ «Action» (Fort-de-France), 1968, N 16, p. 63.
- ⁴¹ «Nueva Era», 1969, N 3, p. 233.
- ⁴² «Nueva Era», 1965, N 4, p. 55.
- ⁴³ «Voz Proletaria», 8.IV 1965.
- ⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 59.
- ⁴⁵ Там же, с. 167.
- ⁴⁶ Подробнее см.: F. Nadra. Socialismo nacional. Buenos Aires, 1973, p. 151.
- ⁴⁷ «Проблемы мира и социализма», 1968, № 9, с. 15.
- ⁴⁸ G. Arnedo Álvarez. Por una nueva Argentina liberada. Buenos Aires, 1974, p. 18.
- ⁴⁹ «Granma», 28.VII 1973.
- ⁵⁰ Programa del Partido Vanguardia Popular.— «Libertad», (San José), 22.V 1971.
- ⁵¹ «Documentos Políticos», 1970, N 88, p. 2.
- ⁵² «Правда», 1976, 1 марта.
- ⁵³ 50 Aniversario de la fundación de la URSS. San José, 1972, p. 1.
- ⁵⁴ Por la unidad obrera y popular hacia el socialismo, p. 19.
- ⁵⁵ «Estudios» (Rio de Janeiro), 1971, N 3, p. 10.
- ⁵⁶ Об этом см.: L. Corvalan. El poder popular única alternativa patriótica y revolucionaria. Santiago, 1969, p. 15.
- ⁵⁷ V. Codovilla. Trabajos escogidos, t. 1. Buenos Aires, 1965, p. 48.
- ⁵⁸ Латинская Америка в борьбе против империализма за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм. М., 1975, с. 55.
- ⁵⁹ «Libertad» (San José), 10.VI 1972.
- ⁶⁰ «Правда», 1969, 6 февраля.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава первая	
ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ НАЦИОНАЛИЗМА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ	12
Глава вторая	
НАЦИОНАЛ-РЕФОРМИСТСКИЕ ПАРТИИ И ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА	43
1. Апризм: истоки и корни национализма	44
2. Теория «латиноамериканской» революции	49
3. «Конструктивный антиимпериализм» — синтез националистической идеологии	55
4. Кризис надклассовой националистической идеологии.	63
Глава третья	
МАССОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛИСТИ- ЧЕСКОГО ТИПА	73
1. Перонизм и идеология национализма	74
2. Массовое националистическое движение в Бразилии	85
3. Идеология и политика национального народного альянса в Колумбии (АНАПО)	97
Глава четвертая	
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ НА АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ	114
1. Национализм и освободительное движение в Пуэрто-Рико	114
2. Национализм и особенности проявления идеологии негритюда на фран- цузских Антилах и Гаити	128
3. Националистические течения в англоязычных странах бассейна Ка- рибского моря	144
Глава пятая	
ЦЕРКОВЬ И НАЦИОНАЛИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ	156
1. Буржуазно-реформистский вариант националистической тенденции в католицизме	157
2. Левонационалистические радикальные течения в католицизме	162
3. Националистические тенденции в латиноамериканском протестантизме	170

Глава шестая

НАЦИОНАЛИЗМ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ	180
1. Правонационалистические течения в вооруженных силах	181
2. Левонационалистические, революционно-демократические течения в вооруженных силах	201

Глава седьмая

ТИПОЛОГИЯ И МОДЕЛИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАНАХ	221
1. Индеанизм	221
2. Латинизм	244
3. Паниспанизм	260
4. Архентинидад	280
5. Бразилианидад	289

Глава восьмая

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ	303
1. Буржуазно-реформистский вариант концепции континентального национализма	307
2. Левонационалистическая и ультралеваая интерпретация концепции континентального национализма	318

Глава девятая

БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗМА, ЗА ЕДИНСТВО ВСЕХ ПРОГРЕССИВНЫХ И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ СИЛ	328
ПРИМЕЧАНИЯ	350

Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения

Утверждено к печати Институтом Латинской Америки АН СССР

Редактор *Ю. П. Гавриков*. Редактор издательства *Н. Г. Прудкова*. Художественный редактор *А. Н. Жданов*. Технические редакторы *Ф. М. Хенох, Ю. В. Рылина*.
Корректоры *Л. С. Агапова, Е. Н. Белоусова*

Сдано в набор 14/VII 1976 г. Подписано к печати 5/X 1976 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 23. Уч.-изд. л. 25,3. Тираж 3550. Т-15596.
Тип. зак. 1443. Цена 1 р. 85 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.